

A woman's eye with blue irises is looking through the blade of a dagger. The dagger has a dark hilt and two curved side blades. The background is a textured, aged parchment-like surface with decorative floral patterns in red and green.

КРИСТИНА КАШОР

ОДАРЁННАЯ

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ
«NEW YORK TIMES»

Annotation

Даже в мире, где люди, наделенные необычайными и, как правило, опасными способностями, не редкость, Катсу боятся и избегают. В восемь лет она совершила свое первое убийство, и с тех пор никто не мог одолеть ее в схватке: Катса стала непобедимым воином... и палачом, безвольным орудием в руках своего дяди, короля Ранды. Она жаждет освободиться от Дара, который, кажется, приносит ей и окружающим лишь боль, искупить причиненные страдания и объединяется с юным принцем из Лионида, чтобы раскрыть заговор и вырвать родные земли из рук короля-злодея. Ей еще предстоит выяснить, какую тайну скрывает ее собрат по оружию и сколько зла может совершить жестокий человек, наделенный властью над людским разумом.

- [Кристина Кашор](#)
 -
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Часть вторая](#)
 -

- [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Часть третья](#)
 -
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Глава тридцать седьмая](#)
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 - [Глава тридцать девятая](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
-

Кристина Кашор

Одарённая

Kristin Cashore
GRACELING

Copyright © 2008 by Kristin Cashore
All rights reserved

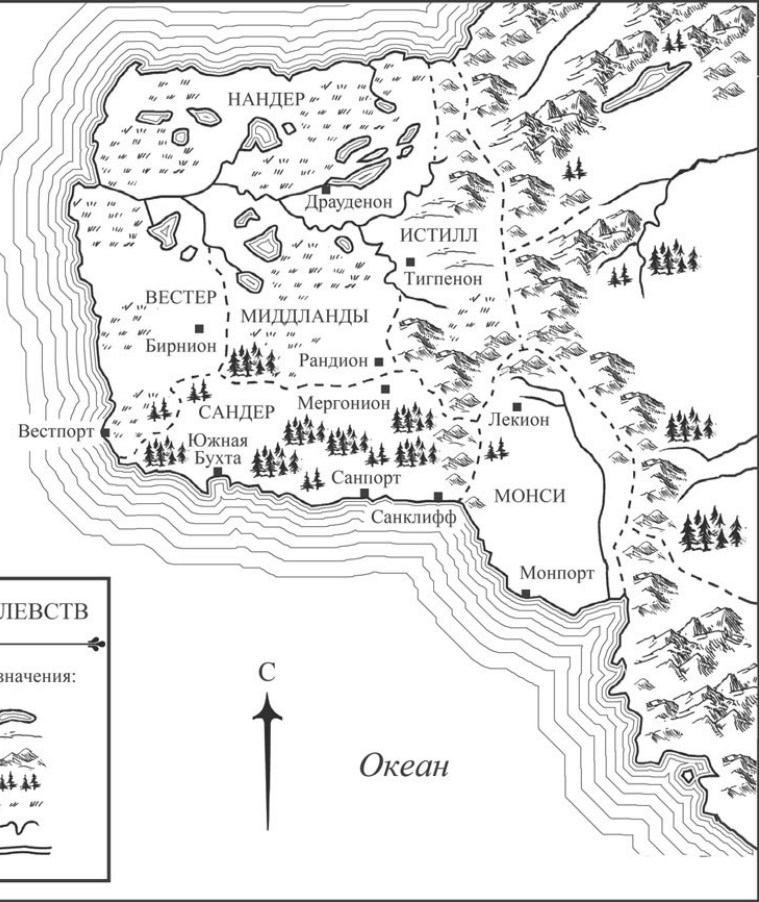
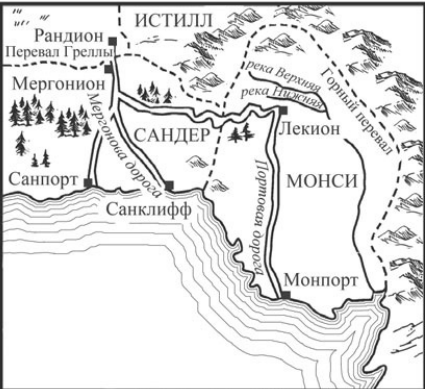
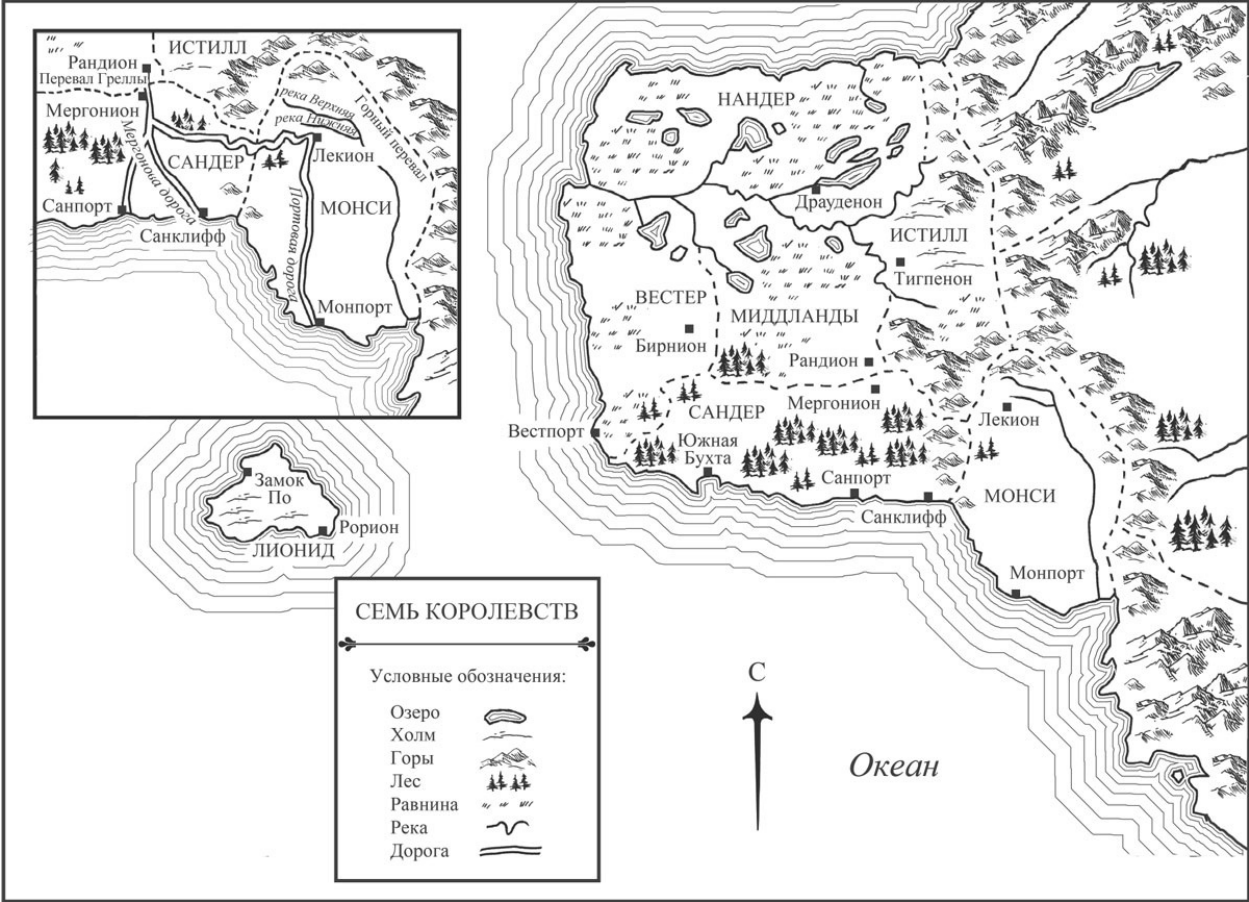
© Перевод. ООО «Издательство АСТ», 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Моей маме, Недде Превитере Кашор, наделенной
Даром готовить котлеты, и моему папе, Дж. Майклу
Кашору, который обладает невероятной способностью
терять (и находить) свои очки*

Часть первая
Леди-палач

Глава первая

В подземельях царила крошечная тьма, но план, который Катса хранила в своей памяти, оказался точен, как и все карты Олла. Катса шла, держась рукой за холодную каменную стену, считая двери и галереи, сворачивая, когда нужно, и наконец остановилась перед дверным проемом, за которым должна была находиться лестница, ведущая вниз. Она присела и, пошарив руками перед собой, нащупала каменную ступень, влажную и скользкую от мха, за ней еще одну. Значит, это и есть та лестница, о которой говорил Олл. Оставалось лишь надеяться, что когда Олл с Гиддоном пойдут здесь с факелами вслед за ней, то увидят скользкий мох и осторожно спустятся, а не скатятся вниз по ступеням, стуча головой о камни так, что мертвые в могилах проснутся.

Катса прокралась по лестнице вниз. Один поворот налево и два направо. Вступив в коридор, где тьму рассекало мерцающее оранжевое пламя факела на стене, она услышала голоса. Напротив факела начинался еще один коридор, и там, как сказал Олл, от двух до десяти стражей охраняли темницу в дальнем конце галереи.

Эти охранники и были целью Катсы. Ее послали сюда прежде всего из-за них.

Катса неслышно кралась навстречу свету и раскатам хохота. Она могла бы остановиться и прислушаться, чтобы понять, со сколькими противниками ей предстоит столкнуться, но на это не было времени. Низко опустив капюшон, она выскочила из-за угла.

Катса чуть не споткнулась о первые четыре жертвы, которые сидели на полу друг напротив друга, прислонившись к стене и вытянув ноги. Воздух был пропитан запахом спиртного, – видно, принесли с собой что-нибудь, чтобы скоротать часы дозора. Ударами по вискам и горлу Катса заставила четверых повалиться на пол без сознания раньше, чем в их глазах успело мелькнуть удивление.

Остался только один стражник – в конце коридора, у самых темниц. Он поднялся на ноги и вынул меч из ножен. Катса двинулась к нему, удостоверившись, что факел за спиной скрывает ее лицо и в особенности глаза. Взглядом она оценила его мощный торс, ловкость движений и твердость, с которой его рука направила на нее клинок.

– Не двигайся. Я знаю, кто ты. – Голос спокойный, ровный. Да, этому храбрости не занимать. Лезвие меча описало в воздухе предупреждающую

дугу. – Тебе меня не испугать.

Стражник бросился к ней, но она поднырнула под клинком и с разворота ударила его ногой в висок. Он упал на землю.

Катса перешагнула через тело и бросилась к решетке, всматриваясь во тьму за ней. На полу у стены она заметила очертания съежившегося человека: он настолько устал или замерз, что даже не заметил схватки, – руки обнимают колени, голова опущена. Он дрожал, было слышно его дыхание. Она отодвинулась, и на скорченную фигуру упал свет: коротко остриженные седые волосы, в ушах мерцает золото. Карты Олла сослужили хорошую службу, этот человек действительно из Лионида. Именно его они искали.

Катса дернула дверь. Заперто. Что ж, ничего удивительного, но ведь это и не ее проблема. Она ухнула по-совиному, низко, один раз. Потом уложила храброго стражника на спину и положила ему в рот пилюлю. Пробежав обратно по коридору, перевернула на спины остальных несчастных и положила по такой же пилюле в рот каждому из них. Когда ей уже начало казаться, что Олл и Гиддон заблудились в подземельях, они появились из-за угла и поспешили к ней.

– Четверть часа, не больше, – сказала Катса.

– Четверть часа, миледи, – гулко отозвался Олл. – Будьте осторожны.

Свет от их факелов плясал на стенах, пока они шли к темнице. Лионидец застонал и крепче обнял руками колени. Катса невольно обратила внимание на его грязную, изорванную одежду. В руках Гиддона зазвенела связка отмычек. Ей хотелось остаться и убедиться, что им удалось открыть дверь, но нужно было спешить в другое место. Она сунула сверток с пилюлями в рукав и бросилась бежать.

Стражники темницы отчитывались перед начальником стражи, а начальник стражи – перед главным тюремщиком. Главный тюремщик докладывал о делах замковой страже. Равно как и караульные, королевская стража, дозорные на стене и в саду. Как только один стражник заметит отсутствие другого, он поднимет тревогу, и, если Катса и ее сообщники не успеют скрыться, все будет впустую. Начнется погоня, дойдет до кровопролития, кто-нибудь увидит ее глаза, и все раскроется. Так что нужно добраться до каждого стражника. Олл предположил, что их будет двадцать, а принц Раффин приготовил тридцать пилюль, просто на всякий случай.

С большинством охранников не было никаких хлопот. Если удавалось незаметно подкрасться или если они держались небольшими группами, то

даже не успевали понять, что их ударило. С замковой стражей все было чуть сложнее – кабинет начальника стражи защищали пять человек. Она расправилась с ними, раздавая направо и налево удары и пинки, и начальник стражи, вскочив из-за стола, бросился в атаку.

– Я узнаю Дар, когда его вижу. – Он сделал выпад мечом, и Катса отскочила. – Покажи-ка мне свои глаза, парень. Клянусь, я их вырежу мечом!

Ей даже доставило определенное удовольствие стукнуть его по голове рукояткой ножа. Схватив его за волосы, Катса перевернула начальника стражи на спину и положила ему на язык пиллюлю. Все они, проснувшись утром с головной болью и со стыдом, расскажут, что преступником был юноша, наделенный Даром сражаться, и что он действовал в одиночку. Ее будут считать мужчиной, потому что она была в простых брюках и капюшоне и потому что, когда на людей нападают, им никогда не приходит в голову, что это может быть девушка. И ни один из них не заметил Олла или Гиддона: об этом она позаботилась.

Никто ее не заподозрит. Каким бы Даром ни обладала леди Катса, она не преступник и не шныряет ночами крадучись по темному замку. Кроме того, она должна сейчас быть в пути на восток. Ее дядюшка Ранда, король Миддландов, проводил ее не далее как сегодня утром, на глазах у всего города, в сопровождении капитана Олла и Гиддона, вассала Ранды. Она могла оказаться в замке короля Мергона, только проскакав целый день не в ту сторону.

Катса бежала по двору, мимо цветочных клумб, фонтанов и мраморных статуй Мергона. На самом деле для такого неприятного короля это был на редкость приятный двор: с запахами травы и плодородной почвы и сладким ароматом купающихся в росе цветов. Она пробежала через яблоневый сад Мергона, оставляя за собой след из усыпленных стражников. Усыпленных, а не мертвых, что важно. Олл и Гиддон, как и большинство остальных членов тайного Совета, хотели их убить. Но когда они планировали эту миссию, Катса стала спорить, что их смерть не поможет выиграть время.

– А если они проснутся? – спросил Гиддон.

– Ты сомневаешься в моих снадобьях? – оскорбился принц Раффин. – Не проснутся.

– Было бы быстрее убить их.

В карих глазах Гиддона светилась настойчивость. В темной комнате, где проходило собрание Совета, все закивали.

– Я успею все сделать в отведенное время, – отрезала Катса, а когда

Гиддон попытался возразить, подняла руку. – Довольно! Я не стану их убивать. Если хочешь их смерти, можешь послать кого-нибудь другого.

Олл улыбнулся и похлопал молодого лорда по спине:

– Подумай, лорд Гиддон, ведь так будет куда веселее. Идеальная кража, в обход всех стражников Мергона, и ни капли крови. Сработаем чисто.

Комната взорвалась от хохота, но Катса даже не улыбнулась. Нет, она не будет убивать, если без этого можно обойтись. Убийство нельзя исправить, а убила она уже достаточно – в основном для дяди. Король Ранда считал ее полезной. Когда на границах становилось беспокойно, зачем посылать армию, если можно отправить одного человека? Так гораздо экономичнее. Да, она убивала и для Совета тоже, когда это было необходимо. Но на сей раз кровопролития можно избежать.

В дальнем конце сада она встретила стражника, пожалуй такого же старого, как лионидец в подземелье. Он стоял в роще годовалых деревьев, согбенный, опершись на меч. Катса подобралась к нему сзади и остановилась. Ладони старика, лежащие на рукояти меча, дрожали.

Как можно быть высокого мнения о короле, который не отправляет своих слуг на покой, даже когда они одряхлели настолько, что не могут крепко держать меч?

Но если не тронуть его, он найдет тех, кого она усыпила, и поднимет тревогу. Катса сильно ударила стражника по затылку, и он упал с тихим вздохом. Она поймала его и опустила на землю как можно осторожнее, а потом положила в рот пилюлю. Задержавшись на мгновение, она провела пальцами по шишке, начавшей набухать у него на голове, и понадеялась, что у старика крепкий череп.

Однажды она случайно убила человека, и память об этом никогда не покидала ее. Так десять лет назад впервые проявился ее Дар. Ей едва исполнилось восемь – совсем ребенок. Двор Ранды посетил какой-то дальний родственник. Все в нем ей не нравилось: бьющий в нос запах духов, то, как он смотрел на девушек, которые ему прислуживали, как его взгляд следовал за ними по залу, как он щупал их, когда думал, что никто не видит. Когда он начал уделять внимание Катсе, она насторожилась.

– Какая хорошенькая, – сказал он. – У наделенных Даром бывают такие некрасивые глаза. Но тебе, малышка, повезло, береги их. Каков твой Дар, сладкая моя? Рассказываешь истории? Читаешь мысли? Знаю. Ты, должно быть, прекрасно танцуешь.

Катса еще не знала, в чем ее Дар, – некоторые способности проявляются позже других. Но даже если бы и знала, не стала бы

обсуждать его с этим кузеном. Она насупилась и отвернулась, но, когда его ладонь скользнула по ее ноге, рука Катсы взлетела сама собой и ударила его по лицу. Ударил так быстро и сильно, что носовые кости врезались в мозг.

Придворные дамы закричали, одна упала в обморок. Когда его подняли из лужи крови на полу, он оказался мертв, и придворные, замолкнув, отступили. На нее обратились испуганные взгляды – теперь не только дам, но и воинов, вооруженных рыцарей. Можно есть блюда королевского повара, наделенного Даром готовить, или лечить лошадей у Одаренного королевского ветеринара. Но девочка с Даром убивать? Это опасно.

Другой король изгнал бы ее или казнил, даже притом что она была ребенком его сестры. Но Ранда поступил умно. Он понял, что в свое время племянница может послужить ему, – он отослал девочку в ее покои и продержал там несколько недель в наказание, но на этом все. Когда она снова стала выходить, все бежали прочь с ее пути. Никто особенно не любил ее и раньше, ибо никто не любит Одаренных, но, по крайней мере, они могли терпеть ее присутствие. Теперь не было даже притворного дружелюбия.

– Осторожней с этой, с зелено-голубыми глазами, – шептали гостям. – Она убила своего кузена одним ударом. Только потому, что он сказал любезность о ее глазах.

Даже Ранда держался от нее подальше. Злая собака могла оказаться полезной королю, но он не хотел, чтобы она спала у него в ногах.

Принц Раффин единственный искал ее общества.

– Ты ведь больше так не будешь? Вряд ли мой отец разрешит тебе убивать, кого захочется.

– Я не собиралась его убивать, – отозвалась она.

– А что случилось?

– Мне показалось, что я в опасности, – задумалась Катса. – И я его ударила.

Принц Раффин покачал головой.

– Надо учиться управлять Даром, – сказал он. – Особенно Даром убивать. Тебе придется, или отец не разрешит нам видеться.

Об этом страшно было подумать.

– Я не знаю, как им управлять.

Раффин задумался.

– Спроси Олла. Шпионы короля знают, как делать больно, не убивая. Они так получают информацию.

Раффину было одиннадцать, на три года больше, чем Катсе, и, по ее

детскому разумению, он был ужасно мудрый. Она послушала его совета и пошла к Оллу, сидящему капитану воинов Ранды и начальнику его шпионов. Олл был неглуп: он понимал, насколько опасна эта тихая девочка с одним голубым и одним зеленым глазом. Но и воображением он обделен не был: его удивляло, что никто не допускал, что Катса могла быть столь же потрясена смертью своего родственника, как и все остальные. И чем больше он думал об этом, тем больше его интересовали ее способности.

Тренировки он начал с установления правил. Катсе запрещалось практиковаться на нем и на воинах короля. Она будет упражняться на болванах, которых ей придется сшить из мешков и наполнить зерном. А еще – на узниках, уже осужденных на смертную казнь.

Катса занималась каждый день. Вскоре она освоилась со скоростью движений и силой, узнала, чем отличается угол, положение и мощность смертельного удара от удара, призванного только ранить. Научилась обезоруживать, ломать ноги, выкручивать руки с такой силой, чтобы жертва прекратила борьбу и взмолилась о пощаде. Научилась драться мечом, ножами и кинжалами. Она была так внимательна и быстра, так изобретательна, что могла избить человека до полусмерти с руками, привязанными к телу. Таков был ее Дар.

Со временем она научилась контролировать свои силы, и ей позволили тренироваться на воинах Ранды – одновременно на восьми-десяти вооруженных до зубов мужчинах. Тренировки эти были весьма зрелищны: неуклюжие воины кряхтят и лязгают доспехами, а между ними, порхая, вихрем проносится безоружный ребенок и сшибает их с ног коленом, которое они не успевают даже заметить, пока не оказываются на полу. Иногда на ее занятия приходили посмотреть придворные. Но стоило им случайно встретиться с ней взглядом, они опускали глаза и спешили скрыться.

Король Ранда не возражал против того, чтобы Олл тратил на нее время. Он полагал, что это даже необходимо: от Катсы не будет проку, если ее нельзя контролировать.

И теперь во дворе замка короля Мергона никто не мог бы упрекнуть ее в отсутствии контроля. Она быстро и беззвучно скользила по траве вдоль усыпанных гравием дорожек. Сейчас Олл и Гиддон, должно быть, уже добрались до стены, где их лошадей стерегли двое верных Совету слуг Мергона. Она и сама почти добралась туда – на фоне темного неба уже можно было различить черную полосу стены.

Мысли Катсы разбегались, но она не витала в облаках. Чувства по-прежнему были обострены. Она слышала, как падает каждый листок в саду,

как шуршит каждая ветка. Поэтому, когда из темноты появился человек и напал на нее сзади, она была поражена. Незнакомец схватил ее и приставил нож к горлу. Он попытался заговорить, но в одно мгновение Катса обрушила удар на его руку, вырвала нож и кинула его на землю, а потом схватила нападавшего и перебросила через себя.

Он приземлился на ноги.

Мысли бешено носились в голове. У него Дар сражаться, это ясно. И если только рука, обхватившая ее грудь, не была лишена осязания, он понял, что она женщина.

Он повернулся к ней. Они осторожно посмотрели друг на друга, две черные тени в ночи. И тогда он заговорил:

– Я слышал о женщине с таким Даром.

Голос у него был глубокий и хрипловатый. Она уловила нотку незнакомого, нездешнего выговора. Нужно было выяснить, кто он, чтобы понять, что с ним делать.

– Но мне непонятно, что эта дама может делать так далеко от дома, ночью, в замке короля Мергона, – продолжил он и, слегка подвинувшись, преградил Катсе путь к стене.

Он был выше ее, ступал ловко и мягко, как кошка. Поразительно спокойный, но готовый к прыжку. В свете мерцающего невдалеке факела блеснули золотые кольца в его ушах – именно они и безбородое лицо выдавали в нем лионидца.

Она отступила и чуть повернулась, как и он, готовая к броску. Времени на раздумья не было. Он узнал ее. Но если он и вправду был лионидцем, убивать его она не хотела.

– Не хотите ли вы что-нибудь сказать, миледи? Неужели вы думаете, что я позволю вам уйти без объяснения?

В его голосе звучала лукавая нотка. Катса спокойно наблюдала. Мягкое движение рук – и ее глаза уловили блеск золотых колец. Этого было довольно. Кольца в ушах, перстни, певучий акцент – все говорило об одном.

– Вы из Лионида, – сказала она.

– Хорошее зрение, – отозвался он.

– Не настолько хорошее, чтобы увидеть цвет ваших глаз.

– А мне, думаю, известен цвет ваших, – засмеялся он.

Здравый смысл приказывал ей убить его.

– Кто бы говорил о дальних путешествиях, – заметила она. – Что лионидец делает в замке короля Мергона?

– Я объясню, зачем я здесь, если вы тоже объясните.

- Я не собираюсь ничего объяснять, и вам придется меня пропустить.
- Придется?
- Если не пропустите по своей воле, я смогу заставить.
- Думаете, вам удастся?

Она рванулась вправо, он легко увернулся. Она совершила более быстрое движение. Он снова с легкостью ушел. Он был ловок. Но недостаточно ловок для Катсы.

- Я знаю точно, – ответила она.
- Вот как? – весело сказал он. – Но все же придется повозиться.

Зачем он играл с ней? Почему не поднял тревогу? Может быть, он сам преступник, наделенный Даром преступник? И если да, то кем это его делает – союзником или врагом? Разве лионидец станет мешать освобождению соотечественника? Нет, если только он не предатель. И если он вообще знает, кто томится в темницах Мергона, ведь Мергон держал это в глубокой тайне.

Совет приказал бы ей убить его. Совет заявил бы, что она подвергнет их опасности, если оставит в живых человека, который ее узнал. Но он был не похож ни на кого из бандитов, встречавшихся на ее пути. Он не казался ни жестоким, ни глупым, ни опасным.

Нет смысла, спасая одного лионидца, убивать другого.

Это глупо, и, наверное, придется еще пожалеть об этом, но убивать она не станет.

- Я вам верю, – внезапно сказал незнакомец.

Отступив с дороги, он жестом разрешил ей пройти. Катсе подумалось, что он очень странный и импульсивный, но она видела – он ослабил оборону, и нельзя было упускать возможность. В одно мгновение она вскинула ногу и ударила его в лоб. Широко раскрыв глаза от удивления, он упал на землю.

– Может, и не обязательно было это делать. – Она осторожно уложила тяжелое безвольное тело. – Но я не знаю, кто вы такой. Оставить вас в живых и так уже было слишком рискованно.

Она вынула из рукава пилюли и положила одну незнакомцу в рот, потом повернула его лицо к свету. Он оказался моложе, чем она думала, – не старше девятнадцати или двадцати. Со лба к уху бежала тонкая струйка крови. Ворот рубашки был расстегнут, и свет факелов плясал на обнаженной ключице.

Очень странный персонаж. Может быть, Раффин знает, кто это.

Она встряхнулась. Ее ждут.

Бегом.

Они скакали во весь опор. Старика пришлось привязать к лошади – он был слишком слаб, чтобы держаться в седле. Остановились лишь однажды, чтобы получше укутать его в одеяла.

Катсе не терпелось двигаться дальше.

– Он не в курсе, что сейчас лето?

– Он насквозь промерз, миледи, – ответил Олл. – Он болен, его трясет. Какой будет прок, если мы убьем его, спасая?

Они думали остановиться и разжечь огонь, но не было времени. Нужно было добраться до Рандиона до рассвета, иначе их обнаружат.

«Быть может, нужно было его убить, – думала она, пока они мчались сквозь темную стену леса. – Наверное, нужно было его убить. Он ведь меня узнал».

Но он не казался опасным, не казался подозрительным. Только любопытным. И доверился ей.

Хотя он ведь не знал о всех тех усыпленных охранниках, что она оставляла на пути за собой. И, проснувшись с раной на лбу, он быстро перестанет ей доверять.

Если незнакомец сообщит об этой встрече королю Мергону, а тот – королю Ранде, то жизнь леди Катсы может очень осложниться. Ранде ничего не говорили об узнике из Лионида и тем более о том, что Катса подрабатывала спасателем.

Катса прогнала панику. Проку в этих размышлениях нет, дело уже сделано. Теперь нужно доставить несчастного старика в теплое и безопасное место – на север, к Раффину. Она пригнулась в седле и пришпорила коня.

Глава вторая

Это случилось в землях семи королевств. Семи королевств и семи совершенно непредсказуемых королей. Зачем, во имя всего разумного, кому-то похищать принца Тилиффа, отца лионидского короля? Он старик. У него нет ни власти, ни честолюбия, здоровья – и того нет. Как говорили, он целыми днями сидел у очага или на солнышке, смотрел на море, играл с праправнуками и никому не доставлял хлопот.

У лионидцев не было врагов. Они поставляли золото всем, у кого было чем заплатить, выращивали фрукты и разводили живность. Отделенные океаном от остальных шести королевств, они жили мирно, сами по себе. Их сложно было с кем-то спутать: они отличались темными волосами, экзотическими обычаями и любовью к своему одиночеству. Рор, король Лионида, был самым разумным из семи правителей. Он не заключал союзов, но и войн не затевал и народом своим правил справедливо.

Хотя шпионская сеть Совета выяснила, что отец Рора заточен в темницы Мергона, короля Сандера, это не приблизило их к разгадке тайны. Сам Мергон обычно не затевал ссор между королевствами, но часто вставал на одну из сторон и за хорошие деньги помогал даже неправому. Без сомнения, за заточение лионидца ему заплатили. Вопрос был лишь в том, кто это сделал.

В этом конкретном злодеянии Ранда, дядя Катсы и король Миддландов, замешан точно не был. Совет знал это наверняка, ведь Олл был главным шпионом Ранды и его правой рукой. Благодаря Оллу Совету было известно все, что только можно было знать о Ранде.

По правде говоря, Ранда обычно старался не связываться с другими королевствами. Его земли с востока и запада окружали Истилл и Вестер, а с севера и юга – Нандер и Сандер. В таком положении слишком опасно было вступать в военные союзы.

Источником большинства проблем были короли Вестера, Нандера и Истилла. Они были из одного теста – сорвиголовы, властолюбцы, завистники, все как один безрассудны, бессердечны и ненадежны. Король Бирн из Вестера и король Драуден из Нандера могли бы объединиться в альянс и разбить войско Истилла на северной границе, но у Вестера и Нандера никогда не получалось долго сотрудничать. Рано или поздно одни обязательно чем-то оскорбляли других и снова становились врагами, и тогда Нандер, заключив союз с Истиллом, напал бы на Вестер.

К своему собственному народу короли относились не лучше, чем друг к другу. Катса вспомнила, как несколько недель назад они с Оллом вытаскивали из хлева, временно ставшего тюрьмой, истиллских земледельцев. Земледельцев, которые не смогли выплатить своему королю Тигпену десятину, потому что войско этого самого Тигпена вытоптало их поля, когда отправилось грабить нандерскую деревню. Платить должен был Тигпен – даже Ранда признал бы это, если бы его собственное войско нанесло такой убыток крестьянам. Тигпен же намеревался повесить несчастных за неуплату десятины. Да, из-за Бирна, Драудена и Тигпена дел у Совета хватало.

Когда-то все было по-другому. Вестер, Нандер, Истилл, Сандер и Миддланды – пять материковых королевств – мирно сосуществовали. Несколько столетий назад все они были одной семьей, и правили в них три брата и две сестры, которым удалось утолить жажду власти, не прибегая к войне. Но все воспоминания о прежнем кровном родстве уже давно стерлись, и теперь жители королевств полностью зависели от природы того, кто сумел пробиться к трону. Это была лотерея, и нынешнее поколение, увы, вытянуло несчастливый билет.

Седьмое королевство называлось Монси. От остальных земель Монси отделяли горы, как Лионид отделял океан. Лек, король Монси, был женат на Ашен, сестре лионидского короля Рора. Лека и Рора связывала нелюбовь к междоусобицам остальных королевств. Однако союза они не заключали, слишком уж далеки друг от друга были Монси и Лионид, слишком независимы, слишком не заинтересованы в делах других королевств.

О том, что творится при монсийском дворе, известно было не так много. Короля Лека очень любили в народе и превозносили за доброту к детям, животным и всем беззащитным созданиям. Королева Монси была женщиной кроткой. Шла молва, что она перестала есть в тот день, когда услышала об исчезновении лионидского принца. Ведь отец короля Лионида был, конечно же, и ее отцом.

Определенно лионидца похитили по приказу из Вестера, Нандера или Истилла. Катсе не приходило в голову иного варианта, если только сам Лионид не был замешан в это дело. Предположение могло бы показаться смехотворным, если бы не этот лионидец в замке Мергона. Украшения у него были роскошные: он определенно принадлежал к знати, а дружеский визит из Лионида к Мергону теперь вызывал подозрение.

Но Катса не могла поверить, что он причастен к преступлению. Это чувство невозможно было объяснить, но и побороть его не получалось.

Почему же был похищен Тилифф? Какую такую важность он может

иметь?

Они успели въехать в Рандион до рассвета, но едва-едва. Когда копыта лошадей застучали по камням городских дорог, они замедлили темп: кое-кто в городе уже проснулся и нельзя было нестись по узким улицам, нельзя было обращать на себя внимание.

Лошади везли их мимо деревянных хижин и домов, серых каменных заводов, магазинов с закрытыми ставнями. Здания были все как на подбор аккуратные, большинство сияло свежей краской. В Рандионе не было места ничему убогому. Ранда терпеть не мог нищеты.

Когда улицы пошли вверх в гору, Катса спешила. Она отдала поводья Гиддону и взяла под уздцы лошадь Тилиффа. Ведя за собой коня Катсы, Гиддон и Олл свернули и отправились вниз по улице, идущей на восток, к лесу. Так было условлено. Едва ли кого-нибудь беспокоят бредущие к замку старик на коне и мальчишка рядом с ним, чего нельзя сказать о четырех лошадях и четырех всадниках. Олл и Гиддон должны покинуть город и ждать ее в лесу, а Катсе нужно доставить Тилиффа к принцу Раффину через дверь, расположенную высоко в заброшенной части крепостной стены. Олл тщательно следил за тем, чтобы Ранде не стало известно о существовании этого хода.

Катса сильнее натянула одеяло на голову старика. Было еще довольно темно, но раз она видела кольца у него в ушах, то их могли увидеть и другие. Он лежал на лошади, свернувшись в комок, во сне или в беспамятстве – этого она не знала. Если он был без сознания, то тяжело представить, как они одолеют последний отрезок пути – подъем на крепостную стену по полуразрушенной лестнице, где лошадь пройти никак не сможет. Она коснулась его лица. Старик дернулся и снова задрожал.

– Вы должны проснуться, мой принц, – произнесла она. – Я не донесу вас в замок по лестнице.

Открывшись, глаза лионидца поймали и отразили серый предутренний свет. Голос его дрожал от холода:

– Где я?

– В Рандионе, столице Миддландов, – ответила она. – Мы почти в безопасности.

– Не думал, что Ранда посылает своих людей спасать пленников.

– Он и не посылал. – Катса удивилась, насколько ясен его ум.

– Хм... Что ж, я в сознании. Вам не придется меня нести. Ведь вы – леди Катса?

– Да, мой принц.

– Я слышал, один глаз у вас изумрудный, словно луга Миддландов, а другой голубой, словно небо по весне.

– Это правда, мой принц.

– А еще я слышал, что вы можете убить воина одним ногтем своего мизинца.

– Это тоже правда, мой принц, – улыбнулась Катса.

– От этого легче?

Она покосилась на скорченную фигуру в седле:

– Не понимаю вас.

– От того, что глаза у вас прекрасны. Вам легче нести бремя своего Дара, зная, что ваши глаза прекрасны?

Катса рассмеялась:

– Нет, мой принц. Я бы с удовольствием обошлась и без того, и без другого.

– Полагаю, я должен вас поблагодарить, – сказал он и умолк.

Ей хотелось спросить: за что? От чего мы вас спасли? Но он был болен и изможден и, казалось, снова заснул. Ей не хотелось его утомлять, ей нравился этот старик-лионидец. Мало кто отваживался заговорить с ней о ее Даре.

Они поднимались мимо скрытых в тени крыш и дверных проемов. Бессонная ночь уже давала знать о себе, а впереди еще много часов без отдыха. Катса повторила про себя слова лионидца. У него был точно такой же выговор, как у незнакомца, которого она встретила в замке.

В конце концов ей все же пришлось нести старика, потому что, когда пришло время, она не сумела его разбудить. Отдав поводья сидевшей у стены девочке, дочери союзника Совета, Катса закинула старика на плечо и, шатаясь, шаг за шагом начала карабкаться по обломкам разрушенной лестницы. Последняя часть ее располагалась почти вертикально. Только страх перед светлеющим небом заставлял Катсу идти дальше – никогда она не думала, что человек, который выглядел так, словно состоит из одной пыли, может быть таким тяжелым. Ей не хватило дыхания, чтобы тихо свистнуть, подавая сигнал Раффину, но это было не важно – ее услышали и так.

– Наверное, весь город слышал, как ты идешь, – прошептал он. – Честно говоря, Кати, я не ожидал, что ты способна производить такой адский шум.

Нагнувшись, он переложил ее ношу на свои худые плечи. Она прислонилась к стене и попыталась отдышаться.

– Мой Дар не дает мне титанической силы, – ответила она. – Вы, обычные люди, ничего не понимаете. Думаете, если есть один Дар, то все остальное тоже возможно.

– Я пробовал твои пироги и видел твои вышивки. Я прекрасно представляю, сколько Даров тебя благополучно миновало. – Его смех зазвенел в сизом свете утра, и Катса улыбнулась в ответ. – Все прошло по плану?

Она вспомнила о незнакомце:

– Да, в основном.

– Тогда поторопись, – посоветовал он. – И береги себя. О нем я позабочусь.

Повернувшись, Раффин с живой ношей на плечах скрылся в дверном проеме. Катса бросилась вниз по разбитым ступеням и проскользнула на тропинку, ведущую на восток. Низко натянув капюшон, она побежала навстречу розовеющему небу.

Глава третья

Катса бежала мимо домов и бараков, лавок и трактиров. Город просыпался, на улицах пахло свежим хлебом. По пути ей попался сонный молочник на телеге, запряженной усталой лошастью.

Без своей ноши Катса чувствовала себя легкой как перышко, к тому же дорога шла вниз. Быстро и бесшумно она бежала по направлению к восточным полям. В одном из дворов женщина несла на коромысле ведра, полные воды.

Добежав до деревьев, Катса сбавила скорость. Приходилось двигаться осторожно, чтобы не ломать веток и не оставлять отпечатков сапог на пути к месту их встреч. Но дорога уже была заметно протоптана: Олл, Гиддон и другие члены Совета никогда не заботились об осторожности и, конечно, лошади не могли не оставлять следов. Скоро им понадобится новое место для встреч.

К тому времени как она добралась до зарослей, в которых они устроили себе укрытие, было уже светло. Лошади щипали траву. Гиддон лежал на земле, а Олл прислонился к куче седельных сумок: оба они спали. Катса подавила раздражение и подошла к лошадям. Поздоровавшись с животными, она стала поднимать им копыта одно за другим, чтобы проверить, нет ли там трещин или камней. Они хорошо поработали, и им, по крайней мере, хватило здравого смысла не засыпать в лесу, так близко от города и так далеко от места, куда им приказал ехать Ранда. Ее конь фыркнул, и за спиной заворочался Олл.

– А если бы кто-то обнаружил, как вы спите на опушке леса, когда должны быть на полпути к восточной границе? – спросила она, не отворачиваясь от седла, и потрепала лошадь по холке. – Как бы вы это объясняли?

– Я не собирался засыпать, миледи, – ответил Олл.

– Это не оправдание.

– Мы не так выносливы, как вы, миледи, особенно те из нас, у кого уже седина в волосах. Ну же, беды ведь не случилось. – Он потряс за плечо Гиддона, который в ответ только закрыл глаза руками. – Просыпайтесь, милорд. Нам нужно двигаться.

Катса ничего не сказала. Она молча повесила сумки на седло и ждала, стоя рядом с лошастью. Олл принес остальные сумки и закрепил на седлах.

– Принц Тилифф в безопасности, миледи?

– В безопасности.

Почесывая русую бороду, к ним тяжело подошел Гиддон. Он достал буханку хлеба и протянул его Катсе, но та покачала головой.

– Поем позже, – сказала она.

Гиддон отломил кусок и протянул хлеб Оллу.

– Ты сердишься, что мы не упражнялись в силе, когда ты приехала, Катса? Нам следовало заниматься гимнастикой на верхушках деревьев?

– Вас могли поймать, Гиддон. Могли увидеть, и что бы с вами стало?

– Ты бы придумала что-нибудь, – ответил Гиддон. – Спасла бы нас, как всех вокруг спасаешь, – улыбнулся он, и его теплые живые глаза блеснули на красивом смелом лице, но смилостивить Катсу им не удалось. Гиддон был даже моложе Раффина, отличный наездник, и сил ему было не занимать. То, что он заснул, непростительно.

– Едем, милорд, – примирительно сказал Олл. – Поедим в седле. Иначе миледи уедет без нас.

Катса понимала, что они ее дразнят, считают слишком придиричивой. Но еще она знала, что никогда не позволила бы себе спать, если это небезопасно.

Хотя, с другой стороны, они никогда не позволили бы Одаренному лионидцу остаться в живых. Узнай они, бури не миновать, а у нее не было даже разумного объяснения тому, что она сделала.

Добравшись до лесной тропы, идущей параллельно главной дороге, всадники направились на восток, низко натянув капюшоны и прищпорив лошадей. Через несколько минут дружный стук копыт приглушил раздражение Катсы. В пути ей всегда быстро удавалось развеяться.

Леса южных Миддландов уступили место холмам, сначала пологим, но по мере приближения к Истиллу все более крутым. Они остановились только однажды, в полдень, чтобы сменить лошадей на уединенном постоялом дворе, который предложил Совету свою помощь.

Свежие лошади скакали во весь опор, и к вечеру всадники были уже на границе Истилла. Выехав рано утром, они смогут добраться до нужной им истиллской усадьбы в первой половине дня, выполнить поручение Ранды и отправиться домой. Даже без особой спешки они вернутся в Рандион к ночи следующего дня, когда их и ожидают. И тогда Катса выяснит, смог ли принц Раффин что-нибудь узнать от лионидца.

Они разбили лагерь у огромного обломка скалы, торчащего у подножия одного из восточных холмов. Ночь обещала быть прохладной, но они отказались от идеи разжечь огонь: в холмах на истиллской границе

таились опасности и, хотя двое вооруженных мужчин и Катса не боялись нападения, не стоило напрашиваться на неприятности. Поужинав хлебом и сыром и запив их водой из фляжек, путники завернулись в дорожные одеяла.

– Я буду спать как убитый, – заявил Гиддон, зевая. – Повезло, что хозяева того трактира оказались друзьями Совета, не то мы свели бы своих лошадей в могилу.

– Меня удивляет, что столько людей присягнули на верность Совету, – задумчиво произнес Олл.

– Ты думала, что так будет, Катса? – Гиддон лег, опершись на локоть. – Ты ожидала, что Совет так разрастется?

Чего она ожидала, когда основала Совет? Ей представлялось, как она в одиночку пробирается по коридорам, прячется за углами – неуловимый борец против безрассудства королей.

– Я даже не ожидала, что в него войдет кто-то, кроме меня самой.

– А теперь у нас есть друзья почти в каждом королевстве, – добавил Гиддон. – Люди приглашают нас к себе в дома. Вы слышали, как один из нандерских рыцарей пустил за стены своей крепости целую деревню, когда Совет узнал о готовящемся набеге из Вестера? Деревню сровняли с землей, но никто не погиб. – Он улегся и снова широко зевнул. – Сердце радуется. Все-таки не зря Совет существует.

Катса лежала на спине и слушала ровное дыхание спутников. Лошади тоже спали. Спали все, кроме Катсы: два дня езды верхом и бессонная ночь между ними – и все же она бодрствовала. Смотрела, как облака плывут по небу, заслоняют звезды и снова их открывают. Легкий ночной ветерок шелестел травой на холме.

В приграничной деревне неподалеку отсюда она впервые лишила человека жизни по приказу короля. Один из вассалов Ранды был объявлен шпионом истиллского короля Тигпена. Его обвинили в измене и приговорили к смертной казни. Осужденный бежал к истиллской границе.

Катсе в то время было всего десять лет. Ранда пришел на одну из тренировок и посмотрел на нее с недоброй улыбкой.

– Готова ли ты с пользой применить свой Дар, дитя мое? – крикнул он ей.

Катса забыла о прыжках и ударах и замерла, пораженная тем, что ее Дар может приносить пользу.

– Хм... – ухмыльнулся Ранда в ответ на ее молчание. – Кажется, быстро у тебя работают только ноги. Слушай внимательно, дитя мое. Я

приказываю тебе отправиться за предателем. Ты убьешь его прилюдно, голыми руками, без оружия. Только его одного. Без сомнения, все мы надеемся, что ты уже научилась сдерживать свою жажду крови.

Катса внезапно съежилась, но даже если бы ей было что сказать, такую малышку никто бы не стал слушать. Она поняла приказ. Король запретил ей пользоваться оружием, потому что не хотел для предателя быстрой смерти, – Ранда ожидал мучений, кровавого зрелища и ждал, что она ему это обеспечит.

Катса отправилась в путь в сопровождении Олла и воинов Ранды. Поймав беглеца, воины потащили его на главную площадь ближайшей деревни, где кучка испуганных людей, раскрыв рты, наблюдала за происходящим. Катса приказала поставить осужденного на колени и одним движением сломала ему шею. Не пролилось ни капли крови – лишь мгновение несчастный чувствовал боль. Большинство зевак даже не поняли, что случилось.

Когда Ранда услышал, что она сделала, он разгневался настолько, что вызвал ее в тронный зал. Он смотрел на нее сверху вниз с высокого трона, в голубых глазах светилась жестокость, улыбка больше походила на звериный оскал.

– Какой прок от публичной казни, – сказал он, – если публика даже не замечает смерти преступника? В следующий раз, отдавая приказ, я постараюсь учитывать твою умственную неполноценность.

После этого приказы стали включать детали: кровь и боль в течение такого-то времени. Его никак нельзя было ослушаться. Чем чаще Катса выполняла такие поручения, тем лучше у нее это получалось, и в итоге Ранда получил то, чего хотел, – слава о ней разнеслась со скоростью лесного пожара. Каждый знал, что будет, если перейдешь дорогу Ранде, королю Миддландов.

Через какое-то время Катса перестала думать о возможности неповиновения. Это было слишком тяжело себе представить.

Во время многочисленных путешествий по поручениям короля Олл рассказывал ей, что шпионы Ранды узнавали в других королевствах. Рассказывал о девушках, которые исчезли из истиллской деревни и через несколько недель были обнаружены в вестерском борделе. О человеке, которого держали в нандерских темницах за воровство брата, потому что брат его умер, а наказать кого-то нужно было. О налоге, которым король Вестера решил обложить деревни Истилла, – налоге, который воины Вестера собирали, убивая истиллцев и опустошая их карманы.

Обо всем этом шпионы докладывали своему королю, и все это Ранда пропускал мимо ушей. Но что это – миддландец утаил большую часть урожая, чтобы заплатить меньше налогов? Вот тревожная весть, вот важная для Миддландов проблема. И Ранда посылал Катсу раскрыть виновнику череп.

Катса не могла бы сказать, откуда появилась эта мысль, но однажды она засела у нее в голове и отказалась ее покидать. Что можно было бы сделать... если действовать по собственной воле и вне владений Ранды? Об этом она думала, чтобы отвлечься, когда по приказу Ранды ломала пальцы и выдергивала руки из суставов. И чем дольше она обдумывала такую возможность, тем более необходимой она ей представлялась, и под конец Катсе уже казалось, что она вспыхнет и сгорит от бессилия, если ничего не предпримет.

На шестнадцатом году жизни она открыла свой замысел Раффину.

– Может сработать, – сказал он. – Я тебе, конечно, помогу.

Потом она пошла к Оллу. Он был настроен скептически, даже испугался, поскольку привык докладывать обо всем королю и уже Ранда решал, какие действия предпринять. Но в конце концов Олл понял, что она имеет в виду, постепенно, когда убедился, что Катса полна решимости начать с ним или без него, и доказал себе, что королю не обязательно знать о каждом шаге своего главного шпиона.

На самом первом своем задании Катса перехватила небольшую шайку мародеров, которых король Истилла послал грабить собственных подданных, и заставила их сломя голову бежать в горы. Это был самый счастливый момент и самый своевольный поступок в ее жизни.

Дальше Катса с Оллом спасли нескольких вестерских мальчиков, которых силой держали на нандерском железном руднике. После одной-двух таких вылазок слухи об их подвигах начали просачиваться в нужные каналы. К делу присоединился кое-кто из шпионов Олла, пара-тройка рыцарей Ранды, в том числе Гиддон, а также Бертол, жена Олла, и другие женщины замка. В дальних уединенных покоях они регулярно проводили собрания, на которых царила атмосфера приключений и опасной свободы. Иногда Катсе казалось, что это все игра, настолько захватывающая выдумка, что не может быть реальностью. Но все происходило наяву. Они не просто обсуждали диверсии – они планировали и устраивали их.

Со временем Совет, естественно, привлек союзников из-за стен замка – к ним присоединялись те из вассалов Ранды, кто был добродетелен и устал бездействовать, пока разорялись соседние деревни, и вассалы других королей вместе со своими шпионами. А потом, мало-помалу, и народ:

трактирщики, кузнецы, крестьяне. Все устали от королевских безумств, все были готовы чем-то рискнуть ради того, чтобы смягчить гнет их властолюбия, разлад и беззаконие.

Этой ночью на границе Истилла Катса смотрела в небо, лежа без сна, и думала о том, как быстро и широко разросся Совет – словно виноградная лоза в виноградниках Ранды.

Он уже давно вышел из-под ее контроля. Именем Совета спасали людей там, где она никогда не была, без ее участия, и положение становилось все опаснее. Одно неосторожное слово, сказанное ребенком трактирщика, одна несчастливая встреча на другом конце мира двух людей, которых она никогда не видела, и все пойдет прахом. Ее вылазкам придет конец – Ранда за этим проследит. И она снова станет всего лишь королевским палачом.

Не стоило доверять этому странному лионидцу.

Катса скрестила руки на груди и вгляделась в звездное небо. Ей хотелось сесть на лошадь и скакать кругами вокруг холмов – это успокоило бы ее, вымотало. Но так лошадь тоже устанет, к тому же Олла и Гиддона нельзя оставлять одних. И вообще, так делать не принято. Это ненормально.

Она фыркнула и прислушалась, чтобы убедиться, что никто не проснулся. Нормально, ненормально... Она уж точно нормальной не была. Девушка с Даром убивать, королевский палач? Девушка, бегущая от женихов, которых ей навязывал Ранда, – весьма красивых и внимательных мужчин. Девушка, которую охватывала паника, стоило ей представить, как ребенок сосет молоко из ее груди или цепляется за щиколотки.

Она точно была ненормальной.

Если Совет раскроют, она убежит туда, где ее не найдут. В Лионид или в Монси. Будет жить в пещере, в лесу. Убьет любого, кто обнаружит и узнает ее.

Никогда не согласится она ослабить или передать кому-то контроль над своей жизнью.

Нужно спать.

«Спи, Катса, – сказала она себе. – Ты должна спать, чтобы сохранить силы».

Внезапно на нее навалилась усталость, и она уснула.

Глава четвертая

Утром всадники облачились в одежды, соответствующие их положению: Гиддон надел дорожный костюм, подобающий миддландскому лорду, а Олл – капитанский мундир. Катса выбрала синюю тунику, отделанную по краям оранжевым шелком под цвет королевского дома Ранды, и такие же брюки. Это была ее униформа для поездок по поручениям Ранды, наряд, который тот разрешил ей носить только потому, что на Катсе любое платье после часа верховой езды превращалось в лохмотья. Ранде не хотелось, чтобы его Одаренный палач карал непокорных в рваных грязных юбках. Это неизящно.

Их целью в Истилле был один приграничный феодал, покупавший лес в южных Миддландах: он заплатил оговоренную цену, но срубил больше деревьев, чем было разрешено. Ранда желал не только получить плату за лишние деревья, но и наказать лорда за изменение договора без его согласия.

– Я вас обоих предупреждаю... – начал Олл, когда они собрались в путь. – У этого человека есть дочь, наделенная Даром читать мысли.

– Какое отношение это имеет к нам? – спросила Катса. – Разве она не при дворе Тигпена?

– Король Тигпен отослал ее домой, к отцу.

Катса резко затянула ремни седельной сумки.

– Катса, ты хочешь, чтобы лошадь упала, – вмешался Гиддон, – или просто сумку пытаешься порвать?

Катса нахмурилась:

– Мне никто не говорил, что нам придется иметь дело с ясновидящей.

– Я говорю это вам сейчас, миледи, – сказал Олл, – но причин для беспокойства нет. Она всего лишь ребенок. Чаще всего несет чепуху.

– А что с ней не так?

– Именно то, что чаще всего она несет чепуху – глупости и бессмыслицу, говорит все, что видит. Она не в себе. Тигпена это раздражало, поэтому он отослал ее домой, миледи, и приказал отцу вернуть девочку, когда она сможет приносить пользу.

В Истилле, как и почти во всех остальных королевствах, наделенные Даром по закону считались собственностью короля. Младенцев с разными глазами через несколько недель, месяцев, в крайнем случае лет забирали ко двору короля и растили в замковых яслях. Если Дар оказывался полезен

королю, дитя оставалось у него на службе. Если нет, его отправляли домой. Конечно же, с извинениями, потому что семье трудно было найти дело такому ребенку. Особенно если Дар у него был бесполезный – например, лазить по деревьям, надолго задерживать дыхание или говорить задом наперед. В семье крестьянина, работая в поле в полном одиночестве, он мог жить неплохо. Но если такого ребенка отсылали домой в семью трактирщика или лавочника в городе, где было больше одного трактира или лавки, дело приходило в упадок. Каков был его Дар, не имело значения. Люди обходили стороной любое место, где была опасность встретить человека с разными глазами.

– Тигпен – глупец, раз отослал от себя ясновидящую, – заявил Гиддон. – И только потому, что девочка еще не научилась быть полезной. Это слишком опасно. Что, если она попадет под чужое влияние?

Конечно, Гиддон был прав. Как бы там ни было, ясновидящие почти всегда были ценным приобретением для короля, но Катса все равно не могла понять, как можно добровольно приближать их к себе. Даром обладали и главный повар Ранды, и его стременной, и винодел, и один из придворных танцмейстеров. У него был жонглер, который мог держать в воздухе любое количество предметов, ни разу не уронив, несколько воинов, не соперники Катсе, но наделенные Даром сражаться на мечах. Один из слуг мог предсказывать, каким будет урожай в следующем году, а единственная во всех семи королевствах женщина в казначействе щелкала числа как орехи.

Еще был человек, который мог чувствовать настроение другого, лишь прикоснувшись к нему. Он был единственным из Одаренных придворных, к кому Катса чувствовала неприязнь, и единственным, если не считать самого Ранды, кого она изо всех сил старалась избегать.

– Глупые выходки Тигпена уже давно никого не удивляют, милорд, – заметил Олл.

– Как она читает мысли? – спросила Катса.

– Никто не знает, миледи. Ее Дар еще не оформился. Вы ведь понимаете, что такое эти ясновидящие, – Дар у них постоянно меняется, его трудно точно определить. Они взрослеют раньше, чем Дар раскрывается в полную силу. Кажется, эта девочка читает желания. Чувствует, чего хотят окружающие.

– Значит, она почувствует, что я с ней сделаю, если она хотя бы посмеет взглянуть в мою сторону, – проговорила Катса тихо, склонившись к гриве лошади. Эти слова не для ушей ее спутников, иначе над ней начнут подшучивать. – Еще какие-нибудь полезные сведения об этом человеке? –

спросила она громко, поставив ногу в стремя. – Не охраняет ли его сотня Одаренных воинов? Или, может, ученый медведь? Ты ничего больше не забыл упомянуть?

– Не нужно сарказма, миледи, – сказал Олл.

– Твое общество сегодня утром приятно как никогда, Катса, – подколот Гиддон.

Катса пришпорила коня. Ей не хотелось видеть смеющееся лицо юного лорда.

Нужное поместье пряталось за серыми каменными стенами на вершине поросшего высокой травой холма. Человек, который открыл им ворота и взял коней, сказал, что его господин принимает утреннюю трапезу. Катса, Гиддон и Олл направились прямо в большой зал, не дожидаясь сопровождения.

Вход в трапезную им попытался преградить придворный, но стоило ему увидеть Катсу, как он, спешно откашлявшись, тут же открыл парадные двери.

– Посланники короля Ранды, милорд! – объявил он и, не дожидаясь ответа господина, проскользнул за их спинами и убежал.

Его господин сидел у стола, уставленного блюдами со свининой, яйцами, хлебом, фруктами и сыром. Рядом стоял слуга: оба подняли глаза навстречу вошедшим и замерли, увидев их. Ложка выскользнула из руки господина и со звоном упала на стол.

– Доброе утро, милорд! – начал Гиддон. – Просим простить нас за то, что прервали ваш завтрак. Знаете ли вы, почему мы здесь?

Казалось, лорд с трудом нашел силы заговорить.

– Не имею ни малейшего представления, – ответил он, непроизвольно схватившись рукой за горло.

– Вот как? Может быть, леди Катса поможет вам вспомнить, – сказал Гиддон. – Миледи?

Катса сделала шаг вперед.

– Хорошо, хорошо... – Он встал, толкнув ногами стол и опрокинув кубок.

Он был высок и широкоплеч, даже выше Гиддона и Олла. Неловко пряча руки, обвел комнату взглядом, избегая смотреть на Катсу. К бороде его пристали яичные крошки. Такой могучий человек, но так глуп и напуган. Катса не позволяла своему лицу выдать ни тени эмоции, чтобы никто не понял, как все это ей ненавистно.

– А, так вы вспомнили, – сказал Гиддон, – не так ли? Вспомнили,

зачем мы здесь?

– Полагаю, я вам должен, – ответил лорд. – Видимо, вы приехали забрать долг.

– Прекрасно! – Гиддон словно разговаривал с ребенком. – А почему вы оказались нам должны? На сколько акров был уговор? Напомните мне, капитан.

– На двадцать, милорд, – подсказал Олл.

– А сколько акров было срублено, капитан?

– Двадцать три, милорд, – сказал Олл.

– Двадцать три акра! – воскликнул Гиддон. – Разница немаленькая, не правда ли?

– Это ужасное недоразумение... – Лорд мучительно попытался улыбнуться. – Мы не предполагали, что нам понадобится так много. Конечно, я сейчас же с вами расплачусь, только назовите цену.

– Вы причинили королю Ранде немало неудобств, – начал Гиддон. – Вы уничтожили три акра леса, а ведь королевские леса не безграничны.

– Конечно, конечно. Ужасное недоразумение.

– К тому же мы были вынуждены провести в пути несколько дней, чтобы решить этот вопрос, – продолжал Гиддон. – Наше отсутствие при дворе весьма расстраивает короля.

– Конечно... – повторял лорд. – Конечно...

– Думаю, если вы удвоите то, что уже заплатили, это в какой-то мере искупит неудобства, причиненные его величеству.

Лорд нервно облизал губы:

– Удвоить плату. Да. Кажется, это вполне разумно.

– Вот и прекрасно, – улыбнулся Гиддон. – Не мог бы ваш слуга указать нам путь к сокровищнице?

– Конечно. – Лорд жестом поторопил стоящего рядом слугу. – Иди, да поживее!

– Леди Катса, – добавил Гиддон, вместе с Оллом направляясь к выходу, – почему бы вам не остаться здесь и не составить компанию милорду?

В сопровождении слуги они вышли из зала, и высокие двери захлопнулись за ними. Катса и хозяин остались одни.

Она пристально посмотрела на него. Лорд побледнел и часто задышал, стараясь не смотреть на нее. Вид у него был такой, словно он вот-вот лишится чувств.

– Сядьте! – приказала Катса. Он упал в кресло и тихо застонал. – Смотрите на меня, – добавила она.

Его взгляд скользнул по ее лицу и остановился на руках. Жертвы Ранды всегда смотрели на ее руки, на лицо – никогда. Не могли выдержать взгляда. К тому же удара они ожидали от рук.

Катса вздохнула.

Он открыл рот, чтобы заговорить, но из его горла вырвался лишь хрип.

– Я не слышу, – сказала Катса.

Он откашлялся.

– У меня семья. Мне нужно о ней заботиться. Делайте что пожелаете, но, прошу, не убивайте меня.

– Вы просите не убивать вас ради семьи?

– И ради себя самого. – В бороду скатилась одинокая слеза. – Я не хочу умирать!

Конечно, кто захочет умирать за три акра леса?

– Я не убиваю тех, кто украл у короля три акра леса, – сказала она, – а потом щедро заплатил за них золотом. За такое преступление, скорее, ломают руку или отрезают палец.

Она двинулась к нему, вынимая кинжал из ножен. Он тяжело дышал, не отрывая взгляда от яиц и фруктов на блюде. Интересно, его стошнит или, может, он начнет рыдать? Но внезапно лорд отодвинул от себя блюдо, опрокинутый кубок и серебряные приборы, вытянул руки на столе и, опустив голову, стал ждать самого страшного.

Катсу захлестнула волна усталости. Приказы Ранды легче было выполнять, когда жертвы умоляли или скулили, когда в них не оставалось ничего достойного. Королю ведь не было никакого дела до этих лесов – его волновали лишь деньги и власть. К тому же лес вырастет снова. А отрезанные пальцы заново не вырастают.

Она вложила кинжал обратно в ножны. Значит, руку, или ногу, или, может, ключицу – очень болезненный перелом. Но ее собственные руки словно налились свинцом, ноги не желали двигаться.

Лорд испустил дрожащий вздох, но не пошевелился и продолжал молчать. Лжец, вор и дурак.

Он был ей совершенно безразличен.

Катса резко вздохнула.

– Я вижу, вы храбры, – сказала она, – хоть сначала мне так и не показалось.

Вскочив на стол, она ударила его в висок, как делала с охранниками Мергона. Он, покачнувшись, упал со стула. Катса развернулась и направилась в большой каменный зал ждать, когда Гиддон и Олл вернутся с деньгами.

Он проснется с головной болью, но не более того. Если Ранда прослышит о таком неповиновении, он будет в ярости.

Но возможно, Ранда не услышит. Или, может быть, ей удастся обвинить лорда в том, что он лжет, чтобы сохранить лицо.

В этом случае Ранда настоит, чтобы в следующий раз она вернулась с доказательствами. Будет коллекционировать сморщенные пальцы рук и ног. Какая репутация будет у нее после такого...

Это все не важно. Сегодня у нее нет сил пытаться человека, который этого не заслужил.

В зал вошла тоненькая девочка. Катса узнала ее даже раньше, чем увидела глаза: один – желтый, как тыквы, что растут на севере, а другой – грязно-коричневый. Ей она готова сделать больно. Ее она будет мучить, если это помешает той воровать мысли.

Катса поймала взгляд девочки и пристально посмотрела ей в лицо. Малышка ахнула и попятилась, потом развернулась и бросилась бежать вон из зала.

Глава пятая

Они продвигались довольно быстро, хотя Катса ворчала, что они плетутся как черепахи.

– Катса убеждена, что любая скорость, на которой не рискуешь сломать шею, – пустая трата лошади, – съязвил Гиддон.

– Я только хочу поскорее узнать, рассказал ли этот лионидец что-нибудь Раффину.

– Не беспокойтесь, миледи, – успокаивающе сказал Олл. – Если погода не изменится, мы доберемся домой к вечеру завтрашнего дня.

Весь день и всю ночь было ясно, но перед рассветом звезды над их привалом скрылись за облаками. Утром всадники поспешно собрались и отправились в путь с некоторой тревогой. Вскоре, когда они уже заезжали на постоянный двор, в котором оставили своих лошадей, капли дождя уже вовсю били их по рукам и лицам. Только-только добрались они до конюшни, как небеса разверзлись и на землю хлынул дождь. По холмам вокруг заструились потоки воды.

В их маленьком отряде назрел спор.

– Можно ехать и под дождем, – убеждала их Катса, пока они стояли в конюшне и пытались разглядеть в десяти шагах трактир, невидимый за сплошной стеной дождя.

– Рискуя лошадьми, – возразил Гиддон. – И своими жизнями. Не носи чепуху, Катса.

– Это всего лишь вода, – раздраженно заметила она.

– Скажи это утопающему, – парировал Гиддон.

Он посмотрел на нее сверху вниз, и она решительно встретила этот взгляд. Тут через трещину в крыше просочилась капля дождя и щелкнула Катсу по носу. Она яростно вытерлась.

– Миледи... – примирительно сказал Олл. – Милорд...

Катса глубоко вздохнула, посмотрела в его спокойное лицо и приготовилась к разочарованию.

– Мы не знаем, как долго продлится гроза, – продолжил Олл. – Если день, то лучше ее переждать. У нас нет причин ехать в такую погоду... – Катса попыталась возразить, но он поднял руку, и она умолкла, – таких причин, чтобы король не подумал, что мы выжили из ума. Но быть может, гроза продлится лишь час. В таком случае мы потеряем всего час.

Катса скрестила руки на груди и заставила себя дышать.

- Не похоже это на грозу, которая длится час.
- Значит, предупрежу трактирщика, что нам понадобится еда, – отозвался Олл, – и ночлег.

Постоялый двор расположился в отдалении от всех городов в холмах Миддландов, но летом дела тут шли неплохо благодаря останавливавшимся купцам и путешественникам. Это было простое квадратное здание с кухней и столовой на первом этаже и двумя этажами жилых комнат наверху. Все просто, но аккуратно и удобно. Катса предпочла бы, чтобы никто не суетился из-за их присутствия, но, конечно, здесь не привыкли принимать знатных постояльцев, и вся семья сбивалась с ног, чтобы угодить племяннице короля, его вассалу-лорду и капитану. Не обращая внимания на протесты Катсы, хозяева переселили в другую комнату какого-то заезжего купца, чтобы у нее был вид из окна. Правда, за стеной дождя все равно ничего нельзя было разглядеть, но Катса предполагала, что вид открывался на те же самые холмы, которые они наблюдали вот уже несколько дней.

Катсе очень хотелось оправдаться перед купцом за то, что его выкинули из комнаты, и за обедом она послала Олла передать слова извинения. Когда Олл указал ему на стол Катсы, та призывно подняла кубок. Купец в ответ поднял свой и энергично кивнул, но лицо у него было белое как мел, да и глаза округлились до размера тарелки.

– Ваша милость, когда вы отправляете Олла говорить за вас, это выглядит ужасно высокомерно, – заметил Гиддон, улыбаясь с полным ртом тушеного мяса.

Катса не ответила. Он и сам прекрасно понимал, почему она послала Олла: коль скоро этот человек был похож на остальных, он пришел бы в ужас, если бы леди Катса подошла к нему сама.

За столом им прислуживала мучительно стеснительная девочка. Она не говорила ни слова, только кивала и качала головой в ответ на их просьбы. В отличие от большинства, она как будто не могла оторвать взгляда от лица Катсы. Даже когда к ней обращался Гиддон, красивый рыцарь, глаза ее смотрели в сторону девушки.

- Эта девочка думает, что я собираюсь ее съесть, – заметила Катса.
 - Мне так не кажется, – ответил Олл. – Ее отец – союзник Совета. Быть может, в этом доме о вас говорят не так, как в других, миледи.
 - Все равно она наверняка слышала много рассказов, – возразила Катса.
 - Возможно, – согласился Олл. – Но думаю, она вами восхищается.
- Гиддон засмеялся:

– Ты и вправду умеешь восхищаться, Катса.

Когда девочка подошла еще раз, он спросил ее имя.

– Лани, – прошептала она, и глаза ее снова метнулись к лицу Катсы.

– Ты видишь леди Катсу, Лани? – спросил Гиддон.

Малышка кивнула.

– Ты ее боишься?

Девочка молчала, прикусив губу.

– Она тебя не обидит, – успокоительно сказал Гиддон. – Понимаешь?

Но если бы кто-то другой захотел тебя обидеть, леди Катса, скорее всего, обидела бы этого человека.

Отложив вилку, Катса посмотрела на Гиддона. Она не ожидала от него такой доброты.

– Понимаешь? – спросил он девочку.

Та кивнула, не отрывая взгляда от Катсы.

– Может, пожмете друг другу руки? – предложил Гиддон.

Девочка помедлила, но потом протянула руку. Внутри у Катсы возникло чувство, которое она не могла бы определить. Какая-то тоскливая радость, оттого что это маленькое существо хотело прикоснуться к ней. Протянув руку, Катса пожалала тонкие детские пальчики:

– Рада с тобой познакомиться, Лани.

Глаза Лани округлились, она отпустила руку Катсы и убежала на кухню. Олл с Гиддоном покатались от хохота.

Катса повернулась к лорду:

– Я очень тебе благодарна.

– Ты совсем ничего не делаешь, чтобы развеять свою репутацию людоедши, – укоряюще проговорил Гиддон. – И сама это знаешь, Катса. Неудивительно, что у тебя так мало друзей.

Это так на него похоже – превратить трогательный жест в новое издевательство над ее характером. Он обожает высмеивать ее недостатки. И если он думает, что ей нужны друзья, значит совсем ее не знает.

Катса набросилась на еду и оставила беседу без внимания.

Дождь не прекращался. Олла и Гиддона совершенно устраивало сидеть в гостиной и болтать с купцами и трактирщиком, но Катсе казалось, что она скоро начнет кричать от бездействия. Она вышла в конюшню и насмерть перепугала мальчишку, такого же малыша, как Лани, который стоял на табуретке в стойле и чистил лошадь. Ее лошадь, как она заметила, когда глаза привыкли к полумраку.

– Я не хотела тебя напугать, – сказала Катса. – Просто искала, где

можно поупражняться.

Мальчик слез со стула и пулей вылетел из конюшни. Катса всплеснула руками. Что ж, по крайней мере, теперь вся конюшня в ее распоряжении. Передвинув тюки сена, седла и грабли, она расчистила место и начала тренировку с серии ударов ногами и руками. Она изгибалась и разворачивалась, чувствуя воздух, пол, стены вокруг, лошадей, и, когда полностью сосредоточила внимание на воображаемых противниках, душа ее начала приходить в равновесие.

За ужином Олл и Гиддон рассказали ей любопытную новость.

– Король Мергон объявил о краже, – начал Олл. – Три ночи тому назад.

– Вот как? – Катса посмотрела сначала на Олла, потом на Гиддона. Оба выглядели как поймавшие мышью коты. – И что же у него украли?

– Объявил только, что похитили сокровище, – ответил Олл.

– Великие небеса! – вздохнула Катса. – А кто же украд у него это сокровище?

– Одни говорят, что это был юноша, наделенный Даром. Что-то вроде гипнотизера – он усыпил всю королевскую стражу.

– Другие утверждают, что это был Одаренный мужчина чудовищных размеров, – лукаво добавил Гиддон. – Ведь этот воин одолел всех стражников Мергона, одного за другим.

Не сдержавшись, Гиддон начал хохотать, а Олл улыбнулся, склонившись над тарелкой.

– Вот так история, – произнесла Катса. – Больше ничего не известно? – добавила она, надеясь, что ее вопрос звучит простодушно.

– Поиски не начинались несколько часов, – рассказал Гиддон, – сначала все думали, что это сделал гость Мергона. При дворе оказался Одаренный воин. – Он понизил голос. – Представляешь? Вот удача-то!

– И что рассказал этот гость? – Катсе удалось заставить свой голос звучать спокойно.

– Видимо, ничего полезного. Утверждал, что ему ничего не известно.

– Что с ним случилось?

– Понятия не имею, – сказал Гиддон. – У него Дар сражаться. Сомневаюсь, что с ним много чего сумели сделать.

– А кто он такой? Откуда?

– Этого никто не сказал. – Гиддон ткнул ее в бок локтем. – Ну же, Катса, ты упускаешь главное. Какая разница, кто он такой! Они потратили на него уйму времени, а когда начали искать воров вне замка, было уже поздно.

Катсе подумалось, что она лучше, чем Гиддон или Олл, понимает, почему Мергон так долго допрашивал этого воина. И почему он постарался не афишировать, откуда юноша родом. Мергон не хотел, чтобы кто-нибудь заподозрил, что украденным сокровищем был Тилифф и, более того, что он держал Тилиффа у себя в темнице.

Но почему молодой лионидец ничего не рассказал Мергону? Неужели хотел защитить ее?

Скорей бы прекратился этот проклятый дождь и можно было вернуться в замок, к Раффину!

Катса отпила из кубка и поставила его на стол.

– Какая удача для воров.

– Да уж, – ухмыльнулся Гиддон.

– Есть еще новости?

– У сестры хозяина есть трехмесячный младенец, – ответил Олл. – Вчера утром они все здорово перепугались – им показалось, что один глаз у него потемнел, но это был просто отблеск.

– Потрясающе... – Катса полила мясо соусом.

– Королева Монси ужасно горюет по принцу Тилиффу, – начал Гиддон. – Нам монсийский купец рассказал.

– Я слышала, она отказывается от еды, – вспомнила Катса. Ей самой такой способ горевать казался на редкость дурацким.

– О, это еще не все. Она заперлась в своих покоях вместе с дочерью и не позволяет войти никому, кроме своей горничной, даже королю Леку.

Это было уже не глупо, это было очень странно.

– А дочери своей она разрешает есть?

– Горничная приносит им еду, – ответил Гиддон. – Но они отказываются выходить. Видимо, король – очень терпеливый человек.

– Это пройдет, – убежденно проговорил Олл. – Нельзя представить, на что может толкнуть человека горе. Все пройдет, когда ее отец найдется.

Совет предполагал скрывать местонахождение старика ради его безопасности, пока выясняется причина похищения. Но может быть, послать весточку королеве Монси, чтобы облегчить ее необычное горе? Катса решила над этим поразмыслить. Потом, когда можно будет разговаривать открыто, нужно будет посоветоваться с Оллом и Гиддоном.

– Она из Лионида, – заметил Гиддон. – Всем известно, что лионидцы – странный народ.

– Мне это и вправду кажется очень странным, – призналась Катса. Она не знала, что такое горе, а если и испытывала его когда-то, то не помнила этого. Ее мать, сестра Ранды, умерла от лихорадки раньше, чем у Катсы

установился цвет глаз. Эта самая лихорадка унесла и мать Раффина, королеву Миддландов. Отец Катсы, рыцарь с северной границы Миддландов, погиб во время набега. Вестерцы напали тогда на нандерскую деревню, а ее отец, хоть и не обязан был этого делать, решил встать на защиту соседей и был убит в битве в те времена, когда Катса еще даже говорить не научилась. Она совсем не помнила отца.

Если бы умер дядя, Катса едва ли стала бы о нем скорбеть. Она взглянула на Гиддона. Терять его не хотелось, но вряд ли она горевала бы и из-за его гибели. С Оллом все иначе. Олла она бы оплакивала. И свою горничную, Хильду, тоже. И Раффина. Потерять Раффина было бы больнее, чем отрезать себе палец, или сломать руку, или вонзить нож в бок.

Но она не закрывалась бы в своих покоях. Наоборот, она не вернулась бы под крышу, пока не нашла бы виновного и не заставила бы его испытать такую адскую боль, какой не испытывал еще никто и никогда.

Гиддон что-то говорил, но Катса не слышала ни слова.

– Что ты сказал? – встряхнулась она.

– Я сказал, леди Соня-наяву, что небо, кажется, проясняется. Сможем отправиться на рассвете, если хочешь.

Они успеют вернуться в замок до темноты! Катса спешно доела ужин и побежала в комнату собирать вещи.

Глава шестая

Солнце еще не успело описать круг по небу и скрыться за горизонтом, когда копыта их коней зацокали по мраморным плитам во дворе замка Ранды. Со всех сторон ввысь поднимались каменные стены, сияя белизной на фоне зеленого мрамора пола. Вдоль стен над головой рядами тянулись галереи с балконами, чтобы придворные, проходя из одной части замка в другую, могли выглянуть вниз во двор и восхититься огромным садом Ранды, в котором росли ползучие виноградные лозы и деревья с розовыми цветами. В центре сада стоял фонтан со статуей Ранды, из одной протянутой руки и из горящего факела в другой били струи воды. Это был и красивый сад, если, конечно, не задерживать взгляд на статуе, и красивый замковый двор, но из-за того, что в галереях всегда толпились придворные, тишины и уединения здесь искать было бесполезно.

В замке были и другие подобные сады, но этот был самый большой, и все важные гости и посетители проезжали через него. Зеленый пол так сиял, что Катса видела в нем свое отражение и отражение своего коня. Белые стены были сложены из переливающегося камня и поднимались так высоко, что приходилось вытягивать шею, чтобы увидеть в вышине шпили башен. Замок был очень велик и очень внушителен – все, как любит Ранда.

Стук копыт и крики привлекли людей на балконы, все хотели посмотреть, кто приехал. Поприветствовать их вышел управляющий, а через мгновение во двор влетел Раффин:

– Вы вернулись!

Катса ухмыльнулась ему, потом пригляделась, даже встала на цыпочки – Раффин был очень высоким – и схватила его за волосы.

– Рафф, что ты с собой сделал? У тебя волосы стали совсем голубые.

– Я испытывал новое средство от головной боли, – ответил он, – его нужно втирать в кожу головы. Вчера мне показалось, что у меня начинает болеть голова, и я попробовал. По всей видимости, оно делает светлые волосы голубыми.

– А боль прошла? – улыбнулась Катса.

– Ну, если она у меня была, то прошла, но я не совсем уверен, что голова точно болела. А у тебя не болит? – с надеждой спросил он. – У тебя волосы темные, так сильно они не окрасятся.

– Не болит никогда. А что его величество думает о твоей прическе?

– Он со мной не разговаривает, – ухмыльнулся Раффин. – Говорит, что

королевскому сыну не подобает так кошмарно себя вести и, пока краска не исчезнет, я ему не сын.

Олл и Гиддон поприветствовали Раффина, отдали поводья мальчишке-конюшему и проследовали в замок за управляющим, оставив Катсу и Раффина одних в саду. Невдалеке в фонтане журчала вода. Катса понизила голос и сделала вид, что сосредоточена на ремнях седельной сумки.

– Есть новости?

– Он не приходил в сознание, – ответил Раффин. – Ни разу.

Это ее огорчило.

– Ты слышал о знатном лионидце, наделенном Даром сражаться? – продолжила она вполголоса.

– Ты его видела, да? – (Катса в изумлении подняла глаза на Раффина.) – Когда въезжала в замок? Все шныряет здесь. В глаза ему тяжелоვაо смотреть, скажи? Это сын лионидского короля.

Он здесь? Это было неожиданно. Она снова сосредоточила внимание на седельной сумке.

– Наследник Рора?

– Великие горы, нет, что ты! У него шесть старших братьев. А имя у него самое дурацкое, какое только можно придумать седьмому в очереди на трон: принц Первоцвет Грандемалион. – Раффин улыбнулся. – Слышала хоть раз что-нибудь подобное?

– Зачем он приехал?

– А! – воскликнул Раффин. – Это ведь и вправду очень интересно. Он утверждает, что ищет своего похищенного деда.

Катса подняла взгляд от сумки и посмотрела в смеющиеся голубые глаза:

– Ты ведь не...

– Конечно нет. Я ждал тебя.

К ней подошел мальчик, чтобы забрать коня, а Раффин пустился в рассказы о гостях, которых она пропустила за время путешествия. Потом открылись одни из ворот и к ним вышел управляющий.

– Это к тебе, – сказал Раффин, – я ведь на данный момент не сын своего отца, и ко мне он слуг не посылает. – Рассмеявшись, он пошел прочь. – Рад, что ты вернулась! – крикнул он на прощание и исчез под сводами замка.

Управляющий был одним из кучки сухих и высокомерных прихлебателей Ранды.

– Леди Катса, – сказал он, – добро пожаловать домой. Его величество желает знать, успешно ли прошло путешествие на восток.

- Можете передать, что оно прошло успешно.
- Прекрасно, миледи. Его величество желает, чтобы вы переоделись к ужину.
- Не желает ли его величество чего-нибудь еще? – прищурилась Катса.
- Нет, миледи. Благодарю вас, миледи. – Слуга изогнулся в поклоне и поспешно убрался подальше от ее взгляда.

Вздыхнув, Катса закинула сумки на плечо. Когда король желал, чтобы она переоделась к ужину, это означало, что придется надевать платье, укладывать волосы, нацеплять драгоценности на шею и уши. Это означало, что король собирался посадить рядом с ней какого-нибудь ищущего спутницу жизни лорда, хотя, скорее всего, совсем не такую спутницу тот представлял себе в мечтах. Но она быстро успокоит беднягу и, если повезет, скажется больной и уйдет с середины представления. Можно притвориться, что болит голова. Ей захотелось взять у Раффина его лекарство и покрасить себе волосы в голубой цвет – это спасло бы ее на какое-то время от торжественных ужинов Ранды.

Раффин появился снова, этажом выше, в галерее, что тянулась мимо его лабораторий. Перегнувшись через перила, он позвал ее:

- Кати!
- Что?
- Выглядишь потерянной. Забыла дорогу в свои покои?
- Я тяну время.
- А долго еще? Я хотел показать тебе парочку новых изобретений.
- Мне приказано навести красоту к ужину.
- Ну, – ухмыльнулся он, – тогда тебе понадобится вечность.

Лицо Раффина расплылось в усмешке, и Катса, оторвав пуговицу от одной из сумок, швырнула ее в его сторону. Взвизгнув, он бросился на пол, и пуговица врезалась в стену там, где он только что был. Когда Раффин осторожно глянул вниз через перила, Катса стояла посреди двора, уперев руки в бедра, и ухмылялась:

- Я нарочно промазала.
- Показушница! Заходи, если будет время. – Он помахал рукой и скрылся в своих покоях.

Именно в этот момент смутный силуэт, о котором сигнализировало ее боковое зрение, принял форму. Он стоял этажом выше, слева и смотрел на нее, облокотившись на перила: ворот рубашки расстегнут, в ушах и на пальцах – золотые кольца. Волосы темные. А на лбу, рядом с глазом, – крошечный, едва заметный рубец.

Глаза. Катса никогда не видела таких глаз. Один был серебристый,

другой – золотой, и они мерцали на загорелом лице, странно переливаясь. Удивительно, что они не светились в темноте при их первой встрече. Казалось, они не могут принадлежать человеку: от них невозможно было оторвать взгляд.

К незнакомцу подошел управляющий и о чем-то заговорил. Лионидец выпрямился, повернулся и сказал что-то в ответ, а когда управляющий ушел, взгляд его снова метнулся к Катсе. Он опять облокотился о перила.

Катса понимала, что стоит посреди двора, заглядевшись на этого лионидца, и понимала, что нужно уходить, но выяснилось, что уйти она не в силах.

Тогда он едва заметно поднял брови, и на губах появился намек на ухмылку. Он чуть кивнул ей, и это освободило ее от чар.

Самоуверенный, подумала она. Самоуверенный и наглый, вот и все, что о нем можно сказать. Какую бы игру он ни затеял – если думает, что втянет ее, – его ждет разочарование. Да уж, самый настоящий Первоцвет Грандемалион.

Она оторвала от него взгляд, поправила сумки и заставила себя направиться в крепость, всю дорогу чувствуя, что ее спину буравят эти необыкновенные глаза.

Глава седьмая

Хильда начала работать в замковых яслях примерно в то же время, когда Ранда впервые повелел Катсе исполнить наказание. Трудно с точностью сказать, почему она боялась Катсы меньше, чем другие. Быть может, потому, что у ее собственного ребенка тоже был Дар. Не боевой, всего лишь Дар плавания – навык, от которого королю нет прока. Поэтому мальчика отослали домой, и Хильда видела, как соседи избегали и высмеивали его просто потому, что он плавал как рыба. Или потому, что один глаз у него был черным, а другой – синим. И быть может, именно поэтому, когда слуги предупредили Хильду, чтобы она опасалась племянницы короля, Хильда не стала делать поспешных выводов.

Конечно, тогда Катса была уже слишком большая для яслей, к тому же замковые дети отнимали у Хильды много времени, но иногда ей удавалось вырваться на тренировки. Она сидела и смотрела, как под ударами ребенка из болвана сыплется набивка, как из рваных мешков на пол, словно кровь, струится зерно. Хильда никогда не оставалась долго – ее присутствие всегда требовалось в яслях, но все же Катса ее заметила, как замечала каждого из тех немногих, кто не избегал ее. Заметила и запомнила, но не давала себе труда любопытствовать. Катсе не было никакой надобности общаться со служанкой.

Но однажды Хильда пришла, когда Олла не было, а Катса тренировалась в одиночестве. И когда девочка прервалась, чтобы поставить нового болвана, Хильда вдруг заговорила:

– При дворе говорят, вы опасны, миледи.

Катса внимательно посмотрела на старую женщину перед собой, на седые волосы и серые глаза, на мягкие руки, сложенные на пухлом животе. Так долго отвечать на ее взгляд не мог никто, кроме Раффина, Олла и самого короля. Потом пожала плечами, подняла мешок с зерном на плечи и подвесила на крюк к деревянному столбу, стоящему в центре зала для упражнений.

– Первый человек, которого вы убили, миледи... – снова начала Хильда. – Тот кузен. Вы ведь не собирались его убивать?

Этот вопрос ей никто и никогда не задавал. Катса еще раз взглянула в лицо женщины, и та снова не отвела взгляда. Катса чувствовала, что это неподобающий вопрос для слуги. Но с ней так редко разговаривали, что она просто не знала, как реагировать.

– Нет, – ответила она. – Я только хотела, чтобы он перестал меня трогать.

– Значит, миледи, вы опасны только для тех, кто вам не нравится. Но быть может, для друга в вас угрозы нет.

– Потому я и провожу каждый день в этой комнате, – объяснила Катса.

– Учитесь управлять своим Даром, – проговорила Хильда. – Правильно, это нужно всем Одаренным.

Она знала, что обладать Даром нелегко, и не боялась говорить об этом. Катсе нужно было продолжать упражнения, но она медлила – в надежде, что женщина снова с ней заговорит.

– Миледи, позволено ли мне задать вам один личный вопрос?

Катса молча ждала. Трудно было представить себе более личный вопрос, чем тот, который уже прозвучал.

– Кто вам прислуживает, миледи? – спросила Хильда.

Катсе подумалось, не пытается ли эта женщина ее унижить. Она выпрямилась и посмотрела ей прямо в лицо, ожидая, что та рассмеется или хотя бы улыбнется.

– Я не держу слуг. Когда ко мне приставляют горничную, она обычно решает оставить службу в замке.

Хильда не рассмеялась и не улыбнулась, только мгновение изучающе смотрела на Катсу.

– У вас есть хоть одна служанка, миледи?

– Нет.

– Кто-нибудь рассказывал вам о женских кровотечениях, миледи? Или о том, как все происходит между мужчиной и женщиной?

Катса не понимала, что эта служанка имеет в виду, и чувствовала, что недоумение написано у нее на лице. Но Хильда по-прежнему даже не улыбалась.

– Сколько вам лет, миледи? – спросила она, окинув Катсу взглядом.

Девочка вздернула подбородок:

– Почти одиннадцать.

– И они собирались позволить вам столкнуться со всем этим в одиночку! – всплеснула руками Хильда. – Да вы бы, наверное, носились по замку, как дикий зверь, не понимая, кто и что на вас нападает.

Катса вздернула подбородок еще выше:

– Я всегда знаю, кто на меня нападает.

– Дитя мое... – вздохнула Хильда, – миледи, позвольте вы мне иногда прислуживать вам, если будет нужда? Если вам понадобится помощь, а в яслях не будет работы?

Катсе пришло в голову, что, наверное, работать в яслях очень тяжело, раз эта женщина готова вместо того прислуживать ей.

– Мне не нужны слуги, – сказала она, – но я могу приказать, чтобы тебя перевели на другую работу, если тебе не нравится в яслях.

– Мне очень нравится в яслях. – Кажется, на губах Хильды мелькнула улыбка. – Простите меня за дерзость, миледи, но вам нужны слуги, а именно – горничная. Ведь у вас нет ни матери, ни сестер.

Катса никогда не чувствовала потребности в матери, сестрах и вообще в ком-нибудь на целом свете. Она не знала, что принято делать, когда слуги дерзят: Ранда, наверное, пришел бы в ярость, но Катса боялась своей ярости. Затаив дыхание и стиснув кулаки, она стояла неподвижно, как деревянный столб в центре зала. Пусть старуха говорит что угодно. Это ведь всего лишь слова.

Хильда поднялась и оправила платье.

– Я зайду в ваши покои при случае, миледи.

Ответом ей было каменное выражение лица.

– А если вам когда-нибудь захочется отдохнуть от торжественных обедов дяди, вы всегда можете навестить меня в моей комнате.

Катса заморгала. Ей были люто ненавистны эти званые обеды, когда на нее смотрели искоса, и никто не хотел сидеть рядом, и дядя все время что-то очень громко говорил. Неужели их правда можно избежать? Может общество этой женщины оказаться приятнее?

– Мне нужно вернуться в ясли, миледи. Меня зовут Хильда, я из западных Миддландов. У вас очень красивые глаза, милая. До встречи.

Хильда исчезла раньше, чем Катсе удалось выдать себя хоть звук, и девочка так и осталась стоять и смотреть на дверь, которая закрылась за служанкой.

– Спасибо, – сказала Катса, хотя никто уже не мог этого услышать, и ей было непонятно, почему ее голос звучал так, словно она и вправду благодарна.

Катса сидела в ванне и билась над колтунами в спутанных волосах. Ей слышно было, как в соседней комнате Хильда с шелестом роется в сундуках и ящиках, извлекая на свет серьги и ожерелья, которые Катса разбросала где-то в кучах шелкового белья и кошмарных костяных корсетов, после того как ей в прошлый раз пришлось все это надевать. Хильда что-то бормотала и кряхтела – наверное, стоя на коленях, искала под кроватью щетку для волос или вечерние туфли.

– Какое платье вы сегодня наденете, миледи? – выкрикнула Хильда.

– Ты же знаешь, мне все равно, – отозвалась Катса.

В ответ опять послышалось бормотание. Через минуту Хильда подошла к двери, неся в руках платье цвета тех помидоров, что Ранда закупал в Лиониде, – помидоров, что гроздьями росли на лозах, и вкус у них был не хуже, чем у шоколадного торта главного замкового повара. Катса подняла брови.

– Я не буду надевать красное платье, – решительно сказала она.

– Оно цвета зари, – возразила Хильда.

– Оно цвета крови, – парировала Катса.

Вздыхнув, Хильда унесла платье из ванной комнаты.

– Оно смотрелось бы потрясающе, миледи, – донеслось до Катсы, – с вашими-то глазами и темными локонами.

– Если за ужином мне вдруг захочется кого-то потрясти, – потянув за самый упорный колтун в волосах, сообщила Катса мыльным пузырям, – я просто ударю его кулаком в лицо.

Хильда снова появилась в дверном проеме, на этот раз в руках у нее переливался нежный зеленый шелк.

– Этот достаточно скучный, миледи?

– У меня что, нет ничего серого или коричневого?

– Я настаиваю, миледи, чтобы вы надели что-нибудь цветное. – Лицо Хильды посуровело.

– Ты хочешь, чтобы люди на меня глазели, – нахмурилась Катса в ответ, поднесла своевольный колтун к глазам и начала яростно дергать. – Надо их вообще отрезать. Они не стоят таких мучений.

Хильда отложила платье и села на край ванны. Намылив пальцы, она забрала из рук Катсы многострадальные волосы и начала прядь за прядью аккуратно распутывать темные кудри.

– Если бы во время путешествия вы хоть раз в день проводили по ним щеткой, миледи, такого бы не было.

Катса фыркнула:

– Гиддон бы славно посмеялся над моими попытками прихорошиться.

Распутав один узел, Хильда принялась за следующий.

– Вы думаете, лорд Гиддон не считает вас красавицей, миледи?

– Хильда, – проговорила Катса, – как ты думаешь, сколько времени я трачу на раздумья о том, кто из господ считает меня красавицей?

– Недостаточно, – ответила Хильда, убежденно кивая, и Катса почувствовала, как внутри поднимается волна смеха. Милая Хильда. Она видела Катсу насквозь, знала, что той приходилось делать, и смирилась с тем, что Катса такая, какая есть. Но она никак не могла представить себе

женщину, которая не хочет быть красивой, не хочет, чтобы за ней толпами бегали поклонники. Поэтому она считала, что в Катсе живут обе эти личности, хоть и трудно было себе представить, как у нее получалось их соотносить.

Ранда сидел в центре длинного высокого стола, который при надобности мог служить в большом обеденном зале трибуной. По периметру зала этот и еще три более низких стола образовывали квадрат, предоставляя всем гостям возможность свободно видеть короля.

Ранда был рослым мужчиной, даже выше своего сына и шире в плечах и шее. У него тоже были золотые волосы и голубые глаза, но они не искрились смехом, как глаза Раффина. Эти глаза были уверены, что вы сделаете все, что пожелает их обладатель, и сулили горе тому, кто откажется повиноваться. Не то чтобы Ранда был несправедлив – может быть, только к предателям. Дело в том, что ему нравилось, когда все было как он пожелает, а если что-то оказывалось не так, он мог посчитать, что его предали. И если виноваты оказались вы... что ж, у вас есть причины бояться этих глаз.

За обедом он не был грозным. За обедом он был наглым и громким. Сажал рядом с собой кого-нибудь по своему желанию. Часто это бывал Раффин, хотя Ранда разговаривал через его голову и никогда не трудился послушать, что мог сказать по тому или иному вопросу его собственный сын. Изредка это оказывалась Катса. Обычно Ранда держался от нее на расстоянии. Он предпочитал смотреть на своего палача сверху вниз и обращаться к ней издали, потому что его оклик обращал на племянницу – его драгоценное оружие – взгляды всего зала. Гости трепетали, и все было так, как Ранда любил.

Сегодня вечером она сидела за столом справа от Ранды, на своем обычном месте. Она все-таки надела платье из нежного зеленого шелка и теперь боролась с желанием оторвать рукава, которые расширились от запястий, свисая с рук, и вечно оказывались в тарелке, стоило ей потерять бдительность. Но это платье хотя бы закрывало грудь – или, по крайней мере, большую ее часть. Большинство остальных вечерних нарядов Катсы этим похвастаться не могло, – занимаясь ее гардеробом, Хильда не обращала на ее собственное мнение никакого внимания.

По левую руку сидел Гиддон, а справа – еще один лорд, предположительно завидный жених, старше Гиддона, но еще молодой, щуплый мужчина, своей лупоглазостью и широким ртом отдаленно напоминавший лягушку. Его звали Давит, и он был феодалом из северо-

западных Миддландских земель, граничащих с Нандером и Истиллом.

Беседа с ним не была пыткой: он заботился о своей земле, своих крестьянах и деревнях, и Катса задавала множество вопросов, на которые он с охотой отвечал. Сначала он сидел на дальнем краешке стула и разговаривал с ее плечом, ухом и волосами, не поднимая взгляда на лицо. Но ужин шел своим чередом, Катса не кусалась, и он успокоился, расслабился, удобно устроился на стуле и разговорился. Катса даже подумала, что этот лорд Давит с северо-востока оказался неожиданно приятной компанией для ужина. Во всяком случае, ей было не так тяжело удерживаться от того, чтобы выдернуть из волос все шпильки, впивавшиеся в голову.

Лионидский принц тоже мешал сосредоточиться на беседе. Хоть она и старалась его не замечать и не смотреть на него, он сидел на другой стороне зала и все время маячил где-то в поле зрения. Иногда Катса чувствовала на себе его взгляд. Он был куда смелее всех остальных гостей, которые, как всегда, тщательно притворялись, что ее не существует. Ей пришло в голову, что в лионидце смущали не столько необычные глаза, сколько то, что он не боялся отвечать на ее взгляд. Однажды Катса взглянула на него, когда он не смотрел, но он тут же поднял глаза ей навстречу. Давиту пришлось дважды повторить вопрос, прежде чем Катса услышала его и оторвалась от странного взгляда лионидца, чтобы ответить.

Скоро ей снова выпадет смотреть в эти глаза – им придется объясниться, и нужно решить, что с ним делать.

Катса предположила, что лорд Давит перестанет так волноваться, если поймет, что Ранде ни за что не удастся ее сосватать.

– Лорд Давит, – начала она, – у вас есть жена?

Он покачал головой:

– Это единственное, чего недостает в моем поместье, миледи.

Катса упорно разглядывала оленину и морковь в собственной тарелке.

– Моего дядю очень огорчает мое намерение не выходить замуж.

– Едва ли ваш дядя – единственный человек, которого это огорчает, – помолчав, ответил лорд Давит.

Посмотрев ему в лицо, Катса не сумела удержаться от улыбки.

– Лорд Давит, – сказала она, – вы весьма галантны.

Тот улыбнулся в ответ:

– Мои слова показались вам просто любезностью, но я был искренен. – Потом он вдруг наклонился и, пригнувшись, прошептал: – Миледи, я хотел бы поговорить с членами Совета.

Хотя гости за столами вели оживленную беседу, она прекрасно его

расслышала, но, помешивая суп, сделала вид, что полностью занята трапезой.

– Сядьте прямо, – сказала она. – Ведите себя так, словно мы просто беседуем. Не шепчите, это привлекает внимание.

Лорд откинулся на спинку стула, подозвал служанку, и та наполнила его кубок вином. Съев несколько кусочков мяса, он снова повернулся к Катсе.

– Погода этим летом очень добра к моему пожилому отцу, миледи, – сказал он. – Он очень тяжело переносит жару, но на северо-востоке сейчас прохладно.

– Я очень рада это слышать, – отозвалась Катса. – Это сообщение или вопрос?

– Сообщение, – проговорил Давит сквозь полный рот моркови и отрезал еще кусок мяса. – Ухаживать за ним становится все тяжелее, миледи.

– Отчего же?

– Пожилые люди чувствительны к неудобствам. Наш долг – обеспечивать им достойные условия, – ответил он, – и безопасность.

– Истинно так, – кивнула Катса.

Внешне она была совершенно спокойна, но внутри сгорала от волнения. Если у него есть сведения о похищении лионидского принца, их должны узнать все. Она протянула руку под тяжелой скатертью, коснулась ею колена Гиддона, и он чуть наклонился к ней, не отворачиваясь, впрочем, от дамы по другую сторону.

– Вы знаете столько всего интересного, милорд! – сказала она Давиту или скорее своей тарелке, чтобы Гиддону было слышно. – Надеюсь, у нас будет возможность еще побеседовать, пока вы гостите в замке.

– Спасибо, миледи, – ответил лорд Давит. – Я тоже на это надеюсь.

Гиддон всем сообщит. Собрание проведут сегодня же ночью в ее покоях – они находятся в дальнем крыле, к тому же только там можно не опасаться появления слуг. Если получится, перед собранием нужно найти Раффина – Катсе хотелось навестить принца Тилиффа. Даже если он все еще не очнулся, было бы хорошо своими глазами посмотреть, как он.

Катса услышала, как король произнес ее имя, и застыла. Она не смотрела на него, потому что не хотела поощрять, если вдруг он попытается втянуть ее в разговор. Разобрать его слова не получалось, но, скорее всего, он рассказывал кому-нибудь из гостей об одном из ее поручений. Хохот Ранды прокатился по столам через большой мраморный зал, и Катса поборолла желание нахмуриться.

Лионидский принц наблюдал за ней – она чувствовала это. Шею и лицо захлестнула волна жара.

– Миледи, – забеспокоился лорд Давит, – все в порядке? Вы кажетесь взволнованной.

К ней повернулся Гиддон, лицо у него было встревоженное.

– Тебе нехорошо? – Он попытался взять ее за руку.

Катса отпрянула.

– Мне никогда не бывает нехорошо! – огрызнулась она и вдруг почувствовала, что ей непременно нужно выбраться из зала: сбежать от гула голосов, от дядиного громоподобного хохота, от удушающей заботы Гиддона, горящих глаз лионидца, выйти на воздух, найти Раффина или побыть одной. Ей непременно нужно наружу, иначе она выйдет из себя, и тогда произойдет непоправимое.

Она встала, и Гиддон с лордом Давитом встали вслед за ней. Лионидский принц в другом конце зала тоже поднялся со своего места. Один за другим мужчины замечали, что она стоит, и поднимались. Наступила тишина, все смотрели на Катсу.

– Что случилось, Катса? – спросил Гиддон, снова пытаясь завладеть ее рукой.

Она позволила ему взять ее, чтобы не оскорблять перед всем залом, хотя ей показалось, будто его ладонь впивается ей в кожу раскаленным клеймом.

– Чепуха, – сказала она. – Простите.

Катса повернулась к королю, единственному мужчине в зале, кто не поднялся с места.

– Прошу прощения, мой повелитель. Ничего не случилось. Прошу вас, садитесь. – Она помахала рукой в сторону столов. – Прошу вас.

Джентльмены медленно сели, снова зазвучали голоса, раздался смех короля, и наверняка он смеялся над ней. Катса обратилась к лорду Давиту:

– Прошу извинить меня, милорд. – Потом повернулась к Гиддону, чья рука по-прежнему придерживала ее за локоть. – Пусти, Гиддон. Мне хочется пройтись на воздухе.

– Я пойду с тобой, – сказал он, поднимаясь, но заметил предупреждающий огонек в ее глазах и остановился. – Хорошо, Катса, поступай как знаешь.

Голос Гиддона звучал резко. Наверное, это было грубо с ее стороны, но ей было все равно. Единственное, что имело сейчас значение, – скорее выйти из зала и сбежать туда, где не слышно будет дядиного голоса. Она повернулась, стараясь не встретиться взглядом с лионидцем, и заставила

себя медленно и спокойно дойти до дверей в конце зала. Едва переступив порог, Катса бросилась бежать.

Она бежала по коридорам, поворачивала, пробегала мимо слуг, которые, дрожа, старались вжаться в стенку, когда она пролетала рядом, и наконец ворвалась в окутанный тьмой двор.

На ходу вытаскивая из волос булавки, Катса шла по мраморным плитам и с облегчением вздохнула, когда кудри рассыпались по плечам и голова оказалась свободна. Это все из-за булавок, и платья, и туфель, в которых болели ноги. Это все из-за того, что приходилось высоко держать голову и сидеть прямо, из-за сережек, которые бились о шею, доводя до бешенства. Из-за всего этого она ни секунды больше не смогла бы высидеть на прекрасном дядином званом ужине. Она сняла серьги и бросила их в фонтан. Не важно, кто их найдет.

Хотя так нельзя, ведь пойдут толки, и уже завтра весь двор будет судачить о том, что бы это могло значить, с чего это она бросила серьги в дядин фонтан.

Катса скинула туфли, подобрала юбку и, забравшись в фонтан, вздохнула, когда холодная вода потекла между пальцами и сомкнулась вокруг лодыжек. Вот так – куда лучше. Больше она сегодня туфли ни за что не наденет.

Она побрела к блестящим на дне серьгам, вынула их из воды, вытерла о юбку и засунула в лиф платья, чтобы не потерялись. На мгновение Катса замерла, стоя в фонтане и наслаждаясь прохладой, обнимавшей ноги, легким ветерком, звуками ночи... пока шум, донесшийся из замка, не напомнил ей о том, что подумают при дворе, если увидят, как она, босая и растрепанная, бродит по фонтану короля Ранды. Все подумают, что она сошла с ума.

Может, она и вправду сошла с ума.

В лабораториях Раффина горел свет, но сейчас ей не помогло бы его общество – хотелось не сидеть и разговаривать, а действовать. Движение успокоило бы шум в голове.

Катса вылезла из фонтана и, обмотав ремешки туфель вокруг запястий, побежала.

Глава восьмая

На стрельбище было пусто и темно, лишь одинокий факел горел на пороге арсенала. Катса зажгла факелы по всей дальней линии, так что теперь мишени-болваны чернели на фоне яркого света за ними. Потом взяла первый попавшийся лук и горсть самых светлых стрел, какие только нашла, и одну за другой вонзила их в колени мишеней, потом в бедра, локтевые сгибы, плечи – пока колчан не опустел. Было ясно как день, что с этим луком ей под силу разоружить и обезвредить кого угодно даже в темноте. Катса взяла другой лук, выдернула стрелы из болванов и начала заново.

Она вышла из себя на ужине из-за пустяка. Ранда не заговорил с ней, даже не взглянул в ее сторону, а всего только произнес ее имя. Он любил хвастаться Катсой, словно ее необычайные способности были его заслугой. Словно она – лишь стрела, а он – лучник, чье мастерство вело ее к цели. Нет, не стрела, это не самое точное сравнение. Скорее собака. Ранде она казалась дикой собакой, которую он усмирил и выдрессировал, натаскал на своих врагов и выпускал из клетки, только чтобы холить и чистить, сажать среди своих друзей и этим приводить их в трепет.

Катса не заметила, как увеличилась скорость, точность и ярость, с которой она выдергивала стрелы из колчана, так что новая оказывалась вложена в тетиву раньше, чем предыдущая успевала долететь до цели. Лишь почувствовав, что за спиной кто-то есть, она отвлеклась от своего занятия и осознала, как, должно быть, выглядит.

Она и вправду была диким зверем. Достаточно посмотреть на скорость ее движений и точность – и это с дрянным луком, плохо изогнутым, со слабо натянутой тетивой. Неудивительно, что Ранда так к ней относился.

Катса знала, что за ее спиной стоял лионидец, и решила не обращать на него внимания, но замедлила движения, напоказ прицеливаясь в бедро или колено, прежде чем пустить стрелу. Она вдруг почувствовала грязь под ногами и вспомнила, что стоит босая, с рассыпавшимися по плечам волосами, а туфли ее валяются где-то возле арсенала. Он наверняка заметил даже их – едва ли бывает что-то, чего эти глаза не замечают. Ну, он бы и сам не стал носить такую дурацкую обувь или втыкать в волосы булавки, которые словно впиваются в несчастную голову. Хотя, может, и стал бы. Кажется, он ничего не имеет против всех этих драгоценностей в ушах и на пальцах. Тщеславные, наверное, люди эти лионидцы.

– Вы можете убить из лука? Или только ранить?

Этот хрипловатый голос напомнил ей о той ночи в замке Мергона и теперь дразнил так же, как тогда. Она даже не стала к нему оборачиваться, просто вынула из колчана две стрелы, вложила их вместе, натянула и отпустила тетиву. Одна стрела воткнулась в голову болвана, другая – в грудь. Они вошли в мишень с убедительным глухим звуком и теперь белели в мерцающем свете факелов.

– Было бы большой глупостью вызвать вас на состязание в стрельбе.

В его голосе звенел смех. По-прежнему не оборачиваясь, Катса потянулась за новой стрелой.

– От нашего прошлого состязания вы отказались не так легко, – заметила она.

– Да, но это потому, что боевые навыки у меня тоже имеются. А вот в стрельбе из лука мастерства не хватает.

Катса не удержалась. Ей стало любопытно. Она обернулась – его лицо оказалось скрыто в тени.

– Это правда?

– Мой Дар – умение сражаться врукопашную, – сказал он, – или с мечом. Стрелять из лука не помогает.

Он непринужденно оперся о массивную каменную плиту, которая служила лучникам столом для амуниции, и сложил руки на груди. Катса начала уже привыкать к тому, что он выглядит так, словно в любой момент может задремать, но ее этот томный вид одурачить не мог. Ей пришло в голову, что, вздумай она вдруг напасть, он бы среагировал молниеносно.

– Значит, чтобы иметь преимущество, вам нужно контактировать с противником.

Он кивнул.

– Может быть, я скорее, чем простой воин, увернусь от стрелы. Но при нападении все зависит от моей цели.

– Хм...

Катса верила, что он говорил правду. Дар – штука очень странная, двух совершенно одинаковых на свете не найти.

– А нож вы бросаете так же хорошо, как стреляете из лука? – спросил он.

– Да.

– Вы непобедимы, леди Катса.

В его голосе снова зазвучал смех. Она помедлила мгновение, потом отвернулась и направилась к мишеням, остановилась у одного из «поверженных» болванов и стала вытаскивать стрелы из его бедер, груди и

головы.

Принц искал своего деда, и Катса знала, где он. Но он просто не казался ей надежным. Ему трудно было довериться.

Она переходила от мишени к мишени, выдергивая стрелы и чувствуя, что он наблюдает, и взгляд, прожигающий спину, следил за ней, пока она не дошла до дальней линии, где один за другим потушила факелы. Когда погасло последнее пламя, мрак окутал ее и она почувствовала себя невидимой.

Тогда Катса повернулась к принцу с намерением незаметно изучить его в отблесках света из арсенала, но оказалось, что он, ссутулившись и сложив руки, смотрит прямо на нее. Он не мог ее видеть, это было просто невозможно... но он смотрел уверенно, и она отвела взгляд, хотя понимала, что он не может видеть ее глаз.

Пройдя через зал, Катса вступила в пятно света, и его взгляд изменился, на губах мелькнула улыбка. Отблески пламени играли с золотом и серебром его глаз, кошачьих горящих глаз ночного хищника.

– Ваш Дар помогает видеть в темноте? – спросила она.

– Едва ли, – усмехнулся он. – А что?

Она ничего не ответила. Мгновение они просто смотрели друг на друга. Шею Катсы снова начал заливать румянец, а вместе с ним внутри поднялось раздражение. Она слишком привыкла к тому, что все избегают встречаться с ней взглядом. Ему не смутить ее этим, ни за что.

– Я намерена уйти в свои покои, – сказала она.

– Миледи, – принц выпрямился, – у меня есть вопросы.

Что ж, она ведь знала, что этому разговору быть, и пусть уж лучше он пройдет в темноте, где эти глаза не смогут ее смутить. Катса сняла колчан и положила на каменный стол, а потом и лук рядом с ним.

– Задавайте.

Он снова оперся о камень.

– Что вы украли у короля Мергона, миледи, четыре ночи тому назад?

– Ничего, что король Мергон сам не украл.

– Украл у вас?

– Да, у меня или у моих друзей.

– Вот как? – Он снова сложил руки на груди, одна бровь взлетела вверх в свете факелов. – Не удивятся ли ваши друзья, назови вы их этим словом?

– Почему они должны удивляться? Они считают себя моими врагами?

– А, – сказал он, – вот оно что! Но я думал, что у Миддландов нет ни друзей, ни врагов, что король Ранда не вмешивается в дела соседей.

– Видимо, вы ошибаетесь.

– Нет, не ошибаюсь. – Он пристально посмотрел на нее, но, к счастью, тень скрывала ее лицо. – Вы знаете, почему я здесь, миледи?

– Мне сказали, вы сын короля Лионида, – ответила она. – И ищете своего исчезнувшего деда. Но почему вы приехали в наш замок, не знаю. Едва ли вашего деда похитил Ранда.

Несколько секунд он смотрел на нее задумчиво, потом на лице его мелькнула улыбка. Катса не лгала, но это не важно. Что бы он ни думал, она не собирается это подтверждать.

– Король Мергон был твердо убежден, что я замешан в краже, – произнес он. – И что я знаю, что именно у него украли.

– Естественно, – отозвалась Катса. – Стражники видели Одаренного воина, а вы такой и есть.

– Нет, Мергон думал, что я замешан, не потому, что у меня Дар, а потому, что я из Лионида. Можете объяснить почему?

Конечно, она не станет отвечать этому ухмыляющемуся лионидцу. Ей бросилось вдруг в глаза, что ворот его рубашки теперь плотно застегнут.

– Вижу, вы все-таки застегиваете рубашку, хотя бы на государственных приемах, – услышала она собственный голос, хоть ей и неясно было, откуда взялся этот бессмысленный комментарий.

Он скривил губы, а в голосе зазвучал неприкрытый смех:

– Не знал, что вы так заинтересованы в состоянии моих рубашек, миледи.

Лицо Катсы вспыхнуло, его смех приводил ее в бешенство. Это все просто сумасшествие, и терпеть его она больше не намерена.

– Я ухожу к себе, сейчас же!

Она повернулась к выходу, но он в мгновение ока преградил ей путь:

– Мой дедушка у вас.

– Я ухожу к себе.

Катса попыталась его обойти, но он снова встал на пути и на этот раз предупреждающе поднял руку.

Что ж, по крайней мере, теперь они общались на том языке, к которому она привыкла. Катса задрала голову и посмотрела ему прямо в глаза:

– Я ухожу к себе, и если для этого мне придется сбить вас с ног, так тому и быть.

– Я не позволю вам уйти, пока вы не скажете, где мой дедушка.

Катса снова попыталась пройти мимо, но он сделал шаг, чтобы помешать ей, и она почти с облегчением сделала выпад. Это была просто уловка, и, когда он пригнулся, она собиралась ударить его коленом в живот, но принц, увернувшись, сам ударил ее в живот кулаком. Она не стала

отражать удар, просто чтобы посмотреть, как он бьет, но тут же пожалела об этом. Это был не королевский стражник, чьи удары едва чувствовались, даже когда они нападали вдсятером. От этого удара у нее крепко перехватило дыхание. Наглец хорошо дрался – что ж, значит, они будут биться.

Подпрыгнув, она пнула принца ногой в грудь. Он упал на землю, и она бросилась на него, ударила в лицо раз, два, три раза и коленом в бок, прежде чем ему удалось сбросить ее с себя.словно тигрица, Катса бросилась на него опять, но, когда попыталась схватить его за руки, он бросил ее на пол и прижал своим телом. Поджав ноги, она скинула его с себя, и вот они снова на ногах, приседают, кружатся, бьют друг друга руками и ногами. Она ударила его ногой в живот и бросилась вперед, и они снова оказались на полу.

Катса не смогла бы сказать, сколько они уже так боролись, когда вдруг поняла, что он смеется. И она понимала его радость, понимала в полной мере. Она еще никогда так не дралась, никогда у нее не было такого противника. Она нападала быстрее, намного быстрее, но он был сильнее физически и словно предчувствовал каждый ее поворот и удар. Она никогда еще не встречала воина, который умел бы так быстро защищаться. Ей приходилось вспоминать движения, которые она учила еще ребенком, использовать удары, которые лишь мечтала когда-нибудь опробовать в бою. Это была забава, игра. Когда он скрутил ей руки за спиной, схватил за волосы и вжал лицом в грязь, она поняла, что тоже смеется.

– Сдавайся, – сказал он.

– Никогда!

Она пнула его ногой и освободилась из захвата, потом ударила локтем в лицо, а когда он отпрыгнул, налетела вихрем и повалила на землю. Скрутив принцу руки за спиной точно так же, как он за мгновение до того, Катса ткнула его лицом в грязь.

– Сдавайся сам, – сказала она, упершись ему коленом в позвоночник. – Ты побежден.

– Я не побежден, и ты это знаешь. Чтобы меня победить, придется переломать мне руки и ноги.

– Я так и сделаю, – ответила она, – если ты не сдашься.

В ее голосе звучала улыбка.

– Катса, – рассмеялся он, – леди Катса. Я сдаюсь, но при одном условии.

– Что же это за условие?

– Прошу тебя, – сказал он, – пожалуйста, скажи, что с моим дедушкой.

К смеху в его голосе примешивалось что-то такое, что у Катсы защемило сердце. У нее не было дедушки. Но быть может, он был этому лионидцу так же дорог, как Олл, или Хильда, или Раффин дороги ей.

– Катса, – сказал он сквозь грязь, – умоляю, поверь мне, как я поверил тебе.

Помедлив мгновение, она отпустила его руки, соскользнула на землю и села в грязь рядом. Задумчиво опершись подбородком на руку, она внимательно на него посмотрела.

– Почему ты мне доверяешь? – спросила она. – Ведь я оставила тебя без сознания в замке Мергона.

Со стоном он перевернулся и сел, потирая плечо.

– Потому что в тот день я очнулся. Ты могла бы убить меня, но не убила. – Он поморщился, дотронувшись до скулы. – У тебя кровь.

Он потянулся к ее подбородку, но она отвела его руку и поднялась с земли.

– Не важно. Пойдем, принц Первоцвет.

Он встал на ноги:

– Меня зовут По.

– По?

– Да, мое имя – По.

Катса задержала на нем взгляд, пока он двигал руками и проверял суставы. Нажав ладонью на бок, он вдруг застонал. Под глазом, кажется, начинал чернеть и опухать синяк, хотя в темноте трудно было разглядеть. Рукав рубашки порван, и весь принц с ног до головы вымазан в грязи. Конечно, она выглядела не лучше, даже хуже – со спутанными волосами, босая, но это лишь заставило ее улыбнуться.

– Пойдем, По, – сказала она. – Я отведу тебя к дедушке.

Глава девятая

Войдя в ярко освещенную лабораторию Раффина, они обнаружили его голубую шевелюру склоненной над колбой с кипящей жидкостью. Он добавил в нее листья с растения в горшке, стоявшего рядом, проследил за тем, как они растворяются, и что-то пробормотал.

Катса кашлянула. Раффин поднял на них глаза и удивленно заморгал.

– Я так вижу, вы уже познакомились, – сказал он. – Наверное, это был дружеский бой, раз вы пришли вместе.

– Ты один? – спросила Катса.

– Да, если не считать Банна, конечно.

– Я рассказала принцу о его дедушке.

Раффин перевел взгляд от Катсы к По и обратно, потом скептически поднял брови.

– Ему можно доверять, – успокоила его Катса. – Прости, что не посоветовалась с тобой, Рафф.

– Кати, – ответил тот, – если ты считаешь, что ему можно доверять, после того как он разбил тебе лицо в кровь и... – он окинул взглядом изодранное платье, – искупал в грязи, то я верю.

Катса улыбнулась:

– Можно нам к нему?

– Можно, – разрешил Раффин. – Кстати, у меня хорошие новости – он очнулся.

Замок Ранды изобиловал тайными коридорами, и все они существовали уже множество поколений, с самого его возведения. Их было так много, что даже Ранда не знал их все – да и никто не знал, хотя Раффин с самого детства не забывал отмечать про себя, если вдруг две соседние комнаты соединялись под необычным углом. Катса с Раффином немало из них облазили в детстве, и Катса стояла на часах, так что если кто-то и был опасно близок к раскрытию исследовательской деятельности Раффина, то тут же сбегал прочь при виде мрачной маленькой фигурки. Даже свои покои Катса с Раффином выбрали потому, что их связывал тайный ход, и потому, что другой коридор соединял комнаты Раффина с библиотекой научных трактатов.

Некоторые из этих ходов были секретными, о некоторых знал весь двор. Те, что шли от лаборатории Раффина, были секретными. Один из них

брал начало в алькове в дальнем конце кладовой, продолжался лестницей вверх и заканчивался в небольшой комнатке меж двух этажей замка. Комнатка была без окон, темная и затхлая, но это было единственное место в замке, которое точно не обнаружил бы никто чужой и к которому и Раффин, и Банн могли быстро добраться из своих покоев.

Банн, который мальчиком служил в библиотеке, был давним другом Раффина. Однажды Раффин случайно столкнулся с ним, и мальчишки принялись болтать о травах и лекарствах и о том, что случится, если смешать корень такого-то растения с порошком из цветов такого-то. Катса была поражена, что во всех Миддландах нашлось больше одного человека, которому подобные темы казались интересными, но вздохнула с облегчением, видя, что Раффину теперь есть кого утомлять своими рассказами. Вскоре после этого ему понадобилась помощь Банна в каком-то эксперименте, и с тех пор он не отпускал его от себя. Банн стал помощником Раффина во всем.

Раффин с горящим факелом в руке вывел Катсу и По через дверь в задней части кладовой, и они поднялись по ступенькам, ведущим к тайной комнате.

– Он что-нибудь говорил? – спросила Катса.

– Нет, – ответил Раффин, – кроме того, что ему завязали глаза, когда напали. Он еще очень слаб и, кажется, мало что помнит.

– Вы знаете, кто его похитил? – спросил По. – Это дело рук Мергона?

– Мы так не думаем, – отозвалась Катса, – но наверняка известно только то, что в этом не замешан Ранда.

Лестница привела их к двери, и Раффин засуетился в поисках ключа.

– Ранда не знает, что он здесь, – сказал По скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Ранда не знает, – подтвердила Катса. – И никогда не узнает.

Когда Раффин открыл дверь, они попали в тесную комнатушку. Подле узкой кровати на стуле сидел Банн, что-то читая при тусклом свете лампы на столе. Принц Тилифф лежал в постели, глаза его были закрыты, руки сложены на груди.

Увидев их, Банн поднялся со стула. Он, казалось, ничуть не удивился, когда По бросился к кровати, – только отошел, предложив тому свой стул. По сел и склонился над дедом, заглянув в его спящее лицо. Какое-то время он просто сидел и смотрел на него, замерев, потом взял руки старика в свои и с тихим вздохом прижался к ним лбом.

Катса почувствовала себя так, словно стала свидетелем чего-то очень личного. Она не решалась поднять глаза, пока По не выпрямился.

– У вас лицо багровеет, принц Первоцвет, – сказал Раффин. – Вы рискуете занять огромный синяк.

– По, – отозвался тот. – Зови меня По.

– Хорошо, По. Я достану льда из кладовой. Пойдем, Банн, принесем кое-чего нашим храбрым воинам.

Раффин с Банном скрылись за дверью, а когда Катса и По снова повернулись к Тилиффу, глаза старика были открыты.

– Дедушка! – прошептал По.

– По? – говорил он хрипло и с трудом. – По... – Натужно откашлявшись, он несколько мгновений лежал неподвижно, собираясь с силами. – Великие моря, мальчик мой! Наверное, мне не стоит удивляться, что ты здесь.

– Я искал тебя, дедушка, – проговорил По.

– Придвинь лампу, мальчик мой, – попросил Тилифф. – Что, во имя Лионида, ты сотворил со своим лицом?

– Пустяки, дедушка. Просто подрался.

– Со стаей волков?

– С леди Катсой, – ответил По, кивая в сторону Катсы, которая стояла в изножье кровати. – Не бойся, дедушка. Небольшая дружеская потасовка.

– Дружеская потасовка! – фыркнул Тилифф. – Ты выглядишь хуже, чем она, По.

По расхохотался. Он много смеялся, этот лионидский принц.

– Я наконец-то встретился с равным, дедушка.

– С более чем равным, – отозвался Тилифф, – так мне думается. Подойди, дитя мое, – позвал он Катсу. – Выйди к свету.

Катса подошла с другой стороны кровати и встала перед ним на колени. Тилифф повернулся к ней, и она вдруг вспомнила о своем грязном, окровавленном лице, о спутанных волосах. Как кошмарно она, должно быть, выглядит.

– Дорогая девочка, – мягко сказал он, – ты спасла мне жизнь.

– Мой принц, – отозвалась Катса, – если кто и спас вам жизнь, то это мой кузен Раффин и его чудесные снадобья.

– Да, Раффин хороший мальчик, – согласился он, похлопывая ее по руке. – Но я знаю, что сделала ты – ты и остальные. Вы спасли мне жизнь, хоть я и не могу понять почему. Не думаю, что кто-нибудь из лионидцев когда-то сделал тебе добро.

– Я никогда не встречала лионидцев, – сказала Катса, – до вас, мой принц. Но вы кажетесь очень добрым.

Тилифф закрыл глаза. Казалось, он утопал в подушках. Из рта

вырвался протяжный вздох.

– Он так засыпает, – с порога успокоил их Раффин. – Ему нужен покой, и силы вернутся. – Он сунул По в руки что-то завернутое в ткань. – Это лед. Приложи к глазу. Похоже, она тебе и губу разбила. Где еще болит?

– Везде, – ответил По. – Такое ощущение, будто по мне промчалась упряжка лошадей.

– Скажи честно, Катса, – сказал Раффин, – ты пыталась его убить?

– Если бы я хотела его убить, он был бы мертв, – ответила Катса, и По снова засмеялся. – К тому же он не смеялся бы, – добавила она, – если бы все было так уж плохо.

Все и вправду оказалось не так уж плохо; по крайней мере, Раффин, осмотрев По, не нашел ни одной сломанной кости и ни одного синяка, который не зажил бы вскоре. Потом он повернулся к Катсе, изучил пересекавшую челюсть царапину и отер ее лицо от грязи и крови.

– Царапина не очень глубокая, – сообщил он. – Еще жалобы?

– Никаких, – ответила она. – Я и царапины-то не чувствую.

– Думаю, платье придется отправить в отставку, – сказал он. – Получишь от Хильды страшный нагоняй.

– Кошмар, я ведь так любила это платье!

Раффин улыбнулся, взял ее за руки и отступил, чтобы оглядеть с ног до головы, а потом от души рассмеялся.

– Что может показаться таким забавным принцу, который покрасил себе волосы в голубой цвет?

– Впервые в жизни, – отозвался он, – ты выглядишь так, будто побывала в битве.

В покоях Катсы было пять комнат. Первая – спальня, украшенная темными драпировками и гобеленами, выбранными Хильдой, потому что Катса отказалась этим заниматься. Вторая – ванная комната белого мрамора, большая, холодная и практичная. Потом столовая с окнами во двор и небольшим столиком, где она ела, иногда с Раффином, или с Хильдой, или с Гиддоном, когда он не выводил ее из себя. Еще гостиная, полная мягких кресел и подушек, которые опять же выбирала Хильда. Катса не пользовалась гостиной.

Пятая комната когда-то была комнатой для вышивания, но трудно было вспомнить, когда Катса в последний раз что-то вышивала, вязала или штопала чулок. По правде говоря, она даже не могла вспомнить, когда в последний раз чулок надевала. Комната со временем превратилась в оружейную: на ее стенах Катса хранила свои мечи, кинжалы, ножи, луки и

дубинки. Еще там появился массивный квадратный стол, и теперь в этой комнате проводились заседания Совета.

Катса сидела в ванне уже второй раз за день, собрав мокрые волосы в высокий узел. Платье она бросила в камин в спальне и с огромным удовлетворением наблюдала за его гибелью в дыму и пламени. Прибыл мальчик, который обычно стоял на страже во время заседаний Совета. Катса направилась в оружейную и зажгла факелы, висевшие на стенах между ножами и луками.

Раффин и По пришли первыми. Волосы По были еще влажными после мытья. Вокруг золотого глаза налился синяк, сделав взгляд еще более лихим и пугающим, чем раньше. Он сел за стол, сунув руки в карманы. Глаза его метались по комнате, разглядывая коллекцию Катсы. По надел свежую рубашку, ворот ее был расстегнут, рукава закатаны до локтей, открывая руки, такие же загорелые, как и лицо. Не понимая, почему обращает на все это внимание, Катса нахмурилась.

– Садитесь, ваши королевские высочества, – проворчала она, подвинула стул и села сама.

– У тебя прекрасное настроение, – заметил Раффин.

– У тебя голубые волосы, – огрызнулась Катса в ответ.

В комнату вошел Олл. При виде царапины на лице Катсы у него отвисла челюсть. Повернувшись к По, он заметил у того синяк под глазом. Посмеиваясь, снова повернулся к Катсе, хлопнул ладонью по столу, и смешок перешел в хохот:

– Как бы я хотел видеть это сражение, миледи! Ох, как бы я хотел это видеть!

По улыбнулся:

– Победила леди Катса, хотя я сомневаюсь, что вас это удивит.

– Это была тренировка, – сердито возразила Катса. – Никто не победил.

– Эй! – раздался голос Гиддона, и, когда он вошел в комнату и увидел Катсу и По, его глаза потемнели. Положив руку на рукоять меча, лорд резко повернулся к По. – Как вы осмелились напасть на леди Катсу?

– Гиддон, – перебила его Катса, – не будь смешным.

– Кто позволил ему на тебя нападать?!

– Я ударила первой, Гиддон. Садись.

– Если ты ударила первой, значит он тебя оскорбил...

Катса вскочила на ноги:

– Довольно, Гиддон! Если ты думаешь, что меня нужно защищать...

– Гость короля, незнакомец...

– Гиддон...

– Лорд Гиддон... – По встал, прервав Катсу. – Если я оскорбил вашу даму, – начал он, – прошу прощения. Я так редко имею удовольствие поупражняться со столь могучим воином, что не устоял перед искушением. Уверяю вас, она нанесла мне куда больше урона, чем я ей.

Гиддон не убрал ладонь с меча, но лицо его стало менее мрачным.

– Прощу прощения, что оскорбил и вас также, – сказал По. – Теперь я понимаю, что должен был больше заботиться о ее лице. Сожалею. Это было непростительно. – И он протянул руку через стол.

Суровые глаза Гиддона снова потеплели, и он пожал протянутую руку.

– Вы ведь понимаете, – сказал он.

– Конечно.

Катса переводила взгляд с одного на другого, глядя, как эти двое понимающих жмут друг другу руки, и терялась в догадках, почему Гиддон так оскорбился и, вообще, при чем тут Гиддон. Кто они такие, чтобы отбирать у нее эту схватку и превращать в какое-то тайное соглашение? Он должен был больше заботиться о ее лице? Ей захотелось сломать ему нос. Она бы их обоих сейчас отметелила и не подумала извиняться.

По поймал ее взгляд, и Катса не сделала ничего, чтобы смягчить молчаливую ярость, которую метнула в него через стол.

– Может быть, сядем? – предложил кто-то.

По не спускал с нее глаз, пока они садились. В его лице не было ни намека на веселье, на этот наглый разговор с Гиддоном. А потом он одними губами прошептал два слова, и Катса так ясно их услышала, словно он произнес это вслух:

«Прости меня».

Ну...

Гиддон все равно сволоочь.

На собрании присутствовали, помимо По и лорда Давита, шестнадцать членов Совета: Катса, Раффин, Гиддон, Олл со своей женой Бертол, два воина и два шпиона из его подчиненных, три лорда, равных по знатности Гиддону, и четверо слуг – кухарка, помощник конюха, прачка и клерк из казначейства. В замке Ранды были и другие союзники Совета, но эти присутствовали на собраниях чаще всего. Еще на встречах частенько появлялся Банн, если удавалось улизнуть.

Главной целью собрания было выслушать новости лорда Давита, поэтому времени терять не стали.

– К сожалению, я не могу сказать, кто похитил принца Тилиффа, – начал он. – Вы, конечно, предпочли бы именно такие новости. Зато я,

возможно, могу сказать, кто этого точно не делал. Мои земли граничат с Истиллоном и Нандером. Вассалы королей Тигпена и Драудена – мои соседи, некоторые из них знают с их шпионами и, что самое главное, благоволят к Совету. Принц Раффин, – продолжал Давит, – эти люди уверены, что ни король Тигпен, ни король Драуден не замешаны в похищении.

Раффин и Катса переглянулись.

– Значит, остается Бирн, король Вестера, – заключил Раффин.

Получается так, хоть Катсе и не приходило в голову никакого мотива.

– Нам нужны ваши источники, – подал голос Олл, – и источники ваших источников. Мы внимательно ими займемся, и если сведения окажутся правдивыми, это поможет нам намного дальше продвинуться в поисках разгадки.

Заседание длилось недолго. Во всех семи королевствах было спокойно, а сообщение Давита давало довольно работы Оллу и его шпионам, по крайней мере пока.

– Нам бы очень помогло, принц Первоцвет, – попросил Раффин, – если бы ты позволил нам пока держать спасение твоего дедушки в тайне. Мы не можем гарантировать его безопасность, если даже не знаем, кто на него напал.

– Конечно, – ответил По. – Я понимаю.

– Но может быть, стоит отправить семье зашифрованное послание, – продолжил Раффин, – сообщить, что с принцем все хорошо...

– Да, думаю, у меня получится состряпать такое послание.

– Отлично! – Раффин хлопнул ладонями по столу. – Что-нибудь еще важное? Катса?

– Ничего.

– Хорошо. – Раффин поднялся. – Что ж, тогда до встречи, когда получим какие-нибудь сведения или когда принц Тилифф что-нибудь вспомнит. Гиддон, проводи, пожалуйста, лорда Давита обратно в его покои. Олл, Хоран, Уоллер, Бертол, пойдете со мной, на минутку. Мы воспользуемся тайным ходом, Катса, если ты не возражаешь против того, чтобы мы дефилировали через твою спальню.

– Вперед, – разрешила Катса. – Это лучше, чем если вы будете дефилировать по коридорам.

– Принц! – сказал Раффин. – Катса, ты не проводишь принца?..

– Провожу, иди.

Раффин удалился в сопровождении Олла и шпионов, солдаты и слуги, распрощавшись, тоже отбыли восвояси.

– Полагаю, твоя дурнота прошла, Катса, – заметил Гиддон, – раз ты уже затеяла схватку; похоже, ты и в самом деле снова стала самой собой.

Катса заставила себя быть с ним вежливой из-за По и лорда Давита, хоть он и смеялся ей в лицо.

– Да, спасибо, Гиддон. Доброй ночи.

Гиддон, кивнув, вышел в обществе лорда Давита, и По с Катсой остались одни. По откинулся на стуле, прислонившись спиной к столу:

– Предполагается, что я сам не сумею найти дорогу?

– Он хотел, чтобы я провела тебя тайным ходом, – объяснила Катса. – Если кто-то увидит, как ты бродишь ночью по замку, начнутся пересуды. Здесь при дворе готовы уцепиться за любую чепуху, лишь бы посудачить.

– Да уж, – согласился он. – Думаю, так дела обстоят почти при любом дворе.

– Сколько ты планируешь пробыть в замке?

– Я хотел бы дождаться, пока дедушке не станет лучше.

– Тогда нам придется придумать тебе оправдание, – задумалась Катса. – Ведь все же думают, что ты ищешь дедушку.

По кивнул.

– Но если ты согласишься провести со мной пару тренировочных поединков, – предложил он, – это может послужить поводом.

Она стала тушить факелы.

– В каком смысле?

– Люди не удивятся, – объяснил он, – если я останусь, чтобы потренироваться с тобой. Они должны понимать, что мы видим в этом прекрасную возможность. Для нас обоих.

Перед последним факелом Катса помедлила, обдумывая предложение. Она полностью его понимала: надоело драться с десятком воинов сразу – воинов в полной амуниции, ни один из которых даже дотронуться до нее не мог, – и бить вполсилы. Было бы здорово, просто здорово еще раз сразиться с По. А сражаться с ним каждый день было бы просто потрясающе.

– А это не будет выглядеть так, будто ты забросил поиски дедушки?

– Я уже был в Вестере, – ответил он, – и в Сандере. Могу съездить и в Нандер с Истиллом, как бы в поисках информации, а жить буду здесь, как думаешь? Нет города, который располагался бы удобнее.

Да, так можно было поступить, и ни у кого не возникло бы вопросов. Катса погасила последний факел и подошла к принцу. На одну половину его лица падал свет из коридора – на ту половину, где был золотой глаз, окруженный синяком. Она посмотрела на него снизу вверх, вздернув подбородок:

– Я согласна с тобой тренироваться. Но не жди, что я буду беречь твое лицо больше, чем поберегла сегодня.

Он расхохотался, но тут же посерьезнел и опустил глаза:

– Прости, Катса. Я хотел, чтобы лорд Гиддон был мне союзником, а не врагом, и это мне показалось единственным способом.

– Гиддон – глупец! – Катса с раздражением тряхнула головой.

– Это была естественная реакция, – сказал По, – учитывая его положение.

Внезапно он кончиками пальцев коснулся ее подбородка, и она замерла, забыв, что собиралась спросить насчет Гиддона и того, какое, во имя Миддландов, у него там еще положение. По наклонил ее лицо к свету:

– Мое кольцо.

Она не поняла.

– Это тебя мое кольцо поцарапало.

– Твое кольцо?

– Ну, одно из моих колец.

Ее поцарапало одно из его колец, а теперь кончики его пальцев касались ее лица. По опустил руку и безмятежно посмотрел на Катсу так, словно это нормально, как будто люди, с которыми она только-только подружилась, постоянно касались ее лица кончиками пальцев. Как будто она вообще хоть раз с кем-то подружилась. Как будто у нее было с чем сравнивать, чтобы решать, что нормально для друзей, а что нет.

Но сама она нормальной точно не была.

Подойдя к двери, Катса сняла со стены факел:

– Пойдем.

Нужно выпроводить отсюда этого странного человека с кошачьими глазами, который, кажется, создан для того, чтобы выводить ее из равновесия. Когда они сойдутся в следующий раз, она выбьет эти глаза из глазниц и сорвет кольца с этих ушей и пальцев.

Нужно выпроводить его отсюда, тогда можно будет вернуться в свое логово, к самой себе.

Глава десятая

Он был блестящим противником: к нему не удавалось подобраться, не удавалось ударить, куда хотелось, и с такой силой, как хотелось. Он ставил блоки и уворачивался с невероятной скоростью, реагировал молниеносно. Сбить его с ног было почти невозможно, но еще сложнее – сделать захват, когда поединок уже переходил на пол и превращался в борьбу.

По был намного сильнее, и первый раз в жизни Катса задумалась над тем, как важна сила. Раньше никто еще не подбирался настолько близко, чтобы недостаток физической силы мог сыграть с ней злую шутку.

По очень тонко чувствовал все вокруг, в том числе движения, и это тоже нужно было преодолевать. Казалось, он всегда знал, что она делает, даже когда стоял спиной.

– Я поверю, что ты не видишь в темноте, если признаешься, что у тебя есть глаза на затылке, – сказала она однажды, войдя в комнату для тренировок, когда он, даже не обернувшись, поприветствовал ее по имени.

– В каком смысле?

– Ты всегда знаешь, что происходит позади.

– Катса, ты никогда не замечала, с каким шумом врываешься в помещения? Никто больше так яростно не распахивает двери.

– Может, твой Дар дает тебе обостренное чувство предметов? – предположила она, но По покачал головой.

– Может быть, но не больше чем твой – тебе.

В схватках ему по-прежнему доставалось больше из-за ее гибкости и неутомимой энергии, но главным образом – из-за ее скорости. Возможно, ей не удавалось ударить, как она хотела, но удар она все-таки наносила. К тому же он больше страдал от боли. Однажды он остановил бой, когда она пыталась пригвоздить его руку, ноги и спину к земле, а он молотил ее по ребрам единственной свободной рукой.

– Неужели не больно? – сказал он, задыхаясь от смеха. – Ты вообще ничего не чувствуешь? Я, наверное, раз двенадцать ударил, а ты даже не скривилась.

Она села на корточки и коснулась пальцами ребер под грудью:

– Больно, но не очень.

– Твои кости, наверное, из камня. У тебя после схватки ни ссадины не остается, а я ковыляю к себе и весь день прикладываю лед к синякам.

На тренировки он колея не надевал. В первый же день пришел без них,

а когда Катса запротестовала, говоря, что такие предосторожности излишни, сделал невинное лицо.

– Я ведь обещал Гиддону, помнишь? – сказал он и начал бой с того, что пригнулся, смеясь, когда Катса бросилась на него.

Сапоги они тоже не носили с тех пор, как Катса случайно ударила его в лоб. Он упал на руки и колени, и она сразу поняла, что случилось.

– Позови Раффа! – крикнула она наблюдавшему за схваткой Оллу, посадила По на пол и, оторвав свой рукав, попыталась остановить поток крови, который хлынул в его затуманенные глаза. Когда через несколько дней Раффин дал добро на тренировки, она настояла, чтобы они дрались босиком. И, по правде говоря, с тех пор стала больше беречь его лицо.

На тренировках почти всегда присутствовали зрители – воины или лорды. Когда выпадала возможность, приходил Олл – их схватки доставляли ему огромное удовольствие. Порой бывал Гиддон, но он все время хмурился и никогда не оставался надолго. Даже Хильда – единственная из женщин – заглядывала при случае и сидела с округлившимися глазами, которые раскрывались тем шире, чем дольше она наблюдала.

Ранда не приходил, и это было хорошо. Теперь Катса радовалась его желанию держать ее не ближе чем на расстоянии вытянутой руки.

После упражнений они почти каждый день обедали вместе – в ее столовой или в лабораториях Раффина с ним и Банном, а иногда – за столом, который Раффин поставил в комнате Тилиффа. Старик был еще очень болен, но их общество, казалось, придавало ему сил и бодрости.

Иногда, когда они вот так сидели и разговаривали, серебристо-золотые глаза По заставляли ее врасплох. Она никак не могла привыкнуть к этим глазам, они ее смущали, но не отводила взгляда, когда По смотрел на нее, заставляла себя дышать и разговаривать, не обращая внимания на бурю внутри. Это были глаза, всего лишь глаза, а она не была трусихой. К тому же ей не хотелось поступать с ним так, как все при дворе поступали с ней, – отводить взгляд, неловко, безразлично. Нельзя так поступать с другом.

А он стал настоящим другом: и в эти последние недели лета впервые в жизни Катса чувствовала себя в замке Ранды на своем месте. Здесь у нее были напряженные тренировки, работа и друзья. Шпионы Олла стабильно поставляли сведения, путешествуя по Нандеру и Истиллу. Удивительно, но в королевствах царил мир. Жара и тяжелый, душный воздух, казалось, усыпили даже жестокость Ранды, или, возможно, его просто отвлекла лавина товаров с торговых путей, всегда затоплявшая город в это время

года. Как бы там ни было, Катсе не пришлось еще выполнять ни одного отвратительного поручения, и в конце концов она осмелела настолько, что чувствовала себя свободной.

Вопросы к По у нее никогда не кончались.

– Почему тебя так зовут? – спросила она однажды, когда они сидели в комнате старика и тихонько болтали, чтобы не разбудить его.

По оборачивал вокруг плеча повязку со льдом.

– Как? Имен у меня множество, выбирай любое.

Катса потянулась через стол, чтобы помочь ему плотнее затянуть повязку.

– По. Тебя все так называют?

– Меня так прозвали братья, когда я был совсем маленький. В Лиониде есть такое дерево – дерево по. Осенью его листья становятся серебристыми и золотыми. Прозвище довольно очевидное.

Катса отломала себе хлеба и подумала, было ли это имя дано с любовью, или это была попытка братьев оттолкнуть его, постоянно напоминая, что у него есть Дар. Она невольно улыбнулась, заметив, как торопливо он накладывает себе на тарелку гору хлеба, мяса, фруктов и сыра и начинает поглощать все это с такой же невероятной скоростью. Катса и сама могла съесть немало, но с По ей тягаться не приходилось.

– Каково это – иметь шесть старших братьев?

– Сомневаюсь, что у нас все так же, как у других, – задумчиво ответил он. – Рукопашный бой очень почитается в Лиониде. Все мои братья – отличные бойцы, но я, конечно, мог выстоять против них, даже когда был ребенком, – и постепенно поборол их всех. Они всегда относились ко мне как к равному, даже к более чем равному.

– И ты дружен с ними всеми?

– О да, особенно с младшими.

Возможно, быть Одаренным бойцом легче, если ты мальчик и если у тебя на родине почитают рукопашный бой, или, может быть, Дар у По впервые проявился не при таких трагических обстоятельствах, как у нее. Быть может, если бы у Катсы было шесть старших братьев, у нее было бы шесть друзей.

Или просто в Лиониде все было иначе.

– Я слышала, лионидские замки стоят на вершинах таких высоких гор, что людей поднимают туда на канатах, – сказала она.

– Только в город моего отца поднимают на канатах, – ухмыльнулся По и, налив себе еще воды, снова сосредоточился на тарелке.

– И?.. – нетерпеливо спросила Катса. – Ты собираешься мне про них

рассказать или нет?

– Катса... Твоему пониманию недоступно, что человек может хотеть есть, после того как ты избивала его до полусмерти? Мне начинает казаться, что это часть твоей стратегии – не давать мне есть. Хочешь довести меня до обморока?

– Для лучшего бойца Лионида, – парировала она, – у тебя слишком нежная конституция.

Рассмеявшись, По отложил вилку.

– Ладно, ладно. Как такое описать? – Он снова взял в руку вилку и начал рисовать ею в воздухе, рассказывая: – Город отца стоит на вершине огромной, высоченной каменной глыбы, горы, возвышающейся посреди равнины. К городу ведут три пути. Первый – дорога, выдолбленная в скале и обвившая ее широкой спиралью. Второй – лестница, которая вьется туда-сюда, пока не достигает вершины, – это хороший путь, если ты силен, ловок и идешь пешком, но большинство из тех, кто его выбрал, в конце концов выбиваются из сил и умоляют кого-нибудь на дороге их подвезти. Мы с братьями иногда бегаем по ней наперегонки.

– И кто побеждает?

– Где же твоя вера в меня? Зачем задавать такие вопросы? Ты бы, конечно, одолела нас всех.

– Мои боевые навыки никак не влияют на способность бегать вверх по лестнице.

– И все же я не могу себе представить, чтобы ты дала кому-то победить себя хоть в чем-нибудь.

Катса фыркнула.

– А третий путь?

– Третий путь – канаты.

– Но как они работают?

По почесал в затылке:

– На самом деле элементарно. Они висят на большом колесе, которое лежит на боку на вершине, а к нижним их концам прикреплены платформы. Лошади поворачивают колесо, колесо тянет канаты, и платформы поднимаются.

– Это, наверное, страшно тяжело.

– Почти все используют дорогу. Веревки предназначены только для крупных партий товаров.

– И весь город стоит там, в небе?

Кивнув, По отломил себе еще кусочек хлеба.

– Но какой смысл строить город в таком месте?

По пожал плечами:

– Наверное, потому, что это красиво.

– В каком смысле?

– Ну, с городских стен можно бесконечно смотреть на поля, горы, холмы. А с другой стороны – на море.

– Море, – повторила Катса.

Море ненадолго остановило лавину вопросов. Катса видела озера Нандера – некоторые из них были так широки, что противоположный берег едва виднелся вдали, но моря не видела никогда. Она не могла себе представить столько воды, не могла представить, чтобы вода бушевала и билась о берег, как, говорят, это делает море. Рассеянно уставившись на стену комнатки Тилиффа, она попыталась вообразить это.

– Из города видны замки двух моих братьев, – произнес По, – они стоят на холмах у подножия гор. Остальные замки либо скрыты горами, либо слишком далеко.

– А сколько всего замков?

– Семь, – ответил По, – так же как и сыновей.

– Значит, один из них – твой.

– Самый маленький.

– И тебя устраивает, что он самый маленький?

По взял яблоко из вазы с фруктами на столе.

– Я очень этому рад, но братья не верят, когда я так говорю.

Катса их не винила. Ей никогда не приходилось слышать о человеке, который не хотел бы получить больше, чем у него есть. Гиддон постоянно сравнивал свое поместье с поместьями соседей, и даже Раффин, перечисляя претензии к Тигпену, никогда не забывал упомянуть о разногласиях по поводу точного прохождения восточной границы Миддланда. Она думала, что все мужчины таковы и что ей это безразлично, потому что она не мужчина.

– У меня нет амбиций моих братьев, – продолжал По. – Я никогда не хотел большого поместья, никогда не хотел стать королем или сюзереном.

– Я тоже, – проговорила Катса. – Я столько раз благодарила холмы, что сыном Ранды родился Раффин, а я – всего лишь племянница, дочь его сестры.

– Мои братья мечтают о власти, – продолжал он. – Им нравится участвовать во всех придворных распрях, они этим просто упиваются. Им нравится править своими замками и городами. Иногда мне кажется, что каждый из них хотел бы занять королевский трон.

Он откинулся на спинку стула и рассеянно провел пальцами по

ушибленному плечу.

– Вокруг моего замка нет города, – добавил он. – Невдалеке есть один городок, но он сам собой управляет. И придворных у меня тоже нет. Это скорее просто очень большой дом, в котором я буду жить в перерывах между путешествиями.

Катса тоже взяла яблоко.

– Ты собираешься путешествовать?

– Я не могу все время сидеть на одном месте, как братья. Но мой замок так красив – это самый прекрасный дом на свете. Он стоит на утесе, у моря, и в утесе вырезаны ступени к воде. А балконы нависают так, что кажется, будто упадешь, если слишком сильно высунешься. Вечером, когда солнце спускается к воде, все небо становится багряно-золотым, и море вместе с ним. Иногда в воде можно разглядеть огромных рыбин невероятных цветов: они резвятся на самой поверхности, и на них можно любоваться с балконов. А зимой волны поднимаются очень высоко, и яростный ветер сбивает с ног – опасно даже выходить на балкон.

– Дедушка! – воскликнул он вдруг и, вскочив со стула, бросился к кровати.

Катса про себя усмехнулась: видно, глаза на затылке сообщили ему, что старик проснулся.

– Ты рассказываешь о своем замке, мальчик мой.

– Дедушка, как ты себя чувствуешь?

Катса ела яблоко и слушала их разговор. Ее распирало от всего, что рассказал По. Никогда раньше она не думала, что на свете есть такие прекрасные места, что хочется смотреть на них вечно. Тут По повернулся к ней, и в его глазах заплясало пламя факела. Катса заставила себя дышать ровно.

– Я падох на красивые виды, – сказал он. – Братья всегда меня из-за этого дразнили.

– И это глупо с их стороны, – проговорил Тилифф, – не ценить могущество красоты. Подойди, дитя мое, – позвал он Катсу. – Дай поглядеть на твои глаза, это придаст мне сил.

Его доброта заставила ее улыбнуться, хотя слова были пустячны. Она села рядом с дедушкой Тилиффом, и они рассказали ей еще много чудесного о замке По, о его братьях и о городе Рора, парящем в небесах.

Глава одиннадцатая

– Далеко от Рандиона до поместья Гиддона? – спросил По однажды утром, когда они отдыхали, сидя на полу зала для упражнений, и освежались водой. Тренировка была отменная. По накануне вернулся из поездки в Нандер, и Катсе подумалось, что перерыв пошел им обоим на пользу, – они схватились еще неистовее.

– Недалеко, – ответила Катса. – Примерно день пути на запад.

– Ты там бывала?

– Да. Оно очень большое и роскошное. Он не часто появляется дома, но все равно умудряется содержать его в порядке.

– Я не сомневался.

Гиддон заходил сегодня посмотреть на тренировку. Он был один и вскоре удалился. Катса не понимала, зачем он приходит, – их упражнения, казалось, всегда приводили его в дурное расположение духа.

Катса легла на спину и посмотрела на высокий потолок. Из больших, выходящих на восток окон в комнату лились потоки света. Дни стали короче. Скоро воздух будет холодным, и в замке запахнет древесиной, горящей в каминах. Листья начнут хрустеть под копытами лошади.

Последние пару недель было слишком тихо и спокойно. Ей хотелось, чтобы Совет поручил ей что-нибудь, хотелось вырваться из города и размять ноги. Неужели Олл до сих пор ничего не выяснил о Тилиффе? Может быть, стоит самой съездить в Вестер и попытаться что-нибудь разузнать?

– Что ты ответишь Гиддону, когда он попросит твоей руки? – спросил По. – согласишься?

Выпрямившись, Катса уставилась на него:

– Это бред.

– Бред? Почему?

На его лице – ни тени обычной улыбки. Едва ли он ее дразнит.

– Почему, во имя Миддландов, Гиддон вздумает просить моей руки?

Он прищурился:

– Катса, ты ведь не серьезно?

Она непонимающе посмотрела на него, и вот теперь он начал улыбаться.

– Катса, ты что, не знаешь, что Гиддон влюблен в тебя?

– Не пори чушь, – фыркнула она. – Гиддон живет ради того, чтобы ко

мне цепляться.

По покачал головой, из его груди вырвался сдавленный смешок.

– Катса, как можно быть такой слепой? Он от тебя без ума. Ты разве не видишь, как он ревнует? Помнишь, какая была сцена, когда я тебя поцарапал?

Внутренности Катсы неприятно сжались.

– Не понимаю, как это связано. И к тому же откуда тебе-то знать? Едва ли лорд Гиддон тебе докладывается.

– Нет, – рассмеялся он. – Определенно не докладывается. Гиддон скорее Мергону доверится, чем мне. Держу пари, он посчитал бы всякого, кто борется с тобой, как я, просто бандитом и авантюристом.

– Ты заблуждаешься, – настойчиво повторила Катса. – Гиддон ничего ко мне не испытывает.

– Я не могу открыть тебе глаза, Катса, если ты твердо решила не видеть. – По, зевнув, растянулся на полу. – Как бы там ни было, на твоём месте я бы заготовил ответ. Просто на случай, если он все же предложит. – Он снова рассмеялся. – Придется опять прикладывать лед к плечу. Кажется, сегодня ты снова победила.

Она вскочила на ноги:

– Мы закончили?

– Похоже что да. Ты проголодалась?

Катса отмахнулась от него и направилась к двери. Оставив По лежать на спине в лучах солнечного света, она побежала искать Раффина.

Когда Катса ворвалась в лабораторию, Раффин и Банн плечо к плечу сидели за столом, склонившись над книгой.

– Вы одни?

Они с удивлением подняли глаза:

– Да...

– Гиддон что, влюблен в меня?

Раффин заморгал, а глаза Банна округлились.

– Он никогда не говорил со мной об этом, – ответил Раффин. – Но да, думаю, любой, кто его знает, сказал бы, что он в тебя влюблен.

Катса хлопнула себя ладонью по лбу:

– Из всех дураков на свете... как ему пришло в голову... – Дойдя до стола, она развернулась и ринулась обратно к двери.

– Он тебе что-то сказал? – спросил Раффин.

– Нет. Мне сказал По. – Она резко развернулась. – А вот ты почему не сказал?

– Кати, – он откинулся на стуле, – я думал, ты знаешь. Не представляю, как ты не заметила. Он сопровождает тебя всякий раз, как ты уезжаешь из города по делам короля, все время сидит рядом за ужином.

– Это Ранда решает, кому где сидеть за ужином.

– Ну, он наверняка в курсе, что Гиддон надеется жениться на тебе, – сказал Раффин.

Катса снова промаршировала к столу, вцепившись пальцами в волосы.

– Это ужасно. Что мне делать?

– Если он попросит тебя выйти за него замуж, ответишь «нет». Скажешь, что дело не в нем, что ты вообще не собираешься замуж, не хочешь детей, скажешь все, что угодно, лишь бы он понял, что причина не в нем.

– Я бы не вышла за Гиддона, даже если бы от этого зависела моя жизнь, – сказала Катса. – Даже если бы от этого зависела твоя жизнь.

– Э-э-э, – в глазах Раффина плескался смех, – притворюсь, что я этого не слышал.

Тяжело вздохнув, Катса снова зашагала к двери.

– Если позволишь, – продолжал Раффин, – ты, Кати, не самый догадливый человек на свете. Твое умение не замечать очевидное изумляет.

Она всплеснула руками и повернулась, чтобы уйти, но внезапно снова повернулась к нему, осененная ужасной догадкой:

– А ты, случайно, в меня не влюблен?

С мгновение он просто смотрел на нее, потеряв дар речи, а потом неудержимо расхохотался. Банн тоже засмеялся, хоть и галантно пытаясь прикрыть рот ладонью. Но Катса была слишком рада, чтобы обижаться.

– Ладно, ладно, – сказала она. – Наверное, я это заслужила.

– Милая сестренка, – сказал Раффин, отсмеявшись, – Гиддон – такой интересный мужчина, ты уверена, что не захочешь передумать?

И Раффин, и Банн снова захохотали, схватившись за живот. Катса отмахнулась – они безнадежны! – и повернулась к двери.

– Сегодня вечером собирается Совет, – догнал ее голос Раффина.

Она подняла руку, чтобы дать понять, что слышала, и вышла из звенящей от смеха комнаты.

– В семи королевствах почти ничего не происходит, – говорил Олл. – Мы собрали Совет только потому, что получили сведения о принце Тилиффе, которые поставили нас в тупик. Надеемся, у вас будут идеи.

На этом собрании присутствовал Банн – принц пошел на поправку, так что его можно было иногда оставлять одного. Катса, воспользовавшись

широкой грудью и плечами Банна, усадила его между собой и Гиддоном. Гиддону не было ее видно, но на всякий случай она посадила между ними еще и Раффина. Олл и По сидели напротив. По откинулся на спинку стула, и куда бы она ни смотрела, боковым зрением все время ловила мерцание его глаз.

– Лорд Давит сказал нам правду, – продолжал Олл. – Ни в Нандере, ни в Истилле ничего не знают о похищении. Они непричастны. Но теперь мы также почти уверены, что и Бирн, король Вестера, в нем не замешан.

– Так, может быть, это все-таки Мергон? – предположил Гиддон.

– А мотив? – спросила Катса.

– Мотива у него не было, – вмешался Раффин. – Впрочем, как и у всех остальных. Мы все время в это упираемся. Ни у кого не было причин похищать принца. Даже По... принц Первоцвет... не может предположить, зачем его украли.

– Мой дедушка важен только для нашей семьи, – кивнул По.

– А если кто-то хотел спровоцировать правящий дом Лионида, – добавил Олл, – разве со временем он не обнаружил бы себя? Иначе все эти интриги бессмысленны.

– Тилифф ничего больше не рассказал? – спросил Гиддон.

– Рассказал, что ему завязали глаза, – ответил По, – и чем-то опоили. Они долго плыли на корабле, потом ехали, но уже не так долго, – видимо, похитители переправили его из Лионида на восток морем, может быть, в один из портов южного Сандера, а потом лесом увезли в Мергонион. Их говор показался ему южным.

– Значит, это, скорее всего, Сандер – и Мергон, – заключил Гиддон.

Но это какая-то бессмыслица! Ни у кого из королей не было причин, особенно у Мергона. Мергон работал на других, его единственной целью были деньги. Это знал каждый за столом, каждый член Совета.

– По, – нарушила молчание Катса, – у дедушки не было ссор с твоим отцом или братьями? Может, с матерью?

– Нет, – ответил По. – Это точно.

– Не понимаю, с чего вы так уверены, – вставил Гиддон.

– Придется поверить мне на слово, лорд Гиддон, – сверкнул глазами По. – Ни мой отец, ни братья, ни мать, ни кто-либо еще при дворе Лионида не принимали участия в похищении.

– Совету достаточно слова По, – сказал Раффин. – И если похититель – не Бирн, Драуден, Тигпен, Ранда или Рор, значит это Мергон.

По поднял брови:

– А почему никто даже не подумал о короле Монси?

– Король, который славится добротой к беззащитным тварям и сиротам, – снова подал голос Гиддон, – прервал свою уединенную жизнь и озаботился похищением пожилого тестя? Неправдоподобно, вам не кажется?

– Мы изучили обстановку и не нашли ничего подозрительного, – сказал Олл. – Король Лек – миролюбивый человек. Либо это Мергон, либо кто-то из королев что-то скрывает даже от своих собственных шпионов.

– Это может быть сам Мергон, – проговорила Катса, – а может, и нет. Но в любом случае Мергон знает похитителя. Если знает Мергон, то знают и его приближенные. Неужели нельзя разыскать кого-нибудь из них? Я заставлю его заговорить.

– Но тогда вы раскроете себя, миледи, – напомнил Олл.

– Она может его убить, – предложил Гиддон, – после допроса.

– Подождите-ка! – Катса подняла ладонь. – Об убийстве я ничего не говорила.

– Но, Катса, – вмешался Раффин, – сведения не стоят того, чтобы тебя узнали и донесли обо всем Мергону.

– Это все равно должен делать Первоцвет, – встрял Гиддон, и По еще раз окинул его ледяным взглядом. – Мергон знает, что у лионидского принца есть причины, и будет этого ожидать. Если честно, я не понимаю, почему вы до сих пор этого не сделали, – он обратился к По, – если так горите желанием узнать, кто виновен в похищении.

Катса так разозлилась, что совсем забыла о своем стратегическом размещении и наклонилась вперед, чтобы через Раффина с Банном посмотреть на Гиддона.

– Потому что Мергону нельзя знать, что По в курсе его участия, – объяснила она. – Как он это объяснит, не подставив нас?

– Но это только подтверждает, что не получится допросить людей Мергона и оставить их в живых, Катса. – Гиддон стукнул ладонью по столу и посмотрел на нее.

– Ладно, – прервал их Раффин, – хватит. Мы ходим по кругу.

Закипая от негодования, Катса откинулась на спинку стула.

– Катса, – продолжал он, – ради этих сведений мы не станем рисковать тобой и Советом. И к попыткам прибегать тоже не станем.

Она глубоко вздохнула про себя. Раффин, конечно, прав.

– Может быть, в будущем нам придется. Но пока принц Тилифф в безопасности, и со стороны Мергона или кого-либо другого не видно никакой угрозы. По, если хочешь что-то предпринять – твое дело, но я бы просил тебя сначала обсудить это с нами.

– Мне нужно подумать, – ответил По.

– Значит, вопрос исчерпан, – заключил Раффин, – пока не узнаем что-нибудь еще или пока По не решит, что делать. Олл, у нас есть еще темы?

Олл пустился в рассказ о вестерской деревне, которая встретила нандерских мародеров парой катапульта, одолженных одним из вестерских феодалов, другом Совета. Под дружный смех он перешел к другой истории, но мысли Катсы витали в темницах Мергона и сандерских лесах, таивших секреты этого странного похищения. Почувствовав взгляд По, она подняла глаза. Он смотрел на нее, не видя, – мысли его тоже были где-то далеко. Такое иногда случалось, когда они сидели вместе после тренировок.

Она смотрела на его лицо: от раны на лбу осталась теперь лишь тоненькая красная линия. Будет шрам. Ей подумалось, а не ранит ли это его лионидское тщеславие, но она тут же внутренне улыбнулась. На самом деле он не тщеславен. Ему было все равно, когда она подбила ему глаз, он ничего не сделал, чтобы скрыть порез на лбу. К тому же тщеславный человек не станет добровольно биться с ней день за днем, не отдаст свое тело на милость ее кулаков.

Рукава снова закатаны до локтей – манеры у него на редкость небрежные. Взгляд Катсы скользнул по впадинам ключиц, потом снова поднялся к лицу. Наверное, у него есть основания быть тщеславным: он ничуть не уступает Гиддону или Раффину, у него красивые прямой нос и линия рта, мощные плечи. И даже эти мерцающие глаза... даже их можно назвать красивыми.

Внезапно он словно очнулся и посмотрел прямо на нее. В глазах мелькнуло что-то озорное, засветилась усмешка, как если бы он точно знал, о чем она думает, что решила на тему его тщеславия. Лицо Катсы превратилось в маску, и она бросила на По сердитый взгляд.

Собрание закончилось, загремели отодвигаемые кресла. Раффин потянул ее в сторону, чтобы о чем-то поговорить, и она порадовалась поводу отвернуться. Теперь они с По не встретятся до следующей схватки, а бой всегда помогает ей обрести равновесие.

Глава двенадцатая

На следующее утро к ним на тренировку впервые пришел сам Ранда. Он стоял в стороне, так что всем остальным в зале приходилось тоже стоять и наблюдать за ним, а не за боем, ради которого они пришли. Катса была рада, что схватка дает ей возможность не обращать на него внимания. Вот только это было невозможно. Ранда, высокий, широкоплечий, выделялся на фоне белой стены своими ярко-синими одеждами, его ленивый смех был слышен во всем зале. Ей не удавалось отмахнуться от ощущения его присутствия – королю было что-то нужно. Он никогда не приходил к своему палачу, если не хотел что-то поручить.

Когда явился Ранда, они с По отработывали один прием, который доставлял Катсе немало хлопот. Из исходного положения – Катса стоит на коленях, По сзади выкручивает ей руки – она должна была освободиться от захвата и добиться, чтобы в этом положении оказался он сам. Ей всегда удавалось освободиться – тут трудностей не было, но вот с контрзахватом нужно было попотеть. Даже когда получалось поставить его на колени и выкрутить руки, закрепить захват казалось невозможным – элементарно не хватало силы. Когда он пытался встать на ноги, она не могла его удержать, не оглушив и не ранив, а цель тренировок была не в этом. Нужно было найти такой захват, освободиться из которого было бы слишком больно и трудно.

Они снова принялись за дело: Катса встала на колени, По сзади взял ее за запястья. Ранда что-то произнес, один из слуг льстиво, заискивающе ответил. Перед Рандой лебезили все.

На этот раз Катса была готова, она высвободилась из захвата По и тигрицей набросилась на него: ударила в живот и, сделав подсечку, заставила рухнуть на колени. Ее целью были руки... он ведь все время прикладывает лед к правому плечу! Катса завела ему за спину правую руку и всем весом навалилась на нее так, чтобы с каждой попыткой пошевелиться сустав выкручивался и болел еще сильнее.

– Сдаюсь, – выдохнул По.

Катса разжала руки, и он тяжело поднялся, потирая плечо:

– Неплохо, Катса.

– Еще раз.

Они повторили упражнение снова, потом еще раз, и дважды Катса с легкостью проводила захват.

– Блестяще, – сказал По. – Так... Что дальше? Может, мне попробовать?

Ее имя бичом рассекло воздух, по телу побежали мурашки. Теперь стало окончательно ясно – он пришел не просто посмотреть, и перед всеми этими людьми ей придется быть с ним приятной и учливой. Подавив хмурую гримасу, она повернулась к королю.

– Весьма занимательно, – сказал Ранда, – смотреть, как вы боретесь, Катса.

– Я рада, что это доставляет вам удовольствие, мой повелитель.

– Принц Первоцвет! Что вы думаете о нашем палаче?

– Она куда лучший воин, чем я, ваше величество, – ответил По. – Не сдерживай она себя, мне пришлось бы худо.

– Истинно так, – рассмеялся Ранда. – Я заметил, что в синяках на ужин являетесь вы, а не она.

Гордится своей собственностью. Катса заставила себя разжать кулаки, выровнять дыхание и выдержать взгляд дяди, хоть ей и хотелось ногтями соскрести ухмылку с его лица.

– Катса, – продолжал король, – зайди ко мне сегодня вечером. У меня есть для тебя поручение.

– Да, мой повелитель, – произнесла она. – Благодарю, мой повелитель.

Повернувшись на каблуках, Ранда окинул взглядом комнату, а потом, в сопровождении поспешивших за ним слуг, вышел из зала, шурша складками синих одежд. Катса, застыв, смотрела ему вслед, пока он и его окружение не исчезли, а потом – на дверь, которую захлопнули за ним слуги.

Лорды и воины в зале начали медленно садиться. Катса смутно чувствовала их движения, чувствовала взгляд По, молча смотревшего ей в лицо.

– Что теперь, Катса?

Она знала, чего хочет, чувствовала, как это желание пульсирует в руках и пальцах, покалывает в ногах и ступнях.

– Схватка, – сказала она. – Просто схватка. Пока один из нас не сдастся.

По прищурился, окинув взглядом ее сжатые кулаки и вытянувшиеся в нитку губы.

– Схватка будет, но завтра. На сегодня хватит.

– Нет, сегодня.

– Катса, хватит.

Она подошла совсем близко, так чтобы никто не мог услышать:

– Что с тобой такое, По? Ты меня боишься?

– Да, боюсь, и правильно делаю, потому что ты вне себя от гнева. Я не буду с тобой драться, когда ты разгневана, а ты не должна драться со мной, когда разгневан я. Мы не для этого тренируемся.

И только когда он сказал ей, что она разгневана, она поняла, что так оно и есть, и в ту же секунду гнев превратился в отчаяние. Ранда пошлет ее с новым жестоким поручением, прикажет издеваться над каким-нибудь несчастным мелким воришкой, глупцом, который даже подлостью не заслужил того, чтобы ему отрезали пальцы. И ей придется ехать, потому что она в его власти.

Обедали в ее столовой. Катса невидяще уставилась в тарелку. По рассказывал о своих братьях, говорил, как бы им понравились их тренировки, и что ей нужно когда-нибудь приехать в Лионид и побороться с ним, чтобы его семья могла посмотреть, и что их восхитит ее мастерство, и что ее будут почитать, а он покажет самые красивые места в отцовском городе.

Катса его не слушала: перед глазами ее мелькали руки, которые она сломала по велению дяди, руки, вывернутые в локте не в ту сторону, кусочки костей, выпирающие сквозь кожу. По что-то сказал о своем плече, и она, встряхнувшись, наконец посмотрела на него.

– Что ты сказал? – спросила она. – Про плечо? Прости.

Он опустил глаза и поковырял вилкой в тарелке.

– Твой дядя на тебя сильно действует, – сказал он. – Ты сама не своя с того момента, как он вошел в зал для тренировок.

– Или, наоборот, сейчас я такая, какая есть, а раньше была не в себе.

– В каком смысле?

– Дядя считает меня бешеной собакой, убийцей. И разве он не прав? Разве я не взбесилась, когда он вошел? К тому же в чем мы тренируемся каждый день? – Оторвав кусок хлеба, она бросила его себе на тарелку и снова вперила в нее взгляд.

– Я не считаю тебя бешеной, – сказал он.

Она отрывисто вздохнула:

– Ты не видел меня с врагами Ранды.

Он поднял чашку к губам и сделал глоток, потом опустил, не отрывая взгляда от Катсы.

– Что он тебе прикажет на этот раз?

Пытаясь подавить пламя, взвившееся внутри, она подумала, что будет, если грохнуть тарелкой о пол, много ли получится осколков.

– Какой-нибудь лорд задолжал ему денег, – произнесла Катса, – или отказался пойти на сделку, или не так на него посмотрел. Мне прикажут причинить ему такую боль, чтобы он научился уважать дядю.

– И ты сделаешь, что он прикажет?

– Какой глупец опять пошел против воли Ранды? Он что, не слышал рассказов? Не знает, что к нему пошлют меня?

– Разве ты не можешь отказаться? – спросил По. – Как кто-то может заставить тебя что-то делать?

Пламя взвилось и обожгло ей горло.

– Он король. А ты тоже глупец, если думаешь, что у меня есть выбор.

– Но у тебя ведь есть выбор. Это не он тебя бесит. Тебя бесит, что ты склоняешься перед его волей.

Вскочив на ноги, Катса двинула ладонью ему в челюсть и ослабила силу удара лишь в самый последний момент, когда осознала, что он не поднял руку, чтобы защититься. С отвратительным треском ладонь врезалась ему в лицо, и Катса в ужасе увидела, как стул опрокинулся и По ударился головой о пол. Она ударила очень сильно, она сама понимала, что ударила очень сильно, а он не защитился.

Катса бросилась к нему. По лежал на боку, обеими руками держась за челюсть. Из глаза просочилась сквозь пальцы и упала на пол слеза. Он стонал, а может, всхлипывал – она не знала. Опустившись на колени, она тронула его за плечо:

– Я ее сломала? Можешь говорить?

По приподнялся и сел, ощупывая лицо, закрывая и открывая рот, подвигал челюстью вправо и влево.

– Кажется, не сломана, – чуть слышно прошептал он.

Осторожно касаясь его лица, Катса прощупала кости под кожей, потом ощупала другую сторону, чтобы сравнить, и, не почувствовав разницы, вздохнула с облегчением.

– Не сломана, – повторил он, – хотя, кажется, должна быть.

– Я попыталась остановиться, – объяснила она, – когда увидела, что ты не защищаешься.

Потянувшись к столу, Катса сунула руки в кувшин с водой, зачерпнула льда и, завернув его в ткань, поднесла к челюсти.

– Почему ты не защищался?

По приложил лед к лицу и застонал.

– Болеть будет долго.

– По...

Вздохнув, он посмотрел на нее:

– Я тебе уже говорил, Катса. Я не стану драться с тобой, когда ты злишься, не стану решать споры кулаками. – Он отнял лед от щеки и оцупал челюсть пальцем, а потом, застонав, снова приложил лед. – Там, на тренировках, мы пытаемся помочь друг другу, а не навредить. Мы друзья, Катса.

Глаза защипало от стыда. Это было так элементарно, так очевидно – друзья так не делают, а она сделала.

– Мы слишком опасны друг для друга, Катса. И даже если бы не были, так нельзя.

– Этого никогда не повторится, – сказала она. – Даю слово.

Он поймал ее взгляд и не отпуская.

– Я знаю. Катса. Тигрица. Не вини себя. Ты думала, я буду защищаться, иначе не ударила бы.

Но все же нужно быть умнее.

– Ведь я даже не на тебя сердилась, а на него.

Мгновение По задумчиво смотрел на нее.

– Как думаешь, что будет, если ты откажешься делать то, что прикажет Ранда?

На самом деле она не знала – ей только представлялось, как он насмехается над ней, как его ненавистный голос звенит презрением.

– Если откажусь, он придет в ярость. А если он придет в ярость, я тоже приду в ярость. И тогда мне захочется его убить.

– Хм... – По подвигал челюстью. – Ты боишься собственной ярости.

Она посмотрела на него и замерла, потому что его слова, кажется, попали в точку. Она боялась собственной ярости.

– Но Ранда даже не стоит твоей ярости, – сказал По. – Он ведь всего лишь жалкий хвостун.

Катса фыркнула:

– Хвостун, который отрезает людям пальцы и ломает руки.

– Только когда ты делаешь это за него, – напомнил По. – Вся его мощь заключается в тебе.

Она боялась своей ярости, повторила она про себя. Она боялась того, что сделает с королем, – и не без оснований, посмотреть хотя бы на По, на его покрасневшую, опухающую челюсть. Научившись контролировать свои умения, Катса не научилась контролировать гнев. А значит, она до сих пор не обуздала свой Дар.

– Может, вернемся за стол? – спросил По, потому что они все еще сидели на полу.

– Наверное, тебе стоит сходить к Раффу, просто чтобы убедиться, что

ничего не сломано. – Она опустила глаза. – Прости меня, По.

По с трудом встал, протянул ей руку и поднял на ноги.

– Вы прощены, миледи.

Она покачала головой, изумляясь его доброте:

– Вы, лионидцы, такие странные, вы на все реагируете совсем не так, как я. Вот ты так спокоен, а ведь я сделала тебе очень больно. А сестра твоего отца – как необычная скорбь!

– В каком смысле? – прищурился тут По.

– Что – в каком смысле? Разве королева Монси – не сестра твоего отца?

– А что такого сделала сестра моего отца?

– Говорят, она перестала есть, когда услышала об исчезновении твоего дедушки. Ты не знал? А потом заперлась с дочерью в своих покоях и никому не позволяет войти, даже королю.

– Не позволяет войти королю, – повторил он недоуменно.

– И вообще никому, – сказала Катса, – кроме служанки, которая приносит им еду.

– Почему никто мне об этом раньше не говорил?

– Я думала, ты знаешь, По, но понятия не имела, что это для тебя так важно. Вы с ней близки?

По невидящим взглядом смотрел на стол, на тающий лед и остатки обеда – мысли его витали где-то далеко, брови были нахмурены.

– По, что с тобой?

Он покачал головой:

– Я не ожидал от Ашен такого поведения. Но не важно. Надо найти Раффина или Банна.

Она взгляделась в его лицо:

– Ты чего-то недоговариваешь.

По избегал ее взгляда.

– Надолго ты уедешь по поручению Ранды?

– Не больше чем на несколько дней.

– Когда вернешься, мне нужно будет с тобой поговорить.

– Почему не сейчас?

Он снова покачал головой:

– Мне нужно подумать. Нужно связать концы.

Почему в его глазах такая тревога? Почему он смотрит на стол или на пол, но только не ей в лицо?

Нет, это всего лишь забота, беспокойство о сестре отца, тревога за тех, кто ему дорог. Да, этот лионидец умеет жить только так. Он – настоящий

друг.

Вдруг По поднял взгляд, и едва заметная улыбка мелькнула на его лице, не успев осветить глаза.

– Не думай обо мне слишком хорошо, Катса. Никто не может быть идеальным другом.

И, оставив ее, он ушел искать Раффина, а Катса, замерев, смотрела на то место, где он только что стоял, и пыталась стряхнуть с себя зловещее ощущение, будто он ответил не на то, что она сказала, а на то, что подумала.

Глава тринадцатая

Не то чтобы это чувство возникло у нее впервые. Что-то такое в По было и раньше – иногда, сидя по другую сторону стола, он угадывал ее мнение прежде, чем она его озвучивала. Чувствовал, когда она сердилась и почему... и когда подумала, что он красив.

Раффин назвал ее недогадливой. А вот По был очень догадлив. И разговорчив в придачу. Быть может, поэтому они так подружились: с По не приходилось откровенничать самой, а он начинал откровенничать, не дожидаясь просьб. Катса никогда не встречала человека, с которым ей было бы так легко, понятие дружбы было ей почти незнакомо.

Она размышляла об этом, когда кони везли их на запад, пока холмы не превратились в изумрудные равнины и быстрая езда не отвлекла ее. Гиддон был в хорошем расположении духа – это были его земли. Они остановятся в его поместье, отдохнут в замке по пути туда и обратно. Гиддон скакал охотно и быстро, и, хотя Катса была не слишком рада его обществу, на этот раз хотя бы на темп жаловаться не приходилось.

– Немного странно, а? – спросил Олл около полудня, когда они сделали привал. – Что король приказал вам наказать собственного соседа?

– Еще как странно, – отозвался Гиддон. – Лорд Эллис – сосед, каких поискать. Представить не могу, что за муха его укусила, что он встал Ранде поперек дороги.

– Ведь он защищает своих дочерей, – напомнил Олл. – Тут его никто не упрекнет. Но на беду, из-за этого он прогневал короля.

Ранда заключил сделку с одним нандерским лордом. Тот никак не мог найти себе супругу, потому что его поместье находилось на юге центральной части Нандера – прямо на пути вестерских и истиллских мародеров. Место опасное, особенно для женщины, к тому же весьма отдаленное и почти без слуг, так как многих убили или захватили в плен. Лорду так отчаянно нужна была жена, что он готов был отказаться от приданого. Король Ранда предложил взять на себя труд найти лорду невесту, при условии, что ее приданое отойдет ему. У лорда Эллиса было две дочери на выданье, две дочери и два весьма завидных приданых. Ранда приказал Эллису выбрать, какую из дочерей он предпочел бы отправить невестой в Нандер. «Выбери ту, что сильнее духом, – написал ему Ранда, – ибо слабости и трусости там не место».

Но лорд Эллис отказался выбирать. «Обе мои дочери сильны духом, –

написал он королю в ответ, – но ни одну из них не пошлю я в пустыни Нандера. Власть короля огромна, но едва ли он вправе ради собственной выгоды приказывать подданным вступить в неприемлемый брак».

Катса ахнула, когда Раффин рассказал ей, что написал лорд Эллис в своем письме. Он был храбрым человеком, не трусливее тех, кто обычно противился воле Ранды. Король хотел, чтобы Гиддон поговорил с Эллисом, а если разговоры не помогут, Катса должна была пытаться его в присутствии дочерей до тех пор, пока одна из них не выдержит и не согласится на брак, чтобы защитить отца. И теперь Ранда ожидал их возвращения ко двору с одной из девушек и ее приданым.

– Ужасное поручение нам дано, – посетовал Олл. – Даже если не думать, что Эллис – ваш сосед, все равно это ужасно.

– Да уж, – отозвался Гиддон. – Но другого выхода я не вижу.

Они сидели на каменном выступе и подкреплялись хлебом и фруктами. Катса глядела на то, как волнуется вокруг высокая трава: ветер толкал ее, ярился, прибывал туда и сюда; она плескалась, словно волны.

– Море похоже на это? – вдруг спросила она, и ее спутники изумленно обернулись. – Море волнуется так же, как трава?

– Похоже, миледи, – ответил Олл, – но не совсем так. Море резко шумит, оно серое и холодное. Но волнуется похоже.

– Мне бы хотелось посмотреть на море, – сказала она.

Гиддон бросил на нее недоверчивый взгляд.

– Что? Разве это так странно?

– Для тебя – странно. – Он покачал головой и, собрав хлеб и фрукты, поднялся. – Этот лионидец забивает тебе мозги романтическими картинками.

Сказав это, он направился к своей лошади.

Катса не стала обращать на него внимания, чтобы не думать о том, что для него самого – романтика, не думать о грозящем ей предложении и ревности Гиддона. Как ветер мчась по равнине, она представляла себе, что едет по морю.

Когда они достигли замка Гиддона, игнорировать реальность стало труднее. Перед ними были стены – высокие, серые, впечатляющие. Слуги хлынули в залитый солнечным светом двор, чтобы поприветствовать господина и поклониться ему, а он обращался к ним по именам и спрашивал о зерне в амбарах, о замке, о мосте, который сейчас ремонтировали. Он был здесь королем, и видно было, что его вполне устраивает и это, и то, что слуги рады его видеть.

Слуги Гиддона были внимательны к Катсе, когда она оказывалась в его замке: подходили спросить, не нужно ли ей чего, разжигали огонь и приносили воду для умывания, приветствовали, когда она шла по коридору. Так к ней не относились нигде, даже дома. Конечно, ей приходило в голову, что Гиддон специально приказал слугам обращаться с ней как с дамой – не бояться, а если все же боятся, то не показывать страха, – и сделал он это для нее. Теперь она понимала, что его слуги, должно быть, смотрели на нее как на будущую госпожу, ведь если о чувствах Гиддона было известно всем при дворе короля, наверное, и его собственные слуги все понимали.

Катса не знала, как вести себя в замке Гиддона теперь, когда было ясно, что от нее ожидают чего-то, чего никогда не произойдет. Ей пришло в голову: они, наверное, обрадуются, что она не выйдет за Гиддона, вздохнут, облегченно улыбнутся и приготовятся сердечно встретить любую добрую и милую девушку, которую он выберет ей взамен. Но может быть и так, что они желают того же, чего желает их господин.

Надежды Гиддона приводили ее в недоумение. Она не могла понять, как так получилось, что он имел глупость в нее влюбиться, и до сих пор не совсем верила, что это и в самом деле так.

Олла все больше печалила участь лорда Эллиса.

– Король послал нас с ужасным заданием, – сокрушался он за ужином в личной столовой в покоях Гиддона, где, кроме них, было только двое слуг. – Не помню, чтобы он когда-нибудь давал нам такое ужасное поручение.

– Давал, – сказал Гиддон, – и мы выполняли. И раньше ты никогда так не реагировал.

– Просто мне кажется... – Олл невидящим взглядом обводил стены зала, увешанные богатыми багряно-золотыми гобеленами. – Мне кажется, Совет бы этого не допустил, мы постарались бы защитить его дочерей. От нас самих.

Гиддон наколот картофелину на вилку и, разжевывая, задумался над словами Олла.

– Мы не сможем ничего делать для Совета, если откажемся повиноваться Ранде, – в темницах проку от нас не будет.

– Да, верно, – согласился Олл. – Но все-таки это неправильно.

К концу ужина Гиддон уже казался таким же озабоченным, как и Олл. Катса взглядела в лицо Олла, в его резкие черты, в печальные глаза. На лезвии ножа Гиддона блестели золотые и багряные отблески со стен, он говорил тихо и часто вздыхал – они оба вздыхали.

Им не хотелось выполнять приказ Ранды. Катса смотрела и слушала, и мысли ее метались в поисках возможности избежать беды.

По сказал, что послушаться Ранды – в ее власти. И наверное, именно она должна это сделать, ведь Олла и Гиддона королю наказать просто, а ее – куда сложнее. И вообще, возможно ли? Если собрать все его войско, то ее, пожалуй, смогут заточить в темницу. Убить тоже можно, но не в битве, а, например, отравив за ужином. Если она не будет приносить выгоды, если станет опасной, он, конечно, прикажет схватить ее или убить.

А что, если ярость Ранды, когда они вернутся ко двору без невесты, выведет ее из себя? Что случится, если, стоя перед лицом короля, она почувствует, как ладони жжет безудержный гнев? Что тогда?

Но это было не важно. Проснувшись наутро в мягкой постели в замке Гиддона, Катса уже знала: не важно, как Ранда поступит с ней или как она поступит с Рандой. Если все-таки придется по приказу короля пытаться лорда Эллиса, она просто сойдет с ума – бешенство вскипало внутри ее при одной мысли, и это бешенство будет куда ужаснее, чем гнев на Ранду, когда он обвинит ее в непослушании. Она не станет этого делать, не станет пытаться человека, который лишь хочет защитить своих детей.

Кто знает, к чему это приведет, но сегодня никто не пострадает от ее руки, никто. Откинув одеяла, Катса запретила себе гадать, что будет потом.

Гиддон и Олл неохотно завязывали седельные сумки и запрягали лошадей.

– Может, удастся его уговорить, – неуверенно предположил Гиддон, но Олл только хмыкнул.

Замок Эллиса был всего в нескольких часах езды. Когда всадники прибыли, слуга провел их в большую библиотеку, где за письменным столом сидел Эллис. Все стены были заставлены книгами – до некоторых можно было достать только с приставных лестниц из темного дерева, опиравшихся на полки. Лорд Эллис встал, чтобы поприветствовать их, храбро глядя посланникам в глаза и гордо подняв подбородок. Это был невысокий мужчина с копной черных волос, его тонкие пальцы опирались о крышку стола.

– Я знаю, зачем ты здесь, Гиддон, – начал он.

Гиддон смущенно откашлялся.

– Мы бы хотели поговорить с тобой и твоими дочерьми, Эллис.

– Моим дочерям нечего делать в таком обществе, – отрезал Эллис, сверкнув глазами на Катсу. Он и не подумал прятаться от ее взгляда, и она

это оценила.

Настало время вмешаться. В библиотеке, застыв у стен, стояли трое слуг.

– Лорд Эллис, – сказала она, – если вы хоть немного заботитесь о своих слугах, вы отошлете их отсюда.

– Катса... – На лице Гиддона читалось неприкрытое удивление. Обычно они поступали совсем не так.

– Не тратьте моего времени, лорд Эллис. Если не прикажете слугам уйти, я вышвырну их сама.

Лорд Эллис жестом приказал слугам уходить.

– Идите, – сказал он. – Идите и никого сюда не впускайте. Возвращайтесь к своим обязанностям.

В их обязанности наверняка входило как можно скорее увезти из поместья дочерей хозяина, если они вообще еще были здесь: лорд Эллис казался одним из тех людей, которые встречают невзгоды во всеоружии. Когда дверь за ними закрылась, Катса подняла руку, чтобы Гиддон замолчал. Он посмотрел на нее с удивлением и досадой, но она не обратила на этот взгляд никакого внимания.

– Лорд Эллис... – начала Катса. – Король желает, чтобы мы убедили вас послать одну из дочерей в Нандер. Полагаю, нам это не удастся.

Эллис слушал с суровым лицом и по-прежнему не отводил взгляда.

– Не удастся.

– Хорошо, – кивнула Катса. – В таком случае Ранда повелел мне пытаться вас до тех пор, пока одна из ваших дочерей сама не согласится на брак.

– Я ожидал этого, – проговорил Эллис.

– Катса, что ты такое делаешь? – тихо спросил Гиддон.

– Король... – начала Катса, но вдруг кровь так запульсировала у нее в висках, что пришлось схватиться за стол, чтобы удержать равновесие, – король справедлив во многих вопросах. Но сейчас – нет. Он хочет вас запугать, но сам этого не делает, а посылает меня. А я, – Катса вдруг почувствовала себя очень сильной; отпустив стол, она выпрямилась и расправила плечи, – отказываюсь делать то, что он приказывает. Я не стану заставлять вас или ваших дочерей повиноваться его воле. Милорд, поступайте как знаете.

Наступила полная тишина. Глаза Эллиса округлились от изумления, и теперь уже он тяжело оперся о стол, словно опасность его поддерживала, а теперь силы его покинули. Гиддон, стоящий рядом с Катсой, казалось, забыл, как дышать, и, взглянув на него, Катса заметила, что рот у него

приоткрыт от удивления. Олл стоял чуть дальше, на его добром лице читалось волнение.

– Что ж... – начал лорд Эллис. – Это очень неожиданно, миледи. Спасибо вам, миледи. Мою благодарность не выразить словами.

Катсе подумалось, что едва ли человек должен благодарить за отсутствие боли. Радость достойна благодарности, а боль – ненависти. На ничто и отвечать нужно бы ничем, ничто не стоит благодарности.

– Не нужно меня благодарить, – сказала она. – И боюсь, Ранда не оставит вас в покое.

– Катса, – подал голос Олл, – вы уверены, что хотите этого?

– Ты не боишься Ранды? – спросил Гиддон.

– Что бы ни случилось, – сказал Олл, – мы вас поддержим.

– Нет, – возразила Катса. – Не поддерживайте. Это должно быть мое решение, а Ранду мы убедим, что вы пытались заставить меня повиноваться, но не смогли.

Ей вдруг пришло в голову, что надо бы ударить их пару раз для правдоподобия.

– Но мы не больше тебя хотели выполнять этот приказ, – настаивал Гиддон. – Ведь наш разговор побудил тебя так решить. Мы не можем оставаться в стороне, пока ты...

– Если он узнает о вашем неповиновении, – объяснила Катса, – он прикажет схватить вас или убить. Мне он так навредить не сможет, едва ли все его стражники сумеют меня поймать. А если и сумеют, у меня, по крайней мере, нет поместья, которое от меня зависит, Гиддон. И жены у меня тоже нет, Олл.

Лицо Гиддона было мрачнее тучи. Он открыл рот, чтобы заговорить, но Катса опередила его:

– От вас нет прока в темницах. Вы нужны Раффину, и мне вы будете нужны, где бы я ни оказалась.

– Я не... – начал Гиддон.

Нужно заставить его понять, пробиться сквозь его твердолобость и заставить понять. Катса стукнула ладонью по столу с такой силой, что бумаги каскадом посыпались на пол.

– Я убью короля, – прибегнула она к последнему средству. – Убью, если вы оба не согласитесь. Это мой бунт, и только мой, и, если вы откажетесь, клянусь своим Даром, я отправлю Ранду на тот свет.

Она еще не знала, действительно ли сможет это сделать, но сейчас они точно считали ее способной на такое. Катса повернулась к Оллу:

– Скажи, что согласен.

Олл откашлялся.

– Как скажете, миледи.

– Гиддон?

– Не нравится мне это.

– Гиддон...

– Как скажешь, – мрачно ответил он, глядя в пол. Лицо его покраснело от досады.

Катса обратилась к Эллису:

– Лорд Эллис, если Ранда узнает, что капитан Олл или лорд Гиддон согласились на это добровольно, я буду знать, что это вы проговорились, и убью и вас, и ваших дочерей. Вам понятно?

– Понятно, миледи, – отозвался Эллис. – Благодарю вас еще раз.

От этого второго выражения благодарности после таких страшных угроз у нее сжалось горло. Когда ты – чудовище, тебя благодарят и превозносят, если ты поступаешь не как чудовище. Было бы куда приятней, если бы ей не воздавали почести за то, что она не творит зло.

– А теперь, без лишних свидетелей, нам нужно в деталях придумать, что здесь сегодня произошло.

Они снова поужинали в замке Гиддона, в его столовой, как и прошлым вечером. Гиддон дал ей разрешение порезать ему шею ножом, а Олл разрешил поставить себе синяк на скуле. Она бы обошлась и без их разрешения, потому что знала – Ранда будет ожидать следов борьбы, но и Олл, и Гиддон согласились с ее доводами или, возможно, просто догадались, что она сделает это в любом случае. Оба приняли это спокойно и храбро, а Катса, хоть ей и было горько, сделала все мастерски и постаралась причинить как можно меньше боли.

Разговор за ужином не клеился. Катса отломил кусок хлеба, пожевала и проглотила его, рассеянно обводя взглядом свои вилку, нож и серебряный кубок.

– Тот истиллский лорд, – вдруг произнесла она, и взгляды спутников поднялись от тарелок, – который срубил у Ранды больше леса, чем стояло в договоре. Помните его?

Они кивнули.

– Я ему ничего не сделала, – продолжила она. – Оглушила, но больше ничего. – Она положила нож и вилку и перевела взгляд с Гиддона на Олла. – Не смогла. Он сполна искупил свою вину золотом. Я не смогла ничего с ним сделать.

Мгновение они оба смотрели на нее, потом Гиддон снова опустил

взгляд в тарелку, а Олл откашлялся.

– Должно быть, работа в Совете помогает выйти на свет нашему лучшему внутреннему «я», – сказал он.

Снова взяв нож и вилку, Катса нарезала баранину и задумалась. Она была знакома со своим внутренним «я», узнала бы его, доведись им встретиться лицом к лицу. Это «я» было чудовищем с одним голубым и одним зеленым глазом, хищником с громоподобным рыком. Это была злобная тварь, которая в неконтролируемой ярости бросалась на друзей, убийца, добровольное орудие королевского гнева.

Впрочем, это было странное чудовище, ибо при своей свирепой внешности внутри оно боялось и ненавидело свою жестокость, бичевало себя за дикость. И порой ему не хватало духу свирепствовать, и тогда в его сердце поднимался бунт.

Это чудовище иногда отказывалось вести себя как чудовище. А если чудовище перестает себя так вести, перестает ли оно быть чудовищем? Становится ли чем-то другим?

Наверное, она все-таки не знала своего внутреннего «я».

В этот вечер за столом в замке Гиддона витало слишком много вопросов и было слишком мало ответов. Катсе вдруг захотелось, чтобы вместо Олла и Гиддона с ней путешествовали Раффин или По, – у них были бы хоть какие-нибудь мысли.

Нужно остерегаться использовать свой Дар в гневе – вот в этом и есть попытка ее внутреннего «я».

После ужина Катса пошла на стрельбище в надежде, что пение летящих стрел ее успокоит. Там он ее и нашел.

Она искала здесь одиночества, но, когда из тени вышел Гиддон, такой высокий и тихий, ей захотелось оказаться в огромном зале, окруженной сотнями людей, пусть даже это будет бал и придется наряжаться в платье и надевать кошмарные туфли. И танцевать. Все, что угодно, было бы лучше, чем остаться наедине с Гиддоном здесь, где их никто не увидит и не прервет.

– Ты стреляешь в темноте, – сказал Гиддон.

Она опустила лук, предполагая, что это еще одна подколка.

– Да, – подтвердила она, – ничего другого в голову не пришло.

– В темноте ты стреляешь так же хорошо, как при свете?

– Да, – снова ответила Катса, и Гиддон улыбнулся.

Ей стало страшно: если он собирается и дальше быть любезным, кто знает, к чему это приведет? Лучше бы оставался наглым, придирчивым и

неприятным, раз уж они оказались наедине.

– Для тебя нет ничего невозможного, Катса.

– Не говори ерунды.

Но он, видимо, был решительно настроен не спорить. Еще раз улыбнувшись, Гиддон облокотился о деревянную перекладину, отделявшую дорожку Катсы от других.

– Как ты думаешь, что будет завтра? – спросил он.

– Честно, не знаю, – ответила Катса. – Ранда будет в ярости.

– Мне не нравится, что ты защищаешь меня от его гнева, Катса. Совсем не нравится.

– Я сожалею, Гиддон, об этом и о том, что пришлось тебя порезать. Вернемся в замок? – Сняв колчан, она положила его на землю.

Гиддон молча наблюдал, и в ее груди начала подниматься паника.

– Позволь мне защищать тебя, – сказал он.

– Ты не сможешь защитить меня от короля, это опасно и пустая трата сил для тебя. Пойдем в замок.

– Стань моей женой, и наш брак защитит тебя.

Что ж, он это сказал, как По и предсказывал, и слова ударили ее не слабее кулака По. Она не знала, куда девать глаза, было трудно стоять на месте. Она положила руку на голову, потом на перекладину и заставила себя думать.

– Наш брак меня не защитит. Ранда не простит меня только потому, что я замужем.

– Но он смягчится, – возразил Гиддон. – Наша помолвка укажет ему выход – ведь он знает, что наказывать тебя опасно. Если скажем, что женимся, он отошлет нас со двора – сюда, в замок, и здесь король тебе ничего не сделает. А ты – ему. И видимость родственных чувств сохранится.

И она будет замужем. За Гиддоном. Станет его женой, хозяйкой его дома. Должна будет развлекать его проклятых гостей, нанимать и увольнять слуг, кухарок и делать прочую подобную чепуху, носить в себе его детей, сидеть дома и любоваться ими. А по ночам она должна будет ложиться в его постель – постель Гиддона, и спать с человеком, который считает царапину на ее лице оскорблением его персоне, который считает себя ее защитником – защитником! Да она бы одолела его зубочисткой против меча!

Глубоко дыша, она заставила утихнуть вскипающий гнев. Он ведь ее друг, союзник Совета. Нельзя ему все это говорить. Нужно делать так, как сказал Раффин.

– Гиддон, – начала она, – ты наверняка слышал, что я не собираюсь выходить замуж.

– И не примешь достойного предложения? К тому же, признай, это решит все твои проблемы с королем.

– Гиддон...

Он стоял перед ней, лицо его было спокойно, глаза улыбались. Он даже представить не мог, что ему можно отказать. И быть может, это простительно – ни одна другая женщина, наверное, не отказала бы.

– Гиддон... Тебе нужна жена, которая родит тебе детей, а я никогда их не хотела. Тебе нужно жениться на женщине, которая хочет иметь детей.

– Ты не так сильно отличаешься от других женщин, Катса. Да, ты можешь сражаться, как другие не могут, но в остальном ты не так уж отличаешься. И ты захочешь детей, я уверен.

Катса совсем не ожидала, что ей так быстро представится возможность попрактиковаться в сдержанности, потому что ей страшно захотелось поколотить Гиддона, выбить эту уверенность у него из головы прямо в пыль, где ей и место.

– Я не могу выйти за тебя, Гиддон, и дело не в тебе, а только во мне – я никогда ни за кого не выйду замуж и не буду носить ничьих детей.

Он удивленно посмотрел на нее, и выражение его лица изменилось. Ей был знаком этот саркастический изгиб губ, эта искра в глазах. Он начинал слышать.

– Едва ли ты хорошо обдумала свои слова, Катса. Думаешь, кто-нибудь сделает тебе лучшее предложение?

– Дело не в тебе, Гиддон, а во мне.

– Думаешь, кого-то еще привлечет королевский палач?

– Гиддон...

– Ты надеешься, лионидец попросит твоей руки. – Он насмешливо указал на нее пальцем. – Ты предпочла его, потому что он принц, а я только лорд.

Катса всплеснула руками:

– Гиддон, из всех глупостей...

– Он не захочет на тебе жениться, – не умолкал Гиддон, – а если и захочет, ты будешь дурой, если согласишься. Я бы скорее Мергону доверился, чем ему.

– Гиддон, я тебе клянусь...

– В нем нет ничего достойного. Любой, кто борется с тобой, как он, – просто бандит и авантюрист.

Застыв, Катса уставилась на Гиддона, но даже не видела его

надменного лица и пальца, рассекающего воздух. У нее перед глазами был По, который сидел на полу зала для тренировок и произносил точно те же слова, какие выбрал Гиддон, раньше, чем сам Гиддон их произнес.

– Гиддон! Ты когда-нибудь говорил об этом с По?

– Катса, я с ним ни разу даже не заговаривал, когда тебя с нами не было.

– А с кем-нибудь другим? Ты когда-нибудь раньше произносил эти слова?

– Конечно нет. Если ты думаешь, что я стану тратить свое время...

– Ты уверен?

– Да, уверен. Какая разница! Если он спросит, я не побоюсь сказать, что думаю.

Не веря, она посмотрела на Гиддона, беззащитная перед осознанием того, что еще давно просочилось в ее мысли и сейчас наконец встало на место, и схватилась рукой за горло – было трудно дышать. Катса задала вопрос, который обязана была задать, и сжалась от ответа, который знала заранее.

– Ты раньше думал об этом? Думал об этом в его присутствии?

– О чем? Что я ему не верю? Что он бандит и авантюрист? Я об этом думаю каждый раз, как смотрю на него.

Гиддон с ненавистью выплевывал слова, но Катса ничего вокруг не замечала. Присев, она медленно и задумчиво положила лук на землю, потом встала и тихо, шаг за шагом пошла прочь – вдох-выдох, вдох-выдох, – глядя прямо перед собой.

– Боишься, – прокричал он ей вслед, – что я оскорблю твоего драгоценного лионидского принца! Может, и стоит высказать ему все, что я думаю. Вдруг он скорее уедет, если ему помочь!

Она не слушала, не слышала – в голове гудело. Он знал, что думает Гиддон и что думает она сама, – точно знал. Когда она бывала зла, когда благосклонно думала о нем. Много раз. Должно быть, это случалось много раз, но все внутри так кричало, что думать об этом было невыносимо.

Катса считала его воином, просто Одаренным воином. И – вот глупая – догадливым. Даже восхищалась его интуицией.

Восхищалась, а он читал ее мысли.

Доверяла, а нельзя было. Он утаил свою натуру, свой Дар. А это то же самое, что солгать.

Глава четырнадцатая

Катса вихрем ворвалась в лабораторию, и Раффин в изумлении оторвался от работы.

– Где он? – спросила она и тут же остановилась как вкопанная, потому что он был там – прямо там, сидел на столе Раффина. Челюсть у него была пунцового цвета, а рукава, как обычно, закатаны до локтей.

– Мне нужно сказать тебе одну вещь, Катса...

– Ты читаешь мысли! – перебила она. – Ты читаешь мысли, и ты мне лгал!

Коротко ругнувшись, Раффин бросился к двери у Катсы за спиной и плотно прикрыл ее.

По покраснел, но глаз не опустил.

– Я не читаю мысли.

– Я не дура! – закричала она. – Прекрати лгать! Что ты узнал? Какие мысли уже успел украсть у меня?

– Я не читаю мысли, – повторил он. – Я чувствую людей.

– И что это значит? Ты чувствуешь их мысли.

– Нет, Катса, послушай... Я чувствую людей. Можешь назвать это моим ночным видением или глазами на затылке, как ты однажды предположила. Я чувствую людей рядом, как они думают, чувствуют, двигаются, ощущаю их тела, их энергию. Только... – он сглотнул, – только когда они думают обо мне, я начинаю чувствовать мысли.

– И по-твоему, это не чтение мыслей? – заорала она так громко, что он вздрогнул, но по-прежнему не отводил взгляда.

– Ладно. Я немного читаю мысли. Но всего, что ты себе представила, я не могу.

– Дай ему объяснить, Катса, – сквозь боль донесся до нее мягкий голос Раффина.

Она ошарашенно повернулась к Раффину, не веря, что он знает правду и все-таки защищает По, а потом резко перевела взгляд обратно на По, который все еще смел смотреть ей в глаза, как если бы не сделал ничего плохого, ничего абсолютно и бесповоротно ужасного.

– Пожалуйста, Катса, – сказал он. – Пожалуйста, выслушай меня. Я не могу слышать любые мысли, какие захочу: я не знаю, что ты думаешь о Раффине, или что Раффин думает о Банне, или понравился ли Оллу ужин. Ты можешь в соседней комнате бегать кругами и думать, как ненавидишь

Ранду, но я буду знать лишь то, что ты бегаешь кругами... пока твои мысли не обратятся ко мне – только тогда смогу я узнать, что ты чувствуешь.

Так вот каково это – когда тебя предал друг, нет, притворившийся другом предатель. Он казался таким прекрасным, таким отзывчивым, таким понимающим... и неудивительно, ведь он всегда знал, что она думает и чувствует, и прекрасно притворялся другом.

– Нет, – сказал По. – Нет. Я лгал, Катса, но дружба моя не была ложью. Я всегда был тебе верным другом.

Даже сейчас он читает ее мысли.

– Прекрати! – выплюнула Катса. – Довольно! Да как ты смеешь, предатель, самозванец, ты...

Ей не удалось найти достаточно сильных слов, но внезапно По горестно опустил глаза, и она поняла, что он почувствовал всю ее ярость, и мрачно порадовалась, что Дар открыл ему то, что она не сумела облечь в слова. По тяжело оперся на стол, лицо его исказилось от боли, голос, когда он заговорил, был совсем глухим.

– Только два человека знают о моем Даре – мама и дедушка. А теперь еще Раффин и ты. Отец не знает, братья тоже. Мама и дедушка запретили мне о нем рассказывать с тех самых пор, как Дар проявился в детстве.

Что ж, она об этом позаботится. Гиддон был прав, хоть сам и не подозревал почему, – По нельзя доверять. Люди должны знать, и она всем расскажет.

– Если ты это сделаешь, – проговорил По, – ты лишишь меня свободы, разрушишь мою жизнь.

Она взглянула на него, но за хлынувшими слезами все было размыто. Нужно уйти. Нужно уйти отсюда сейчас же, потому что ей хотелось его ударить, а она поклялась никогда этого не делать. Хотелось сделать ему как можно больнее за то, что он занял в ее сердце место, которое она никогда не позволила бы ему занять, если бы знала правду.

– Ты мне лгал!

Она развернулась и выбежала прочь из комнаты.

Хильда спокойно восприняла ее мокрые глаза и молчание.

– Надеюсь, никто не болен, миледи, – сказала она, сев на край ванны и мыльными руками распутывая колтуны в волосах Катсы.

– Никто не болен.

– Значит, вас кто-то огорчил, – продолжила Хильда. – Наверное, один из молодых людей.

Один из молодых людей. Один из друзей. Список ее друзей уменьшался на глазах.

– Я послушалась короля, – сказала Катса. – Он будет очень гневаться на меня.

– Вот как? – удивилась Хильда. – Но это не объясняет страдания в ваших глазах. Это точно был один из молодых людей.

Катса промолчала. В этом замке каждый встречный читает мысли, каждый видит ее насквозь, а сама она не видит ничего.

– Раз король на вас сердит, – продолжала Хильда, – и раз вы поссорились с кем-то из молодых людей, выйдите к ужину особенно красивой. Наденьте красное платье.

Катса почти рассмеялась над логикой Хильды, но смех застрял в горле. Сегодня вечером она уедет из замка – нет сил оставаться здесь больше ни дня, терпеть гнев короля, сарказм и уязвленную гордость Гиддона, а пуще всего – предательство По.

Позже, когда Катса была уже одета и Хильда у огня колдовала над ее влажными волосами, в дверь постучали. Сердце Катсы забило где-то в горле – это либо слуга с сообщением, что ее желает видеть дядя, либо, что еще хуже, По пришел читать ее мысли и снова ранить объяснениями и извинениями. Но Хильда, пошедшая открывать дверь, вернулась с Раффином.

– Не его я ожидала, – сказала она и, хмыкнув, сложила руки на животе.

Катса прижала пальцы к вискам:

– Мне нужно поговорить с ним наедине, Хильда.

Когда она ушла, Раффин сел на кровать Катсы, скрестив ноги, как делал, когда был мальчишкой. Они оба часто так сидели здесь, болтали, смеялись. Сейчас он молчал и не смеялся, такой длинный и худой, и смотрел на нее, сидящую в кресле у огня. На его добром, родном лице было написано беспокойство.

– Это платье тебе очень идет, Кати, – сказал он. – Глаза просто сияют.

– Хильда считает, что любые проблемы можно решить платьем.

– Проблем стало больше после путешествия. Гиддон мне рассказал.

– Гиддон... – От одного его имени на Катсу наваливалась жуткая усталость.

– Да. Рассказал, что случилось у лорда Эллиса. Дело серьезное, Катса. Что собираешься делать?

– Не знаю, еще не решила.

– Дело серьезное.

– Зачем ты это говоришь? Мне что, надо было пытаться этого несчастного, который не сделал ничего дурного?

– Конечно нет. Ты поступила правильно, само собой правильно.

– И король больше не будет мной командовать, я ему больше не цепной пес.

– Кати... – Вздохнув, он сел поудобнее и внимательно на нее посмотрел. – Я вижу, что ты решила это твердо, и сделаю все, что смогу, ты сама знаешь, чтобы уберечь тебя от него. Во всем, что касается Ранды, я всегда на твоей стороне. Только... просто...

Да, просто Ранда не особенно прислушивался к своему сыну-аптекарю. Пока жив отец, у Раффина нет никакой власти.

– Я за тебя беспокоюсь, Кати, – снова заговорил он. – Вот и все. Мы все беспокоимся, а Гиддон просто в отчаянии.

– Гиддон... – вздохнула она. – Гиддон предлагал мне выйти за него замуж.

– Великие холмы! До или после того, как вы говорили с Эллисом?

– После. – Она досадливо махнула рукой. – Гиддон считает, что любые проблемы можно решить браком.

– Хм... И как все прошло?

Как прошло? Ей стало смешно, хоть ничего веселого во всем этом и не было.

– Началось плохо, продолжилось еще хуже, а кончилось озарением, что По читает мысли. И к тому же еще и лжет об этом.

Мгновение Раффин внимательно смотрел на нее, хотел заговорить, но прервал сам себя. В его глазах плескалась нежность.

– Милая сестренка, – начал он наконец, – на тебя столько всего свалилось за последние несколько дней – и Ранда, и Гиддон, и По.

Последнее было больнее всего, хоть опасность и исходила только от Ранды. Если бы можно было выбирать, она бы попросила убрать рану, нанесенную По. Ранда никогда бы не смог сделать ей так больно.

Они сидели в тишине, только пламя потрескивало в очаге – ненужное пламя, ведь было лишь чуть прохладно, но Хильда хотела, чтобы волосы сушились быстрее, и разожгла жаркий огонь. Локоны спадали Катсе на плечи, и она завязала их в узел.

– Его Дар был тайной с самого его детства, Кати.

Ну вот и они, объяснения и увещевания. Отвернувшись от Раффина, она собралась с духом.

– Его мать знала, что его будут использовать, если правда раскроется. Представь, что бы пришлось делать ребенку, который чувствует реакцию на свои слова, знает, что делают люди за стеной. Представь, что бы ему пришлось вытерпеть, ведь его отец – король. Его мать знала, что он не

сможет общаться с людьми, дружить, – никто не будет ему доверять, никто не захочет с ним водиться. Подумай, Катса, представь, каково это.

Она подняла на Раффина горящий взгляд, и его лицо смягчилось.

– Что я говорю! Конечно, тебе не нужно ничего представлять.

Нет, он описал всю ее жизнь. У нее не было возможности скрыть свой Дар.

– Нельзя винить его за то, что он не рассказал нам раньше, – продолжал Раффин. – Если честно, я тронут тем, что он вообще нам рассказал. Он открылся мне сразу после того, как ты уехала, – у него есть мысли по поводу похищения.

Конечно, а еще по поводу множества других вещей, знать о которых у него нет никакого права. Естественно, у него есть мысли – он же их читает!

– И что же это за мысли?

– Может, спросишь у него сама?

– Не собираюсь говорить с тем, кто читает мысли.

– Он завтра уезжает, Кати.

– В каком смысле уезжает? – уставилась на него Катса.

– Уезжает из замка, – сказал Раффин, – навсегда. Он поедет в Сандер, а потом, наверное, в Монси. Он еще точно не решил.

Из ее глаз хлынули слезы, – кажется, у нее совсем не выходит контролировать эту странную воду, мешающую смотреть. Катса уставилась на свои руки: одинокая слеза упала на ладонь.

– Думаю, я пришлю его, чтобы он сам тебе все рассказал.

Раффин встал с постели и, подойдя к Катсе, наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Милая сестренка, – прошептал он и вышел из комнаты.

Не отрывая взгляда от клетчатого узора на мраморном полу, Катса думала о том, как долго у нее внутри будет до слез пусто. Ей не помнилось, чтобы она плакала хоть раз в жизни до того дня, когда этот проклятый лионидец приехал в замок, солгал ей, а потом объявил, что уезжает навсегда.

На пороге он неуверенно остановился, словно не знал, подойти ближе или держаться на расстоянии. Она тоже не знала, чего хочет, – знала только, что нужно оставаться спокойной, не смотреть на него и ничего не думать, чтобы ему нечего было красть. Она встала, пересекла столовую и выглянула в окно: двор был пуст, заходящее солнце золотило все вокруг. Катса почувствовала, как за ее спиной По все-таки вошел в комнату.

– Прости меня, Катса. Умоляю, прости.

На это ответить несложно – нет, она не простит.

Деревья в саду Ранды были еще зелеными, некоторые цветы еще цвели. Но скоро листья переменят цвет и опадут. Придут садовники с огромными граблями, соберут листья с мраморного пола и увезут на тачках. Она не знала, куда их увозят, – должно быть, на огороды или в поля. Эти садовники – настоящие работяги.

Она не простит.

Кажется, По подошел еще на шаг.

– Как... как ты узнала? – спросил он. – Расскажешь?

Она оперлась лбом о стекло.

– Почему ты не используешь Дар, чтобы узнать ответ?

Он помолчал.

– Я бы мог, наверное, если бы ты думала конкретно об этом. Но ты не думаешь, а я не могу бродить у тебя в голове и выуживать что захочу. Точно так же как не могу подавить свой Дар и перестать видеть то, что не хочу видеть.

Она не ответила.

– Катса, сейчас я знаю только, что ты злишься, ты в ярости от макушки до пят, что я сделал тебе больно, и ты не хочешь меня прощать. Не хочешь мне доверять. Это все, что я сейчас знаю. И мой Дар всего лишь подтверждает то, что я и так вижу своими глазами.

Катса прерывисто вздохнула.

– Гиддон, – сказала она оконному стеклу, – сказал, что не доверяет тебе. И сказал точно теми же словами, которые ты мне уже говорил. И, – она махнула рукой, – были и другие намеки. Но слова Гиддона поставили все на свои места.

Сейчас он стоял еще ближе, наверное опирался о стол, положив руки в карманы и глядя ей в спину. Катса сосредоточилась на виде из окна: двор под ручку пересекали две дамы, кудри у них на макушке прыгали вверх-вниз.

– С тобой я был не так осторожен, – сказал он. – Не так тщательно скрывал. Можно даже сказать, временами я поступал небрежно. – Он помолчал, а когда заговорил, голос его был таким тихим, словно он разговаривал со своими сапогами. – Потому что хотел, чтобы ты узнала.

Это его не оправдывает. Он воровал ее мысли, не говоря ей, хотя хотел сказать, но это ничуть его не оправдывает.

– Я не мог тебе сказать, Катса, никак не мог, – проговорил он, и она резко развернулась:

– Прекрати это! Сейчас же! Прекрати отвечать на мои мысли!

– Я не стану этого скрывать, Катса! Больше не стану!

Он не опирался о стол, не держал руки в карманах, а стоял, вцепившись пальцами в волосы. Лицо его... она не станет смотреть на его лицо. Катса снова отвернулась к окну.

– Я не собираюсь больше ничего скрывать от тебя, Катса, – повторил он. – Пожалуйста, дай мне объяснить. Все не так ужасно, как ты думаешь.

– Тебе легко говорить, – сказала она. – Это не твои мысли больше тебе не принадлежат.

– Почти все твои мысли по-прежнему принадлежат тебе, – возразил он. – Мой Дар открывает мне только то, что касается меня. Близко ли ты от меня, что делаешь, твои мысли, чувства, намерения по отношению ко мне. Мне... мне кажется, это что-то вроде инстинкта самосохранения, – неуверенно закончил он. – Как бы там ни было, поэтому мне и удастся с тобой сражаться. Я чувствую твои движения, не видя их. И что еще важнее, чувствую энергию твоих намерений в отношении меня, знаю каждый шаг, который ты собираешься сделать против меня, раньше, чем ты его сделаешь.

От такого невероятного заявления у нее перехватило дыхание. В голову пришла вялая мысль: так вот каково приходится ее противникам, когда она бьет их в грудь.

– Я чувствую, если кто-то хочет сделать мне больно и как, – продолжил он. – Чувствую, если человек желает мне добра или доверяет. Чувствую, если кому-то не нравлюсь. И чувствую, если меня собираются предать.

– Как ты предал меня, – вставила она, – не сказав, что умеешь читать мысли.

– Да, это так, – продолжал он упрямо. – Но все, что ты рассказала мне о своих мучениях из-за Ранды, Катса, мне нужно было услышать из твоих уст, как и все, что ты рассказала о Раффине, о Гиддоне. Когда я встретил тебя в замке Мергона, помнишь? Когда мы встретились, я не мог заглянуть в твои мысли и узнать, что ты вызволила моего дедушку из темницы. Я даже толком не знал, был ли он в темнице, – я находился еще слишком далеко, чтобы его почувствовать. И с Мергоном я не говорил – вранье Мергона бесполезно. Я не знал, что ты оглушила всех стражников. Все, что я понял: ты меня не знаешь и не уверена, стоит ли мне доверять, но убивать не хочешь – из-за того что я лионидец, и, может быть, из-за какого-то другого лионидца, хотя непонятно было, кого именно и при чем он там. А еще я почувствовал... не знаю, как объяснить, но я почувствовал, что тебе можно доверять. И все. Поэтому я решил тебе довериться.

– Наверное, это удобно, – горько сказала она, – чувствовать, кому можно доверять. Если бы я так могла, мы бы сейчас здесь не стояли.

– Прости, – повторил он. – Не могу выразить, как мне жаль. Мне было тошно оттого, что я не мог тебе открыться, это мучило меня каждый день, с тех пор как мы стали друзьями.

– Мы не друзья, – прошептала она в оконное стекло.

– Если ты мне не друг, значит у меня нет друзей.

– Друзья не лгут.

– Друзья пытаются понять, – добавил он. – Разве я стал бы тебе другом, если бы не лгал? Разве не опасно было признаться вам с Раффином? Ты бы сделала по-другому, Катса, если бы это были твой Дар и твоя тайна? Ты бы спряталась в темной норе и никому не досаждала своей проклятой дружбой? У меня будут друзья, Катса. У меня будет настоящая жизнь, хоть я и несу это бремя.

Резкий голос По на мгновение умолк, задохнувшись, и Катса попыталась отогнать от себя его грусть, не давая ей себя тронуть. Внезапно она обнаружила, что изо всех сил цепляется за подоконник.

– Ты бы хотела, чтобы у меня никого не было, Катса, – тихо закончил он. – Чтобы мой Дар овладел всей моей жизнью и не пускал в нее никакой радости.

Ей не хотелось слушать эти слова, которые взывали к ее сочувствию, к ее пониманию. Своим собственным Даром она причинила столько боли людям, стала изгоем, никак не могла освободиться от его власти и, как и По, никогда не просила о том, что было ей дано.

– Да, – сказал он. – Я об этом не просил. Я бы отказался от него ради тебя, если бы только мог.

Ярость, снова ярость оттого, что нельзя даже сочувствовать так, чтобы он этого не знал. Просто безумие, все это невозможно себе представить. Как его мать общается с ним? А бабушка? Как с ним вообще можно разговаривать?

– То, как ты сражаешься... – начала она, не отрывая взгляда от темнеющего двора за окном. – Хочешь, чтоб я поверила, что у тебя нет Дара сражаться?

– Я исключительно хороший боец от природы, – ответил он. – Как и все мои братья. Королевская семья в Лиониде славится мастерством рукопашного боя. Но мой Дар – огромное преимущество в бою, ведь я передвижу каждый шаг, который противник делает против меня. Прибавь сюда еще то, что я ощущаю тело противника – это чувство куда более точное, чем зрение, – и поймешь, почему до сих пор никому, кроме тебя, не

удавалось меня одолеть.

Поразмыслив, она поняла, что просто не может в это поверить.

– Ты сражаешься слишком хорошо. У тебя точно есть еще Дар, ты не смог бы так биться со мной без него.

– Катса, – сказал он, – подумай хорошенько. Ты бьешься в пять раз лучше меня. Когда мы боремся, ты всегда сдерживаешься – не говори, что это не так, это правда, – а я ни капли не смягчаю удары. Ты можешь творить со мной все, что угодно, а я даже больно тебе сделать не могу...

– Мне больно, когда ты бьешь...

– Только секунду, к тому же я могу тебя ударить, только когда ты сама позволяешь, когда выкручиваешь мне руку и не заботишься о том, что я бью тебя в живот. Как думаешь, сколько времени тебе потребуется, чтобы убить меня или переломать все кости, если будет необходимо?

Если будет по-настоящему необходимо?

Он прав. Если бы она решила ранить его, сломать руку или шею, едва ли это заняло бы много времени.

– Когда мы боремся, – продолжал По, – ты очень стараешься победить, не покалечив меня. Обычно у тебя это получается благодаря необычайному мастерству. А я ни разу не сумел тебя ранить, хотя, поверь, пытался.

– Это прикрытие, – произнесла она. – Бойцовские навыки – только прикрытие.

– Да. Моя мать ухватилась за них, когда стало ясно, что я унаследовал способности братьев, а мой Дар их приумножил.

– Но почему ты не почувствовал, что я собираюсь тебя ударить, – спросила Катса, – в замке Мергона?

– Почувствовал, – ответил По, – но только в последний момент – и не успел защититься. До того первого удара я не подозревал, как ты быстра. Мне никогда не приходилось сталкиваться с такой скоростью.

От оконной рамы отвалился кусочек известки. Она взяла его и покатила между пальцами.

– Твой Дар когда-нибудь ошибается? Или ты всегда знаешь наверняка?

В его вдохе послышался смешок.

– Я не всегда знаю наверняка, Дар все время меняется, все еще растет. Чувство материи довольно надежно, если только вокруг нет огромной толпы. Я чувствую, где люди и что делают. В том, что касается меня: ни разу не было, чтобы я чувствовал ложь, а мне не лгали – или ожидал удара, а его не было. Но порой я не знаю... чувствую что-то, но не знаю точно. Чувства других людей могут быть очень... сложными, их трудно понять.

Ей никогда не приходило в голову, что может быть трудно понять

человека, даже читая его мысли.

– Сейчас я увереннее, чем раньше, – продолжал он. – В детстве я постоянно путался. Меня накрывали огромные волны энергии и ощущений, и чаще всего я в них тонул. Например, мне понадобилось немало времени, чтобы научиться различать важные мысли и не очень, просто мысли, которые забываются в следующее мгновение, и осознанные мысли-намерения. Я сильно продвинулся вперед, но иногда Дар по-прежнему подкидывает мне такое, что руки опускаются.

Это показалось ей странным и смешным. А она еще думала, что это ее Дар – стихийное бедствие! Рядом с Даром По он казался на редкость простым и понятным.

– Иногда с ним трудно справиться, – добавил он, – с моим Даром.

Катса полуобернулась к нему:

– Ты это сказал, потому что я об этом думала?

– Нет. Я это сказал, потому что сам об этом думал.

Она снова повернулась к окну.

– Я думала о том же. Примерно о том же.

– Ну, – заметил он, – полагаю, это чувство тебе понятно.

Катса снова вздохнула. Много в его словах она и вправду могла понять, хотя не желала этого.

– Как близко тебе нужно находиться к человеку, чтобы его почувствовать?

– По-разному. К тому же со временем все меняется.

– В каком смысле?

– Если я хорошо знаю человека, – объяснил он, – радиус будет больше.

К незнакомцу придется подходить ближе. Вот сегодня я почувствовал, как ты подъехала к замку, почувствовал, когда влетела во двор и спрыгнула с лошади, ясно ощущал ярость, когда ты бежала к Раффину. Тебя я чувствую... сильнее, чем остальных.

За окном было уже намного темнее, чем в столовой, и Катса случайно заметила отражение По в оконном стекле. Теперь он опирался о стол, как ей представлялось сначала. Лицо, плечи, руки были печально опущены. Весь его облик дышал грустью: он был несчастен. Сначала По смотрел в пол, но потом поднял глаза и встретился в отражении с ее взглядом. Внезапно Катса снова почувствовала на глазах слезы и поспешила сказать первое, что пришло в голову:

– А ты чувствуешь зверей и растения? Камни и землю?

– Я уезжаю, – проговорил он. – Завтра.

– Ты почувствуешь, если рядом будет животное?

- Можешь повернуться, чтобы я тебя видел, пока мы разговариваем?
- Тебе легче читать мои мысли, когда я стою лицом?
- Нет. Я просто хочу на тебя смотреть, Катса. Вот и все.

В его мягком голосе звучало сожаление. Он сожалел обо всем этом, сожалел о своем Даре. О Даре, в котором не был повинен и который оттолкнул бы ее от него, если бы он открыл ей правду в самом начале.

Она повернулась к нему.

– Раньше я никогда не чувствовал зверей, растения, природу, – ответил он тогда, – но в последнее время что-то меняется. Иногда у меня появляется размытое ощущение чего-то, что не есть человек. Если оно двигается, я это чувствую. Но очень нестабильно.

Катса не отрываясь смотрела ему в лицо.

– Я еду в Сандер, – сказал По.

Она молча сложила руки на груди.

– Когда Мергон допрашивал меня после твоей вылазки, стало очевидно, что ты похитила у него дедушку, а еще что Мергон держал его для кого-то другого. Но я не мог узнать для кого, не задавая вопросов, которые выдали бы то, что я уже выяснил.

Она рассеянно слушала, слишком усталая, слишком подавленная всем, что навалилось на нее сейчас, чтобы сконцентрироваться на похищении.

– Я начинаю думать, что здесь замешано Монси, – сказал он. – Мы вычеркнули Миддланды, Вестер, Нандер, Истилл, Сандер – и, если помнишь, почти везде я уже был и знаю, что мне не лгали нигде, кроме Сандера. Лионид ни при чем, в этом я уверен.

Пока они говорили, она совсем растеряла всю ярость, больше не чувствовала ее, хотя ей хотелось бы. Потому что лучше ярость, чем пустота, пришедшая на ее место. Ей было жаль, что в ее чувствах к По все так переменялось, жаль, что все куда-то исчезло.

– Катса... – позвал он. – Мне нужно, чтобы ты меня слушала.

Моргнув, она заставила себя сосредоточиться на его словах.

– Но король Монси Лек – добрый человек, – возразила она. – У него не было причины так поступать.

– Может, и была, – отозвался он, – хотя непонятно какая. Что-то здесь не так, Катса. Я не обратил внимания на кое-какие ощущения от разговора с Мергоном, и, наверное, зря. К тому же сестра моего отца, королева Ашен, не стала бы поступать так, как ты рассказала. Она так крепка духом, так сильна. Не в ее привычках устраивать истерики и запираяться от мужа вместе с ребенком. Клянусь, если бы ты только ее знала...

Он замолк, нахмурившись, и ударил в пол носком сапога.

– Я чувствую, что здесь замешано Монси. Не знаю, Дар это говорит или просто инстинкт. Как бы там ни было, я возвращаюсь в Сандер, и посмотрим, что удастся там выяснить. Дедушка поправляется, но ради его безопасности пусть остается в укрытии, пока я не доберусь до разгадки.

Вот так, значит. Он возвращается в Сандер, чтобы добраться до разгадки. И хорошо, что возвращается, – ей не хотелось, чтобы он копался в ее мыслях.

Но и не хотелось, чтобы он уезжал. И должно быть, По уже это знает, раз она это подумала. А теперь он еще и знает, что она знает, что он знает, раз она это подумала?

Это бред, это невозможно. Невозможно находиться с ним рядом.

Но все же Катса не хотела, чтобы он уезжал.

– Я надеялся, ты поедешь со мной, – вдруг добавил он, и она уставилась на него с открытым ртом. – Из нас вышла бы отличная команда. Вообще-то, я еще даже точно не знаю, куда направлюсь, но надеялся, ты подумаешь о том, чтобы ехать со мной. Если ты мне все еще друг.

Она не знала, что сказать.

– Разве твой Дар не подсказывает, друг я тебе или нет?

– А ты сама это знаешь?

Она попыталась об этом подумать, но в голове было пусто. Она чувствовала лишь оцепенение и печаль, чувствовала, что внутри все смешалось.

– Я не могу узнать твои чувства, – проговорил он, – если ты сама их не знаешь.

Вдруг он бросил взгляд на дверь. В следующий момент в нее постучали, и в комнату, не дожидаясь разрешения, ворвался управляющий. При виде его бледного, взволнованного лица она снова оказалась во власти реальности. Ранда. Ранда хочет ее видеть – и, скорее всего, убить. Еще до всего этого сумасшествия с По она послушалась приказа Ранды.

– Король приказывает вам предстать перед ним немедленно, миледи, – сказал управляющий. – Простите меня, миледи. Он сказал, что, если вы не явитесь, он отправит за вами всю свою стражу.

– Хорошо, – ответила Катса. – Передайте ему, что я сейчас же явлюсь.

– Благодарю, миледи. – Управляющий развернулся и тут же удрал.

Катса нахмурилась.

– Всю свою стражу! Он думает, они могут что-то мне сделать? Нужно было сказать, чтобы посылал, – просто ради забавы. – Она обвела комнату взглядом. – Наверное, стоит взять нож.

По посмотрел на нее, прищурившись:

– Что ты сделала? Что случилось?

– Я его послушалась. Он послал меня пытаться одного ни в чем не повинного беднягу-лорда, а я решила, что не стану этого делать. Как думаешь, стоит взять нож? – Она направилась в оружейную.

По последовал за ней:

– Зачем? Что случится на этой встрече?

– Я не знаю, не знаю. Ох, По, я боюсь: если он меня разозлит, мне захочется его убить. А что, если он станет угрожать и не оставит мне выбора?

Катса рухнула в кресло и уронила голову на стол, за которым собирался Совет. Почему нужно идти к Ранде именно сейчас, когда у нее такой водоворот в мыслях? Едва услышав его голос, она выйдет из себя и сделает что-нибудь ужасное.

По опустился в соседнее кресло и сел вполоборота, не отрывая от нее взгляда.

– Катса, – начал он, – послушай меня. Ты – самый могущественный человек из всех, кого я встречал в своей жизни. Ты вольна поступать как знаешь, как тебе вздумается. Никто не сможет тебя к чему-то принудить, и дядя для тебя не угроза. Как только ты войдешь в тронный зал, ты вольна делать что пожелаешь. Если не хочешь причинять ему боль, Катса, просто реши этого не делать.

– Но как же мне поступать?

– Ты поймешь, – ответил По. – Как только решишь, чего ты делать не станешь. Ты не тронешь его и не дашь ему тронуть себя. Остальное поймешь по ситуации.

Она выдохнула на крышку стола. Не самый блестящий план.

– Это единственный вариант, Катса. Ты вольна делать что хочешь.

Она выпрямилась в кресле и посмотрела на него:

– Зачем ты так говоришь, ведь это неправда. Я не вольна запретить тебе чувствовать мои мысли.

Его брови взлетели вверх.

– Но ты ведь можешь убить меня.

– Не могу, – возразила Катса. – Ведь ты поймешь, что я собираюсь тебя убить, сбежишь и никогда не вернешься.

– Я этого не сделаю.

– Сделаешь, если я задумаю тебя убить.

– Нет, Катса, я не смогу.

На этой бессмысленной ноте она замахала руками:

– Довольно, я этого больше не выдержу!

Катса встала из-за стола и, покинув свои покои, отправилась на зов короля.

Глава пятнадцатая

Войдя в тронный зал, она первым делом пожалела, что все-таки не взяла с собой нож. Потом пожалела, что сила Дара По не дотягивается досюда и он не смог предупредить, что ее ждет, а то она благо разумно решила бы не приходить.

К трону Ранды вела длинная синяя ковровая дорожка. Сам трон стоял на возвышении из белоснежного мрамора. Ранда сидел на высоком троне в синих одеждах, его голубые глаза сверкали, в лице читалась суровость, улыбка застыла. С обеих сторон от него стояли лучники, и как только Катса вошла в зал, их стрелы нацелились ей в голову, прямо в лоб над зелено-голубыми глазами. В дальних углах зала тоже стояли, прицелившись, лучники.

По бокам в три ряда выстроилась, обнажив мечи, вся королевская гвардия. Обычно Ранда держал в тронном зале десятую часть своих телохранителей. Впечатляюще. Ранда собрал к ее приходу знатное войско. Но, обводя глазами зал, Катса подумала, что Бирн, Драуден или Тигпен подготовились бы лучше. Это правильно, что Ранда редко воевал, – выстраивать войска у него получалось неважно. Вот и здесь он все сделал не так. Слишком мало лучников и слишком много неуклюжих, закованных в доспехи, громяющих железом рыцарей, которые тут же поспотыкаются друг о друга, пытаясь на нее напасть. Все эти высокие, широкоплечие воины легко заслонят ее от стрел. К тому же все вооружены, вооружены мечами, у каждого за поясом торчит кинжал, и все эти мечи и кинжалы она отберет с такой легкостью, словно они уже у нее в руках. А сам король сидит на возвышении, и длинный синий ковер ведет к нему, словно специально показывает дорогу летящему лезвию.

Если здесь начнется сражение, оно превратится в резню.

Катса шагнула вперед, ее глаза и уши чутко следили за каждым движением лучников. Лучники у Ранды были отличные, но не Одаренные. Катса даже успела сухо пожалеть стражников за спиной: если придется уворачиваться от стрел, они обречены.

Когда она прошла около половины пути к трону, король заговорил:

– Остановись. Я не желаю, чтобы ты подходила ближе, Катса. – В устах Ранды это имя прозвучало шипением, подобным испускаемому раскаленным паром. – Сегодня ты вернулась в замок без девушки и без наследства. Мой вассал и мой капитан ранены твоей рукой. Что ты можешь

сказать в свое оправдание?

Ее ничуть не тревожило присутствие целого войска, почему же всего лишь голос так выводил из себя? Она заставила себя не отводить взгляда от его полных презрения глаз.

– Я не согласна с вашим приказом, мой повелитель.

– Я верно расслышал? Ты не согласна с моим приказом?

– Да, мой повелитель.

Ранда откинулся на троне, губы изогнулись в жесткой улыбке.

– Очаровательно, – сказал он. – Просто очаровательно. Скажи мне, Катса, что именно заставило тебя думать, что у тебя есть право оценивать приказы короля? Раздумывать над ними? Иметь свое мнение на этот счет? Я когда-нибудь предлагал тебе поделиться своими мыслями о чем-нибудь?

– Нет, мой повелитель.

– Я когда-нибудь просил тебя помочь нам мудрым советом?

– Нет, мой повелитель.

– Думаешь, тебя держат при дворе из-за твоего ума, твоего потрясающего интеллекта?

Вот это Ранда умел мастерски. Именно так ему удавалось держать ее в клетке все эти годы. Он умел заставить ее чувствовать себя тупым животным, цепной собакой.

Что ж, пусть собака, но на цепи она больше сидеть не будет. Она освободится, сама станет сторожем своей порочной природы и будет делать с ней что пожелает. Уже сейчас она чувствовала в руках и ногах дрожь нетерпения. Прищурившись, она посмотрела на короля, и в голосе невольно зазвучал вызов:

– Зачем здесь все эти воины, дядя?

– Эти воины, – любезно улыбнулся Ранда, – нападут, если ты хотя бы двинешься. А после нашего разговора они проводят тебя в темницу.

– И вы полагаете, я добровольно отправлюсь в темницу?

– Мне все равно, отправишься ты добровольно или нет.

– Вы, наверное, думаете, что эти люди смогут увести меня туда насильно.

– Катса... Конечно, все мы придерживаемся самого высокого мнения о твоём мастерстве. Но даже у тебя нет шансов против двух сотен воинов и моих лучших лучников. После этого разговора ты окажешься либо в темнице, либо на том свете.

Катса видела и слышала все в зале: короля и его лучников, их нацеленные стрелы, воинов с мечами наготове, даже свои руки в красных рукавах и ноги под красными юбками. В зале стояла абсолютная тишина,

если не считать дыхания людей вокруг и легкого гула у нее в голове. Катса развела руки в стороны, подальше от тела, чтобы каждый мог их видеть. Она дышала тем, что только сейчас распознала, – ненавистью. Она ненавидела короля, эта ненависть переполняла ее.

– Дядя, – начала Катса, – позволь мне объяснить, что случится в тот самый момент, когда хоть кто-то из твоих людей сделает шаг в мою сторону. Скажем, например, один из лучников пускает стрелу. Ты не часто бывал на моих тренировках, дядя. Ты не видел, как я уворачиваюсь от стрел, – зато это видели твои лучники. Если один из них пустит стрелу, я упаду на пол, а стрела, естественно, попадет в одного из воинов. Меч и кинжал этого воина окажутся у меня в руках так быстро, что никто в зале даже не успеет понять, что произошло. Начнется сражение, но одновременно ко мне смогут подойти только семь или восемь воинов, а семь-восемь для меня – ничто. Убивая их, я буду забирать кинжалы и кидать в сердца твоим лучникам, которые, конечно, уже не смогут в меня прицелиться, когда начнется схватка. Я выберусь из зала живой, дядя, но большинство из ваших людей погибнет. Конечно, так будет, только если я стану ждать нападения. А я могу начать сама. Напасть на воина, отобрать кинжал и метнуть его вам в грудь в это самое мгновение.

Губы Ранды по-прежнему улыбались, но внутренне он дрогнул. Угроза смерти прозвучала и была услышана, и Катса чувствовала ее эхо в кончиках пальцев. Она видела, что может это сделать, может убить его прямо сейчас, и презрение в его глазах исчезнет, усмешка сбежит с губ. Пальцы зачесались – так хотелось схватить кинжал.

«А что потом?» – прошептал тихий голос у нее в голове, и у Катсы перехватило дыхание от потрясения. Что потом? Кровавая бойня, выбраться из которой будет удачей. Раффин станет правителем, и первым, что перейдет к нему вместе с королевской властью, станет необходимость казнить убийцу отца. Он не сможет избежать казни, если захочет справедливо управлять Миддландами, и то, что сестра станет ему врагом, разобьет его сердце.

А По услышит обо всем этом, уезжая, услышит, что она не поборола себя и убила дядю, сама отправила себя в изгнание и предала Раффина. Он вернется в Лионид и будет смотреть с балкона на то, как солнце опускается в море, будет качать головой, залитый оранжевым светом, и удивляться, почему же она позволила этому произойти, когда в ее руках была такая власть.

«Где твоя вера в свои силы? – прошептал голос. – Вовсе не обязательно проливать кровь». И внезапно Катса ясно увидела, что она

натворила. Увидела Ранду, бледного, сжимающего подлокотники трона так сильно, что, кажется, они вот-вот оторвутся. Он в любой момент может приказать лучникам атаковать, просто из страха, объятый ужасом перед тем, что она нападет первой.

На глаза навернулись слезы. Милосердие оказалось еще страшнее, чем убийство, потому что это труднее и Ранда его не заслужил. И хоть она и хотела того же, чего хотел этот внутренний голос, она не чувствовала в себе храбрости это сделать.

«По думает, что у тебя довольно храбрости, – яростно убеждал голос. – Притворись, что веришь ему. Поверь хоть на мгновение».

Притвориться. Иголки в пальцах кололи до крика, но, быть может, получится притворяться достаточно долго, чтобы выбраться из зала.

Катса подняла на короля горящий взгляд. Голос ее дрожал.

– Я покидаю замок, – произнесла она. – Не пытайтесь меня остановить. Иначе пожалеете, я обещаю. Как только я уеду, забудьте обо мне – я не желаю быть зверем на поводке. Вы больше не будете мне приказывать.

Глаза его округлились, рот раскрылся от изумления. Повернувшись, Катса бросилась бежать по ковру, прислушиваясь к тишине, готовая взвиться при первом же намеке на звон тетивы или взмах меча. Выбегая в высокие двери тронного зала, она чувствовала на своей спине взгляд сотен потрясенных глаз. И никто из них не знал, что она была на расстоянии вдоха, на расстоянии нервной дрожи от того, чтобы передумать.

Часть вторая
Король-злодей

Глава шестнадцатая

Они отправились в путь задолго до рассвета. Провожали их два заспанных химика – Раффин и беспрерывно зевающий Банн. Утро выдалось холодное и бодрило, но Катса молчала. Она стеснялась своего попутчика и с Раффином чувствовала себя так неловко, что, казалось, лучше бы он не приходил. Если бы Раффин своими глазами не видел, как она выехала из замка, можно было бы притвориться, что она вовсе никуда не уезжает. Но Раффин стоял рядом – притворяться было бесполезно, и никак не получалось удержать эту странную жидкость, которая мучительно вскипала у нее на глазах и в горле при каждом взгляде на Раффина.

С ними просто невозможно, с этими двумя, – если не доведет до слез один, то другой уж точно. Что бы тут устроила Хильда, можно было только догадываться, да и самой Катсе трудно было бы прощаться и с ней, и с Оллом. Утро получилось далеко не самое радостное, но, по крайней мере, хотя бы с По они не расставались. А сейчас он, наверное, стоит подле своей лошади и слышит, как она об этом думает. Она на всякий случай бросила на него испепеляющий взгляд, но он только вскинул брови, улыбнулся и зевнул. Что ж... Если он будет засыпать в седле, она просто оставит его глотать пыль. Прохлаждаться нет настроения.

Раффин суетился, бегая от одного коня к другому, проверяя седла, закрепляя стремяна.

– Наверное, не стоит беспокоиться о вашей безопасности, раз вы едете вместе.

– Все будет в порядке. – Катса потянула за ремень седельной сумки и перебросила ее через спину лошади к По.

– У вас есть список союзников Совета в Сандере? – спросил Раффин. – А карты? Провиант на сегодня взяли? А деньги не забыли?

Катса улыбнулась – он вел себя точно заботливая матушка, которая отправляет своего отпрыска в далекое путешествие.

– По – принц Лионида, – сказала она. – И всегда возит с собой мешки золота, у него и конь поэтому такой большой.

Раффин посмотрел на нее сверху вниз, в глазах его плескался смех.

– Вот, возьми. – Он сомкнул пальцы на небольшом мешочке. – Это снадобья – на случай, если потребуются. Я их все надписал, чтобы было понятно, от чего они помогают.

По шагнул вперед и протянул руку Банну:

– Спасибо за все. – Потом пожал руку Раффину. – Вы ведь позаботитесь о бабушке, пока меня не будет?

– Пока мы рядом, с ним ничего не случится, – уверил Раффин.

По сел на коня, Катса взяла ладони Банна в свои и крепко их пожала, а потом подошла к Раффину и, подняв голову, посмотрела ему в лицо.

– Ну... – пробормотал он. – Вы нам дадите знать, как дела, если будет возможность?

– Конечно, – отозвалась Катса.

Он опустил глаза в пол, потом кашлянул, потом потер шею и вздохнул. Ей снова ужасно захотелось, чтобы его тут не было, потому что слезы готовы были вот-вот потечь по щекам и не было сил их сдержать.

– Ну, – проговорил Раффин, – когда-нибудь мы увидимся снова, сестренка.

Катса потянулась к нему, обвила руками шею, а он поднял ее в воздух и крепко обнял, и на мгновение она замерла, уткнувшись носом ему в воротник.

И вот ноги снова коснулись земли. Отойдя, Катса вскочила в седло.

– Едем, – сказала она По и ни разу не оглянулась, пока их лошади рысью выезжали с конного двора.

Маршрут был приблизительный и постоянно менялся, потому что единственной четкой целью был поиск любого пути, который может приблизить их к разгадке тайны похищения. Первым пунктом назначения стал постоялый двор к югу от Мергониона, в трех днях езды от Рандиона, – он стоял на пути, по которому, скорее всего, следовали похитители. Здесь часто останавливались шпионы Мергона, а также купцы и путешественники из портовых городов Сандера, а часто и Монси. По счел, что такое начало ничем не хуже любого другого, к тому же это не уводило их с пути, который шел в Монси.

Они не стали скрывать свои имена. Во всех семи королевствах Катсу узнавал по глазам каждый, чьих ушей хоть раз касались рассказы о ней. В По сразу признавали лионидца, а его собственные глаза, да еще и попутчица, щедро давали пищу для разговоров. Поспешный отъезд Катсы со двора Ранды вместе с лионидским принцем быстро окажется у всех на устах. Любая попытка скрыть свою личность бесполезна; Катса даже не потрудилась переменить синюю тунику и штаны, которые выдавали ее принадлежность к королевской семье. Цель их путешествия тоже не останется тайной, ведь все уже привыкли к мысли, что Одаренный лионидец ищет своего деда, значит теперь в поисках ему помогала

Одаренная дама. Их вопросы, маршрут, даже то, что они ели за ужином, – все станет поводом для сплетен.

Но все же этот обман был им надежным прикрытием, ведь всем невдомек, что Катса и По ищут не лионидца, а причины его похищения. Никто не поймет, что они знают о причастности Мергона и подозревают Лека, короля Монси. И никто даже не предполагает, сколь многое может выяснить лионидец, задавая самые обычные вопросы.

По был отличным наездником, и они ехали с почти привычной для Катсы скоростью. Деревья южных лесов проносились мимо, стук копыт успокаивал и заставлял утихнуть боль расставания.

Она была рада По, ей нравилось ехать в его обществе, но, когда они остановились, чтобы размять ноги и поесть, ее снова охватило смущение, она не знала, как себя вести, что сказать.

– Посиди со мной, Катса.

Он сидел на огромном стволе упавшего дерева, а она смотрела на него, спрятавшись за лошадью.

– Катса... – сказал он. – Катса, милая, обещаю, я не стану кусаться. Я сейчас не чувствую никаких твоих мыслей, кроме того, что стесняю тебя. Иди сюда, давай поговорим.

Тогда она подошла и села рядом, но ничего не говорила и даже старалась на него не смотреть, потому что боялась его глаз.

– Катса, – начал наконец По, после того как они несколько минут молча жевали, – со временем ты ко мне привыкнешь. Мы научимся общаться. Чем мне тебе помочь? Говорить тебе, если почувствую что-то при помощи своего Дара? Чтобы ты поняла, как он действует?

Такое предложение показалось ей не слишком привлекательным: она предпочла бы притвориться, что он вообще ничего такого не чувствует. Но он был прав. Они теперь вместе надолго, и чем раньше она с этим смирится, тем лучше.

– Да.

– Хорошо, так и сделаю. У тебя есть вопросы? Я на все отвечу.

– Мне кажется, – начала она, – если ты всегда будешь знать, что я о тебе думаю, то ты должен мне рассказывать все, что думаешь обо мне, как только подумаешь. Всегда.

– Хм... – Он искоса посмотрел на нее. – Не сказать чтобы мне нравилась эта идея.

– А мне не очень нравится, что ты всегда знаешь, что я чувствую, но выбирать не приходится.

– Хмм... – протянул он, потирая лоб. – Наверное, теоретически это

было бы честно.

– Еще как!

– Ну ладно. Так, посмотрим. Я очень сочувствую тебе из-за разлуки с Раффином. Я думаю, было очень смело с твоей стороны бросить вызов Ранде из-за того бедняги Эллиса, – не уверен, что сам бы на такое решился. Еще я думаю, что никогда не видел никого энергичнее тебя, хоть мне и кажется, что твоей лошади приходится туго. Еще меня посещал вопрос, почему ты отказала Гиддону, – не потому ли, что намерена выйти за Раффина, и, если так, не печалит ли тебя разлука даже сильнее, чем можно представить? Я очень рад, что ты поехала со мной. Еще я бы очень хотел посмотреть, как ты сражаешься по-настоящему, насмерть, – думаю, это было бы завораживающее зрелище. Мне кажется, ты понравишься моей маме, а братья просто молиться на тебя будут. Еще я думаю, что ты – самый раздражительный человек на целом свете. И вообще, я все-таки очень переживаю за твою лошадь.

Замолкнув, он отломил кусок хлеба, прожевал и проглотил, а Катса все смотрела на него округлившимися глазами.

– Пока это все, – сказал он.

– Быть не может, чтобы ты думал обо всем этом одновременно, – проговорила она.

По рассмеялся, и этот смех ее успокоил. Катса попыталась побороть свое смущение перед золотыми и серебристыми огоньками, пляшущими в его глазах, но оставила эту затею, а когда он снова заговорил, его голос звучал необыкновенно мягко:

– А теперь я думаю: как же ты не понимаешь, что твои глаза гипнотизируют меня так же, как мои – тебя? Я не знаю, в чем тут дело, Катса, но не позволяй этому тебя смущать. Мы оба в равной мере оказались во власти этой... нелепости.

Шею лизнул румянец, и Катса почувствовала себя вдвойне смущенной – его глазами и его словами. Но одновременно ей стало легче, ведь если и он чувствовал себя нелепо, тогда ее собственная нелепость уже не так ее волновала.

– Я думала, может, ты специально это делаешь, – сказала она, – так смотришь. Думала, это часть твоего Дара – гипнотизировать взглядом и читать мысли.

– Нет, ничего подобного.

– Почти никто не смотрит мне в глаза. Большинство их боится.

– Да, мне тоже мало кто может смотреть долго в глаза. Слишком необычные.

Тогда она снова посмотрела в них, наклоняясь и внимательно изучая, как не решилась бы сделать раньше.

– Твои глаза словно светятся. Смотрится не очень естественно.

Он усмехнулся:

– Мама рассказывала, что, когда я открыл глаза в тот день, когда установился их цвет, она меня чуть не уронила – так испугалась.

– А какого цвета они были раньше?

– Серого, как у большинства лионидцев. А твои?

– Понятия не имею. Мне никто никогда не говорил, и едва ли это можно у кого-нибудь узнать.

– У тебя очень красивые глаза, – сказал он, и она вдруг почувствовала волну тепла, словно грелась в солнечных лучах, которые пробивались через кроны деревьев и покрывали их светлыми пятнами.

Когда путники оседлали лошадей и вернулись на лесную дорогу, Катса все еще была смущена, но теперь, по крайней мере, чувствовала, что может смотреть По в лицо и не бояться, что выворачивает перед ним душу наизнанку.

Дорога шла по окраине Мергониона и стала теперь более широкой и оживленной. Всякий раз, когда Катсу и По замечали, на них начинали глазеть. В скором времени во всех трактирах и домах города станет известно, что два Одаренных бойца вместе держат путь на юг по Мергоновой дороге.

– Уверен, что не хочешь заехать к королю Мергону, – спросила Катса, – и разузнать что-нибудь у него? Так ведь намного быстрее, разве нет?

– После кражи он ясно дал понять, что мне не слишком рады при его дворе. Подозревает, что я знаю, что именно украли.

– Он тебя боится.

– Да, и он такой человек, что вполне может сделать глупость. Если мы явимся, он, вероятно, захочет напасть первым, и придется сражаться. Лучше этого избежать, правда? Если уж должны пострадать люди, пусть это случится при дворе виновного, а не просто соучастника.

– Значит, едем в трактир.

– Да, – сказал По. – Едем в трактир.

Лесная дорога снова стала уже и спокойнее, когда Мергонион остался позади. Они остановились перед самым наступлением темноты и разбили лагерь вдали от дороги, на небольшой поляне, устланной мхом и укрытой густыми ветвями. Тоненький ручеек очень обрадовал усталых лошадей.

– Здесь есть все, что нужно человеку, – сказал По. – Я бы мог вполне сносно здесь жить. Как думаешь, Катса?

– Хочешь мяса? Я могу кого-нибудь поймать.

– Мечта, – сказал он. – Но скоро совсем стемнеет. Я не хочу, чтобы ты заблудилась, тем более в такой кромешной тьме.

Катса улыбнулась и перешагнула через ручей.

– Дай мне две минуты. И кстати, я никогда не заблужусь даже в кромешной тьме.

– Ты даже лук не возьмешь? Собираешься душить лося голыми руками?

– У меня нож в сапоге, – успокоила его Катса, и у нее мелькнула мысль: а смогла бы она задушить лося голыми руками? Это не казалось невозможным. Но сейчас ей нужен был всего лишь кролик или, может, птица – и ножа более чем достаточно. Катса проскользнула меж корявых деревьев и окунулась во влажную тишину леса. Все, что нужно, – всего лишь оставаться внимательной, тихой и невидимой.

Когда через несколько минут она вернулась с большим, жирным, уже освежеванным кроликом, ее встретил разожженный костер. Пламя бросало оранжевые отсветы на лошадей и на По.

– Это меньшее, что я мог сделать, – сухо проговорил он. – Вижу, ты его уже освежевала. Кажется, пока мы путешествуем вместе, обязанностей у меня будет немного.

– А что в этом такого? Если хочешь, можешь охотиться сам. А я буду оставаться у костра, штопать тебе носки и испуганно визжать от каждого звука.

Он улыбнулся:

– Ты так же обращаешься с Гиддоном, когда вы в пути? Думаю, он находит это немного унижительным.

– Бедненький По. Если хочешь почувствовать свое превосходство, можешь утешиться, читая мои мысли.

– Я знаю, что ты меня дразнишь, – засмеялся он. – Но знай, меня не так-то легко задеть. Можешь добывать мне еду, разбивать в пух и прах на тренировках и защищать от врагов в схватке, если тебе так хочется. Я только спасибо скажу.

– Мне не придется защищать тебя, если на нас нападут. Да и добывать еду ты прекрасно сможешь и без меня.

– Верно. Но все же с тобой мне не сравниться, Катса. И это меня не унижает. – Он подбросил в костер ветку. – Усмиряет, да. Но не унижает.

В наступившей ночи Катса сидела тихо и смотрела, как кровь капает с куска мяса, который она держала на палке над огнем, и шипит, попадая в костер. Задумавшись над тем, как отделить усмирение от унижения, она

постепенно поняла, что имел в виду По. Сама она никогда бы не додумалась до такого. Его мысли были такими ясными, а у нее в голове всегда бушевал ураган, в котором ничего невозможно было понять и который невозможно было сдерживать. Внезапно и резко ее полоснула мысль, что По умнее, намного умнее, что она в сравнении с ним просто дикарка. Бездумная и бесчувственная невежда.

– Катса...

Она подняла взгляд. Пламя танцевало в серебристо-золотых глазах По и бросало отблески на кольца в его ушах. Лицо его было залито светом.

– Скажи, – проговорил он, – кто придумал основать Совет?

– Я.

– А кто решил, чем Совет будет заниматься?

– В конечном счете я.

– А кто планировал все вылазки?

– Я – с Раффином, Оллом и остальными.

Он проверил, как готовится мясо, – перевернул его, рассеянно потряс, и сок, шипя, закапал в костер. Потом снова поднял взгляд на Катсу.

– Не понимаю, как ты можешь сравнивать нас, – сказал По, – и считать себя при этом глупой, бездумной или бесчувственной. Я всю свою жизнь занимался тем, что копался у себя в голове и расставлял по местам свои и чужие эмоции. Если иногда мои мысли кажутся более ясными, чем твои, то это только потому, что у меня было больше практики. Вот и вся разница между нами.

Он снова сосредоточился на мясе, а Катса слушала и смотрела на него.

– Я хочу, чтобы ты всегда помнила о Совете, – добавил он. – Я хочу, чтобы ты помнила, что, когда мы встретились в первый раз, ты спасала моего дедушку только потому, что верила, что он не сделал ничего дурного.

Он наклонился к костру и бросил в огонь еще ветку, и так они сидели: тихий маленький островок света в океане тьмы.

Глава семнадцатая

На следующее утро Катса проснулась первой. Пойдя вдоль ручейка, она в конце концов обнаружила небольшой водоем – чуть больше, чем лужа, но меньше, чем пруд. Поеживаясь, вымылась, насколько это было возможно; холодный воздух и вода взбодрили и заставили окончательно проснуться. Распустив кудри и попытавшись привести их в порядок, Катса встретила с привычным препятствием: она яростно дергала и тянула, но пальцы никак не могли распутать колтуны. Тогда она снова завязала волосы, тщательно вытерлась и оделась. К ее возвращению на поляну По уже проснулся и был занят тем, что завязывал седельные сумки.

– Ты обрежешь мне волосы, если я попрошу?

Он поднял голову и вскинул брови.

– Ты ведь не собираешься скрываться?

– Нет, не в этом дело. Просто они всю жизнь сводили меня с ума и никогда не нравились, к тому же без них было бы намного удобнее.

– Хм... – Он оглядел большой колтун у Катсы на затылке. – Они спутаны, как птичье гнездо, – протянул он и рассмеялся при виде ее мрачного лица. – Если ты и вправду хочешь, я могу отрезать, но едва ли тебе сильно понравится результат. Может, потерпишь до постоянного двора и попросишь жену хозяина или кого-нибудь из женщин в городе?

– Ладно, – вздохнула она. – Один день я как-нибудь проживу.

По скрылся на тропе, по которой она только что вернулась, а Катса свернула одеяло и занялась погрузкой своих вещей на коня.

Чем дальше они продвигались на юг, тем дорога становилась уже, а лес – гуще и темнее. Несмотря на протесты Катсы, впереди ехал По. Он утверждал, что, если темп задавала она, сначала они ехали на нормальной скорости, но совсем скоро начинали нестись сломя голову. По взял на себя обязанность защищать лошадь от ее всадницы.

– Ты говоришь, что волнуешься за лошадь, – сказала Катса, когда они остановились, чтобы напоить коней в потоке, пересекавшем дорогу, – но мне кажется, ты просто не можешь ехать на моей скорости.

Он рассмеялся:

– Пытаешься взять меня на слабо, но не выйдет.

– Кстати, – заметила Катса, – кажется, мы не тренировались с тех самых пор, как я раскрыла твой обман и ты пообещал больше не лгать.

– Да, точно, с тех самых пор, как ты дала мне кулаком в челюсть, потому что злилась на Ранду.

Она не сумела сдержать улыбку.

– Ладно, можешь скакать первым. Но что насчет тренировок? Ты разве не хочешь их возобновить?

– Конечно, – сказал он. – Пожалуй, можно даже сегодня, если остановимся засветло.

Они ехали молча. Мысли Катсы разбегались, и в какой-то момент она обнаружила, что, если они подбегают опасно близко к По, она спохватывается и становится предельно осторожной. Если уж думать, то что-нибудь незначительное. Тогда, копясь у нее в голове, пока они едут в тишине леса, По не получит никакого преимущества.

Ей стало интересно, насколько он восприимчив к вторжениям чужих мыслей. Что, если он сосредоточенно пытается решить какой-то важный вопрос и тут приближается толпа людей? Или пусть даже один человек, думающий о его странных глазах, кольцах или о том, чтобы купить его лошадь? Когда к тебе стучатся чужие мысли, сбивает ли это? Должно быть, страшно раздражает.

А потом ей пришла в голову идея: получится ли привлечь его внимание без слов? Может, можно мысленно позвать его, если понадобится остановка или его помощь? Скорее всего, это возможно – ведь, если кто-то неподалеку хочет с ним заговорить, он должен это почувствовать.

Она смотрела на него, едущего впереди, на прямую спину и ловкие руки – рукава белой рубашки, как всегда, закатаны до локтей. Потом перевела взгляд на деревья, на уши своей лошади, на землю под ногами. Очистила разум от малейшего следа По. Подумала: на ужин нужно будет поймать гуся. Листья на деревьях только начинают желтеть. Погода чудесная, так свежо.

А потом, собрав все силы, сконцентрировала внимание на затылке По и внутренне прокричала его имя. Он дернул за поводья так, что лошадь коротко заржала, споткнулась и чуть не села, а ее собственная лошадь едва с ней не столкнулась. По так удивился, напугался – и разозлился, что Катса не выдержала и разразилась хохотом.

– Что, во имя Лионида, с тобой такое? Хочешь напугать меня до смерти? Разве тебе не достаточно мучить собственную лошадь, ты и мою хочешь погубить?

Она понимала, что он очень зол, но никак не могла перестать смеяться.

– Прости меня, По. Я только пыталась привлечь твоё внимание.

– И полагаю, тебе никогда не приходит в голову начать с малого. Если

бы я попросил тебя починить мне крышу, ты бы первым делом снесла весь дом.

– Ну, По, не сердись. – Она одолела смех, который по-прежнему вскипал в горле. – Честно, По, я не представляла, что ты так испугаешься. Я вообще не подозревала, что могу тебя напугать. Думала, твой Дар не позволит.

Она кашлянула и натянула на лицо покаянное выражение, которое никак не смогло бы обмануть никого, кто хоть немного умел читать мысли. Но она не нарочно, честное слово, и он обязательно это почувствует. Наконец его сжатые губы смягчились, и на них мелькнула тень улыбки.

– Посмотри на меня, – сказал он, но это было излишне, ведь улыбка уже поймала ее в капкан. – А теперь скажи мысленно мое имя, как будто хочешь позвать... скажи тихо. Так, как сказала бы вслух.

Она помедлила мгновение, а потом подумала: «По».

Он кивнул:

– Вот и все.

– Это было просто.

– И заметь, никакой опасности для лошади.

– Очень смешно. Давай потренируемся, пока едем?

И весь остаток дня она то и дело окликала его в мыслях. Каждый раз он поднимал руку, показывая, что слышал. Даже если она думала шепотом. Когда стало ясно, что все получается, она решила перестать, чтобы не докучать ему. И тут он обернулся и кивнул, и ей стало ясно – он понял. Она ехала за ним с округлившимися глазами, пытаясь свыкнуться с мыслью, что у них только что без единого слова произошел целый разговор.

Они разбили лагерь на берегу пруда, окруженного сандерскими вековыми деревьями. Отстегивая седельные сумки, Катса заметила гуся, который неспешно прогуливался в камышах на другом берегу. По прищурился.

– Это, кажется, гусь, – сказал он, – я бы не отказался поужинать гусиной ножкой.

И Катса отправилась на охоту. Она тихо приближалась к птице, и та ее не замечала. Катса решила подойти вплотную и свернуть гусю шею, как делали кухарки в курятниках замка. Но когда она подобралась совсем близко, гусь услышал ее и, гогоча, побежал к воде. Она побежала следом, тогда гусь расправил массивные крылья и поднялся в воздух. Подпрыгнув, Катса схватила его поперек туловища и, удивляясь его размеру, потянула вниз, прямо в пруд, и теперь боролась в воде с огромным гусем, который хлопал крыльями, щипался, плескался и бил ее лапами. Но все это длилось

лишь мгновение – она схватила его за шею и сломала ее раньше, чем мощный клюв успел дотронуться до охотницы.

Повернувшись к берегу, Катса с удивлением обнаружила, что По смотрел на все происходящее разинув рот. Она стояла в пруду – с волос и одежды ручьем лилась вода – и, держа огромную птицу за шею, показала ему:

– Поймала.

Мгновение По молча смотрел. Грудь его судорожно вздымалась – видимо, побежал, увидев схватку в воде. Он помассировал виски.

– Катса, что, во имя Лионида, ты творишь?

– В каком смысле? Я поймала нам гуся.

– Почему не ножом? Ты стоишь в пруду мокрая насквозь.

– Это всего лишь вода, – сказала она. – Все равно пора было устроить стирку.

– Катса...

– Я хотела посмотреть, смогу ли, – перебила она. – Что, если мне когда-нибудь придется добывать еду без оружия? Полезно знать, как поймать гуся голыми руками.

– Ты могла подстрелить его прямо из лагеря, через пруд. Даже я видел, куда целиться.

– Зато теперь я знаю, что могу, – просто сказала она.

Покачав головой, По протянул руку:

– Вылезай, пока не простудилась. А это отдай мне. Я его ощиплю, а ты переоденешься во что-нибудь сухое.

– Я никогда не простужаюсь, – сказала Катса и побрела к берегу.

В ответ он рассмеялся:

– Ох, Катса. Конечно же никогда. – Он взял гуся у нее из рук. – Ты еще в настроении побороться? Можем провести тренировку, пока гусь жарится.

Теперь, когда правда о его истинном преимуществе раскрылась, в поединках многое изменилось. Стало ясно, что удары для отвода глаз – пустая трата сил. Умом его не победить, тут не поможет никакая светлая голова. Единственными преимуществами Катсы остались темп и ярость. И теперь, зная это, было намного легче продумывать стратегию. Она не тратила время на фантазию, а просто молотила его так быстро и сильно, как только могла. Пусть он знал, куда она хотела ударить в следующий раз, но после шквальной атаки просто не успевал реагировать, не мог двигаться с такой скоростью, чтобы успеть защититься. Пока они сражались и боролись, солнце закатилось, наступила ночь. Он снова и снова объявлял

себя побежденным и поднимался на ноги, сквозь смех постанывая от боли.

– Для меня это хорошая практика, – сказал он, – но не могу понять, в чем тут польза для тебя, если не считать удовольствия сделать из меня котлету.

– Нужно придумать какие-нибудь новые приемы, – предложила она. – Что-нибудь, чтобы оба наших Дара потрудились.

– Попробуй победить меня теперь, в темноте. Увидишь, наши шансы заметно сравняются.

Это оказалось правдой. Вокруг них сомкнулось ночное небо, черное небо без луны и звезд. В конце концов Катса перестала что-либо видеть, от По остались только смутные очертания. Била она теперь приблизительно, по ощущениям. Он знал об этом и двигался так, чтобы сбить ее с толку. Его оборона стала сильнее, а удары беспрепятственно достигали своей цели.

В какой-то момент Катса остановила его.

– Неужели ты настолько четко ощущаешь мои руки и ноги?

– Руки и ноги, пальцы на них, – ответил По. – Ты так материальна, Катса, в тебе столько физической энергии. Даже твои эмоции иногда кажутся осязаемыми.

Покосившись на него, она на мгновение задумалась.

– А смог бы ты драться с завязанными глазами?

– Никогда не пробовал... да и не сумел бы попробовать, не вызвав подозрений. Но да, смог бы, хотя на плоской поверхности было бы проще. Почва здесь, в лесу, ощущается слишком неоднородно.

Катса окинула взглядом черный силуэт на фоне еще более черного неба.

– Прекрасно, – сказала она. – Это просто прекрасно. Я тебе завидую. Нам нужно чаще сражаться по ночам.

Он засмеялся:

– Я не возражаю. Будет приятно иногда побыть атакующей стороной.

Они боролись еще недолго, до тех пор пока оба не споткнулись об упавшую ветку и По не приземлился на спину, оказавшись наполовину в пруду. Он встал, отплевываясь.

– Думаю, мы достаточно поваялись в темноте, – сказал он. – Может, посмотрим, как там гусь?

Гусь аппетитно шипел на огне. Катса ткнула в него ножом, и мясо легко отделилось от кости.

– Готов, – оценила она. – Давай я отрежу тебе ножку.

Когда она подняла глаза на По, он стягивал через голову мокрую

рубашку. Катса приказала себе очистить разум. Очистить до состояния белого листа бумаги, неба без единой звезды. Он подошел к костру и присел перед ним, вытер мокрые руки и стряхнул воду в огонь. Она уставилась на гуся и принялась сосредоточенно отрезать ножку, мысленно представляя самое пустое выражение на самом пустом лице, какое только могла себе представить. Подумала о том, что вечер выдался прохладный. Подумала, что гусь получился шикарный и нужно съесть как можно больше, – нельзя разбрасываться едой.

– Надеюсь, ты голоден, – сказала она ему. – Не хочется, чтобы такой гусь пропал.

– Умираю от голода.

По-видимому, он собирается сидеть у костра голый по пояс, пока не высохнет. Катсе бросился в глаза рисунок у него на руке, и она, глубоко вздохнув, представила себе пустую книгу, в которой были одни чистые страницы. Но тут ее внимание привлек такой же рисунок на другой руке, и любопытство взяло верх. Не в силах удержаться, она покосилась на руки. Это было не страшно, это было нормально. Ведь нет ничего плохого в том, чтобы заинтересоваться этими странными знаками, нарисованными у него на руках. Темные широкие полосы, словно ленты, обвивали руки там, где мускулы плеча переходили в мускулы руки. Ленты, по одной на каждой руке, были разрисованы сложным узором, возможно разноцветным – в свете костра трудно было разглядеть.

– Это лионидское украшение, – пояснил он, – как кольца в ушах.

– Но из чего оно? – спросила Катса. – Это краска?

– Что-то вроде пигмента.

– И не смывается?

– Годами.

Покопавшись в одной из сумок, По вытащил сухую рубашку. Пока он надевал ее через голову, Катса представляла себе огромное поле чистого белого снега, а потом с облегчением вздохнула и протянула ему гусиную ножку.

– Лионидцы обожают украшения, – сказал он.

– А женщины носят такие рисунки?

– Нет, только мужчины.

– А простолюдины?

– Все.

– Но их ведь никто никогда не видит, – сказала Катса. – Лионидская мужская одежда не открывает руки до плеча, так ведь?

– Нет, – согласился По. – Не открывает. Это украшение мало кто видит.

В его мерцающих от пламени глазах мелькнула улыбка.

– Что? Чего ты ухмыляешься?

– Предполагается, что это украшение – для моей жены.

Катса чуть не уронила нож в огонь.

– У тебя есть жена?

– Великие моря, нет! Ты что, Катса? Не думаешь, что я бы о ней упомянул?

Он рассмеялся, и она фыркнула:

– Никогда не знаешь, о чем ты решишь упомянуть, а о чем нет, По.

– Они предназначены для глаз моей предполагаемой жены.

– И кто ею будет?

Он пожал плечами:

– Я никогда не думал о том, чтобы жениться.

Катса перешла на его сторону костра, отрезала себе другую гусиную ножку, вернулась обратно и снова села.

– Тебя не заботят твой замок и владения? Наследники?

По снова пожал плечами:

– Не настолько, чтобы я решил соединить жизнь с человеком, с которым не хочу соединяться. Мне вполне нравится жить самому по себе.

Катса была удивлена:

– Я представляла тебя более... светским человеком, особенно в собственной стране.

– Когда я в Лиониде, я прилагаю большие усилия, чтобы вписать себя в нормальное общество, когда нужно. Но это притворство, Катса, это все притворство. Скрывать мой Дар очень тяжело, особенно от семьи. Когда я приезжаю в город отца, какая-то часть меня просто ждет, когда же можно будет снова отправиться путешествовать. Или хотя бы вернуться в мой собственный замок, где я останусь наедине с собой.

Это чувство она прекрасно понимала.

– Наверное, если ты женишься, то только на такой женщине, которой можно будет доверить правду о твоём Даре.

Он усмехнулся:

– Да уж... Женщине, которую я выберу в жены, придется отвечать кое-каким не самым реальным требованиям. – Он бросил кости в огонь, отрезал себе еще один кусок мяса и подул на него, чтобы остудить. – А ты, Катса? Своим отъездом ты ведь разбила сердце Гиддону, а?

Одно его имя наполнило ее раздражением.

– Ох, Гиддон. Неужели ты сам не видишь, почему я не захотела за него выходить?

– Я вижу тысячу причин не выходить за него, но не знаю, какую выбрала ты.

– Даже если бы я хотела выйти замуж, за Гиддона бы не вышла, – сказала Катса. – Но я не хочу замуж вообще. Странно, что ты об этом не слышал, хоть и гостил при дворе довольно долго.

– О, я слышал. А еще я слышал, что ты – бессердечный палач и что Ранда держит тебя под башмаком. Но оба этих слуха оказались враньем.

Улыбнувшись, она бросила кость в огонь. Одна из лошадей фыркнула. В воду прыгнуло какое-то маленькое существо, и волны с плеском сомкнулись над ним. По телу Катсы разлилось тепло и удовлетворение от сытного ужина.

– Однажды мы говорили о браке с Раффином, – сказала она. – Ему совсем не улыбается жениться на какой-нибудь аристократке, у которой все мысли о золоте и о короне. Но конечно, на ком-то жениться ему придется, у него нет выбора. Жениться на мне было бы не самым плохим выходом из положения. Мы дружны, я не буду отрывать его от экспериментов, а он меня – от Совета. Он не ждет, что я буду развлекать его гостей.

Она подумала о Раффине, как всегда склонившемся над книгами и колбами. Наверное, прямо сейчас они с Банном тоже заняты каким-нибудь экспериментом. К тому времени как она вернется, он уже будет женат на какой-нибудь даме. Ему придется жениться, а ее не будет рядом, чтобы дать ему выговориться, не будет рядом, чтобы высказать свое мнение, если он захочет его узнать. А он всегда хотел знать ее мнение.

– В конце концов, – сказала она, – мы решили, что об этом не может быть и речи, только посмеялись, потому что я не могла даже подумать об этом всерьез. Я бы никогда не согласилась стать королевой. А Раффину нужны будут дети, на что я бы тоже ни за что не пошла. И я не желаю быть привязанной к кому-то, пусть даже к нему. – Она посмотрела в огонь и вздохнула от сочувствия к Раффину, чьи обязанности были так тяжелы. – Я очень надеюсь, что он влюбится в какую-нибудь женщину, которая будет счастлива стать королевой и матерью. Так будет лучше всего. И пусть она родит ему целый выводок.

По кивнул в ее сторону:

– Ты не любишь детей?

– Мне нравятся дети, которых я знаю. Просто я не хочу своих. У меня не возникает желания их нянчить. Это трудно объяснить.

Катса вспомнила, как Гиддон сказал, что все изменится, – словно знал, что у нее в сердце, словно имел об этом хоть малейшее представление. Она выбросила в костер вторую косточку и отрезала от гуся еще кусок мяса.

Почувствовав взгляд По, она, хмурясь, подняла голову.

– Почему у тебя такой взгляд? – спросил он. – Ведь вроде бы ты на меня ни за что не сердишься.

Она улыбнулась:

– Я просто подумала, что Гиддону от такой жены, как я, было бы одно огорчение. Интересно, он догадался бы, что к чему, если бы я растила в саду водяной паслен? Или просто подумал бы, что это очень мило и по-семейному?

По выглядел озадаченным:

– А что такое водяной паслен?

– Не знаю, может, у вас в Лиониде он называется по-другому. Это маленький пурпурный цветок. Если женщина ест его листья, она не может понести.

Они закутались в одеяла и улеглись перед догорающим костром. По широко, сладко зевнул, но Катсе совсем не хотелось спать. Ей пришел в голову вопрос, но она не хотела мешать По, если он почти уснул.

– Что, Катса? Я не сплю.

Едва ли она сумеет когда-нибудь к этому привыкнуть.

– Я подумала, получится ли у меня тебя разбудить, – сказала она, – позвав тебя мысленно?

– Не знаю, – задумался он. – Обычно я ничего не чувствую, когда сплю. Но если появляется опасность или кто-то приходит, всегда просыпаюсь. Можешь попробовать... – он снова зевнул, – если тебе так уж интересно.

– В другой раз попробую, – сказала она. – Когда ты не так устанешь.

– Катса, ты вообще никогда не устаешь?

– Конечно устаю, – возразила она, хоть конкретного случая как-то и не вспоминалось.

– Ты слышала историю короля Лека из Монси?

– Не знала, что есть такая история.

– Есть, – ответил По, – и очень давняя. И тебе стоит ее знать, раз уж мы туда едем. Я расскажу, и, может быть, тебе захочется спать.

Он перевернулся на спину, а Катса, лежа на боку, смотрела на очертания его профиля в свете догорающего пламени.

– Простые король и королева Монси были добрыми людьми. Не самыми великими государственными умами, – добавил он, – но у них были хорошие советники, и они были самыми добрыми к своему народу королем и королевой, каких только можно себе представить в наше время. Но у них

не было детей. И они не радовались этому, как радовалась бы ты, Катса. Они отчаянно хотели ребенка, потому что им нужен был наследник и потому что они, как и, наверное, большинство людей, просто хотели ребенка. И вот однажды в замок явился мальчик, красивый мальчик лет тринадцати, смысленный на вид, с повязкой на одном глазу – он потерял его в раннем детстве. Он не говорил, откуда родом, где его родители и как лишился глаза, а только попрошайничал и рассказывал истории в обмен на еду и деньги.

Слуги приютили его, потому что истории он рассказывал чудесные – невероятные сказания о таинственных землях за семью королевствами, где из моря и воздуха появляются чудища, а из щелей в горах – полчища воинов и люди совсем не такие, как мы привыкли. В конце концов о нем услышали король с королевой, и его привели к ним, чтобы он рассказал свои истории. Мальчик совершенно их очаровал с самого первого дня. Они жалели его – бедного сироту с одним глазом, стали приглашать разделить с ними трапезу, справляться о нем, возвращаясь из долгих путешествий, звать в свои покои по вечерам. Они считали его сыном знатных родителей – он был образован, умел сражаться на мечах и ездить верхом. Они относились к нему почти как к собственному сыну. И когда мальчику исполнилось шестнадцать, а у короля с королевой по-прежнему не было своих детей, король совершил нечто необычайное. Он назвал мальчика своим наследником.

– Ничего не зная о его прошлом?

– Ничего не зная о его прошлом. И вот здесь история становится по-настоящему интересной, Катса. Не прошло и недели с тех пор, как его сделали наследником трона, как король и королева умерли от внезапной болезни. А два их ближайших советника с горя утопились в реке. По крайней мере, так гласит предание. Не знаю, может ли кто-нибудь это подтвердить.

Катса приподнялась на локте и посмотрела на него.

– Тебе не кажется это странным? – спросил он. – Мне эта история всегда казалась странной. Но народу Монси она такой не кажется, а те из моей семьи, кто встречался с Леком, говорят, что это дурацкие подозрения. Говорят, что Лек просто очарователен, даже повязка у него на глазу очаровательна, что он ужасно горевал о короле и королеве и что никак не мог быть причастен к их смерти.

– Я никогда об этом не слышала, – призналась Катса. – И даже не знала, что у Лека нет одного глаза. Ты с ним знаком?

– Нет, – ответил По. – Но мне всегда казалось, что я не буду от него в

таким восторге, как другие. Даже при всей его прославленной доброте к слабым и беззащитным. – Он зевнул и повернулся на бок. – Что ж, если все пойдет по плану, довольно скоро у нас появится возможность проверить, понравится ли он нам. Доброй ночи, Катса. Завтра мы, наверное, доберемся до постоянного двора.

Катса закрыла глаза и прислушалась к его дыханию, ставшему ровным и спокойным. Она раздумывала над рассказанной историей. Трудно было соотнести с только что сказанным превосходную репутацию короля Лека. Но все же, быть может, он невиновен. Быть может, всему этому есть логическое объяснение.

Вслушиваясь в звуки ночного пруда и шелест травы на ветру, Катса вдруг подумала, как их примут на постоялом дворе и повезет ли им наткнуться на кого-нибудь, у кого есть нужные сведения.

Когда ей показалось, что По заснул, она тихо произнесла его имя. Он не шелохнулся. Тогда она позвала его в мыслях, тихо, шепотом. И снова он не шелохнулся, его дыхание оставалось ровным.

Он спал.

Катса медленно выдохнула.

Она – самая большая дура во всех семи королевствах.

Почему, хоть они и боролись почти каждый день, хоть она и знала каждый сантиметр его тела, хоть сотни раз и сидела у него на животе, каталась с ним по земле и, наверное, узнала бы его захват быстрее, чем жена узнает объятия мужа, – почему же вид его рук и плеч привел ее в такое смущение? Она видела множество полураздетых мужчин – в зале для тренировок и в путешествиях с Гиддоном и Оллом. Раффин мог практически раздеться в ее присутствии – настолько они привыкли друг к другу. Это словно его глаза... Если они не боролись, тело По действовало на нее так же, как и глаза.

Внезапно он вздохнул глубже, и Катса заставила свои мысли замереть, пока его дыхание не вернулось к прежнему ритму.

Это будет непросто. Все, что хоть немного связано с По, оказывается непростым. Но они друзья, и, значит, она его не бросит, поможет найти похитителя. И попутно всеми силами постарается, чтобы он чаще падал в воду.

А сейчас нужно отдохнуть. Катса повернулась к По спиной и приказала себе спать.

Глава восемнадцатая

Трактир оказался массивным, высоким деревянным зданием. Чем дальше на юг, тем сандерские деревья становились тяжелее и толще, а дома и трактиры – крепче и внушительнее. До этого Катса не слишком много времени проводила в центральном Сандере – дядя посылал ее туда, наверное, всего два или три раза. Но ей всегда нравились девственные леса и простые, крепкие городишки, находящиеся слишком далеко от границ и потому избавленные от сумасбродных распрей королей. Стены трактира были похожи на стены замка, только темнее и уютнее.

Они сидели в комнате, полной людей, за одним из массивных столов того же темного дерева, что и стены. Настало то самое время дня, когда горожане и путешественники собираются в большом обеденном зале, чтобы поговорить и посмеяться за кубком чего-нибудь покрепче. Все уже забыли о тишине, которая наступила, когда Катса с По вошли в комнату. Мужчины шумно и оживленно разговаривали, а если и бросали взгляд поверх стакана на знатных Одаренных – что ж, по крайней мере, открыто не глазели.

По откинулся на спинку стула, лениво обводя взглядом зал. Он отпил сидра из своего кубка и обвел пальцем мокрый след на столе. Потом облокотился о стол, подпер голову рукой и зевнул. Катсе подумалось, что он выглядит так, будто спой колыбельную – тут же уснет. Выходило у него это очень натурально.

Тут он посмотрел на нее, и в его глазах мелькнула улыбка.

– Вряд ли придется задерживаться здесь надолго, – тихо сообщил он. – Кое-кто в зале нами уже заинтересовался.

По сообщил хозяину постоялого двора, что они заплатят за любые сведения о похищении принца Тилиффа. Люди, особенно сандерцы – если только подданные похожи на своего короля, – на все готовы ради денег. Перейти на сторону врага, раскрыть правду, которую пообещали держать в тайне, сочинить целую историю, но это не важно – По может извлечь из вранья столько же пользы, сколько из правды.

Катса отпила маленький глоток и окинула взглядом людей. Пышные наряды торговцев выделялись среди приглушенных коричневых и рыжих одежд горожан. Катса была единственной женщиной в комнате, не считая затравленной служанки, дочери трактирщика, которая сновала между столами с подносом, полным кружек и кувшинов. Она была чуть моложе

Катсы, невысокого роста, смуглая и привлекательная. Работая, она не поднимала глаз и почти не улыбалась, разве что тем из горожан, кто годился ей в отцы. Молча она подала напитки им с По, лишь на мгновение бросив на него застенчивый взгляд. Большинство мужчин в комнате обращались с ней достойно, но Катсе не понравились ухмылки на лицах торговцев, чей стол девушка теперь обслуживала.

– Сколько ей лет, как думаешь? – спросила Катса. – По-твоему, она замужем или нет?

По бросил взгляд на стол торговцев и сделал еще глоток сидра.

– Шестнадцать или семнадцать, наверное. Она не замужем.

– Откуда ты знаешь?

Он замялся.

– Я не знаю. Просто предположил.

– Звучало не как предположение.

Он снова отпил из кубка. Лицо его оставалось спокойным. Он не предполагал – он знал наверняка, и в тот же миг она поняла, откуда он мог узнать это так точно. Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы успокоить возмущение и обиду за каждую девушку, которая когда-либо любовалась По, думая, что ее мысли – это ее тайна.

– Ты невыносим, – сказала она наконец. – Ничуть не лучше тех торговцев. К тому же то, что она на тебя загляделась, вовсе не значит...

– Так нечестно, – запротестовал По. – Я не виноват, что чувствую такие вещи. Не надо было тебе говорить. Я не привык к тому, что кто-то знает о моем Даре, – сказал, не подумав, как это некрасиво по отношению к девушке.

Она возвела глаза к небу:

– Избавь меня от своих покаяний. Если она не замужем, не понимаю, почему отец отправляет ее обслуживать посетителей. Мне кажется, это может плохо кончиться.

– Ее отец почти все время стоит у барной стойки. Никто ее не тронет.

– Но он не всегда здесь – вот сейчас его нет. И то, что они ее не трогают, не означает, что к ней относятся с почтением.

И что они не найдут ее позже, если захотят.

Служанка обошла кругом стол торговцев, наливая сидра в каждый кубок, и отшатнулась, когда один из мужчин попытался схватить ее за руку. Торговцы расхохотались. Мужчина потянулся к ней, потом подался назад, потом снова потянулся, дразня девушку. Его друзья засмеялись громче. И тут торговец по другую сторону от нее схватил ее за запястье, и весь столик заулюлюкал. Она попыталась освободиться, но он не разжал пальцев.

Покраснев от стыда, несчастная смотрела в пол и старалась вырвать руку, ужасно походя на глупого, испуганного кролика, попавшего в капкан. Катса резко встала, и в то же мгновение По поднялся и сжал ее руку.

На какую-то долю секунды Катса подивилась этой странной параллели. Вот только она, в отличие от служанки, легко могла освободиться от хватки По, а у него, в отличие от торговцев, была достойная причина вцепиться ей в руку. Но Катса не стала вырываться – этого не понадобилось. Одного ее движения оказалось более чем достаточно. Весь зал замер. Смеявшийся торговец уронил руку девушки и уставился на Катсу, побелев и раскрыв рот, со страхом, который был знаком Катсе не хуже, чем ее собственное тело. Девушка тоже смотрела на нее, затаив дыхание и прижав руку к груди.

– Сядь, Катса, – тихо сказал По. – Все кончилось. Садись.

Она послушно села, и по залу прокатился облегченный вздох. Через несколько мгновений зазвучали робкие голоса, и постепенно разговоры и смех возобновились. Но Катса сомневалась, что на этом все кончится. Может быть, между этой девушкой и этими торговцами ничего больше не произойдет. Но завтра сюда придут новые торговцы, а эти поедут дальше и найдут себе другую девушку.

Поздно вечером, когда Катса уже собиралась лечь, к ней в комнату явились две девочки, чтобы обрезать ей волосы.

– Мы пришли слишком поздно, миледи? – спросила старшая, с ножницами и щеткой в руках.

– Нет. Чем скорее мы ихотрежем, тем лучше. Пожалуйста, входите.

Они были моложе девушки в зале. Та, что поменьше, девочка лет десяти-одиннадцати, держала в руках метлу и совок. Они усадили Катсу и принялись смущенно суетиться вокруг нее. Девочки почти не разговаривали и едва ли не задерживали дыхание, стоя рядом с ней, не совсем испуганные, но близкие к этому. Старшая девочка распустила Катсе волосы и принялась распутывать клубок свалевшихся кудрей.

– Простите, если будет больно, миледи.

– Не будет, – успокоила ее Катса. – И не нужно ничего распутывать. Я хочу, чтобы вы их обрежали как можно короче. Как у мужчин.

Глаза девочек округлились.

– Я стригла многих мужчин, – сказала старшая девочка.

– Тогда постриги меня так же, как их, – попросила Катса. – И чем короче, тем лучше.

Ножницы замелькали у самых ушей, голова становилась все легче и

легче. Как странно было, поворачивая голову, не чувствовать тяжести волос, спутанного клубка, болтающегося позади. Как только отрезанные пряди касались пола, младшая девочка сметала их в совок.

– Девушка, что подает напитки в обеденном зале, – ваша сестра? – спросила Катса.

– Да, миледи.

– Сколько ей лет?

– Шестнадцать, миледи.

– А вам?

– Мне четырнадцать, а сестре одиннадцать, миледи.

Катса поглядела, как младшая девочка сметает волосы. Метла, которой она ловко орудовала, была едва ли не больше ее самой.

– Девочек в этом трактире кто-нибудь учит защищать себя? – спросила она. – У вас есть ножи?

– Нас защитят отец и брат, – просто ответила девочка.

Взмах ножниц, взмах метлы – и вот волос как не бывало. Поеживаясь от непривычного холодка на шее, Катса спросила себя: а есть ли оружие у других девушек Сандера и остальных королевств? Или всем им приходится вечно искать защиты у отцов и братьев?

Ее разбудил стук. Она села на кровати: стук доносился от двери, ведущей в комнату По. Была полночь, значит спала она недолго; в окно проникал лунный свет, и если стучал не По, а враг, оглушить его было бы несложно. Все это пронеслось у нее в мозгу в то самое мгновение, как она подняла голову с подушки.

– Катса, это всего лишь я, – донеслось из замочной скважины. – Тут двойной замок, отопри со своей стороны.

Она встала с постели. А где ключ?

– Мой ключ висел рядом с дверью, – сказал голос, и Катса бросила мрачный взгляд в сторону, где предположительно находился его владелец.

– Я просто предположил, что ты ищешь ключ. Мой Дар мне ничего не подсказывал, так что ты зря надулась.

Проведя пальцами вдоль стены, Катса нащупала ключ.

– Ты не боишься так вопить? Кто угодно может услышать. А вдруг ты разоряешься о своем бесценном Даре перед целым легионом моих любовников?

Из-за стены донесся приглушенный смех.

– Я бы почувствовал, если бы меня кто-то слышал. И если бы у тебя там был легион любовников. Катса... ты что, обрезала волосы?

Она хмыкнула.

– Замечательно. Просто бесподобно. Мало того что от тебя ничего не скроешь – ты даже волосы мои чувствуешь.

Она повернула ключ в замке и распахнула дверь. По выпрямился, в руке его горела свеча.

– Великие моря! – только и сказал он.

– Чего тебе?

Он поднес свечу к ее лицу.

– По, что ты хотел?

– У меня так хорошо ни за что не получилось бы.

– Я иду спать, – решительно заявила Катса и попыталась закрыть дверь.

– Ладно, ладно. Это все торговцы. Те сандерцы, которые приставали к дочке хозяина. Кажется, они собираются прийти и потолковать с нами.

– Откуда ты знаешь?

– Их комнаты – прямо над нашими.

Она изумленно покачала головой:

– Ты уже всем в этом трактире успел залезть в голову.

– Чувство совсем смутное, Катса. Я не всех чувствую до кончиков волос, как тебя.

Она вздохнула:

– Какая честь мне выпала! Они явятся прямо посреди ночи?

– Да.

– Знают что-нибудь полезное?

– Думаю, да.

– Им можно верить?

– Не особенно. Катса, мне кажется, они придут с минуты на минуту. Я постучусь к тебе во внешнюю дверь.

– Хорошо, – кивнула Катса. – Я буду готова.

Она вернулась в комнату и затворила за собой дверь. Потом зажгла свечу, умылась и приготовилась к позднему визиту.

Торговцев, которые сидели за столом в зале и издевались над служанкой, было шестеро. Открыв дверь, Катса обнаружила, что они стоят в коридоре рядом с По в полном составе и свечи у них в руках отбрасывают неверный свет на бородатые лица. Все они были высокими, крепкими и по сравнению с нею казались просто великанами, ведь каждый из шестерых был даже выше По и шире в плечах. Настоящая разбойничья шайка. Катса прошла вместе с ними обратно в комнату По.

– В такой час вы не спите и даже не раздеты, милорд, миледи, – заметил самый крупный, когда они направлялись в комнату.

Это был тот самый торговец, что первым начал издеваться над девушкой, первым попытался схватить ее за руку. Катса заметила, как издевательски он произнес эти титулы. У него было к ним не больше уважения, чем у них к нему. Рядом с ним стоял тот, кто схватил служанку за запястье, – эти двое, казалось, были главарями. Они стояли рядом посреди комнаты, глядя на По, а остальные четверо маячили где-то позади.

Ловко они рассредоточились, эти торговцы. Катса подвинулась к двери, что вела в ее комнату, и прислонилась к ней, скрестив руки. Теперь она была всего в нескольких шагах от По и двоих лидеров, но и остальных не теряла из виду. Такие предосторожности были, пожалуй, излишни, но всем шестерым не мешало знать, что за ними наблюдают.

– Мы всю ночь принимаем посетителей, – на ходу придумал По. – Вы здесь не единственные, кто что-то знает о моем деде.

– Осторожнее с другими, мой принц, – предупредил самый крупный. – За деньги люди готовы лгать.

По приподнял бровь:

– Спасибо за предостережение. – Он оперся о стол, стоявший позади, и сунул руки в карманы. Катса едва сдержала улыбку – ее забавляла эта дерзко-ленивая манера.

– Что вы хотите нам рассказать? – спросил По.

– Сколько вы платите? – спросил главарь.

– Столько, сколько стоят ваши сведения.

– Нас шестеро, – заметил тот.

– Я дам столько монет, чтобы делилось на шестерых, – уверил его По, – если вы об этом волнуетесь.

– Я имел в виду, мой принц, что мы не станем тратить время на рассказ, если вы платите мало.

На этих словах По зевнул, а когда заговорил, голос его звучал спокойно, даже дружелюбно:

– Я не стану торговаться, не зная, чего стоит ваша информация. Плата будет справедливой. Если не нравится, вас никто не держит.

Верзила переступил с пяток на носки и бросил взгляд на напарника. Тот кивнул, и верзила кашлянул.

– Хорошо, – начал он. – У нас есть сведения, что к похищению причастен Бирн, король Вестера.

– Интересно, – сказал По, и представление началось.

Он задавал такие вопросы, словно проводил настоящий допрос. Каков

источник сведений? Надежный ли человек узнал об этом от самого Бирна? В чем причина похищения? Бирну помогали в других королевствах? Тилифф заточен в темницы Вестера? Кто его охраняет?

– Что ж, миледи, – заключил По, бросив взгляд на Катсу, – нужно как можно скорее сообщить об этом моим братьям, чтобы они проверили темницы вестерского короля.

– Вы не поедете туда сами? – удивился торговец. Должно быть, он был разочарован, что ему не удалось заставить Катсу и По совершить бесполезную поездку.

– Мы едем на юго-восток, – сообщил По. – В Монси, к королю Леку.

– Лек непричастен к похищению, – заверил его главарь.

– Я этого и не утверждал.

– Лек не виноват. Вы только зря потратите силы на поиски в Монси – ваш дед в Вестере.

По снова зевнул, поудобнее оперся о стол, скрестив руки на груди, и любезно посмотрел на торговца.

– Мы едем в Монси не для того, чтобы искать принца Тилиффа, – пояснил он. – Это светский визит. Королева Монси – сестра моего отца. Она крайне опечалена похищением, и мы хотим навестить ее. Возможно, принесенные вами вести развеют траур монсийского двора.

Один из стоявших позади торговцев откашлялся.

– Там разыгралась какая-то хворь, – произнес он из своего угла, – при монсийском дворе.

По спокойно посмотрел в его сторону:

– Вот как?

Купец утвердительно хмыкнул.

– Мои родственники служат у Лека, дальние родственники. Две девочки – мои кузины – работали у него в приюте... так вот, пару месяцев назад обе умерли.

– В каком смысле – в приюте?

– В его приюте для животных. Он заботится о зверях, это-то вы знаете, мой принц.

– Да, конечно, – согласился По. – Но о приюте раньше не слышал.

Торговцу, кажется, льстило внимание По. Бросив взгляд на товарищей, он вздернул подбородок:

– Так вот, мой принц, у него их там сотни: собаки, белки, кролики, и у всех на спине и брюхе – кровавые раны.

По сощурился.

– Раны на спине и брюхе, – медленно повторил он.

– Ну, знаете, как будто напоролись на что-нибудь острое, – пояснил торговец.

Мгновение По молча смотрел на него.

– Ясно. А сломанные кости бывают? Или болезни?

Тот задумался.

– Не слышал, мой принц. Одни только раны и порезы, которые страх как долго заживают. У него там служат дети, они и выхаживают несчастных тварей. Говорят, король очень привязан к этой живности.

По взглянул на Катсу, поджав губы.

– Понятно, – сказал он. – А не известно ли вам, от какой болезни умерли девочки?

Торговец пожал плечами:

– Дети часто болеют.

– Мы отвлеклись, – вмешался главный верзила. – Был уговор рассказать о похищении, а не обо всем этом. Вам придется увеличить вознаграждение.

– А я вообще скоро внезапно умру от хвори под названием скука, – добавил второй главарь.

– Вот как? – отозвался первый. – А у тебя, значит, на уме дела поинтереснее?

– И общество поприятнее, – поддакнул торговец, стоявший в углу.

Все шестеро рассмеялись над общей шуткой, и Катса, похолодев, поняла, в чем соль.

– Ох уж эти бдительные папаши со своими запертыми дверьми, – шепнул друзьям один из торговцев, но у Катсы был чуткий слух.

Еще не успел раздаться хохот, а она уже рванулась вперед.

По остановил ее молниеносно – должно быть, начал реагировать еще до того, как она пошевелилась.

– Стой, – мягко проговорил он. – Думай. Дыши.

Волна мгновенной ярости окатила ее и отхлынула, и она позволила его телу загородить ей дорогу к торговцу, к обоим, ко всем шестерым – они все были для нее одно и то же.

– Вы единственный во всех семи королевствах знаете, как держать эту тигрицу на поводке, – сказал один из главарей.

Она не заметила который – ее отвлекло лицо По при этих словах.

– Повезло нам, что у нее такой разумный хозяин, – продолжал тот же торговец. – А вы так вообще везунчик. С такими вот дикими – самая потеха, если умеешь их усмирить.

Теперь По смотрел сквозь нее невидящим взглядом. Его глаза сверкали

– серебряный лед и золотое пламя. Рука, державшая Катсу, напряглась, ладонь сжалась в кулак. Он сделал вдох – казалось, бесконечный. Его охватила ярость – это было ясно. Катса подумала, что он сейчас ударит торговца, и на мгновение запаниковала, не зная, останавливать его или помогать.

Остановить. Нужно его остановить, он ведь не в себе. Она взяла его за предплечья и, крепко сжав их, мысленно заговорила. «По. Стой. Думай, – убеждала она его разум, как он только что убеждал ее. – Думай». Он выдохнул так же медленно, как вдохнул, взгляд снова стал осмысленным, и повернулся к ней.

Обернувшись, По встал плечом к плечу с Катсой, лицом к обоим торговцам – кто именно все это говорил, не имело значения.

– Убирайтесь.

Голос его звучал очень тихо.

– Нам нужна плата...

По сделал шаг, и торговцы отступили. Руки он держал по бокам с непринужденным спокойствием, которое не обмануло никого в комнате.

– Вы хотя бы представляете, с кем разговариваете? – процедил он. – Думаете, я после такого заплачу вам хоть монету? Вам еще повезло, что я позволяю вам уйти и не стану выбивать все зубы из ваших наглых ртов.

– Уверен? – спросила Катса, по очереди глядя в глаза каждому из них. – Мне бы хотелось как-нибудь удостовериться, что они не тронут дочку трактирщика.

– Не тронем, – прохрипел один из торговцев. – Никого мы не тронем, клянусь.

– Иначе пожалеете, – предупредила она. – И будете жалеть до конца своей гнусной, но недолгой жизни.

– Не тронем, миледи. Не тронем. – Побелев, они попятнулись к двери, от ухмылок не осталось и следа. – Это была просто шутка, миледи, честное слово.

– Убирайтесь, – повторил По. – Вот вам плата – мы прощаем оскорбления и дарим вам жизнь.

Торговцы кубарем выкатились из комнаты, и По с грохотом захлопнул за ними дверь, а потом прислонился к ней спиной и сполз на пол. Потерев лицо ладонями, он глубоко вздохнул.

Катса взяла со стола свечу, присела рядом и попыталась представить себе его усталость и гнев по склоненной голове и напряженным плечам. Он отнял руки от лица и прислонился головой к двери. Мгновение молча смотрел ей в лицо.

– Я правда думал, что что-нибудь с ним сделаю, – сказал По. – Что-нибудь страшное.

– Даже не знала, что ты способен настолько выйти из себя.

– Очевидно, способен.

– По, – внезапно Катсе пришел в голову вопрос, – откуда ты знал, что я собираюсь делать? Я ведь хотела ударить их, а не тебя.

– Да, но я почувствовал от тебя резкий всплеск энергии, к тому же я достаточно тебя знаю, догадался, что ты сейчас кому-нибудь врежешь. – На его лице появилась усталая полуулыбка. – В непоследовательности тебя обвинить никак нельзя.

Хмыкнув, она села перед ним на пол в позу лотоса.

– А теперь расскажи, что ты от них узнал.

– Ах да. – Он прикрыл глаза. – Что я узнал... Начнем с того, что все, кроме того, в углу, ввали напропалую. Это была игра. Они хотели заставить нас выложить деньги за ложные сведения, чтобы расквитаться за сегодняшнее унижение.

– Как мелочно.

– Да уж, но все равно они нам очень помогли. Это Лек, Катса, я уверен. Когда тот верзила говорил, что Лек невиновен, он лгал. Но все же... нечто очень странное я до сих пор никак не могу понять. – Он покачал головой и задумчиво уставился на свои руки. – Это так странно, Катса. Я почувствовал, что они... хотели его защитить.

– В каком смысле защитить?

– Так, будто они все искренне верили в его невиновность и хотели оправдать передо мной.

– Но ты же только что сказал, что он виновен.

– Да, и они это знают. Но при этом верят в его невиновность.

– Это совершенная бессмыслица.

Он снова покачал головой:

– Знаю. Но я точно это почувствовал. Говорю тебе, Катса, когда торговец сказал, что Лек непричастен к похищению, он лгал. Но когда через пару секунд он же сказал: «Лек невиновен», он не кривил душой, а верил, что говорит правду. – По поднял взгляд на темный потолок. – Кажется, мы должны думать, что Лек все-таки похитил дедушку, но из благородных побуждений. Это просто невероятно.

Катса никак не могла понять смысла того, что узнал По, точно так же как не могла представить себе способ, которым он это узнал.

– Все это просто бессмыслица, – слабо запротестовала она.

На мгновение По оторвался от своих мыслей и посмотрел на нее:

– Катса, прости. Ты, наверное, совсем запуталась. Понимаешь, я довольно много могу почувствовать и выяснить, если кто-то хочет меня одурачить, но при этом не умеет закрывать свои мысли и чувства.

Ей никак не удавалось понять, и она оставила попытки найти смысл в истории о короле, который был одновременно и виновен, и невиновен. По снова погрузился в раздумья и устался на свои руки. Торговцы не умеют закрывать свои мысли и чувства. Что ж, раз теоретически это возможно, ей бы хотелось научиться.

Вдруг Катса почувствовала его взгляд, – оказалось, он за ней наблюдает.

– Иногда у тебя получается что-то от меня скрыть, – сказал По.

Она вздрогнула и пару секунд попыталась ни о чем не думать.

– Иногда, – продолжил он, – с тех пор, как ты узнала о моем Даре. То есть я чувствую, что ты что-то скрываешь... вот и сейчас тоже... и у тебя получается – мой Дар молчит. – Вдруг он выпрямился с таким лицом, словно его осенило. – Знаешь, ты всегда можешь меня оглушить. Я не стану защищаться.

В ответ Катса рассмеялась:

– Нет. Я обещала, что больше тебя не ударю, разве что на тренировках.

– Но ведь это получается самооборона.

– Никакая не самооборона.

– Самая настоящая, – не унимался он, и она снова рассмеялась, подивившись его серьезности.

– Я бы предпочла научиться закрывать свои мысли, – сказала она, – а не лупить тебя каждый раз, как мне в голову придет что-нибудь, что тебе знать не положено.

– Ну да, мне эта идея тоже больше нравится, уж поверь. Но я даю тебе разрешение меня вырубить, если понадобится.

– Зря ты это сделал. Знаешь ведь, какая я импульсивная.

– Мне все равно.

– Раз ты даешь разрешение, я, может быть, им воспользуюсь, По. Может быть...

Он поднял руку:

– Это компенсация. Когда мы сражаемся, ты сдерживаешь свой Дар. Я свой сдерживать не могу. Так что у тебя должно быть право защищать себя.

Ей это не нравилось, но она не могла не заметить, что в его словах был смысл. И не могла не заметить это желание, эту самоотверженную готовность пожертвовать ради нее своим Даром.

– У тебя всегда будет болеть голова, – предупредила она.

– Может, Раффин положил среди прочих снадобий свое лекарство от головной боли. Раз ты изменила прическу, я тоже изменю. Как думаешь, мне пойдет голубой?

Она снова рассмеялась и поклялась про себя, что не станет его бить, разве что положение будет уж совсем отчаянным. И тут пламя свечи на полу рядом с ними дрогнуло и погасло. Они совсем ушли от темы. Рано утром, скорее всего, нужно отправляться в Монси, а сейчас глубокая ночь, и все в трактире и во всем городе спят. А они вдвоем сидят на полу в темноте и смеются.

– Значит, отправимся в Монси завтра утром? – спросила она. – Мы же уснем верхом на лошадях.

– Это я усну верхом на лошади. А ты будешь ехать так, словно проспала несколько дней и словно мы соревнуемся, кто быстрее доскачет до Монси.

– И что же мы обнаружим, когда доберемся? Короля, который невиновен в том, в чем он виновен?

По потер лоб:

– Мне всегда казалось странным, что отец и мать ни в чем не подозревают Лека, даже зная его историю. А теперь еще и эти торговцы, которые считают, что он невиновен в похищении, хоть и знают, что это не так.

– Неужели он так добр во всем остальном, что люди прощают ему преступления или вообще их не замечают?

Мгновение По сидел молча.

– Я предполагаю... мне недавно подумалось... что у него может быть Дар. Дар, который заставляет людей менять мнение о нем. Вообще, существует ли такой Дар в природе? Даже не знаю.

Ей это не приходило в голову. Но он и вправду может быть Одарен. Догадаться можно только по глазам, и с одним глазом Лек может быть спокоен. Ни у кого не будет даже подозрений, ведь как можно подозревать о Даре, который отводит подозрения?

– У него может быть Дар обманывать людей, – предположил По. – Дар сбивать людей с толку ложью, которую передают из королевства в королевство. Только представь, Катса, – люди разносят его ложь в своих устах, рассказывают доверчивым ушам – бредовую ложь, без логики, без капли правды – до самого Леонида. Представь себе, какой властью обладает человек с таким Даром. Он может создать себе любую репутацию. Может забрать себе, что захочет, и никто никогда его не обвинит.

Катса подумала о мальчике, которого называли наследником, и о

скоропостижной смерти короля с королевой. О советниках, которые предположительно вдвоем утопились в реке. И о целом королевстве скорбящих подданных, ни разу не усомнившихся в юноше, у которого не было ни семьи, ни прошлого, ни монсийской крови в жилах, но который стал королем.

– Но его доброта, – поспешно сказала Катса. – К животным. Тот торговец рассказывал, что он выхаживает больных зверей.

– В этом-то и парадокс, – проговорил По. – Он твердо верил в доброту Лека. Но мне одному кажется немного странным, что в Монси так много раненых собак и белок, которых нужно спасать? Там что, деревья и камни из битого стекла сделаны?

– Но он добрый человек, раз о них заботится.

По странно посмотрел на Катсу:

– Ты тоже его защищаешь перед лицом логики, которая не велит этого делать, прямо как мои родители или эти торговцы. У него в приюте сотни животных со странными незаживающими порезами, Катса, а работающие у него дети умирают от таинственных болезней, а у тебя даже малейшего подозрения не возникает.

Он был прав. Катса осознала это, и правда открылась рассудку во всей своей мрачности. В голове начал постепенно складываться пугающий образ могущества, которое распространяется, как плохое предчувствие, как заразная болезнь, захватывая все умы, которых касается.

Может ли быть Дар более опасный, чем тот, что подменяет свет правды туманом лжи?

Катса поежилась. Ведь скоро придется встретиться с этим королем. А как ей самой защититься от человека, который может одурачить и заставить поверить в свою невиновность?

Она обвела взглядом силуэт По, темный силуэт на фоне черной двери. Единственной ясно различимой его частью была белая рубашка, серовато светящаяся в темноте. Внезапно Катсе захотелось видеть его лучше. Тогда По встал, поднял ее на ноги, подвел к окну и, опустив голову, посмотрел ей в лицо. Лунный свет мерцал в его серебристом глазу и поблескивал в золотом кольце в ухе. Она не понимала, что вдруг ее взволновало, почему линии его носа и губ и забота в его глазах дарят такое спокойствие.

– Что случилось? – спросил он. – Что тебя так напугало?

– Если у Лека и вправду есть этот Дар, как ты подозреваешь... – начала она.

– И?..

– ...как мне защититься от него?

По серьезно на нее посмотрел.

– Ну, это просто, – ответил он. – Меня защитит мой Дар. А я защищу тебя. Со мной ты в безопасности, Катса.

Она уже лежала в постели, но водоворот мыслей в голове продолжал бушевать. Катса приказала себе спать. В ту же секунду буря утихла, и, объятая покоем, она провалилась в сон.

Глава девятнадцатая

Попасть в Лекион от постоянного двора и вообще из любой части Сандера можно было двумя способами. Первый – добраться до одного из сандерских портов на юге и плыть на юго-восток в Монпорт, самый западный портовый город Монсийского полуострова, откуда в Лекион через равнины вела дорога, с востока огибающая высочайшие горы Монси. По этой дороге следовали купцы с товаром и большая часть путников, особенно если среди них были женщины, дети или старики.

Второй путь был короче, но труднее. Нужно было ехать на юго-восток по сандерскому лесу, который становился все более густым и дремучим, поднимаясь на склоны гор, отделявших Монси от Сандера и Истилла. В какой-то момент тропа оказывалась слишком каменистой и неровной для лошадей, так что преодолеть перевал можно было только пешком. В трактирах по обе стороны перевала покупали или содержали лошадей тех, кто уходил в горы, и продавали или возвращали их тем, кто с гор сходил. Катса и По выбрали второй путь.

Лекион находился примерно в дне пешего пути за перевалом, а верхом и того меньше. Путь к городу змеился по плодородным долинам, из-за обилия струящейся с гор воды поросшим пышной зеленью. Повсюду было множество ручьев и потоков, таких же, как в континентальной части Лионида, как рассказал Катсе По, – по крайней мере, так описывала местность королева Монси в своих письмах, – и это делало пейзаж не похожим на все, что Катсе когда-либо доводилось видеть.

Пока они ехали, Катсе не удавалось спокойно представить себе необычные пейзажи, ждущие впереди, потому что, проснувшись утром на сандерском постоялом дворе, она снова почувствовала, что ее разум попал во вчерашний водоворот.

Дар По защитит его от Лека, а По защитит ее.

Рядом с По она в безопасности.

Он ответил так легко, словно это какой-то пустяк. Но для Катсы искать защиты у другого человека было вовсе не пустяком. Никогда в жизни она этого не делала.

К тому же разве не легче было бы убить Лека сразу же, прежде чем он успеет заговорить или хотя бы пальцем пошевелить? Или заткнуть ему рот, обездвижить, найти способ лишить его колдовской силы? Или просто не терять самообладания и самой себя защитить? Катсе не нужно, чтобы ее

защищали. Должно быть какое-то решение: должен быть способ защититься от Лека, если он и вправду обладает Даром, о котором они подозревали. Нужно только хорошенько поразмыслить.

Поздно утром на землю начали падать редкие капли. К полудню морось превратилась в дождь, в холодный дождь, который все лил и лил не переставая и скрывал от взгляда лесную дорогу впереди. В конце концов, промокнув до нитки, путники остановились и кое-как разбили лагерь, стараясь успеть до наступления темноты. Густой лес по обе стороны дороги немного укрывал от дождя. Они привязали лошадей под огромной сосной, от которой пахло живицей, стекавшей с ветвей вперемешку с дождевой водой.

– Более сухого места нам не найти, – сказал По. – Огонь разжечь нельзя, но хотя бы спать под дождем не придется.

– Разжечь огонь можно всегда, – возразила Катса. – Я этим займусь, а ты раздобудь что-нибудь, что можно на нем приготовить.

Взяв лук, несколько скептически настроенный По отправился в лес, а Катса принялась разжигать костер. Дело было непростое, – казалось, весь мир вокруг насквозь пропитан водой. Но обнаружилось, что сосна уберегла от влаги часть иголок, лежащих вблизи от ствола, а еще Катса нашла несколько не очень сырых листьев и одну-две веточки. После удара ножа и нескольких аккуратных дуновений пламя, кое-как укрытое от ветра ладонями, стало медленно разгораться в маленькой сырой башенке из щепок. Катса с удовольствием потянулась к нему, и лицо обдало теплом. У нее хорошо получалось найти подход к кострам – в путешествиях с Оллом и Гиддоном она всегда отвечала за огонь.

Вот и еще одно доказательство того, что ей, чтобы выжить, не нужна посторонняя помощь.

Катса отошла от язычка пламени в поисках того, что можно было бы ему скормить, и, когда По, мокрый до нитки, вернулся в лагерь, с радостью увидела у него в руке упитанного кролика.

– Мой Дар определенно растет, – сообщил он, вытирая лицо. – С тех пор как мы въехали в лес, я намного отчетливее ощущаю зверей. Этот кролик прятался в корнях дерева, и мне кажется, я не должен был знать, что он там... – Он умолк, заметив маленький дымящийся костерок, и засмотрелся на то, как она раздувает его и подкладывает веточек и сучьев. – Катса, как ты это сделала? Ты просто чудо.

Она рассмеялась. По присел рядом.

– Наконец-то ты смеешься. Ты весь день такая тихая. Знаешь, я не

думал, что настолько замерз, пока не почувствовал тепло костра.

Греясь, По занимался ужином и болтал. Катса принялась открывать сумки и развешивать одеяла и одежду на нижних ветвях сосны, чтобы хоть немного их просушить. Когда мясо наконец зашипело над огнем, По присоединился к ней. Он развернул карту и подержал мокрый угол над костром, потом открыл мешочек со снадобьями Раффина и осмотрел их, раскладывая надписанные конверты с указаниями сушиться на камнях.

В лагере было уютно – вокруг падали капли дождя, а их согревал костер, пахло горящим деревом и поджаренным мясом. Болтовня По убаюкивала. Катса следила за костром и улыбалась его рассказам. В ту ночь она уснула, завернувшись в полусырое одеяло, успокоенная уверенностью, что смогла бы без чьей-либо помощи выжить где угодно.

Посреди ночи Катса вдруг проснулась от ледящего кровь чувства, что По ушел и она осталась одна. Но это был, должно быть, обрывок сна, просочившийся в сознание, потому что в мерном стуке капель отчетливо слышалось его ровное дыхание. Она повернулась и села, глядя на очертания тела По в темноте, протянула руку и коснулась его плеча. Просто чтобы проверить. Он никуда не делся – он был здесь, и они вместе ехали по сандерским лесам к границе Монси. Катса снова легла, не отрывая взгляда от спящего По.

В конце концов, если ей и вправду понадобится защита, она согласится. Она не настолько горда, чтобы не принять помощи от друга. Он ведь уже тысячу раз ей помогал.

И сама будет защищать его с такой же готовностью, если будет нужда... если вдруг когда-нибудь он дрогнет в битве или будет искать приюта, пищи, теплого очага в дождливую ночь. Она поделится с ним всем, что у нее есть, и защитит от любой опасности.

Значит, решено. Закрыв глаза, Катса провалилась в сон.

Когда Катса проснулась на следующее утро, она не поняла, что с ней случилось, но ее охватило настоящее бешенство. Объяснить это было невозможно, и, наверное, По это знал, потому что не просил объяснений. Он лишь заметил, что дождь перестал, проследил, как она, сознательно избегая смотреть на него, свернула одеяло, и понес свои сумки туда, где стояли лошади. Катса по-прежнему не смотрела на него, пока они ехали, но По ничего не говорил, хоть и не мог не заметить, как она разгневана.

Она злилась не из-за того, что появился человек, способный предложить ей помощь и защиту. Это было бы проявлением гордыни, а гордыню она считала глупостью. Наоборот, она старалась быть скромнее –

и здесь он тоже ей помог, подтолкнул к мыслям о смирении. Но причина была не в этом. А в том, что она не просила о человеке, которому могла довериться, которому готова была отдать все, посвятить себя без остатка. Без согласия Катсы в ее жизнь ворвался человек, чье отсутствие, когда она проснулась посреди ночи, ее опечалило – не потому, что он не смог бы ее защитить, а просто потому, что она желала его общества. Против ее воли общество По стало ей дорого.

Катса не могла выдержать этих глупостей. Отгоняя от себя каждую мысль, она впала в угрюмое молчание.

Когда они, чтобы дать лошадям отдохнуть, остановились у пруда, разлившегося от дождей, По прислонился к дереву и достал кусок хлеба, молчаливо и спокойно наблюдая за ней. Она не смотрела в его сторону, но чувствовала его взгляд все время. Ничто на свете не могло взбесить Катсу больше, чем то, как он прислонился к стволу, как ел хлеб, как смотрел своими мерцающими глазами.

– На что ты уставился? – в конце концов не выдержала она.

– В этом пруду полно рыбы, – сказал По, – и лягушек. А еще сомов, сотни сомов. Тебе не кажется странным, что я так точно все это знаю?

Ей захотелось его ударить за это спокойствие и за новообетенную возможность считать невидимых в воде рыб и лягушек. Катса стиснула кулаки и, отвернувшись, заставила себя уйти: подальше от дороги, за деревья, и дальше, и вот она уже бежала через лес, вспугивая птиц. Она бежала мимо источников и папоротника, мимо мшистых холмов. Влетев на полянку, где на камни низвергался водопад, она бросилась к нему: стянула сапоги, одежду и прыгнула прямо в воду. Охвативший тело холод заставил вскрикнуть, нос и рот наполнились водой. Она всплыла, кряхтя и фыркая, громко стуча зубами, рассмеялась от холода и поспешила к берегу.

И только тогда, стоя в грязи и чувствуя, как каждый волосок на теле встает дыбом от холода, Катса успокоилась.

Все случилось, когда она вернулась к нему, замерзшая, но с ясной головой. Он сидел под деревом, подогнув колени и уронив голову на руки: усталый, несчастный, с печально опущенными плечами. При виде По у нее перехватило дыхание от нежности. А когда он поднял глаза и посмотрел на нее, она увидела то, чего раньше никогда не видела, и ахнула.

Его глаза были прекрасны. Прекрасно было его лицо, плечи, ладони. Руки, лежащие на коленях, грудь, которая замерла, не поднимаясь и не опускаясь, – он смотрел на нее не дыша. Друг. Как же она раньше не

замечала? Почему раньше не видела? Она была слепа. И тогда глаза ей застлали слезы, потому что она всего этого не хотела. Она не просила о том, чтобы в ее жизни появился этот невероятно прекрасный человек, и в глазах его светилась надежда, которой она тоже не хотела.

По встал, и ее колени задрожали. Катса оперлась рукой на лошадь, чтобы не упасть.

– Мне это не нужно, – сказала она.

– Катса... Я тоже не знал, что так выйдет.

Она схватилась за края седла, чтобы не сесть на землю прямо между ног лошади.

– Ты... ты уже не в первый раз полностью меняешь мои планы, – сказал По, и она, вскрикнув, опустилась на колени, но яростно вскочила, прежде чем он успел подойти к ней, чтобы помочь, дотронуться.

– Садись на коня, – приказала она, – сейчас же. Выезжаем.

Она вскочила в седло и поскакала, даже не посмотрев, скачет ли он следом. Пока они ехали, Катса позволяла себе думать только об одном, снова и снова. «Мне не нужен муж. Мне не нужен муж», – ритмично вторило стучу копыт. И если он это чувствовал, что ж, так даже лучше.

Когда они остановились на ночь, она не обмолвилась с ним ни словом, но нельзя было притворяться, что его не существует. Даже не глядя на него, она чувствовала каждое движение По, чувствовала, как эти глаза наблюдают за ней сквозь разожженное им пламя. Так было каждый вечер, и так будет дальше. Он будет сидеть поодаль, мерцая в свете костра, а она не сможет смотреть на него, потому что не сумеет выдержать сияния его красоты.

– Пожалуйста, Катса, – сказал он наконец. – Хотя бы поговори со мной.

Она резко обернулась:

– О чем тут говорить? Ты знаешь, что я чувствую и что об этом думаю.

– А что чувствую я? Это для тебя совсем не важно?

Он говорил так тихо, так неожиданно тихо, что при всей своей злости Катса устыдилась и села напротив.

– По, прости. Конечно, это важно. Расскажи, что ты чувствуешь.

Внезапно он растерялся, словно не зная, что сказать. Опустив взгляд на колени, потерял кольца, потом вздохнул и потер лоб. А когда снова поднял голову, казалось, что его глаза словно обнажены, что сквозь них прорывается сияние его души, и Катса поняла, что он собирается сказать.

– Я знаю, что ты этого не хочешь, Катса. Но ничего не могу поделать.

В то самое мгновение, как ты ворвалась в мою жизнь, я пропал. Я боюсь говорить о своих желаниях в страхе, что ты... ох, не знаю... бросишь меня в костер. Или, что более вероятно, откажешь. Или, что хуже всего, отвернешься от меня, – сказал По прерывающимся голосом, то и дело отводя глаза и пряча лицо в ладонях. – Я люблю тебя, – продолжал он. – Я даже не подозревал, что кто-то может стать мне так дорог. Ну вот, теперь я заставил тебя плакать. Больше не скажу ни слова.

Из ее глаз лились слезы, но причиной были не слова По, а факт, который Катса отказывалась признать, сидя перед ним. Она встала:

– Мне нужно уйти.

Он вскочил на ноги:

– Нет, Катса, пожалуйста!

– Я буду недалеко, По. Мне просто нужно привести в порядок мысли, так чтобы ты их не слышал.

– Мне страшно, что ты уйдешь и не вернешься.

– По... – Это, по крайней мере, она могла сказать наверняка. – Я вернусь.

Мгновение он молча смотрел на нее.

– Знаю, сейчас ты в этом уверена. Но вдруг ты уйдешь подумать и решишь, что единственный выход – оставить меня.

– Не рещу.

– Я не уверен.

– И не можешь быть уверен, – кивнула Катса. – Но мне нужно побыть наедине с собой, и, поскольку я отказываюсь тебя бить, тебе придется отпустить меня. А когда уйду, придется просто мне довериться, как сделал бы любой другой человек, не наделенный твоим Даром. Как я всегда доверяюсь тебе.

По снова посмотрел на нее этими беззащитными печальными глазами, вздохнул и опустил на землю.

– Чтобы остаться наедине со своими мыслями, – проговорил он, – тебе придется идти не меньше десяти минут.

Десять минут – она даже не подозревала, что его Дар видит так далеко. Но об этом придется подумать как-нибудь в другой раз. Скрываясь за деревьями, Катса чувствовала его взгляд у себя на спине. Она ощупью продвигалась вперед в поисках темноты, отдаленности и уединения.

Оказавшись в одиночестве, Катса села на пенек посреди лесной чащи и разрыдалась. Она плакала так, словно ей разбили сердце, и удивлялась, откуда, когда двое любят друг друга, может взяться вдребезги разбитое

сердце.

Нельзя было любить По, и это было ясно. Ведь она никогда не станет его женой. Нельзя было вырваться из когтей Ранды, только чтобы снова отдать себя... принадлежать кому-то, подчиняться ему, делать его центром своей вселенной. Не важно, как сильно она его любит.

Во тьме сандерского леса Катса осознала три истины. Она любит По. Она хочет По. И она никогда не согласится принадлежать никому, кроме себя самой.

Через некоторое время она двинулась обратно к лагерю. Она так ничего и не решила, и спать ей не хотелось. Но она знала, что По не уснет, пока ее нет, а ему нужно было набраться сил.

Он не спал, а, лежа на спине, глядел на полумесяц. Катса подошла, села рядом, и По, ничего не говоря, ласково посмотрел на нее. Глядя ему в глаза, она открыла свои мысли, чтобы показать, что чувствует, чего желает и чего не может сделать. Он сел и долго смотрел ей в лицо.

– Ты ведь понимаешь, я бы не ждал, что ты изменишься, если бы мы поженились, – сказал он наконец.

– Наш брак изменил бы меня, – ответила она.

Он посмотрел ей в глаза:

– Да. Я понимаю.

В огонь упала ветка. Никто долго не говорил ни слова.

– Мне кажется, то, что мы не можем пожениться, не значит, что мы не должны быть вместе, – нерешительно начал По.

– В каком смысле?

На мгновение он опустил голову, а потом снова поднял на нее глаза.

– Мне все равно, кем я буду для тебя, я – твой, – сказал он так просто, что Катса даже не почувствовала смущения.

Она посмотрела ему в лицо:

– И что из этого выйдет?

– Не знаю. Но я тебе доверяю.

Катса заглянула в его глаза.

Он отдавал ей себя. Доверял ей. И она так же доверяла ему.

Она не раздумывала о таком варианте, пока рыдала в одиночестве в лесной чаще. Ей даже в голову это не пришло. А теперь его предложение висело в воздухе перед ней и ждало, что она протянет руку и примет его. И то, что уже стало простым, ясным и успешно разбило ей сердце, вдруг снова оказалось запутанным и сложным. Но и окрашенным надеждой.

Возможно ли стать его любовницей и по-прежнему принадлежать

самой себе?

Вот в чем был вопрос, и ответа Катса не знала.

– Мне нужно подумать, – сказала она.

– Думай здесь, – попросил он, – пожалуйста. Я так устал, Катса. Я сразу усну.

– Хорошо, – кивнула она. – Я останусь.

Потянувшись, он смахнул слезу у нее со щеки. Прикосновение кончиков его пальцев отозвалось где-то у основания позвоночника, и Катса попыталась побороть это ощущение, скрыть его от По. Он лег, а она встала и направилась к дереву, до которого не доставал свет костра. Катса опустилась на землю, прислонившись к стволу, и, не отрывая взгляда от очертаний тела По, стала ждать, когда он уснет.

Глава двадцатая

Думая о возможности таких отношений, Катса чувствовала себя так, словно только что нашла на теле незамеченную до того конечность – еще одну руку или ногу. Ощущения были незнакомые, и она исследовала их, как делала бы это с обнаруженным случайно лишним пальцем.

Ее замешательство несколько облегчало то, что любовником будет По. Представляя себе По и не останавливаясь на слове «любовник», Катса настолько освоилась с этой идеей, что даже решилась задуматься о том, каково будет лежать в его постели, но не быть его женой. На размышления потребовалось больше одной ночи. Они, как прежде, ехали по сандерским лесам и, как прежде, болтали, отдыхали и разбивали лагерь. Вот только молчание стало чуть более напряженным, чем до того, да еще Катса порой срывалась с места, чтобы остаться наедине с собой и поразмыслить в одиночестве. Они прекратили тренировки, потому что Катсу смущали его прикосновения. А По не давил на нее, не навязывал ничего, даже разговора, даже своего взгляда.

Путники двигались так быстро, как только позволяла дорога, но чем дальше, тем все больше она походила в лучшем случае на тропинку, выщущуюся по заросшим оврагам и меж таких огромных деревьев, каких Катса не видела никогда в жизни. Стволы этих деревьев были шириной с корпус лошади, а ветви стонали высоко над головой. Иногда приходилось низко пригибаться, чтобы не запутаться в густых зарослях виноградных лоз, свисающих с ветвей. Чем дальше они продвигались на восток, тем круче дорога шла в гору и тем гуще лес оплетала сеть ручьев и потоков.

По крайней мере, местность давала По возможность немного отвлечься и развеяться. Он постоянно вертел головой во все стороны, широко раскрыв глаза.

– Какой глухой, какой нетронутый этот лес. Ты когда-нибудь видела такое? Он прекрасен.

Прекрасен и полон зверей, которые как раз отъедаются на зиму. Здесь легко было охотиться и найти убежище. Все бы хорошо, но Катса почти физически ощущала, что лошади продвигаются так же медленно, как ее раздумья.

- Мне кажется, пешком мы бы шли быстрее, – заметила она однажды.
- Когда придется оставить лошадей, тебе будет их очень не хватать.
- И когда это произойдет?

- Судя по карте, примерно через десять дней пути.
- Лучше бы я шла пешком.
- Ты никогда не устаешь, – сказал По. – Признайся.
- Устаю, если долго не сплю. Или если несу что-нибудь очень тяжелое.

Я устала, пока поднимала твоего дедушку по лестнице.

Он уставился на нее, вскинув брови:

- Ты поднимала моего дедушку по лестнице?
- Да, в замок Ранды.
- Проведя перед этим сутки в седле?
- Да.

Он рассмеялся, хотя она не видела в этом ничего смешного.

- Мне пришлось, По. Иначе бы все пошло прахом.
- Он весит вполовину больше, чем ты.
- Вот я и устала, пока несла его наверх. Тебе было бы легче.
- Я крупнее дедушки, Катса, и сильнее. И даже я бы устал, если бы перед этим провел ночь в седле.
- Мне пришлось. Выбора не было.
- Твой Дар куда больше, чем просто Дар убивать, – уверенно сказал По.

Она не ответила и после минутного раздумья забыла об этом. Ей снова вспомнился насущный вопрос – как иначе, ведь По все время ехал рядом.

В чем разница между мужем и любовником?

Назвать По своим мужем означало бы дать обещания о пока еще неизвестном будущем. Став его женой однажды, она останется ею навсегда. И не важно, сколько свободы По ей подарит, – она всегда будет помнить, что это подарок. Ее свобода перестанет ей принадлежать, право даровать или ограничить ее перейдет к По. Не важно, что он никогда не станет ее ограничивать: когда свобода исходит от кого-то другого, она ей не принадлежит.

А если По станет ее любовником, будет ли она чувствовать себя пойманной, загнанной в рамки «навсегда»? Или ей останется ее собственная свобода?

Они лежали по обе стороны от догорающего костра, и внезапно Катсу посетило новое опасение. Что, если По даст ей больше, чем она сможет дать ему?

– По?

Судя по шороху, он повернулся на бок.

– Что?

– Что ты почувствуешь, если я оставлю тебя навсегда? Если сегодня стану твоей, а завтра уйду, не обещая вернуться?

– Катса, только глупец может пытаться держать тебя в клетке.

– Но скажи, каково это будет – всегда зависеть от моего каприза?

– Это не каприз. Это веление твоего сердца. Ты забыла, что мой Дар помогает понять тебя лучше, чем понимают другие. Если ты оставишь меня, я буду знать, что это не от равнодушия. Но если разлюбишь, я и это буду знать и пойму, что ты поступаешь правильно.

– Но ты не ответил на вопрос. Что ты почувствуешь?

Он помолчал.

– Не знаю. Наверное, много всего. Но боль будет только одним из чувств, к тому же я готов рискнуть.

Катса посмотрела на верхушки деревьев:

– Ты уверен?

По вздохнул:

– Уверен.

Он готов рискнуть. Но вот в чем загвоздка: неизвестно, что из этого получится, куда приведет, – может, и вправду к такой боли, какую и представить себе нельзя.

Костер догорел, и Катсе стало страшно, потому что в тот самый момент, когда лагерь погрузился во тьму, она поняла, что тоже выбирает риск.

На следующий день приходилось только мечтать о ровной, прямой дороге, о быстрой езде и грохоте копыт, который заглушил бы все чувства. Вместо этого тропа вилась туда-сюда, вверх по холмам и вниз по оврагам, и Катса сама не понимала, почему еще не начала выть волком. Ночь застала их в лощине, где в тихий пруд впадал ручеек. Мох покрывал здесь стволы и землю, свисал с виноградных лоз, которые спускались с деревьев. Влага с него капала в пруд, сияющий зеленью, как мраморный пол во дворе замка Ранды.

– Ты как будто вся на нервах, – сказал По. – Может, поймашь кого-нибудь? Я пока разожгу огонь.

Первым несколькими зверям, попавшимся на пути, Катса позволила сбежать. Ей казалось, что если она не будет торопиться и зайдет подальше в лес, то перестанет трястись от раздражения. Но когда много позже Катса вернулась в лагерь с лисицей в руке, ничего не изменилось. По спокойно сидел у огня, и она, почувствовав, что вот-вот взорвется, бросила добычу на землю у костра, села на камень и уронила голову на руки.

Внутри бушевал страх – неприкрытый леденящий страх.

Она повернулась к По:

– Я понимаю, почему мы не должны драться, когда один из нас разгневан. А можно драться, когда один из нас напуган?

Он посмотрел в огонь, спокойно обдумывая вопрос, а потом поднял глаза на нее:

– Думаю, это зависит от того, чего ты хочешь добиться схваткой.

– Я надеюсь, она меня успокоит. Примирит с тем... что ты рядом. – Вздохнув, Катса потерла лоб. – Сделает меня самой собой.

Он посмотрел ей в лицо:

– И вправду, обычно так и происходит.

– По, давай поборемся?

Несколько мгновений он смотрел на нее, а потом отошел от костра и поманил за собой. Оглушенная, Катса шла следом, в голове стоял такой гул, что мысли путались, и, когда они оказались лицом к лицу, она вдруг поняла, что просто молча пялится на По. Она тряхнула головой, пытаясь сосредоточиться, но не помогло.

– Ударь меня.

Долю секунды он медлил, а потом замахнулся ей в лицо кулаком, и Катса молниеносно вскинула руку, ставя блок. Удар руки по руке вывел ее из оцепенения. Она будет с ним драться, и она одолеет его. Он еще ни разу не побеждал, и сегодня тоже не выйдет, несмотря на темноту и водоворот у Катсы в мыслях, потому что с первым ударом водоворот исчез без следа. Мысли прояснились.

Она била сильно и быстро – руками, локтями, коленями, ногами. Его удары тоже были сильны, но каждый удар, казалось, только придавал ей сил. Каждое дерево, в которое они врезались, каждый корень, о который спотыкались, помогали сосредоточиться. Она освоилась в этой схватке, и начался по-настоящему неистовый бой.

Когда Катса прижала По к земле, он уперся ей ладонью в подбородок и начал давить.

– Стой! – вдруг крикнула она. – Кровь. Я чувствую кровь.

Он прекратил вырываться.

– Где? Во рту?

– Кажется, это твоя рука, – сказала она.

Он сел на землю, а она присела рядом, взяла его ладонь и попыталась что-нибудь разглядеть.

– Кровь течет? Ты чувствуешь?

– Чепуха. Ты меня сапогом поцарапала.

- Не надо было нам драться в обуви.
- Нельзя драться в лесу босиком, Катса. Ну правда, это мелочь.
- И все-таки...

– У тебя кровь на губах, – сказал он странным, рассеянным тоном, который выдавал, как мало По думал о своей ране. Поднеся палец к ее лицу, он почти коснулся губ, но тут же отдернул руку, осознав, что делает что-то, чего делать нельзя. Кашлянув, По торопливо отвел взгляд.

Внезапно Катса почувствовала, насколько он близко, почувствовала тепло его руки и запястья под ее пальцами. Он был рядом, совсем рядом, она слышала его дыхание и касалась его. Ощувив, как тот самый риск ледяной водой обжигает кожу, Катса поняла, что все решится в это мгновение. И уже знала, что выберет.

По снова поднял глаза: в них светилось понимание. Она бросилась в его объятия. Они отчаянно льнули друг к другу, и Катса плакала равно от счастья обнимать его и ужаса перед тем, что делает. Он баюкал ее, усадив на колени, обнимал и шептал ее имя снова и снова, пока наконец слезы не высохли.

Она вытерла лицо о его рубашку, обняла за шею. В его руках было так тепло, так спокойно, так безопасно. Она почувствовала себя ужасно храброй и рассмеялась – рассмеялась от того, как хорошо, как приятно было чувствовать его тело рядом. По улыбнулся своей плутовской, мерцающей улыбкой, и волна тепла прошла по ее телу. Его губы нашли ее шею, уткнулись в нее, и Катса ахнула. А когда их губы слились в поцелуе, жар захлестнул ее с головой.

Позже, лежа в обнимку на мху, прильнув к телу По, загипнотизированная чем-то, что его губы делали с ее шеей, она вспомнила о ране на руке.

- Потом, – рыкнул он.

Ей вспомнился вкус крови на губах, но это только заставило его губы снова, ища, пробуя на вкус, коснуться ее рта. Она яростно набросилась на его одежду, он – на ее. Пока они изучали друг друга, Катса наслаждалась теплом его кожи. В конце концов, они уже знали тела друг друга не хуже, чем любовники, но теперь прикосновения были совсем другими – они не разъединяли, а сливали вместе.

- По, – позвала она, когда ее пронзила очень ясная мысль.
- В лекарствах, – прошептал По. – Там есть водяной паслен.

И его руки, его губы, его тело вернули ее в забытье. Они опьянили ее – он опьянил, – и каждый раз, как его глаза, сверкая, заглядывали в ее, Катса забывала, как дышать.

Она была готова к боли, когда та пришла, но ахнула от ее остроты – ощущение было совсем не похоже на ту боль, с которой она была знакома. Поцеловав ее, По замедлил темп, почти остановился, но Катса засмеялась и сказала, что на этот единственный раз согласна примириться с болью и кровью. Он улыбнулся ей в шею и снова поцеловал, и сквозь боль она двигалась вместе с ним. Постепенно боль превратилась во все возрастающее тепло, от которого перехватило дыхание. И вдруг нечто невыразимое заставило ее забыть о дыхании, боли и рассудке, унесло их далеко-далеко, так что не осталось ничего, кроме ее тела и его тела, и костра, и пламени, которое рождалось меж ними.

А потом они лежали, согретые друг другом и теплом огня. Катса гладила его нос и губы, играла с кольцами в ушах, а он обнимал и целовал ее, и глаза его мерцали.

– Как ты? – спросил По.

– Вроде бы осталась собой, – рассмеялась она. – А ты?

– Я очень счастлив, – улыбнулся он.

Она провела пальцем по линии его подбородка до уха и вниз к плечу, коснулась татуировок, овивавших руки.

– Раффин тоже знал, что все так будет, – проговорила она. – Похоже, только я одна ничего не подозревала.

– Из Раффина получится отличный король, – сказал По, и она снова рассмеялась, устроившись головой на сгибе его руки.

– Давай завтра попробуем ехать быстрее, – попросила Катса, вспомнив о не таких хороших королях.

– Хорошо. Тебе еще больно?

– Нет.

– Как думаешь, почему так получается? Почему женщинам больно?

На это ответа у нее не было. Так обычно бывает – вот и все.

– Дай я вымою твою рану.

– Сначала я вымою тебя.

Она поежилась, когда По разомкнул объятия и пошел к костру, чтобы принести воды и чистой ткани. Он наклонился к огню, и свет с тенью затанцевали на его теле. Он был прекрасен; Катса подумала об этом с восхищением, и он ухмыльнулся. «Почти так же прекрасен, как тщеславен», – подумала она тогда, и По расхохотался.

Промелькнула мысль, что она, наверное, должна бы чувствовать себя неловко – лежа здесь, разглядывая его, дразня. После того, что они сделали, после того, чем стали. Но, совсем наоборот, это было уютно и естественно.

Это было неизбежно. И только совсем чуточку – страшно.

Глава двадцать первая

Бывало, они подолгу вели беседы, в которых Катса не произносила вслух ни единого слова. По чувствовал, когда она собиралась с ним заговорить, а когда хотела что-то рассказать, его Дар подсказывал, что именно. Им показалось, что эту способность было бы полезно потренировать. А Катса обнаружила, что чем легче ей становится открывать ему свой разум, тем проще его и закрывать. Выходило не слишком удобно, потому что, закрывая какую-нибудь мысль от По, приходилось и самой от нее отгораживаться, но все-таки это был шаг вперед.

Оказалось, что Катса прилагала бóльшие усилия к составлению мысленных посланий, чем По – к их получению. Первое время она старалась думать одно слово за другим, как если бы говорила вслух, но без звука. «Хочешь остановиться и отдохнуть? Поймать нам что-нибудь на ужин? У меня вода кончилась».

– Я тебя, конечно, понимаю, когда ты все «проговариваешь», – объяснил он, – но не нужно так напрягаться. Образы тоже подойдут, и чувства тоже, и мысли, не составленные в предложения.

Это тоже оказалось сложным. Катса боялась, что он не поймет, и поначалу зрительные образы подбирала так же тщательно, как слова. Рыба над костром. Ручей. Травы, водяной паслен, который ей нужно было есть вместе с ужином.

– Катса, если ты просто откроешь мне свою мысль, я ее увижу – не важно, в каком она виде. Если ты хочешь, чтобы я знал, я узнаю.

Но что это значит – открыть ему мысль? Хотеть, чтобы он узнал? Она попробовала просто мысленно звать его, когда нужно было что-то сообщить. «По». А потом предоставляла ему самому находить нужную мысль.

Это, казалось, работало. Катса постоянно тренировалась и мысленно общаться с ним, и закрываться, и постепенно разум ее расслабился.

Однажды дождливым вечером, сидя у костра в самодельном шалаше из веток, она попросила разрешения посмотреть на его кольца. По протянул ей ладони, и Катса начала считать. На правой руке – шесть гладких золотых колец разной ширины. На левой – одно гладкое золотое, одно тонкое, с инкрустацией из серого камня по центральной линии, одно широкое и тяжелое, с сияющим остроконечным белым камнем – должно быть, это оно

поцарапало ее тем вечером на стрельбище, – и еще одно простое золотое, но все покрытое узором, в котором Катса узнала татуировку на руках По. Осененная догадкой, она спросила, не несут ли кольца какого-нибудь скрытого смысла.

– Да, – ответил он. – Все кольца лионидцев что-нибудь значат. Это, с гравировкой, – кольцо седьмого сына короля, кольцо моего замка и моего титула. Оно обозначает мое наследство.

«Значит, у всех твоих братьев разные кольца и разные знаки на руках?»

– Да.

Она коснулась пальцем большого, тяжелого кольца с граненым белым камнем. «Это кольцо короля».

– Да, это кольцо символизирует моего отца. А это, – сказал он, указав на тонкое кольцо с серой полосой, – мою маму. Гладкое – кольцо бабушки.

«Он никогда не был королем?»

– Королем был его старший брат. Когда тот умер, он мог бы править, если бы захотел. Но его сын, мой отец, был молод, крепок и решителен, и бабушка, тогда уже старый и слабый, передал власть сыну.

«А мать твоего отца и родители матери? У тебя есть кольца для них?»

– Нет. Они уже умерли. Я их никогда не видел.

Она взяла его правую руку. «А эти? На этой руке тебе для колец даже пальцев не хватает».

– Это кольца в честь моих братьев, – объяснил он. – По одному на каждого. Самое широкое – для старшего, самое тонкое – для младшего.

«Значит, все твои братья носят еще более тонкое кольцо в честь тебя?»

– Верно, и моя мама, и бабушка, и отец.

«Твое кольцо самое тонкое только потому, что ты младший?»

– Так принято, Катса. Но у них оно не такое, как остальные. В него вставлены крошечные камни, золотой и серебряный.

«Как твои глаза».

– Да.

«Из-за Дара тебе полагается особенное кольцо?»

– В Лиониде Одаренных почитают.

Для Катсы такая мысль была неожиданна. Оказывается, есть народ, в котором почитают Одаренных. «У тебя нет колец в честь жен братьев и их детей?»

По улыбнулся:

– К счастью, нет. Но в честь собственной жены у меня было бы кольцо, и если бы у нас были дети, я бы носил по кольцу в честь каждого. У моей матери четверо братьев, четыре сестры, семеро сыновей, родители и муж.

Она носит девятнадцать колец.

«Это сумасшествие. Она вообще может шевелить пальцами?»

– У меня с этим проблем нет. – Он поднес ее руки к губам и покрыл костяшки пальцев поцелуями.

«Меня никто не сможет заставить носить столько колец».

По засмеялся и, перевернув ее руки, поцеловал ладони и запястья.

– Тебя никто не сможет заставить делать что-то, чего ты не хочешь.

И тут вступил в дело Дар По, точнее, та его часть, которая в последнее время начала нравиться Катсе все больше: он знал без слов, чего она хочет. С плутовской улыбкой По опустил перед ней на колени, обнял за талию и, притянув к себе, принялся ласкать губами ее шею. Катса затаила дыхание, забыв обо всех возражениях, и наслаждалась холодком золота на лице и на коже от его прикосновений.

– Все эти раны у животных в приюте от самого Лека? – спросила она однажды в пути. – Как думаешь?

Обернувшись, По взглянул на нее:

– Я понимаю, это ужасное обвинение. Но мне кажется, что да. И еще меня беспокоит болезнь, о которой говорил тот торговец.

– Думаешь, Лек их убил?

По пожал плечами и ничего не ответил.

– Может быть, королева Ашен заперлась, поняв, что у него есть Дар?

– Это мне тоже приходило в голову.

– Но как она могла догадаться? Разве она не должна быть околдована?

– Понятия не имею. Может, он слишком далеко зашел в своей жестокости, и ее разум на какое-то мгновение прояснился. – Он поднял рукой ветку, мешавшую проехать, и пригнулся. – Должно быть, его Дар не всемогущ.

Или, возможно, у него нет Дара. Может быть, это всего лишь нелепое предположение, за которое они ухватились в отчаянной попытке объяснить необъяснимые вещи.

Но ведь правители Монси умерли, и ни у кого и мысли не возникло о чем-то дурном. А теперь король похитил принца Тилиффа, и никто даже не подумал его заподозрить.

Одноглазый король.

У него должен быть Дар. А если нет, тогда это что-то противоестественное.

Тропа становилась все более узкой и заросшей, и теперь они чаще вели лошадей под уздцы, чем ехали верхом. В какой-то момент листья на всех

деревьях, словно сговорившись, поменяли цвет на рыжий, желтый, красный, багровый и коричневый. Через один или два дня на пути возникнет тот самый постоянный двор, на котором придется оставить лошадей, и дальше их ждет подъем по крутой горной тропе, с вещами на спине. По предупредил, что в горах лежит снег и путешественники встречаются очень редко. Двигаться придется осторожно, опасаясь бурь.

– Ты ничуть не боишься, да, Катса?

– Не особенно.

– Это потому, что тебе никогда не бывает холодно, к тому же ты можешь поймать медведя голыми руками и в любую метель разжечь костер даже из сосулук.

Она не рассмеялась, чтобы не поощрять его, но улыбку сдержать не сумела. Они разбили лагерь на вечер, и теперь Катса ловила рыбу. А когда она ловила рыбу, По всегда начинал ее дразнить, потому что она не закидывала леску, как сделал бы он, а снимала сапоги, подворачивала штанины и заходила в воду. Схватив рыбину, подплывшую достаточно близко, она бросала ее сидящему на берегу По, который, посмеиваясь, очищал и потрошил ее и составлял Катсе компанию.

– На свете не так уж много людей, у которых реакция быстрее, чем у рыбы, – заметил он.

Катса нацелилась на серебристо-розовый отблеск, промелькнувший у лодыжек, и через мгновение бросила По еще одну рыбину.

– На свете не так уж много людей, которые знают, что у лошади камень застрял в копыте, даже если нет никаких признаков. Может быть, для меня добыть себе ужин так же легко, как убить человека, но, по крайней мере, я не умею разговаривать с лошадьми.

– Я тоже не умею. Просто в последнее время я начал чувствовать, если они хотят остановиться. А уж остановившись, причину найти несложно.

– Ну все равно, мне кажется, не тебе удивляться моему Дару.

Усмехнувшись, По оперся на локти.

– Я не удивляюсь твоему Дару. Мне просто кажется, что ты неправильно его понимаешь.

Катса протянула руку к темной вспышке в воде и бросила на берег еще одну рыбину.

– И как же его нужно понимать?

– Вот этого я не знаю. Но Дар убивать не объясняет все твои умения. То, что ты никогда не устаешь, не чувствуешь холода и голода.

– Я устаю.

– И не только это. Ты можешь разжечь огонь даже в ливень.

– У меня просто больше терпения, чем у других.

– Конечно, – фыркнул По. – Терпение – вообще одно из твоих основных качеств.

Он увернулся от рыбины, которая летела прямо ему в голову, и снова уселся, смеясь.

– Твои глаза так ярко горят, когда ты стоишь в воде, а в лицо тебе светит заходящее солнце, – сказал он. – Ты прекрасна.

«Прекрати».

– А ты смешон.

– Вылезай, тигрица. Рыбы уже достаточно.

Она побрела к берегу. Подойдя к кромке воды, По поднял Катсу и поставил на мох. Они собрали рыбу и вместе пошли к костру.

– Я устаю, – сказала Катса. – И чувствую холод и голод.

– Ладно, если ты настаиваешь. Но попробуй сравнить себя с другими людьми.

Сравнить себя с другими людьми.

Усевшись, Катса принялась вытирать ноги.

– Будем сегодня тренироваться? – спросил По.

Она рассеянно кивнула.

Напевая себе под нос, он нанизал рыбу на вертел, вымыл руки и только тогда бросил поверх костра на Катсу мерцающий взгляд. Она все сидела, задумавшись... размышляя о том, что получится, если сравнить ее с другими людьми.

Ей и вправду иногда бывало холодно. Но она не страдала от холода, как другие. И голод тоже иногда чувствовала, но могла долго не есть и не слабела от этого. Честно признаться, она вообще не могла припомнить, чтобы по какой-либо причине чувствовала слабость. И не помнила, чтобы когда-нибудь болела. Хорошенько подумав, Катса уверилась окончательно – у нее никогда в жизни даже простуды не было.

Взгляд ее не отрывался от пламени костра. Все это немного странно, нельзя не согласиться. И это еще не все.

Она сражалась, ездила верхом, бегала и даже падала, но на коже почти никогда не было синяков и царапин. Она никогда ничего себе не ломала. И не мучилась от боли, как другие люди. Даже когда По бил очень сильно, справиться с болью было несложно. Если говорить честно, приходилось признаться: Катса никогда особенно не понимала, что имеют в виду люди, когда жалуются на боль.

Она не уставала, как другие. Ей не нужно было много спать. Чаще всего она заставляла себя спать только потому, что так было нужно.

– По?

Он поднял глаза от костра.

– Ты можешь приказать себе уснуть?

– В каком смысле?

– Можешь лечь и заставить себя спать? В любой момент, когда понадобится?

Он удивленно покосился на нее:

– Нет. Никогда о таком не слышал.

– Хм...

Еще мгновение он внимательно изучал ее взглядом, но затем, видимо, решил оставить в покое. Сама Катса тут же забыла о его существовании. Раньше ей никогда не приходило в голову, что в этом ее умении может быть что-то необычное. К тому же она не просто могла приказать себе уснуть. Она могла приказать себе уснуть на определенное количество времени, и, проснувшись, всегда знала, который час. На самом деле она знала, который час, в любое время дня и ночи.

И так же точно всегда знала, где находится и куда направляется.

– В какой стороне север? – спросила она По.

Он снова поднял голову и задумался, глядя на небо, а потом указал примерно туда, где был север, но не совсем точно. Откуда она это знала?

Ей ни разу в жизни не пришлось заблудиться. Разжечь огонь или найти кров не составляло никакого труда. Охота давалась легко. Ни у кого не было такого хорошего зрения и такого острого слуха.

Катса вскочила на ноги, вернулась к пруду и уставилась в него невидящим взглядом.

Физические потребности не ограничивали ее, как других людей. То, от чего они страдали, было ей не страшно. Инстинкт помогал жить среди дикой природы, не зная лишений.

И она могла убить любого противника. При малейшей угрозе жизни.

Катса изумленно села на землю.

Может ли ее Дар быть Даром выживания?

В следующее же мгновение она отбросила эту мысль. Она – просто убийца, всегда была убийцей. На виду у всего двора Ранды она убила родственника... человека, который не сделал бы ей ничего дурного. Убила без размышлений, без колебаний – так же, как чуть не убила собственного дядю.

Но ведь Катса не убила дядю. Она нашла способ избежать этого и остаться в живых.

И смерти того несчастного она тоже не хотела. Она была ребенком,

Дар еще не оформился. Катса ударила не чтобы убить, а просто чтобы защититься – защититься от его прикосновения. Она совсем забыла об этом, выпустила из виду по ходу дела, когда придворные принялись избегать ее, а Ранда начал использовать ее умения в своих целях и называть своим маленьким палачом.

Нет, это не Дар убивать. Ее Дар – Дар выживания.

От этой мысли она рассмеялась, потому что это звучало почти так, будто ее Дар – Дар жизни. А это, конечно, было смешно.

Катса снова встала и вернулась к костру. По следил за ней взглядом. Он не спросил, о чем она думала, не стал вмешиваться – решил ждать, пока сама не захочет рассказать. Катса поймала его взгляд поверх костра. Ему явно было любопытно.

– Я сравнивала себя с другими людьми, – объяснила она.

– Понятно, – осторожно сказал он.

Очистив одну из рыбин от кожи, Катса отрезала себе кусок и принялась задумчиво жевать.

– По...

Он поднял на нее взгляд.

– Если бы ты узнал, что мой Дар – не убивать, – сказала она, – а выживать...

Он вскинул брови.

– Тебя бы это удивило?

Он задумчиво поджал губы.

– Нет. Мне кажется, это намного логичнее.

– Но... это все равно что сказать, что мой Дар – жизнь.

– Да.

– Это бред.

– Почему? Я так не думаю. И это не только твоя собственная жизнь, – добавил он. – Своим Даром ты спасла множество жизней.

Она покачала головой:

– Меньше, чем погубила.

– Может, и так. Но у тебя впереди вся жизнь, чтобы наверстать. А жить ты будешь долго.

Впереди вся жизнь, чтобы наверстать.

Катса вытащила кости еще из одной рыбины и принялась поедать ее, с улыбкой думая над этими словами.

Глава двадцать вторая

Деревья неожиданно расступились, и перед ошеломленными путниками предстали горы, а с ними и городок, в котором придется оставить лошадей. Дома в городке были сделаны из камня или мощного сандерского дерева, но дыхание Катсы перехватило от вида того, что возвышалось за ними. Ей были знакомы холмы Истилла, но гор она не видела никогда. Не видела серебристых лесов, уходящих в небеса, камня и снега, поднимающихся еще выше, к недостижимым вершинам, словно золото, сияющим в солнечных лучах.

– Они напомнили мне о доме, – сказал По.

– В Лиониде такие же горы?

– Местами. Город моего отца расположен недалеко от таких гор.

– Ну, – сказала Катса, – мне они ни о чем не напомнили, потому что я никогда не видела ничего подобного. Да и едва могу поверить, что вижу их сейчас.

Этим вечером им не нужно было ни разбивать лагерь, ни охотиться. Ужин приготовила и подала грубовато-дружелюбная жена хозяина, которую, казалось, ничуть не волновали их разноцветные глаза, зато очень интересовало все, что они видели, и все, кого встретили по дороге. В столовой жарко пылал большой каменный очаг. Они ели горячее мясо, горячие овощи, горячий хлеб, и вся комната была в их распоряжении, у них были стулья и стол, тарелки и ложки. После еды их ждала горячая ванна, а потом – теплая постель, мягче которой Катса никогда не видела, – по крайней мере, ей так показалось. Это была настоящая роскошь, и они наслаждались ею как следует, потому что знали – им еще долго не видать подобного уюта.

Захватив с собой собранный хозяйкой сверток с провизией и холодную воду из колодца на постоялом дворе, путники выехали еще прежде, чем солнечные лучи показались из-за гор. Большинство своих вещей – те, что не оставили вместе с лошадьми, – они теперь несли на себе. В их распоряжении был один лук и один колчан со стрелами, и Катса, как лучший стрелок, несла их за спиной. Мечей они не взяли, но у каждого осталось по кинжалу и ножу, а еще одеяла, немного одежды, деньги, снадобья, карты и список союзников Совета.

Небо, навстречу которому они теперь поднимались, стало багровым, а

потом розово-оранжевым. На горной тропе угадывались чужие следы – остывшие костры, отпечатки сапог в грязи. Кое-где для удобства путешественников стояли небольшие хижины без мебели, но оборудованные грубыми, практичными очагами. Они были построены в стародавние времена совместными усилиями Сандера, Истилла и Монси – в те дни, когда королевства еще заботились о безопасности путешественников, пересекавших границы.

– Если в горах тебя застанет метель, крыша и четыре стены могут спасти жизнь, – сказал По.

– Тебя когда-нибудь заставляла метель в горах?

– Однажды, меня и моего брата Сильверна. Мы были в горах, и буря застала нас врасплох. Нам повезло наткнуться на хижину дровосеков, – если бы не это, мы, скорее всего, не выжили бы. Мы оказались в ловушке на четыре дня, и все эти четыре дня ничего не ели, кроме хлеба и яблок, которые принесли с собой, и снега. Мама почти решила, что мы пропали навсегда.

– Который из твоих братьев – Сильверн?

– Пятый сын моего отца.

– Жалко, что ты не чувствовал тогда животных, как сейчас, иначе вышел бы и добыл крота или белку.

– И потерялся бы по дороге обратно, – добавил он. – Или так, или вернулся бы к брату, который, скорее всего, счел бы ужасно подозрительным, что я могу охотиться в метель.

Земля и трава под ногами иногда расступались, давая место камню, а вершины гор маячили далеко впереди. Вырваться из леса, карабкаться вверх, двигаться со всей возможной скоростью было приятно. С огромного чистого неба в лицо сияло солнце, легкие наполнял свежий воздух. Катса была довольна.

– Почему ты никогда не рассказывал о своем Даре братьям?

– Моя мать запретила, еще когда я был ребенком, строго-настрого запретила им рассказывать. Было очень тяжело скрывать это от них – особенно от Сильверна и Ская, который ближе всех ко мне по возрасту. Но теперь, когда я знаю, что за люди мои братья, я вижу, что мама была права.

– Почему? Им нельзя доверять?

– Чаще всего можно. Но они все полны амбиций, Катса, каждый старается обойти другого и выслужиться перед отцом. Сейчас я не представляю для них никакой угрозы, потому что я – младший сын и не рвусь к власти. И они уважают меня, потому что знают: чтобы победить меня в бою, им придется напасть вшестером. Но если они узнают правду о

моем Даре, то попытаются меня использовать – просто не удержатся.

– Но ты ведь этого не позволишь.

– Нет, но тогда они обидятся, и я не уверен, что один из них не поддастся искушению рассказать жене или советнику. В конце концов отец узнает... И все рухнет.

Они остановились у тоненького ручейка. Катса выпила воды и умылась.

– У тебя очень предусмотрительная мать.

– Больше всего она боялась, что узнает отец. – По опустил в воду фляжку. – Он хороший отец. Но королем быть трудно. Короля всеми способами пытаются лишить власти. Я был бы для него слишком полезен. Он не смог бы противостоять искушению использовать меня, просто не смог бы. А этого моя мать боялась больше всего.

– Неужели он никогда не желал твоей помощи как воина?

– Конечно, и я ему помогал. Не так, как ты помогала своему дяде, – отец не такой, как Ранда. Но мама боялась, что ему понадобится мой разум. Она хотела, чтобы мой разум принадлежал только мне, а не королю.

Катсе показалось неправильным, что матери приходится защищать ребенка от его отца. Но она мало знала о матерях и отцах. У нее не было ни того ни другого, и они не могли защитить ее от власти Ранды. Наверное, угроза все-таки не в отцах, а в королях.

– А дедушка был согласен с тем, что никто не должен знать о твоём Даре?

– Да, был.

– А твой отец очень рассердится, если узнает правду теперь?

– Он страшно разгневется и на меня, и на маму, и на дедушку. И он, и братья будут в ярости. Что ж, справедливо – мы пошли на ужасный обман, Катса.

– У вас не было выбора.

– Все равно. Такое сложно простить.

Катса поднялась на кучу камней и остановилась, чтобы осмотреться. Казалось, они ничуть не приблизились к вершинам, встающим впереди. И только оглядываясь назад, на лес далеко внизу, можно было понять, как долго они двигались, да еще по холоду. Она поправила сумки и снова ступила на тропу.

И тут мысль о королевах, защищающих детей от королей, засветилась глубоко в ее сознании.

«По, у Лека есть дочь».

– Да, Биттерблу. Ей десять лет.

«Биттерблу может быть замешана в этом странном деле. Если Лек пытался как-то ей навредить, было бы ясно, почему королева Ашен прячется вместе с ней».

По остановился как вкопанный и с тревогой оглянулся на нее:

– Если ему доставляет удовольствие резать животных, страшно подумать, что он может сделать со своей дочерью.

Кошмарный вопрос зловеще повис в воздухе между ними. Катса вдруг вспомнила о двух погибших девочках.

– Давай будем надеяться, что ты ошибаешься, – сказал По, держась рукой за живот, – ему стало нехорошо.

– Давай пойдем быстрее, – сказала Катса, – на случай, если я права.

Дальше оба почти побежали по тропе вверх, через горы, которые скрывали от них Монси и пока еще неизвестную правду.

На следующее утро они проснулись на полу в пыльной хижине. Костер давно потух, и в щель под дверью сочился морозный воздух. Когда Катса и По отправились в путь, застывшие звезды начали оттаивать и по горизонту разлился свет. Путь становился все круче и каменистее. Скорость, с которой они двигались, кое-как спасала от холода, которого Катса не чувствовала, но на который жаловался окоченевший По.

– Я думал о том, как мы появимся при дворе Лека, – заговорил По, перелезая с одного камня на другой и прыгая с того на третий.

– И что надумал?

– Ну, наверное, стоит проверить наши подозрения до встречи с ним.

– То есть первую ночь лучше провести в каком-нибудь трактире, а не в замке?

– Именно.

– Но ведь нельзя терять ни минуты.

– Правильно. Если за одну ночь мы ничего не выясним, тогда, наверное, пойдем сразу во дворец.

Пока они молча взбирались на гору, Катса все думала, что делать: войти в замок друзьями и постепенно все разузнать или же напасть сразу и затеять невиданный бой. Лек представлялся ей лицемером, с ухмылкой стоящим на дальнем конце бархатной ковровой дорожки, сощуриив блистающий умом единственный глаз. Ей представлялось, как она пускает стрелу ему в сердце, он падает на колени и, истекая кровью на ковре, умирает у ног своих слуг. Умирает от ее руки, но по приказу По. Приказ должен отдать По, потому что, пока они не узнали правду о Даре Лека, доверять собственному суждению ей нельзя. «По, это ведь правильно, да?»

Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы разобраться в ее мыслях.

– Я тоже об этом думал, – произнес он. – Когда мы доберемся до Монси, ты согласишься делать, что я скажу, и только то, что я скажу? До тех пор, пока я не разберусь в его Даре? Ты бы могла согласиться на такое?

– Конечно, По, если так нужно.

– И не удивляйся, если я буду вести себя странно. Мне придется притворяться, что у меня всего лишь Дар сражаться и что я верю каждому его слову.

– Нужно будет попрактиковаться в стрельбе из лука и в метании ножа, – сказала Катса. – У меня такое ощущение, что, после того как правда будет раскрыта, король Лек окажется на острие моего клинка.

По только покачал головой и не улыбнулся:

– А у меня такое ощущение, что все окажется не так просто.

На третий день перехода холод и ветер усилились. Горный перевал вел их между двумя пиками, которые порой скрывались за снежными вихрями. Снег хрустел под сапогами, снежинки спускались с бледно-голубого неба на плечи Катсы и таяли в ее волосах.

– Мне нравится горная зима, – заметила она однажды, но По только рассмеялся:

– Это не зима. Это горная осень и притом довольно мягкая. Зимой мороз куда неистовее.

– Думаю, зима мне тоже понравится, – проговорила Катса, и По снова рассмеялся:

– Ничуть не удивлюсь. Трудности тебя только радуют.

Погода не менялась, так что проверить заявление Катсы возможности не было. Путники двигались так быстро, как только позволяла местность. Хоть По и восхищался постоянно силами Катсы, сам он тоже был быстр и вынослив. Пусть он дразнил ее тем, как она несется, но не жаловался на темп, а если и останавливался когда перекусить и выпить воды, то Катса была ему только благодарна – так он и ей напоминал, что нужно поесть и попить. И именно такая остановка позволила ей оглянуться и посмотреть назад, на горы, протянувшиеся с востока на запад, на весь мир, открывшийся ее взгляду, ибо она забралась так высоко, что, казалось, видит весь мир.

И вдруг в какую-то минуту стало ясно, что они достигли вершины перевала. Горы впереди были покрыты соснами, у подножия раскинулись зеленые долины, испещренные ручьями, крестьянскими домами и

малюсенькими точками, в которых Катса угадала коров. А сияющая полоса реки, сужаясь вдаль, вела к миниатюрному городу, который белел у самого горизонта. Лекион.

– Я его едва различаю, – сказал По, – но у тебя зрение лучше, я тебе верю.

– Вижу здания, – проговорила Катса, – и темные стены вокруг белого замка. А смотри, видишь крестьянские усадьбы в долине? Их-то ты точно различишь. А коровы, видишь коров?

– Да, теперь, когда ты сказала, вижу. Это невероятно прекрасно, Катса. Ты когда-нибудь видела такую волшебную красоту?

Восторженность По развеселила Катсу, она рассмеялась. И на один чудесный миг, пока они смотрели на Монси с высоты, мир стал прекрасным и беззаботным.

Спуск оказался куда более коварным, чем подъем. По пожаловался, что его пальцы сейчас точно прорвут носки сапог, а потом – что уж скорей бы прорвали, потому что от постоянных ударов при спуске они страшно болели. Но в какой-то момент Катса обратила внимание на то, что он вообще перестал жаловаться и сосредоточился на дороге.

– По, мы идем очень быстро.

– Знаю. – Он прикрыл ладонью глаза от солнца и покосился вниз на поля Монси. – Я только надеюсь, что достаточно быстро.

В тот вечер они разбили лагерь возле ручья, который, сбегая с гор, нес с собой тающий снег. Сидя на камне, Катса смотрела на По, в глазах которого угадывалось беспокойство. Он взглянул на нее и вдруг улыбнулся:

– Хочешь что-нибудь сладенькое к этому кролику?

– Конечно хочу, – ответила она. – Но какая разница, что я хочу, если у нас есть только кролик.

Услышав это, По встал и направился к зарослям кустарника.

«Куда ты?»

Он ничего не ответил и, скрипнув сапогами о камни, растворился в ночной тьме.

Она встала:

– По!

– Не волнуйся, Катса, – донесся издали его голос. – Я всего лишь выполняю твоё желание.

– Если ты думаешь, что я буду просто сидеть...

– Садись. Ты испортишь мой сюрприз.

Она села, но позволила ему почувствовать все, что думает о нем и его сюрпризе, из-за которого он ползает по скалам в темноте и рискует

подвернуть ногу и заставить нести себя к подножию гор на плечах. Через пару минут из темноты послышались шаги По. Он ступил в круг света и направился к ней. Руки его были сложены пригоршней, и, когда он опустился перед ней на колени, Катса увидела у него в ладонях холмик ягод. Она посмотрела в его скрытое в тени лицо:

– Снежевика?

– Снежевика.

Она взяла одну у него из рук и укусила. Ягода лопнула, пролив сладкий холодный сок. Катса проглотила нежную мякоть и озадаченно посмотрела на По:

– Твой Дар показал тебе, где искать ягоды.

– Да.

– По, это невероятно, правда? Так ясно почувствовать растение. Ведь они не двигались, не думали и даже не угрожали свалиться тебе на голову.

По присел на корточки и задумчиво склонил голову.

– Весь мир вокруг меня складывается в единое целое, – сказал он, – по кусочкам, как мозаика. То, что было размыто, проясняется. Честно говоря, это немного дезориентирует. У меня даже чуть-чуть голова кружится.

Катса изумленно смотрела на него. На такое трудно что-то ответить: Дар помогает ему чувствовать ягоды и у него чуть-чуть кружится голова. А завтра он расскажет ей про оползень на другом конце земли и они оба бухнутся в обморок.

Вздыхнув, она коснулась золотого кольца в его ухе:

– Если ты опустишь ноги в ручей, ледяная вода успокоит пальцы, а я потом разотру их, чтобы согреть.

– А если у меня и другие места замерзли, их ты тоже согреешь?

В голосе По звучала ухмылка, и Катса засмеялась, глядя ему в лицо. Но потом он взял ее пальцами за подбородок и серьезно посмотрел в глаза:

– Катса, когда мы подберемся к Леку, ты должна будешь делать все, что я скажу. Ты обещаешь?

– Обещаю.

– Ты обязательно должна. Поклянись.

– По, я уже обещала тебе и готова пообещать еще раз и поклясться. Я буду делать, что ты скажешь.

Он заглянул ей в глаза и кивнул. Потом высыпал последние несколько ягод ей в ладонь и наклонился к своим сапогам:

– Мои пальцы вытерпели такие страдания, я не уверен, что стоит выпускать их на свободу. Вдруг они восстанут против меня, сбегут в горы и откажутся возвращаться?

Она съела еще одну ягоду.

– Полагаю, я более чем достойный соперник для твоих пальцев.

На следующий день По больше не шутил ни о пальцах, ни о чем другом. Он почти не говорил, и чем дальше они продвигались вниз по тропе, которая вела прямо к королю Леку, тем сильнее им овладевала тревога. Его настроение оказалось заразительным, Катса тоже взволновалась.

– Когда придет время, ты сделаешь, что я скажу? – однажды спросил он, прервав молчание.

Она открыла было рот, чтобы озвучить раздражение, поднимавшееся в ней от вопроса, на который она уже давно ответила и не хочет отвечать снова. Но, посмотрев на то, как По, такой напряженный, охваченный тревогой, с трудом продирается по тропе рядом с ней, Катса растеряла весь свой гнев.

– Я сделаю все, что ты скажешь, По.

Глава двадцать третья

– Катса...

Голос По разбудил ее и заставил открыть глаза. По ощущениям, до рассвета было еще часа три.

– Что такое?

– Не могу уснуть.

– Беспокоишься?

– Очень.

– Что ж, ты ведь не для того меня разбудил, чтобы поболтать?

– Тебе сон не нужен. И раз я все равно не сплю, можем продолжать идти.

Она моментально встала, свернула одеяло, закинула на спину колчан, лук и сумки. Тропа, спускавшаяся по склону, шла меж деревьев. В лесу царил ночная тьма, и По, взяв Катсу за руку, повел ее, как умел, спотыкаясь о камни и хватаясь за невидимые в темноте деревья, чтобы удержать равновесие.

Когда холодный, резкий свет в конце концов обозначил их путь тенями и силуэтами, они двинулись быстрее, почти что побежали. Пошел снег, и тропа, которая делалась все шире и ровнее, словно светилась под ним бледно-голубым светом. До трактира, где можно достать лошадей, было несколько часов пешком. Торопливо продвигаясь вперед, Катса вдруг подумала, что с нетерпением ждет, когда же сядет на лошадь, – тогда ноги и легкие смогут наконец отдохнуть. Она открыла эту мысль По.

– Так вот что нужно, – заметил он, – чтобы ты все-таки устала. Бежать в темноте, без сна и еды, после нескольких дней восхождения на гору. – Он не дразнил ее и даже не улыбался. – Я рад. Что бы ни ждало нас впереди, нам, скорее всего, понадобятся и твоя энергия, и твоя выносливость.

Это напомнило Катсе о том, что силы нужно восстанавливать, и она полезла в сумку за спиной.

– Ешь. Мы оба должны есть, иначе проку от нас будет немного.

Было позднее утро, и снег все еще падал, когда они подошли к тому месту, где лес внезапно уступил место полям. Вдруг По повернулся к ней, каждая черточка его лица кричала об опасности. Он бросился бежать очертя голову вдоль по тропинке между деревьями, к опушке леса. А потом Катса услышала это – мужской голос, перешедший в крик, и

приближающийся грохот копыт. Она бросилась за По и выбежала из леса, отставая на несколько шагов. Через поля к ним, шатаясь, ковыляла женщина, невысокая женщина со вскинутыми руками и маской ужаса на лице. Она была одета в черное платье, у нее были темные волосы, золотые обручи в ушах и золотые кольца на пальцах, которые она в отчаянии протягивала к По. А за ее спиной галопом несло целое войско, во главе которого скакал человек в струящихся одеждах, с повязкой на глазу и поднятым луком в руке. Стрела вылетела и поразила женщину точно в спину. Женщина дернулась, споткнулась и упала лицом в снег.

По замер, а потом побежал обратно к Катсе.

– Стреляй в него! – кричал он. – Стреляй!

Но она уже достала лук и потянулась за стрелой. Натянув тетиву, Катса прицелилась. И тут лошади остановились. Человек с повязкой вскрикнул, и Катса словно примерзла к месту.

– О горе! – воскликнул он.

Голос его задыхался от рыданий. В нем было столько отчаянной боли, что Катса ахнула, а на глаза навернулись слезы.

– Какая ужасная, ужасная случайность! – продолжал он причитать. – Моя жена! Моя возлюбленная жена!

Катса уставилась на скорченное тело женщины, на черное платье и безвольно раскинутые руки, на белый снег, окрашенный кровью. Рыдания разнеслись по полю и достигли ее ушей. Это был несчастный случай. Страшная, трагическая случайность. Катса опустила лук.

– Нет! Стреляй в него!

Катса посмотрела на По, изумляясь его словам, ярости в его глазах.

– Но это был несчастный случай, – сказала она.

– Ты обещала делать то, что я сказал.

В его голосе звучала теперь такая злость, какой она никогда не слышала.

– Да, но я не буду стрелять в скорбящего мужа, с чьей женой только что случилось несчастье...

– Дай мне лук, – прошипел он так странно и грубо, так не похоже на себя.

– Нет.

– Дай сюда.

– Нет! Ты не в себе!

Он схватился за волосы и в отчаянии оглянулся на человека, который наблюдал за ними, настороженно оценивая их холодным взглядом единственного глаза. На мгновение его взгляд и взгляд По встретились, и

внутри Катсы загорелась искра воспоминания, но тут же погасла. По снова повернулся к ней, теперь он был спокоен. Отчаянно, принужденно спокоен.

– Ты сделаешь для меня кое-что другое? – спросил он. – Кое-что совсем нетрудное, что никому не навредит?

– Да, если это и вправду никому не навредит.

– Ты побежишь со мной обратно в лес? А если он заговорит, закроешь уши?

Это была на редкость странная просьба, но Катса вдруг почувствовала, как внутри снова шевельнулось воспоминание, и согласилась, не задавая вопросов.

– Да.

– Скорее, Катса!

В тот же миг они повернулись и побежали, а когда она услышала голоса, то прижала ладони к ушам. Но тут и там все раздавался лай голосов, и то, что Катса слышала, смущало ее разум. А потом голос По закричал ей, чтобы она продолжала бежать, – он кричал, смутно подумалось ей, чтобы заглушить другие голоса. Позади послышался глухой стук копыт, а потом стук превратился в грохот, и в деревья вокруг начали вонзаться стрелы.

Стрелы ее рассердили. «Мы можем убить их всех, – мысленно сказала она По. – Нужно сразиться с ними». Но он все кричал, чтобы она бежала, и крепко держал за плечо, толкая вперед, и ей снова показалось, что что-то не так, что все это ненормально и что во всем этом сумасшествии нужно довериться По.

Они бежали меж деревьев и взбирались на склоны, бросаясь туда, куда указывал По. Когда вокруг сомкнулся густой лес, стрельба прекратилась: лес замедлил бег лошадей и задержал воинов. Катса и По все продолжали бежать. Они оказались уже в такой лесной чаще, что снег там путался в ветвях деревьев, не достигая земли. «Наши следы, – осенило Катсу. – Он привел нас сюда, чтобы нас не нашли по следам». Она отчаянно вцепилась в эту мысль – единственный кусочек логики во всей этой бессмыслице.

Наконец По убрал ее руки от ушей, и они опять побежали, пока не добрались до огромного, широкого дерева с коричневыми иглами, на земле вокруг которого валялись мертвые ветви, упавшие со ствола.

– Там, повыше, пусто, – сказал По. – В стволе – дупло. Ты сможешь туда залезть? Если я полезу первым, заберешься следом?

– Конечно. Давай, – сказала она, подставляя руки.

Он поставил одну ногу ей в ладони и подпрыгнул, и Катса подкинула его как могла высоко. Цепляясь руками и ногами за неровности коры, она

поспешила вслед за ним.

– Не трогай эту ветку! – крикнул он сверху. – И эту тоже – она от ветерка отвалится.

По лез вверх, а она следовала за ним, выбирая ветки, за которые держался он. В какой-то момент он пропал из виду, но тут же из широкого дупла появились его руки. Он втянул ее внутрь, в пустое пространство, которое почувствовал, еще стоя на земле, и теперь они сидели в темноте, тяжело дыша, переплетая ноги в узком дупле.

– Мы в безопасности пока что, – сообщил По. – До тех пор, пока они не придут искать нас с собаками.

Но зачем прятаться? Теперь, когда они остановились, непонятность всего того, что произошло, заколола в мозгу Катсы, словно стрелы всадников, что вонзались в деревья у них за спиной. Почему они прячутся, почему не сражаются? Чего боятся? Эта женщина тоже боялась. Женщина, похожая на лионидку. Ашен. Жена Лека была из Лионида, и ее звали Ашен – да, все сходится, ведь опечаленный человек назвал ее своей женой. Этот человек с повязкой на глазу и луком в руках – Лек.

Но разве это не стрела Лека убила Ашен? Катса никак не могла вспомнить точно, а когда попыталась представить себе этот момент, голова словно наполнилась туманом и падающим снегом.

Может быть, По вспомнит? Но По тоже вел себя так странно, он приказал ей застрелить Лека, который так горевал о своей жене. А потом попросил закрыть уши. Зачем ей закрывать уши?

То, чего она никак не могла вспомнить, снова вспыхнуло в сознании, но стоило ей потянуться к этой мысли, и она исчезла. Тогда Катса рассердилась на свое туподумие, на свою глупость. У нее не получается ничего понять, потому что она слишком тупоголова.

Она посмотрела на По, который прислонился к стене дерева и невидящим взглядом уставился прямо перед собой. Его вид огорчил ее еще больше – лицо казалось изможденным, губы были плотно сжаты. Он устал, измучен – скорее всего, голоден. Он сказал что-то о собаках, и она знала эти глаза достаточно хорошо, чтобы разглядеть засевшую в них тень беспокойства.

«По, пожалуйста, скажи, что случилось».

– Катса... – вздохнул он, потер лоб и посмотрел ей в лицо. – Помнишь наши разговоры о короле Леке, Катса? Что мы о нем решили раньше... до того, как встретили сегодня?

Уставившись на него, она попыталась вспомнить: что-то такое было, но трудно было вспомнить, что именно.

- О его глазах, Катса. О том, что он скрывает.
- Он... – Внезапно ее осенило. – Он Одарен.
- Да. Ты помнишь, в чем его Дар?

И тогда память начала возвращаться к ней, постепенно, из какой-то далекой части рассудка, до которой она все никак не могла дотянуться. Она снова ясно увидела произошедшее: то, как объятая ужасом Ашен бежит от мужа и его войска, как Лек стреляет Ашен в спину, как вскрикивает в притворном горе, как его слова затуманивают разум Катсы, превращая убийство, которое она видела своими глазами, в трагическую случайность, которой не помнила. И наконец она увидела, как По приказывает ей стрелять в Лека, а она отказывается это делать.

Катсу охватил такой стыд, что она не решилась даже поднять глаза.

- Ты не виновата, – проговорил По.
- Я поклялась делать, что ты скажешь. Я поклялась, По.
- Катса, никто бы не сдержал такое обещание. Если бы я знал, как могуществен Лек, если бы я имел хоть малейшее представление... никогда не привел бы тебя сюда.

– Ты меня не приводил. Мы пришли вместе.

– Что ж, теперь мы вместе в огромной опасности. – Вдруг По напрягся. – Замри! – прошептал он, будто прислушиваясь к чему-то, но Катса ничего не слышала. – Они обыскивают лес, – сказал он после паузы. – Этот повернул назад. Кажется, собак с ними нет.

– Но почему мы прячемся?

– Катса...

– Что значит – в огромной опасности? Почему мы не сражаемся с этими головорезами, почему... – Она уронила лицо в ладони. – Я так запуталась. Я просто безнадежная дура.

– Ты не дура. Просто Дар Лека заглушает чужие мысли, а мой Дар показывает мне больше, чем должен знать человек. Ты запуталась, потому что Лек намеренно запутал тебя своими словами, а я еще не рассказал, что мне удалось узнать.

– Тогда расскажи. Расскажи, что ты узнал.

– Ашен мертва – это ты и сама знаешь. Она погибла, потому что пыталась бежать от Лека вместе с Биттерблу. Вот наказание за то, что хочешь защитить собственное дитя. – В его голосе звучала горечь, и Катса вспомнила, что Ашен была ему не чужая. Сегодня на его глазах убили члена его семьи. – Думаю, ты была права насчет Биттерблу, – добавил он. – Я почти уверен, если учесть то, чего хотела Ашен, когда бежала ко мне.

– Чего она хотела?

– Чтобы я нашел Биттерблу и защитил ее. Я... не знаю точно, зачем она Леку. Но кажется, она здесь, в лесу, прячется, как и мы.

– Мы должны найти ее раньше их.

– Да, но тебе нужно знать еще кое-что, Катса. Мы с тобой в особой опасности. Лек нас видел, он нас узнал. Лек нас видел...

Он замолчал, но это было не важно. Внезапно она поняла, что видел Лек. Он видел, как они бегут, хотя им не должно быть ничего известно об опасности. Видел, как она закрывает уши руками, хотя они не должны ничего подозревать о власти его слов.

– Он не знает... не знает, известна ли мне вся правда, – проговорил По. – Но точно знает, что на мне его Дар не работает. Я для него опасен, и он хочет меня убить. А вот тебя хочет заполучить живьем.

Катса резко подняла глаза:

– Но они стреляли в нас...

– Я слышал приказ, Катса. Стрелы предназначались мне.

– Нужно было сразиться, – убежденно повторила Катса. – Мы могли бы победить этих воинов. Теперь нужно найти его и убить.

– Нет, Катса. Тебе нельзя к нему приближаться, ты же понимаешь.

– Я могу как-нибудь закрыть уши.

– Ты не сможешь закрыть их совсем – он только будет говорить громче. Он закричит, и ты услышишь – у тебя слишком хороший слух, а его слова опасны, даже если они звучат тихо. Даже в словах его воинов есть опасность. Катса, ты снова запутаешься, и придется бежать...

– Я не дам ему снова это сделать, По...

– Катса, – в его голосе звучала усталая убежденность, и ей не хотелось слышать то, что он собирался сказать, – ему понадобилось всего несколько слов, чтобы одурачить тебя. Несколько слов стерли все, что ты увидела. Ты нужна ему, Катса, ему нужен твой Дар. И я не могу тебя защитить.

Ей тяжело было слушать, потому что он был прав. Лек мог сделать все, что пожелает, мог сделать из нее чудовище, если такова его воля.

– Где он сейчас?

– Не знаю. Поблизости его нет. Но скорее всего, где-то в лесу, ищет нас или Биттерблу.

– Тяжело будет от него скрыться?

– Вряд ли. Мой Дар предупредит о его приближении, и мы сможем убежать или спрятаться.

У Катсы перехватило дыхание от страшной мысли. Что, если Лек захочет натравить ее на По?

Она вытащила из-за пояса кинжал и протянула ему. Он понимающе

посмотрел ей в глаза:

– До этого не дойдет.

– Хорошо, – сказала она. – Но все равно возьми.

По сжал губы, но не стал спорить, молча взял кинжал и сунул себе за пояс. Катса вытащила из сапога нож и отдала ему, потом протянула лук и помогла надеть колчан со стрелами.

– Не знаю, что можно сделать с руками и ногами, – закончив, сказала она, – но я хотя бы безоружна. У тебя есть шанс против меня, По, если у тебя будет по ножу в каждой руке, а у меня ничего.

– До этого не дойдет.

Наверное, нет. Но если это все-таки случится, лучше быть готовым. Она посмотрела в его лицо, в тускло мерцающие глаза. Усталые глаза, любимые глаза. Ему было бы проще защититься, если бы у нее были связаны руки. Может, стоит связать ей руки?

– Вот ты и перешла границу в царство абсурда, – констатировал он.

Она ухмыльнулась:

– Нужно будет попробовать сделать так на тренировке.

В уголке его рта дрогнула улыбка.

– Может быть, я соглашусь на это когда-нибудь, когда все окажется позади.

– А сейчас, – сказала Катса, – давай найдем твою сестру.

Глава двадцать четвертая

Катсе нелегко было беспомощно болтаться по лесу за По, который решал, куда идти, знал, когда и куда нужно прятаться, и то и дело замирал на месте от чего-то, чего она не видела и не слышала. Да, конечно, его Дар стал их спасением, но никогда еще Катсе не приходилось чувствовать себя таким ребенком.

– Ашен обрадовалась, когда увидела меня, – торопливо сказал По, пока они бежали. – При виде меня ее сердце наполнилось радостью за Биттерблу.

Эта радость и указывала им путь. Ашен так отчаянно надеялась, что По найдет Биттерблу, что у него осталось ощущение того места, где она оставила девочку: конкретной части леса, которую Ашен с дочерью нашли, когда катались здесь верхом. Это была лощина к югу от дороги, ведущей к перевалу, и по ней протекал горный поток.

– Я примерно представляю, как выглядит это место, – продолжал По. – Но не знаю точно, где оно находится, и не знаю, останется ли она там, когда поймет, что за ней охотится целое войско.

– По крайней мере, мы знаем, откуда начинать, – сказала Катса. – Она не сможет уйти далеко.

Они мчались по лесу. Снег перестал, и теперь вода, капавшая с хвои, уносилась вниз с бурными ручьями. Однажды им встретились на грязи следы воинов, обыскивавших лес.

– Если девочка оставляет такие же четкие следы, ее, наверное, уже схватили, – заметила Катса.

– Будем надеяться, что хитростью она пошла в отца.

Уже не раз они оказывались в опасной близости от воинов Лека, и приходилось менять направление, чтобы их обойти. Однажды, пытаясь избежать встречи с одним из них, Катса и По чуть не наткнулись на другого. Они вскарабкались на дерево, и По готов был в любой момент пустить стрелу, но воин так ни разу и не поднял головы.

– Принцесса Биттерблу! – кричал он. – Выходите же, принцесса! Ваш отец очень за вас переживает.

Воин уже скрылся за деревьями, но Катса смогла спуститься на землю только через несколько минут. Даже зажав уши ладонями, она слышала слова этого человека. Она боролась с их действием, но они все же смутили ее разум. Катса сидела на дереве, дрожа с головы до ног, а По держал ее за

подбородок, смотрел в глаза и говорил с ней, пытаясь разогнать туман.

– Все, – сказала она наконец. – Наваждение рассеялось.

Они слезли с дерева и снова побежали, заботясь о том, чтобы оставлять как можно меньше следов.

На опушке дела обстояли еще хуже. Воины были везде, сновали по одному и по несколько человек во всех направлениях. Катса с По продвигались короткими перебежками, когда По решал, что настал безопасный момент.

Один раз он схватил ее за руку и потянул назад, в ту сторону, откуда они прибежали. Скорчившись позади поросшего мхом валуна, По закрыл Катсе уши ладонями. Глаза его мерцали от предельной сосредоточенности, а сердце билось так яростно, что Катса, зажатая между ним и камнем, чувствовала каждый удар. Ей стало ясно – в этот раз они прячутся не просто от воинов. Ожидание казалось бесконечным. Потом По взял ее за руку и поманил за собой, и они поползли в обход, стараясь держаться подальше от короля Монси.

Оказавшись в безопасности у самой кромки леса, они повернули на юг – в надежде, что Биттерблу поступила так же. Когда путь им преградил поток, По остановился. Присев у самой воды, он обхватил руками голову. Стоя рядом, Катса наблюдала, слушала и ждала, что он почувствует что-нибудь со стороны леса или ему подскажет воспоминание о надежде в сердце Ашен.

– Ничего, – заговорил он наконец. – Я не знаю, тот это поток или нет.

Катса присела рядом.

– Если ее до сих пор не нашли, – начала она, – значит ни на снегу, ни на грязи Биттерблу сумела не оставить следов. Должно быть, она решила идти по воде, По. Все ручьи в этом лесу текут с горы в долину. Она догадалась бы идти на запад, прочь от долин. Что страшного, если мы попробуем пойти вверх по течению, на запад? Если не встретим ее, всегда можно снова пойти на юг и осмотреть следующий поток.

– Звучит довольно безнадежно, – проговорил По, но все же встал, развернулся и последовал за Катсой на запад.

Через некоторое время, наткнувшись животом на ветку, она заметила на ней клочок длинных темных волос и мысленно позвала По, высоко подняв руку с находкой. Его лицо осветилось слабой надеждой, и довольная Катса спрятала волосы в рукав.

Когда поток, сделав резкий поворот, вошел в узкую лощину, покрытую

ковром трав и папоротников, По остановился и поднял руку:

– Я узнаю это место. Все правильно.

– Она здесь?

Мгновение он стоял неподвижно.

– Нет. Но давай пойдем дальше вверх по течению. Скорей! Я боюсь, что по нашему следу уже идут.

Только через какое-то время он с облегчением повернул к ней усталое лицо:

– Все, теперь я ее чувствую.

Когда По шагнул на берег, Катса последовала за ним. Он уверенно шел сквозь лес, пока не остановился у ствола упавшего дерева. Взглядом измерив ствол, он подошел к одному из концов, присел и заглянул внутрь.

– Биттерблу, – произнес он в темную пустоту дерева, – я – твой двоюродный брат По, сын Рора. Мы пришли защитить тебя.

Ответа не последовало. По снова заговорил тихим и мягким голосом:

– Мы не тронем тебя, сестра. Мы здесь, чтобы помочь. Хочешь есть? У нас есть еда.

Но ответа от поваленного дерева по-прежнему не было. По встал и повернулся к Катсе.

– Она меня боится, – тихо сказал он. – Попробуй ты.

– Думаешь, меня она будет бояться меньше? – хмыкнула Катса.

– Она боится, потому что я мужчина. Осторожно. У нее есть нож, и она готова им воспользоваться.

– Молодчина.

Катса опустилась на колени перед дырой в стволе и заглянула внутрь. В темноте угадывались очертания сжавшейся в комок девочки. Она часто, испуганно дышала, пальцы судорожно сжимали рукоятку ножа.

– Принцесса Биттерблу, я – леди Катса из Миддландов. Мы с По пришли, чтобы помочь тебе. Ты должна нам поверить, Биттерблу. Мы оба Одаренные воины. С нами ты будешь в безопасности.

– Скажи ей, что мы знаем про Дар Лека, – прошептал По.

– Мы знаем, что тебя ищет отец, – добавила Катса в темноту. – Мы знаем о его Даре. Мы сможем тебя защитить, Биттерблу.

Катса ждала от девочки хоть какого-нибудь ответа, но безуспешно. Подняв взгляд на По, она пожала плечами.

– Как думаешь, у нас получится расколоть это дерево? – спросила она.

Но внезапно из глубины ствола до них донесся тихий, дрожащий голосок:

– Где моя мама?

Катса посмотрела на По, и несколько мгновений они неуверенно сверлили друг друга взглядами, потом По вздохнул и кивнул. Катса снова приблизилась к стволу:

– Твоя мама умерла, Биттерблу.

Она ожидала рыданий или криков. Но вместо этого в дереве воцарилось молчание, а затем оттуда снова послышался голос, теперь еще более тихий:

– Ее убил король?

– Да, – ответила Катса.

Снова молчание. Катса ждала.

– Воины идут сюда, – пробормотал По где-то над головой. – У нас считанные минуты.

Ей не хотелось сражаться с воинами, которые несли в своих устах ядовитые речи Лека, и, может быть, сражения можно избежать, если только удастся уговорить девочку вылезти на свет.

– Я вижу у тебя в руках нож, принцесса Биттерблу, – сказала Катса. – Ты умеешь им пользоваться? Даже маленькая девочка многое может с ножом в руках. Если хочешь, я тебя научу.

Присев рядом, По тронул ее за плечо.

– Спасибо, Катса, – выдохнул он, снова поднялся на ноги и двинулся к деревьям, оглядываясь вокруг и прислушиваясь ко всему, что ему мог подсказать Дар. И тут ей стало ясно, почему он ее благодарил, – девочка начала выбираться из ствола. Сначала из темноты появилось лицо, потом руки и плечи. Как и у матери, волосы у нее были темные, глаза – серые. В них светился страх, щеки были залиты слезами, зубы стучали. Нож, который отчаянно сжимали пальцы девочки, был длиной с ее предплечье или даже больше.

Когда Биттерблу вывалилась из ствола, Катса поймала ее и оцупала щеки и лоб. Малышка дрожала от холода. Мокрые юбки прилипли к ногам, ботинки промокли насквозь. На ней не было ни шубки, ни шарфа, ни перчаток.

– Великие холмы, ты промерзла до костей! – воскликнула Катса. Рывком сняв свою куртку, она через голову натянула ее на девочку и хотела было продеть ее руки в рукава, но та ни за что не хотела расстаться с ножом. – Отпусти его на минутку, девочка, всего на секундочку. Скорее, воины Лека совсем близко. – Она высвободила нож из маленьких пальчиков и поправила куртку, а потом отдала оружие обратно. – Ты сможешь идти, Биттерблу?

Девочка ничего не ответила. Покачнувшись, она невидяще уставилась

в пространство перед собой.

– Мы можем ее нести, – сказал По, неожиданно оказавшись рядом с Катсой. – Нужно идти.

– Подожди, она слишком замерзла.

– Нужно идти сейчас же, Катса.

– Дай свою куртку.

По скинул сумки, колчан и лук, сорвал с себя куртку и бросил Катсе. Та надела ее на Биттерблу, снова потрудившись над рукой с ножом, а потом натянула капюшон девочке на уши и туго завязала. Биттерблу выглядела теперь как мешок картошки – маленький, дрожащий мешок картошки, с пустым взглядом и ножом в руке. По закинул девочку на плечо, и они подняли разбросанные вещи.

– Ладно, – сказала Катса. – Бежим.

Бежали на юг, стараясь по возможности наступать на иголки и камни и оставлять поменьше следов. Но земля была слишком влажной, к тому же у преследователей были лошади. Выследить их было несложно, и в скором времени Катса услышала за спиной треск сучьев и топот копыт.

«По? Сколько их?»

– Пятнадцать, – сказал он. – Не меньше.

Она выдохнула, пытаясь побороть панику. «Что, если меня одурманят их слова?»

– Если бы я только мог победить их в одиночку, Катса, – тихо проговорил он, – и подальше от твоих ушей. Но нам пришлось бы разделиться, а мы сейчас окружены со всех сторон. Нельзя, чтобы тебя обнаружили, когда меня нет рядом.

Катса фыркнула. «Нельзя, чтобы ты сражался с пятнадцатью врагами, когда меня нет рядом».

– Придется убить как можно больше воинов, – продолжал По, – прежде чем они подойдут и заговорят. Будем надеяться, в сражении они не очень разговорчивы. Нужно куда-нибудь спрятать Биттерблу. Если ее не увидят, то вряд ли о ней заговорят.

Они укрыли девочку за высокой травой и камнями, в нише у корней дерева.

– Ни звука, принцесса, – предупредила Катса. – И одолжи мне свой нож. Я убью им одного из воинов твоего отца.

И она вытащила нож из онемевших пальцев девочки.

«По, – подумала Катса, ее мысли металась в голове как бешеные, – дай мне ножи и кинжалы. Я убью нескольких, как только они появятся».

По вытащил из-за пояса два кинжала, а из сапог – по ножу и один за

другим отдал Катсе, потом приготовил лук и вложил стрелу. Пригнувшись, они сели за валуном и принялись ждать, но ждать пришлось недолго. Между деревьями показались всадники, все как один с опущенными в поисках тропы глазами. Катса насчитала семнадцать человек. «Я начну справа, – мрачно подумала она для По. – А ты начни слева». И тут же, вскочив, бросила нож, а потом еще и еще, стрела По полетела в цель, и он потянулся за следующей. Ножи и кинжалы Катсы воткнулись в грудь пятерым, а По убил двоих, прежде чем воины успели осознать, что на них напали.

Тела убитых свалились с коней на землю, а живые спрыгнули вслед за ними, вытаскивая мечи из ножен, визжа, крича что-то непонятное, и только парочка более сообразительных схватилась за луки. Катса побежала в их сторону, а По продолжал стрелять. Первый нападавший, с дикими глазами и визжащим ртом, размахивал мечом так беспорядочно, что Катса с легкостью увернулась от него, ударила еще одного напавшего по голове, выхватила у первого из-за пояса кинжал и по очереди вонзила обоим в шею. Бросать кинжал она не стала, другой рукой схватила меч и повернулась к остальным. Выбив клинок из руки еще одного воина, она ударила его в живот своим мечом, тут же резко развернулась к двоим противникам, подошедшим сзади, и зарезала обоих кинжалом, одновременно с этим пронзив мечом третьего, а потом швырнула кинжал в грудь воину, который собирался пустить стрелу в По.

Через несколько мгновений в живых остался только один человек. Его дыхание прерывалось, глаза округлились от ужаса. Попятившись, он бросился бежать. Катса молниеносно вытащила нож из груди одного из воинов и ринулась за ним, но тут в воздухе пропела стрела, несчастный вскрикнул, упал и затих.

Катса оглядела окровавленную тунику и штаны. Потом вытерла лицо рукавом, и на нем осталась кровь. Вокруг нее лежали мертвецы, и разум каждого из них, быть может не уступающий разуму Катсы, был затуманен ложью. На секунду ею овладели печаль и уныние, и Катса почувствовала прилив ярости к королю, из-за которого пришлось устроить эту бойню.

– Нужно удостовериться, что они мертвы, – сказала она через мгновение, придя в себя, – и посадить их на лошадей. Отправим их обратно, чтобы сбить Лека со следа.

Все воины были мертвы. Стараясь не заглядывать им в лица, Катса вытащила из тел стрелы и клинки, обтерла ножи и кинжалы и снова отдала их По. Потом понесла нож Биттерблу и обнаружила, что та стоит, обняв себя руками от холода. Взгляд ее прояснился, стал внимательным. Катса

посмотрела на свою окровавленную одежду и понадеялась, что девочка не видела побоища.

– Я согрелась, – сообщила Биттерблу.

– Хорошо. Ты видела сражение?

– Невелики были их шансы, да? – только и ответила она. – Куда мы теперь идем?

– Не знаю. Нужно найти безопасное место, где можно спрятаться, поесть и поспать. И обсудить, что делать дальше.

– Если вы хотите, чтобы король перестал нас преследовать, – сказала Биттерблу, – вам придется его убить.

Катса посмотрела на девочку, которая ростом едва доставала ей до груди. Рукава куртки По свисали почти до колен, из-под капюшона виднелись глаза и нос, слишком большие для детского личика, а тонкий голосок был больше похож на писк. Но в манере говорить слышалось величавое спокойствие, и голос малышки не дрогнул, советуя им убить ее собственного отца.

Глава двадцать пятая

Двух коней они оставили себе – Биттерблу ехала вместе с Катсой. Сначала они вернулись обратно к потоку, чтобы отмыться от крови, а потом повернули на запад и ехали по воде до тех пор, пока почва не стала достаточно каменистой, чтобы на ней не оставалось следов. Тогда беглецы направились на юг и, двигаясь вдоль подножия гор, принялись искать подходящее место для ночлега. Место, с которого можно обороняться, которое находится на безопасном расстоянии от Лека, но все же настолько близко, чтобы можно было добраться до него и убить.

Ведь Биттерблу, конечно, была права. Лек должен умереть. Катса знала это, но не хотела об этом думать, потому что убийство – это ее работа, кому, как не ей, его совершать; но она понимала, что сделать это должен По. Убить короля, которого охраняет целое войско. В одиночку, без помощи Катсы.

«Не подходи близко к замку, – по дороге мысленно советовала она По. – Ты не сможешь там к нему подобраться. Ты слишком заметный – тебя выследят».

Лошади осторожно двигались по камням. По не подал вида, что услышал ее мысль, даже головы не повернул, но Катса знала – он понял.

«Подкрадись к нему в лесу, пока он ищет дочь, и застрели. Лучше издали».

Прямая спина По маячила в седле перед ними. Руки его были крепки, несмотря на усталость, холод и тонкую рубашку.

«А потом беги так быстро, как только можешь».

Он поехал чуть медленнее и, поравнявшись с ними, заглянул ей в лицо. В серебристо-золотых глазах светилась мощь, которая успокоила и подбодрила ее. По не был ни слабым, ни беззащитным. У него были Дар и его сила. Он протянул ей руку и, когда Катса вложила свою ладонь в его, поцеловал ее пальцы. Потом По снова заехал вперед, и они продолжили путь.

Биттерблу тихо сидела перед ней. Когда По приблизился, она напряглась, но если и сочла их молчаливый разговор странным, то ничего не сказала.

На пути им встретилось место, слева от которого земля уходила вниз и превращалась в глубокий овраг, далеко внизу в нем блестело озеро. С

правой стороны тропа поднималась на утес, нависающий над озером.

– Если мы доберемся до дальней стороны того утеса и спрячемся там, – предложила Катса, – преследователям придется или пересекать утес, как мы, или забираться со стороны оврага, и мы их сразу увидим.

– У меня была та же мысль, – сказал По. – Давайте посмотрим, что там.

И они отправились вверх. Тропа довольно опасно наклонялась к краю, но места на ней было много, и лошади держались более высокой стороны. Из-под копыт то и дело скатывалась вниз галька, звучно падая с утеса в озеро, но путники были в безопасности.

На той стороне они не обнаружили ничего интересного – только камни, кустарник и пару тощих деревьев, пробившихся из щелей в скале. Неглубокая, прочная пещера с незаметным выходом к оврагу и тропе показалась им самым удачным местом для лагеря.

– На мягкую постель можно не надеяться, – заключил По, – но костер разжечь сможем не боясь. Есть хочешь, сестра?

Девочка тихо сидела на камне, все так же сжимая в руках нож. Она не жаловалась ни на голод, ни на что-либо вообще, но, когда По развернул остатки еды – немного мяса со вчерашнего ужина и маленькое яблоко, которое они несли с самого трактира у сандерского подножия гор, – глаза ее округлились. Она смотрела на еду и, кажется, вовсе перестала дышать. Кто угодно понял бы – девочка умирает от голода.

– Когда ты ела в последний раз? – спросил По, положив перед ней еду.

– Утром, несколько ягод.

– А до этого?

– Вчера. Вчера утром.

– Помедленнее, – предупредил По, увидев, как Биттерблу схватила мясо и оторвала зубами большой кусок. – Не торопись, а то станет плохо.

– Я спущусь в овраг и найду нам еды, – предложила Катса. – Солнце скоро сядет. Я возьму нож, По, если ты меня прикроешь.

По вытащил нож из сапога и бросил ей.

– Если услышишь уханье совы, беги. Два раза – беги на юг. Три раза – беги сюда, в лагерь.

– Хорошо, – кивнула она.

– Проверь камыши на южной стороне озера, – посоветовал он. – И набери немного гальки по пути вниз. Кажется, я видел там перепелов.

Катса хмыкнула, но ничего не сказала. Она бросила взгляд на девочку, которая не замечала ничего, кроме еды перед собой, потом повернулась, обошла валуны и начала спускаться в овраг.

Солнце почти целиком скрылось за горами, когда Катса вернулась в лагерь со связкой уже ощипанных и выпотрошенных перепелов. По собирал у пещеры большие ветви. Биттерблу, укутанная в одеяло, лежала неподалеку.

– Я так понял, она не сильно много спала в последние дни, – сказал По.

– Теперь, когда одежда высохла, с ней все будет в порядке. Мы сделаем так, чтобы она больше не мерзла и не голодала.

– Тихая малышка, правда? И маленькая для своих десяти лет. Она помогала мне собирать дрова, пока совсем не свалилась от усталости. Я сказал, чтобы она шла спать, пока мы не приготовим ужин. Она даже во сне не выпускает нож из рук. И все еще меня боится... такое ощущение, что она не привыкла, что мужчины к ней добры.

– По, у меня начинает складываться впечатление, что я не хочу знать, в чем тут дело. Это все какая-то бессмыслица. Твой дедушка никак сюда не вписывается.

По покачал головой и посмотрел на девочку, свернувшуюся на земле под грудой курток и одеял.

– Не уверен, что стоит искать в происходящем какой-то смысл или логику. Наше дело – защитить сестру и убить Лека. И в конце концов мы узнаем правду, какой бы она ни была.

– Она станет небывало юной королевой.

– Да, я тоже об этом думал. Но что поделать?

Какое-то время они сидели в тишине и ждали наступления темноты, которая скроет дым от их костра. По надел еще одну рубашку поверх той, что уже была на нем. Покусывая губы, чтобы не давать волю тревоге и не волновать его понапрасну, Катса смотрела на его лицо, на знакомые черты, глаза, в которых мерцал розовый закатный отсвет.

– Как ты собираешься это сделать? – спросила она.

– Скорее всего, так, как ты посоветовала. Давай все обсудим, когда проснется Биттерблу. Мне кажется, она сможет нам помочь.

Помочь убить собственного отца. Да, она, скорее всего, поможет, если сумеет. Наверное, воздух этого королевства, на границе которого они разбили свой лагерь у подножия гор, отравлен безумием.

Должно быть, свет костра, или его треск, или запах жареного мяса разбудили Биттерблу. Она пришла и села у огня рядом с Катсой и По, закутавшись в одеяло и с ножом в руке.

– Я научу тебя использовать этот нож, – пообещала ей Катса, – когда окрепнешь. Покажу, как защищать себя, как ранить противника. Можем потренироваться на По.

Девочка бросила на Катсу робкий взгляд, а потом снова потупила глаза.

– Красота! – воскликнул По. – Мне и вправду уже надоело, что ты вечно избиваешь меня до полусмерти голыми руками, Катса. Нож – это что-то новенькое.

Биттерблу снова взглянула на Катсу:

– Ты лучше сражаешься?

– Да, – ответила Катса.

– Гораздо лучше, – добавил По. – Даже не сравнивать.

– Но у По есть свои преимущества, – добавила Катса. – Он сильнее. Он лучше видит в темноте.

– Но в бою, – сказал По, – всегда больше надейся на нее, Биттерблу. Даже в темноте.

Они замолчали, ожидая, когда зажарятся перепела. Вдруг Биттерблу вздрогнула и плотнее укутала плечи в одеяло.

– Я хотела бы иметь Дар, – сказала она, – чтобы защищать себя.

Катса затаила дыхание и заставила себя быть терпеливой, ждать и не задавать вопросов.

– Я нужна королю, – после недолгого молчания добавила Биттерблу.

– Зачем? – спросила Катса, не удержавшись.

Биттерблу не ответила. Она наклонила подбородок к груди и прижала руки к бокам, став вдруг очень-очень маленькой.

– У него есть Дар, – продолжала она. – Мне мама сказала. Она сказала, что словами он может так запутывать разум, чтобы люди верили всему, что он скажет. Даже если они слышат это от кого-то другого, даже если это слух, который пошел от него и разошелся повсюду. Его власть ослабевает, когда расходится, но не исчезает. – Она печально уставилась на нож у себя в руках. – Она сказала, что такому человеку нельзя иметь такой Дар. Он играет со слабыми и беззащитными людьми. Ему нравится делать им больно.

По опустил руку на бедро Катсы, и только это удержало ее от того, чтобы вскочить на ноги от ярости.

– У мамы появлялись подозрения, – рассказывала Биттерблу, – время от времени, с тех пор как она его узнала. Но у него всегда получалось запутать ее и заставить забыть об этом. До тех пор, пока несколько месяцев назад он не начал сильно интересоваться мной.

Остановившись, она несколько раз коротко вздохнула. Ее глаза остановились на Катсе, в них читалась неловкость.

– Я не знаю, зачем именно нужна ему. Ему всегда... очень нравилось общество девочек. А еще мы с мамой обнаружили у него другие странные привычки. Он любит резать зверей ножом. Он их пытается, долго держит живыми, а потом убивает. – Она кашлянула. – Не думаю, что он делает так только со зверями.

Вот она, доброта к детям и беззащитным созданиям, подумала Катса, борясь со слезами ярости. Всю свою жизнь она верила в образ Лека-добряка. Может, он и жертв тоже убеждает, что делает добро, пока режет их своими ножами?

– Он сказал маме, что хочет проводить со мной время наедине, – добавила Биттерблу. – Сказал, что пришло время получше узнать дочь. Он так злился, когда она отказалась. Даже ударил ее. Он пытался использовать Дар на мне, пытался заманить в свои клетки, но каждый раз, видя синяки на мамином лице, я вспоминала правду. Это рассеивало обман, совсем чуть-чуть, – и я вспоминала, что надо отказаться.

Значит, По был прав. Картина начинает проясняться. Лек, вероятно, многих обрек на смерть – тех, с кем стало слишком много проблем, потому что им причинили такую боль, что они начали догадываться об истине.

– И тогда он похитил дедушку, – сказала Биттерблу, – потому что знал, что мама любила его больше всех на свете. Сказал, что будет пытаться дедушку, если она не согласится отдать меня. Сказал, что доставит его в Монси и убьет на наших глазах. Мы надеялись, что все это его обычная ложь. Но потом получили письма из Лионида о том, что дедушка и вправду пропал.

– Дедушку не пытали и не убили, – успокоил ее По. – Сейчас он в безопасности.

– Он мог бы просто забрать меня, – внезапно произнесла Биттерблу, и голос ее стал странно пронзительным. – У него есть целое войско, которое на все для него готово. Но он не стал. Это его... сумасшедшее терпение. Ему не хотелось нас заставлять – ему хотелось услышать, как мы сами согласимся.

Конечно, так удовольствие полнее, с яростью подумала Катса.

– Мы с мамой закрылись в ее покоях, – продолжала Биттерблу. – Какое-то время король нас не трогал. Нам доставляли еду, питье, воду и свежее белье. Но время от времени он говорил с нами через дверь. Пытался убедить маму выпустить меня. Иногда ему удавалось запутать меня. Иногда – ее. Он придумывал самые убедительные причины, почему я должна

выйти, и нам все время приходилось напоминать себе о правде. Это было очень страшно.

По ее щеке скатилась слеза, и она заговорила очень быстро, словно больше не могла держать все это в себе:

– Он начал посылать нам зверей: изрезанных мышей, собак и кошек, они были еще живые, плакали, истекали кровью. Это был кошмар. А однажды мы заметили у девочки, которая приносила нам еду, кровавые порезы на лице, по три на каждой щеке. Были и другие, которых мы не видели. Ей было трудно идти. Когда мы спросили, что случилось, она сказала, что не помнит. Ей было столько же лет, сколько мне. – Она замолкла на мгновение, задыхаясь от слез, и вытерла щеку о плечо. – И тогда мама решила бежать. Мы связали вместе простыни и одеяла и вылезли в окно. Я думала, что не смогу спуститься от страха, но мама все время говорила со мной, пока мы спускались. – Она посмотрела в огонь. – Мама убила ножом стражника, и мы побежали в горы. Мы надеялись, король подумает, что мы отправились к морю по Портовой дороге, но на второе утро увидели, как за нами гонятся по полям. Мама попала ногой в лисью нору и подвернула лодыжку. Она не могла бежать и послала меня вперед, спрятаться в лесу.

Задыхаясь от гнева, девочка еще раз вытерла лицо, сжала кулаки и огромным усилием воли остановила поток слез.

– Если бы я только умела стрелять из лука, – горько добавила она, снова вцепившись в нож, лежавший на коленях. – Или умела драться с ножом. Может, я смогла бы убить отца еще тогда, когда все только началось.

– Кое-что уже не исправить, – заговорил По. – Но завтра я убью его, прежде чем он сделает еще что-нибудь ужасное.

Биттерблу вперила в него взгляд:

– Почему ты? Почему не она, если она сражается лучше?

– Дар Лека на мне не работает, – объяснил По. – А вот на Катсе – да. Это мы узнали сегодня, когда встретились с ним в поле. Убить его должен я, потому что он не может мной управлять и не может одурманить, как Катсу.

Он предложил Биттерблу перепела, нанизанного на палочку. Она взяла еду, не отрывая взгляда от По.

– Он потерял свою власть надо мной, это так, – сказала она, – потому что ударил маму. И потерял власть над ней, когда угрожал мне. Но почему его Дар не действует на тебя?

– Точно не знаю, – ответил По. – Леку нравится мучить людей. Быть

может, его Дар не действует уже на многих, но никто не признается, потому что боится мести.

Биттерблу прищурилась:

– И что же он сделал тебе?

– Похитил моего дедушку, – начал По. – На моих глазах убил сестру моего отца. А теперь угрожает моей сестре.

Казалось, Биттерблу удовлетворил такой ответ, – по крайней мере, она сосредоточилась на перепеле и какое-то время жадно ела, иногда бросая взгляд на По и на его руки, когда он подбрасывал сучья в огонь.

– У мамы тоже было много колец, как у тебя, – сказала она. – Ты на нее очень похож, во всем, кроме глаз. И говоришь ты как она. – Глубоко вздохнув, она перевела взгляд на еду. – Эту ночь он проведет в лесу, а завтра снова будет меня выслеживать. Не знаю, как ты его разыщешь.

– Но мы ведь разыскали тебя, – заметил По, – правда?

На мгновение они встретились взглядами, а потом глаза Биттерблу снова вернулись к еде.

– С ним будет его личная гвардия. Они все Одаренные. Я расскажу, что тебя ждет.

План получился довольно простым. По двинется в путь еще до рассвета, на лошади, возьмет с собой еду, лук, стрелы, один кинжал и два ножа. Вернувшись в лес, он спрячет лошадь и найдет короля, сколько бы времени это ни заняло. Он подберется к королю на расстояние полета стрелы, прицелится и выстрелит. По нужно будет убедиться, что король мертв, а потом изо всех сил бежать к лошади и возвращаться обратно в лагерь.

План и вправду был прост, и Катса все больше и больше волновалась, пока они его обсуждали, потому что обоим было понятно – в жизни все так просто не окажется. Короля охранял внутренний круг гвардии, состоящий из пяти воинов, наделенных Даром сражаться на мечях. Эти воины угрозы для По не представляли – они всегда находились рядом с королем, а По не собирался оказываться с ним рядом. Опасаться нужно было внешнего круга гвардии – десяти воинов, которые оставались на некотором расстоянии от короля и друг от друга, но всегда окружали его, куда бы он ни двигался. У всех них был Дар: у кого-то – сражаться, у пары – метко стрелять из лука. Один бегал с огромной скоростью, другой был чудовищно силен, третий лазил по деревьям и прыгал с ветви на ветвь, как белка, четвертый – видел и слышал дальше всех.

– Этого можно узнать по рыжей бороде, – наставляла его Биттерблу. –

Но если ты его заметил, то он, скорее всего, уже заметил тебя, а если тебя заметят, поднимут тревогу.

– По, – попросила Катса, – позволь мне дойти с тобой до внешнего круга. Их слишком много, тебе может понадобиться помощь.

– Нет, – ответил По.

– Я только сражусь с ними, а потом исчезну.

– Нет, Катса.

– Тебе никогда...

– Катса! – резко оборвал ее По.

Она скрестила руки на груди, уставившись в огонь, перевела дыхание и сглотнула.

– Хорошо. А теперь ложись спать, По, я посторожу.

По кивнул.

– Разбуди меня часа через два, сменимся.

– Нет, – возразила Катса. – Тебе нужно выспаться. Я останусь сторожить. Я не устала, По, – добавила она, когда он попытался возразить. – Ты ведь знаешь, я не устала. Позволь мне сделать хотя бы это.

И По заснул, завернувшись в одеяло подле Биттерблу, а Катса сидела в темноте и обдумывала план. Если на закате По не вернется в лагерь над оврагом, Катсе и Биттерблу придется бежать без него. Потому что, если он не вернется, это может означать, что король не умер. А если король не умер, то ничто, кроме расстояния, не защитит от него Биттерблу.

Бросить По, оставить в лесу, полном воинов Лека... Это было невообразимо, и Катса, сидя на камне в холоде и темноте ночи, не могла заставить себя даже представить такое. Она наблюдала за малейшим движением, вслушивалась в малейший шорох и отгоняла мысли о том, что может случиться завтра в лесу.

Глава двадцать шестая

Морозным ранним утром По, проснувшись, тихо собрался, потом притянул Катсу к себе и обнял.

– Я вернусь, – пообещал он, уезжая.

А она сидела на часах, как сидела всю ночь, и, зажав мысли в кулак, смотрела на тропу, на которой он скрылся.

У нее на шее на веревочке висело кольцо, данное По перед тем, как он сел на лошадь и ускакал прочь. Оно холодило кожу на груди, и Катса, ожидая рассвета, то и дело касалась его пальцами. Это было то самое кольцо с орнаментом, таким же, как у него на руках, – кольцо замка По, кольцо его титула. Если По сегодня не вернется, Катсе нужно увезти Биттерблу на юг, к морю, и каким-то образом добраться на корабле до замка По на западном побережье Лионида. Ни один лионидец не остановит ее и не помешает, если на ней будет кольцо По. Все поймут, что она действует по указанию По, все будут рады помочь. В замке По Биттерблу окажется в безопасности, а Катса будет думать, планировать и ждать вестей.

Когда рассвело и Биттерблу проснулась, они отвели лошадь к озеру напиться и пощипать травы, собрали хвороста на случай, если придется провести в лагере еще одну ночь, и поели ягод с куста у воды, а Катса наловила рыбы. Когда они поднялись обратно в свой горный лагерь, солнце еще даже не оказалось в зените.

Катсе пришлось в голову потренироваться или поучить Биттерблу пользоваться ножом, но она отбросила эту мысль, не желая привлекать внимания шумом, который они могут поднять, и к тому же боясь пропустить приближение врага или По. Делать было нечего, оставалось только сидеть и ждать, и мускулы Катсы ныли от бездействия.

После полудня она уже носилась взад и вперед по лагерю, совершенно сходя с ума. А Биттерблу, все еще с ножом в руке, сидела на солнышке у большого валуна и глядела на то, как Катса, сжав кулаки, кружит по лагерю.

– Ты не устала? – спросила Биттерблу. – Когда ты в последний раз спала?

– Я вообще сплю меньше, чем другие, – ответила Катса.

Глаза Биттерблу еще раз проводили ее туда и обратно.

– Я хочу спать, – сказала девочка.

Катса остановилась и, присев перед ней, ощупала ее руки и лоб.

– Может, тебе холодно или жарко? Хочешь есть?

– Я просто устала, – покачала головой Биттерблу.

Лицо хмурое, глаза силятся не закрыться, – конечно, она устала. Кто угодно выбился бы из сил после того, что ей пришлось пережить.

– Спи, – сказала Катса. – Ты в безопасности, к тому же должна восстанавливать силы.

Конечно, им не нужно будет бежать сегодня же вечером, ведь, без сомнения, в любой момент лошадь По вместе со своим всадником обязательно покажется на тропе.

Солнце проползло по небу и скрылось на западе, за вершинами гор, окрасив лагерь в оранжевый цвет, а По все не возвращался. Разум Катсы застыл в ожидании. Он обязательно появится через несколько минут... но, просто на всякий случай, нужно разбудить Биттерблу. Она собрала вещи и уничтожила следы костра, разбросала приготовленный для него хворост, оседлала лошадь и закрепила сумки на дорогом монсийском седле тонкой работы.

Сделав все, что можно было сделать, она села и обратила взгляд на тропу, сияющую золотым и оранжевым в лучах заката.

Солнце село, и он не вернулся.

Тогда в ее разум закралась мысль, которую не получалось заглушить – больше не получалось, как она ни старалась. По может лежать, раненый, где-нибудь в лесу... и король, быть может, мертв, и все уже позади, а ему, где-то там, нужна ее помощь, а Катса не может помочь, потому что боится короля. Быть может, По совсем близко – прямо за утесом, с трудом ковыляет или даже ползет к ним. Они нужны ему – Катса нужна! – а она всего через несколько минут сядет на лошадь и ускачет в другую сторону.

Они должны ехать, и они уедут. Но перед тем лишь чуть-чуть отклонятся от курса, на случай если он где-то рядом. Катса торопливо обвела взглядом пещеру, проверяя, не осталось ли где следов их пребывания.

– Ну что ж, принцесса, – сказала она, – нам пора.

Избегая смотреть Биттерблу в глаза, она подняла ее и посадила в седло, отвязала поводья и подала их девочке. И тут на тропе послышался шорох гальки.

Катса бросилась туда. По выступу верхней части утеса, спотыкаясь, с опущенной головой, брела лошадь. Слишком близко, слишком близко к краю. На спине лошади неподвижно лежал По, а из плеча его торчала

стрела. Рубашка насквозь пропиталась кровью. Катса даже не стала считать множество стрел в шее и боку лошади, потому что галька внезапно посыпалась с тропы вниз. Лошадь оступилась, и теперь земля выскальзывала из-под ее неуверенно ступавших копыт. Бросившись бежать, Катса мысленно прокричала имя По. Он поднял голову, и их взгляды встретились. Лошадь, испуганно заржав, в панике попыталась удержаться на тропе. Катса не успела вовремя. Лошадь перевалилась через край, и Катса снова закричала, на этот раз – вслух. По полетел вниз, в пропасть, залитую золотым светом.

Лошадь летела, переворачиваясь в воздухе. По навзничь упал в воду, и лошадь упала прямо на него, а сверху камни разлетались прочь от сапог Катсы, которая сломя голову бежала к оврагу, не замечая, как ноги спотыкаются о камни, а ветки нещадно хлещут по лицу. Она думала лишь о том, что По там, в воде, и нужно его оттуда вытащить.

Только едва заметная рябь на поверхности воды показывала, куда он упал. Катса сбросила сапоги куда-то в камыш и нырнула в озеро. В первый же момент, еще не придя в себя от ледяной воды, она увидела облако грязи и пузырей, в котором тонуло что-то большое и коричневое, а рядом отчаянно барахталось нечто поменьше. По пытался выплыть, значит он жив. Она подплыла ближе и увидела, с чем он боролся, – сапог запутался в стремени. Стремя крепилось к седлу, а значит к тонущей лошади. По неуклюже старался высвободиться, окрашивая воду вокруг себя в цвет крови. Катса схватилась за его ремень, пошарила в поисках ножа и, вытащив, принялась резать крепеж стремени. Кожаный ремешок разорвался, освобожденное стремя соскользнуло с сапога и вместе с лошадью стремительно пошло на дно. Катса обхватила По поперек тела и яростно устремилась вверх. С шумным плеском они всплыли на поверхность.

Она отволокла бесчувственное тело к берегу – он уже потерял сознание. Но, оказавшись в камышах, По вдруг пришел в себя. Он задыхался и кашлял, снова и снова отплевываясь от воды. Хоть он и не утонул, это не значит, что он не истечет кровью.

– Наша лошадь! – крикнула Катса Биттерблу, которая тревожно замерла неподалеку. – Там сумка с лекарствами!

Девочка, поскользываясь на камнях, кинулась обратно в лагерь.

Катса оттащила По от воды и усадила на сухую землю. Холод и мокрая одежда тоже опасны. Нужно остановить кровотечение, вытереть его и согреть. О, если бы только Раффин сейчас оказался здесь!

– По! – позвала она. – По, что случилось?

Молчание. «По! По!» Его глаза распахнулись, но взгляд был мутный и бессмысленный – он ее даже не видел. Его вырвало озерной водой.

– Так. Не двигайся. Сейчас будет больно, – сказала она, но он, казалось, даже не заметил, что у него из плеча выдернули стрелу. Когда Катса разорвала По рубашку на спине, его руки бессильно упали и его снова вырвало.

Биттерблу, ведя коня под уздцы, с шумом бежала вниз по тропе.

– Понадобится твоя помощь, – сказала Катса, и долгие минуты Биттерблу, как могла, помогала ей – рылась в сумках, вытаскивая все, чем можно было бы вытереть По или уменьшить кровотечение, копалась в снадобьях в поисках мази, чтобы очистить рану, отмывала в озере окровавленную одежду.

– По, ты меня слышишь? – спрашивала Катса, разрывая какую-то рубашку, чтобы перевязать рану. – Слышишь? Что случилось с королем?

Он смотрел вперед пустым взглядом, пока она перевязывала ему плечо.

– По! – снова и снова звала она. – Король... Скажи мне, король жив?

Но толку не было, – даже очнувшись, он понимал не больше, чем когда был без сознания. Сняв с По штаны и сапоги, Катса, как могла, вытерла его, натянула сухие штаны и принялась растирать руки и ноги, чтобы согреть. Она забрала у Биттерблу куртку, натянула на него через голову и протолкнула ватные руки в рукава. Его стошнило еще раз.

Это все от удара головой о воду. Катса слышала, что от этого тошнит и мысли путаются. Со временем он придет в себя. Вот только если король остался в живых, времени у них не было. Она опустилась на колени и взяла По за подбородок, не обращая внимания на боль в его прищуренных глазах. «По, мне нужно знать, жив ли король. Я от тебя не отстану, пока ты не скажешь, жив ли он».

Вдруг взгляд По прояснился, он протер глаза и с трудом покосился на нее.

– Король, – хрипло произнес он. – Король. Моя стрела. Король жив.

У Катсы упало сердце. Теперь им всем придется бежать – с больным По, на единственной лошади. В темноте, по холоду, почти без еды, и даже Дар По не сможет предупредить о приближении врагов.

Значит, настало время послужить ее собственному Дару.

Она протянула По свою фляжку:

– Выпей все. Биттерблу, помоги собрать мокрые вещи. Хорошо, что ты поспала днем, – сегодня нам понадобятся все силы.

По словно бы понимал, что нужно забраться в седло, – он не помогал,

но хотя бы не мешал себя усаживать. И Катса, и Биттерблу толкали его изо всех сил, и он едва не свалился в другую сторону, но, словно повинуюсь какому-то бессознательному инстинкту, вдруг схватил Катсу за руку и удержался в седле.

– Садись позади, – сказала она Биттерблу, – чтобы его видеть. Хватай, когда будет падать, а если сама не справишься, крикни мне. Лошадь будет скакать очень быстро. Так быстро, как только я смогу бежать.

Глава двадцать седьмая

Никто не сумеет быстро взобраться на гору в ночной темноте, если только у него нет такого Дара. Да, они продвигались, и Катса, шагая вслепую перед лошадьё, даже не переломала ноги, чего не избежал бы другой путник; но продвигались очень медленно. Катса едва дышала – так внимательно она вслушивалась в тишину за спиной. Преследователи прискачут на лошадях, их будет много, и у них будут фонари. Если Лек послал отряд в нужном направлении, то ему ничто не помешает найти их.

Едва ли они шли бы быстрее даже по равнине: По было очень плохо. Он цеплялся за гриву коня, не открывая глаз, отчаянно силясь не упасть, и морщился от боли при каждом движении. Рана все еще кровоточила.

– Давай я привяжу тебя к лошади, – предложила ему Катса, остановившись у ручья, чтобы наполнить фляги. – Тогда ты сможешь отдохнуть.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять смысл ее слов. Сгорбившись в седле, По выдохнул в лошадиную гриву:

– Я не хочу отдыхать. Я хочу быть в состоянии предупредить вас, если он окажется близко.

Они не полностью лишились его Дара, но вот он сам точно полностью лишился рассудка – сказать такое, когда прямо позади сидит Биттерблу, тихая, напряженная и внимательно ловящая каждое слово. «Осторожно, – предостерегающе подумала Катса. – Биттерблу».

– Я привяжу вас обоих, – произнесла она вслух, – и пусть каждый сам решает, отдыхать или нет.

«Отдыхай, – мысленно сказала она, обвязывая его ноги веревкой. – Ты не сможешь нам помочь, если истечешь кровью».

– Я не собираюсь истекать кровью, – возразил он вслух, и Катса, избегая взгляда Биттерблу, решила не общаться с По мысленно, пока к нему не вернется рассудок.

Они продолжали медленно двигаться на юг. Катса оступалась на камнях и запиналась о корни деревьев, упорно цеплявшихся за трещины в скале. С приближением утра она спотыкалась все чаще, и ей пришло в голову, что она, наверное, устала. Вспомнив несколько последних ночей и посчитав, Катса обнаружила, что это ее вторая ночь без сна, а в ночь до этого они спали всего несколько часов. Нужно будет отдохнуть, и поскорее,

но сейчас нельзя думать об этом. Нет смысла думать о невозможном.

За пару часов до рассвета она вспомнила о рыбе, которую поймала еще в лагере, очистила, выпотрошила, завернула и положила в седельную сумку. Когда взойдет солнце, нельзя будет разжечь даже маленький костер. Сегодня они ели очень мало, да и на завтра почти ничего не осталось. Если остановиться сейчас хотя бы на несколько минут, можно приготовить рыбу, и тогда не придется больше думать о еде до следующего вечера.

Но даже это было рискованно – свет от костра в ночной темноте легко может привлечь внимание.

Внезапно По прошептал ее имя, и она, остановив лошадь, подошла к нему.

– Тут есть пещера, – шепнул он, – в нескольких шагах к юго-востоку. – Подняв руку, он положил ее Катсе на плечо. – Иди вот здесь, рядом. Я укажу путь.

Направляемая его рукой, она шла, ловко избегая камней и валунов. Если бы не страшная усталость, она нашла бы время восхититься точностью и ясностью, с которой Дар подсказывал ему дорогу. Но вот они оказались уже у входа в пещеру, и теперь нужно было позаботиться слишком о многом. Нужно разбудить Биттерблу, развязать ее и помочь слезть. Нужно спустить По с лошади на землю. Нужно найти хвороста для костра, пожарить рыбу и заново забинтовать плечо По, из которого, несмотря на тугую повязку, все еще обильно сочилась кровь.

– Поспи, пока готовится рыба, – сказал он, когда она перевязывала его руку и грудь чистыми полосами ткани, чтобы остановить поток крови. – Катса, поспи. Я разбуджу тебя, если понадобится.

– Тебе самому нужно поспать, – возразила она.

Перевязывая, Катса стояла перед ним на коленях, и он, потянувшись, взял ее руку в свою:

– Катса, поспи четверть часа. Никого рядом нет. У тебя сегодня больше не будет шанса отдохнуть.

Присев на пятки, она окинула взглядом По: полураздетого, бледного, с прищуренными от боли глазами, с темными синяками на лице.

– Да, у меня кружится голова, – вздохнул он, отпустив ее руку. – Я понимаю, что выгляжу как сама смерть, Катса, но я не собираюсь истечь кровью и от головокружения тоже не умру. Поспи хоть несколько минут.

Подошла Биттерблу.

– Он прав, – сказала она. – Тебе нужно поспать. Я о нем позабочусь.

Девочка взяла куртку и помогла По надеть ее, осторожно, мягко касаясь перевязанного плеча. Конечно, они смогут обойтись без нее

несколько минут. Конечно, всем будет лучше, если она немного поспит.

Катса легла у костра и приказала себе спать ровно четверть часа, а когда проснулась, нашла По и Биттерблу почти в том же положении, что пятнадцать минут назад. Она почувствовала себя намного лучше.

Ели быстро и молча. По прислонился к стене пещеры, закрыв глаза и утверждая, что у него нет аппетита, но Катса и слушать не хотела. Она села перед ним и кормила его рыбой, пока он не съел достаточно.

Потом, когда Катса принялась сапогом тушить костер, а Биттерблу заворачивала оставшуюся рыбу, он вдруг заговорил.

– Хорошо, что тебя там не было, Катса, – начал По. – Сегодня мне пришлось несколько часов слушать, как Лек разоряется о любви к своей похищенной дочери и о том, как будет разбито его сердце, если она не найдется.

Катса подошла и села перед ним, а Биттерблу придвинулась поближе, чтобы лучше слышать шепот.

– Через внешний круг пройти было легко, – сказал По, – и после полудня я наконец добрался до короля. Внутренний круг окружал его таким плотным кольцом, что я не мог выстрелить. Кажется, я ждал целую вечность, везде следовал за ним. Они меня не слышали, но и от короля не отошли ни разу.

– Он ждал, что ты придешь, – сказала Катса. – Они были там из-за тебя.

Он кивнул и тут же поморщился.

– Потом расскажешь, По, – проговорила Катса. – А сейчас отдыхай.

– Рассказ совсем недолгий, – сказал он. – В конце концов я решил, что единственная возможность добраться до Лека – убрать кого-нибудь из гвардии. И выстрелил в одного воина, но, конечно, в то самое мгновение, как он упал, король тут же укрылся. Я выстрелил еще раз, и стрела задела шею Лека, но совсем чуть-чуть. То была работа для тебя, Катса. Ты бы попала. А я не смог.

– Ну-у... – протянула Катса. «Я бы никогда не нашла его. А если бы и нашла, то не смогла бы убить. И ты это знаешь. Это работа ни для кого из нас».

– Конечно, после этого воины внутреннего круга бросились за мной, – продолжил По, – а потом, услышав сигнал тревоги, внешний круг и остальные воины – тоже. Это была настоящая бойня. Я убил, наверное, с дюжину врагов, пытаюсь скрыться, а потом поскакал на север, чтобы сбить их со следа. – Он ненадолго замолчал и закрыл глаза, потом снова открыл и искоса бросил взгляд на Катсу. – У Лека есть лучник, который почти так же

хорош, как ты, Катса. Ты видела, что он сделал с лошадей.

«И он сделал бы то же с тобой, – подумала она. – Если бы не твоя недавно открытая способность чувствовать летящие в тебя стрелы».

Он слегка улыбнулся и перевел взгляд на Биттерблу.

– Ты начала мне доверять, – заметил он.

– Ты пытался убить короля, – просто сказала Биттерблу.

– Так, – проговорила Катса, – хватит болтать.

Она вернулась к костру и окончательно его потушила. Они посадили По в седло, а потом Катса опять привязала обоих своих подопечных к лошади, снова и снова мысленно предостерегая По, умоляя прекратить озвучивать каждую мелочь, подсказанную ему Даром.

При свете дня было легче двигаться быстро, но для По это было тяжело. Он ни разу не пожаловался на тряску, но дышал прерывисто, а в глазах горел диковатый огонь – Катса могла распознавать боль так же легко, как и страх. Она видела гримасу боли на его лице, то, как напрягались мускулы его рук и шеи, когда она перевязывала рану.

– Что болит сильнее? – спросила она рано утром. – Плечо или голова?

– Голова.

Человеку, у которого болит голова, не стоило бы ехать верхом, когда каждый шаг отдается ударом топора по черепу, но о том, чтобы он шел, не могло быть и речи. По не мог стоять. У него все время кружилась голова, ему было дурно. Он все время тер глаза – они тоже болели. Но по крайней мере, рана на плече уже не так кровоточила. И он больше не говорил все, что придет в голову: казалось, он наконец осознал, что нужно скрывать Дар от Биттерблу.

– Мы едем слишком медленно, – жаловался он по несколько раз за день.

Катсу тоже раздражало то, как они плелись. Но до тех пор пока у По не пройдет головная боль, она не собиралась гнать лошадь по скалам.

Биттерблу оказалась даже лучшей помощницей, чем Катса могла надеяться. Она словно считала заботу о По своей обязанностью: во время привалов помогала усесться на камень, приносила воду и еду. Если Катса отлучалась ненадолго, чтобы поймать кролика, то, возвращаясь, обнаруживала, что Биттерблу промывает рану и перевязывает ее чистой тканью. Она совсем привыкла видеть, как По опирается на свою маленькую сестру, положив руку ей на плечо.

К тому времени как солнце начало садиться, Катса чувствовала себя изнуренной последними несколькими днями и бессонными ночами. По и

Биттерблу спали на лошади. Может быть, если По сейчас отдохнет, он сможет немного подежурить потом и даст ей поспать пару часов. Лошади тоже нужен отдых. При таком темпе нельзя останавливаться на всю ночь. Но хотя бы на пару часов. Пару часов отдохнуть можно.

Проснувшись в бледном свете луны, По подозвал ее и помог найти впадину в скалах, в которой не будет видно костра.

– Мы двигаемся слишком медленно, – снова сказал он.

Она только пожала плечами: с этим ничего не поделаешь. Разбудив Биттерблу, Катса отвязала ее и помогла слезть с лошади. По осторожно спустился сам.

– Катса... – сказал он. – Иди сюда, моя Катса.

По протянул к ней руки, и она подошла. Он обнял ее: больное плечо было напряжено и неподвижно, но здоровая рука оказалась сильной и теплой. Он крепко прижал ее к себе, и она обняла его. Катса уткнулась лицом ему в шею, и из самой глубины ее сердца вырвался тяжелый вздох. Она так устала, а ему было так плохо, и они ехали так медленно. Но они хотя бы могли стоять обнявшись, и она щекой чувствовала его тепло.

– Нам нужно кое-что сделать, – сказал он. – И тебе это не понравится.

– Что? – пробормотала она ему в шею.

– Мы... – Он вдохнул и замер. – Ты должна оставить меня.

– Что? – Она отскочила от него.

Покачнувшись, По схватился за лошадь, чтобы удержать равновесие. Бросив на него убийственный взгляд, Катса стремительно направилась к Биттерблу, которая собирала хворост для костра. Пусть сам справляется. Если он собирается делать такие абсурдные заявления, пусть идет к костру сам.

Но он не двинулся. Он просто стоял, цепляясь за лошадь и ожидая, что кто-нибудь ему поможет; и глаза Катсы наполнились слезами при виде того, как он беспомощен. Она вернулась к нему. «Прости меня, По». Подставив свое плечо, она повела его по каменистой земле к тому месту, где они собирались разжечь огонь, усадила и села на землю рядом. Лоб его оказался горячим, в прерывистом дыхании слышалась боль.

– Катса, – сказал он, – посмотри на меня. Я даже ходить не могу. Сейчас главное – это скорость, а я всех задерживаю. Я для вас – только бремя.

– Это неправда. Нам нужен твой Дар.

– Я знаю, что они ищут вас, – проговорил По, – и могу обещать, что не перестанут искать, пока вы в Монси. Я знаю, что у них есть все шансы выйти на ваш след, и, когда они это сделают, король будет на пятки вам

наступать. И тебе вовсе не требуется, чтобы я повторял это снова и снова.

– Мне требуется, чтобы ты помогал мне отличить правду от лжи.

– Этого я не могу. Единственная возможность для тебя сохранить ясность рассудка – бежать от того, кто тебя запутает. Бегство – единственная надежда для девочки.

К ним подошла Биттерблу с охапкой мелких веток и палок.

– Спасибо, принцесса, – проговорила Катса. – Принеси кролика, которого я поймала. Я разведу костер.

Она приказала себе думать о костре и не обращать на По ни малейшего внимания.

– Если вы оставите меня, – сказал По, – то сможете ехать быстро. Быстрее, чем войско Лека.

Катса проигнорировала его слова. Сложив ветки вместе, она сконцентрировалась на пламени, которое разгоралось у нее меж ладоней.

– Он догонит нас, если мы будем двигаться с той же скоростью. И ты не сможешь защитить ни меня, ни девочку.

Катса подложила еще хвороста в огонь, аккуратно подула на него и добавила сверху несколько палочек.

– Ты должна меня оставить, – сказал По. – Иначе ты рискуешь безопасностью Биттерблу.

Внезапно Катса вскочила на ноги, сжав кулаки и отбросив притворное спокойствие:

– А если соглашусь, буду рисковать твоей. Я не брошу тебя на этих скалах самому искать себе еду, строить убежище и защищать себя от Лека, если он появится, ты ведь... ты даже ходить не можешь, По. Ты что, собираешься уползти от его солдат? Голова скоро пройдет. Ты сможешь нормально двигаться, и мы поедем быстрее.

Он взглянул на нее, вздохнув, посмотрел на свои руки и повертел кольца на пальцах.

– Думаю, я еще не скоро смогу нормально двигаться, – сказал он, и что-то странное в его голосе озадачило Катсу.

– Что ты имеешь в виду?

– Не важно, Катса. Даже если завтра я проснусь полностью здоровым, тебе придется меня оставить. У нас только одна лошадь. Если вы с Биттерблу не поскачете верхом, вас догонят.

– Я не оставляю тебя.

– Катса, нужно думать не о тебе и не обо мне. Нужно думать о Биттерблу.

Вдруг ее ноги резко ослабели, она села на землю. Нужно и вправду

думать только о Биттерблу. Они проделали весь этот путь из-за Биттерблу, и теперь Катса была единственной ее надеждой. Она нервно сглотнула и натянула на лицо маску спокойствия – девочке нельзя знать, как больно Катсе ставить ее безопасность выше безопасности По.

А потом она внезапно почувствовала, что сейчас заплачет. Задержав дыхание, Катса постаралась не смотреть на По.

– Я думала поспать пару часов, – проговорила она.

– Правильно, – отозвался он. – Поспи немного, солнце.

Ей бы хотелось, чтоб его голос не был таким добрым и нежным. Она завернулась в одеяло, легла к костру, отвернувшись от По, и приказала себе спать. Слеза скатилась через переносицу вниз, к уху, но Катса еще раз приказала себе спать.

И уснула.

Когда она открыла глаза, Биттерблу спала на земле рядом с ней. По сидел на камне у костра и смотрел на свои руки. Катса подседа к нему. Мясо уже зажарилось, и она с радостью принялась за еду, ведь во время еды не нужно было разговаривать, а она знала, что если заговорит, то расплачется.

– Мы могли бы достать еще одну лошадь, – наконец начала она, глядя в огонь и пытаясь не смотреть на огни, мерцающие на его лице.

– Здесь, в горах, Катса?

Ладно. Не могли.

– Даже если бы и могли, – сказал он, – пройдет куча времени, пока я смогу ехать достаточно быстро. Моя голова не пройдет, пока я, привязанный, трясусь на лошади. Если вы меня оставите, мне же будет лучше, Катса. Я быстрее поправлюсь.

– А как ты себя защитишь? Что будешь есть?

– Я спрячусь. Завтра утром найдем мне убежище. Ну же, Катса, ты ведь никогда не встречала никого, кто бы лучше меня умел прятаться. – В голосе его слышалась улыбка. – Иди сюда, моя тигрица. Иди ко мне.

Она не могла сдержать слезы. Как они оставят По самому заботиться о себе и прятаться, чтобы выжить, если он даже ходить не в состоянии? Катса опустила перед ним на колени, и он обнял ее здоровой рукой. Она разрыдалась у него на плече, как ребенок, стыдясь, что так оплакивает разлуку, как Биттерблу не оплакивала даже смерть матери.

– Не стыдись, – прошептал По. – Мне дорога твоя печаль. Не бойся. Я не умру, Катса. Я не умру, и мы встретимся снова.

Когда Биттерблу проснулась, Катса уже собирала вещи. Биттерблу

взглянула ей в лицо, а потом посмотрела на По, неотрывно глядящего на огонь.

– Значит, мы оставляем тебя, – сказала она По.

Он поднял глаза и кивнул.

– Здесь?

– Нет, сестра. Когда наступит утро, мы поищем какое-нибудь укрытие.

Биттерблу раздосадованно пнула землю, потом скрестила руки на груди и снова обратила взгляд к По:

– И что ты будешь делать в этом укрытии?

– Укрываться, – ответил По, – и набираться сил.

– А когда снова станешь сильным?

– Присоединюсь к вам в Лиониде или там, где вы окажетесь, и мы вместе придумаем, как убить короля Лека.

Девочка еще мгновение посмотрела на По, а потом кивнула:

– Мы найдем тебя.

Катса взглянула на По и заметила, что он улыбнулся словам девочки. Потом Биттерблу отвернулась, чтобы помочь ей с лекарствами.

Когда она опустилась на колени подле Катсы, та поняла, что у девочки стучат зубы. У нее не было куртки, а одеяло, в которое она заворачивалась, пока они ехали, истерлось. Девочка отнесла вещи к лошади, принесла По воды и все это время дрожала от холода.

И почему Катса не догадалась сохранить шкуры убитых кроликов?

С этим нужно что-то делать. Придется найти Биттерблу что-нибудь потеплее. Теперь защита девочки – ее задача, и ей нужно предусматривать каждую мелочь, нужно заботиться о Биттерблу, чтобы жертва По не оказалась напрасной.

Глава двадцать восьмая

В розовой дымке раннего утра они наткнулись на маленькую хижину, в которой не было почти ничего, кроме стен. Возможно, эта заброшенная хижина когда-то служила пристанищем монсийскому отшельнику. Лощина, в которой она стояла, была не слишком каменистой, а пара деревьев и пятак земли, поросшей сорняками, наводили на мысль, что когда-то здесь мог быть сад. Сломанные ставни, остывший очаг – все покрыто толстым слоем пыли: неровный деревянный пол, стол, кровать, шкаф с перекошенной открытой дверцей, который с трудом держался на трех кривых ножках.

– Вот здесь я и буду прятаться, – сказал По.

– В таком месте живут, а не прячутся, – возразила Катса. – Это слишком очевидно – его сразу же обыщут.

– Но я могу жить здесь, Катса, и прятаться неподалеку, если услышу, что они приближаются.

И что же за укрытие неподалеку он почувствовал?

– По...

– Мне кажется, где-то здесь есть пруд, – перебил он. – За мной, дамы! Я уверен, что слышу журчание воды.

Катса не слышала никакого журчания, значит не слышал его и По. Она вздохнула:

– Да, кажется, я тоже что-то слышу.

Они медленно пошли по траве позади хижины. По опирался на Катсу, а Биттерблу вела лошадь. Вскоре действительно послышалось журчание воды, и, взобравшись на коричневатый холм, где трава уступила место гальке, все увидели, что это было. Три мощных потока обрушивались вниз со скалы, вместе образуя глубокий водоем. Тут и там вода переливалась через край, образуя множество ручейков, разбегавшихся в разные стороны по направлению к монсийскому лесу.

«Отлично, – подумала Катса. – А где укрытие?»

– В горах недалеко от замка моего брата Ская есть похожий водопад, – заговорил По. – Однажды мы купались и под водой наткнулись на туннель, который оканчивался пещерой.

Катса знала, к чему он ведет. А недоумевающий... нет, скорее даже подозрительный взгляд Биттерблу подтверждал, что По уже сказал больше, чем нужно. Катса усадила По на камень и начала стаскивать сапоги.

– Если в этом озере есть место, подходящее для укрытия, я найду его для тебя, – сказала она, снимая второй сапог. – Но даже если я и найду там убежище, это еще не значит, что оно тебе поможет. Ты не сможешь добраться сюда от хижины сам.

– Смогу, – возразил он. – Если захочу спастись.

– И как ты себе это представляешь? Поползешь?

– Если не можешь идти, нет ничего стыдного в том, чтобы ползать. А уж в воде равновесие держать гораздо легче.

Она сурово посмотрела на него, но он спокойно ответил на ее взгляд. На лице его мелькнула легкая тень любопытства – его справедливо позабавило то, что она собиралась прыгнуть в практически ледяную воду, чтобы искать туннель, о существовании которого он уже знал, и пещеру, форма и размер которой ему тоже были уже известны.

– Я собираюсь раздеться, – капризно заметила Катса. – Так что отвернитесь, мой принц.

По крайней мере, одежду можно сберечь. И раз уж вся эта сцена разыграна для Биттерблу, то можно заодно притвориться, что у него нет права видеть Катсу без одежды. Хотя едва ли Биттерблу обманула эта хитрость, равно как и остальные их уловки. Она стояла у лошади, помалкивая, и хоть и смотрела на них по-детски большими глазами, но была далеко не слепа.

Вздохнув, Катса сняла куртку. «Укажи мне правильный путь, По».

Она проследила за его пристальным взглядом к подножию водопада. Потом бросила штаны на скалу рядом с сапогами и курткой и, стиснув зубы от холода, вошла в воду. Дно резко уходило вниз. Коротко вскрикнув, Катса оказалась целиком в воде и нырнула.

Где-то внизу зеленым отсветом мерцали камни, а серебристая рыба ярко блестела на солнце. Удивившись глубине водоема, она энергично поплыла в сторону водопада. Из-за пузырьков у подножия ничего не было видно, но, проведя руками по скале, Катса наткнулась на небольшое отверстие во тьме под бурлящей водой: скорее всего, это и был туннель По. Неожиданно для себя она улыбнулась. Самой ей бы никогда не найти это место; наверное, ни один человек на свете еще не делал того, что она собиралась сделать. Она выплыла на поверхность за глотком свежего воздуха, затем нырнула обратно и протиснулась в углубление.

Туннель оказался абсолютно темным, а вода в нем была даже холоднее, чем в озере. Ничего не видя, она плыла по туннелю, медленно считая про себя. Ее руки скользили по скалам, она пыталась держать их где-то перед собой, чтобы неожиданно не наткнуться на что-нибудь

головой. Туннель был узкий, но не слишком. Если По хорошо плавает, то с легкостью заберется сюда.

Когда она досчитала где-то до тридцати, туннель расширился, а потом его стены вообще исчезли. Она резко поплыла наверх, надеясь, что сможет вынырнуть на поверхность, потому что понятия не имела, где еще в этой темной пещере можно взять воздуха, кроме как наверху. Сейчас она положила на свое умение ориентироваться, которому всегда так удивлялся По. Если в темноте она потеряет туннель или не сможет выплыть на поверхность, все кончено. Но она точно помнила, где был туннель, – ровно позади внизу под ней, понимала, на какое расстояние отплыла от него и в каком направлении, чувствовала, где верх и низ, где запад и где восток. Темнота не сможет ее обмануть.

И конечно, По никогда бы не послал ее в эту пещеру, если бы она могла там погибнуть. Плечо ударилось о камень, и Катса вдруг услышала приглушенный звук, напоминающий плеск волн о берег. Она устремилась в сторону этого звука, и внезапно ее голова оказалась над водой – Катса дышала. Она медленно ощупала скалы вокруг и наткнулась на камень, о нижнюю часть которого только что ударилась под водой. Он нависал над поверхностью воды, верхняя часть на ощупь казалась плоской и покрытой мхом. Стуча зубами, Катса вскарабкалась туда.

Ни одной, даже самой глухой ночью она не видала такой тьмы, как в этой пещере. На воде не было видно ни малейших отблесков, не было видно даже оттенков черного, чтобы придать форму тому месту, где она оказалась. Вытянутые руки ничего не коснулись. Нельзя было понять, высоко ли потолок, далеки ли стены. Ей послышалось, как вода где-то на расстоянии бьется о скалы, без проверки трудно было сказать. Но проверять сейчас нельзя – нет времени.

Значит, теперь это пещера По. Здесь он будет в безопасности, если сможет сюда добраться, и человек, не наделенный таким же, как у него, Даром, никогда не сможет найти его в этой холодной черной дыре под скалой.

Катса снова скользнула в ледяную воду и нырнула в сторону туннеля.

На берегу она появилась с парой извивающихся рыбин в руках.

– Я нашла твою пещеру, – сообщила она. – До нее будет не слишком трудно добраться, если благодаря снадобьям или чудесному излечению ты вдруг сможешь плавать. Туннель начинается ровно под водопадом. А это – твой ужин.

Она бросила рыбу на камни и вытерлась тканью, которую ей подала Биттерблу. Одевшись, Катса протянула руку за ножом, и По кинул его ей.

Она отрезала рыбинам головы и, выпотрошив, бросила внутренности обратно в воду.

– Теперь вам пора идти, – поторопил По. – Незачем откладывать.

– Как это – незачем? – возразила Катса. – Что ты собираешься есть, после того как эта рыба закончится?

– Справлюсь как-нибудь.

– Справишься? – фыркнула Катса. – У тебя нет даже лука, а если бы и был – хотела бы я посмотреть, как ты будешь охотиться! Нет, мы не уйдем, пока у тебя не будет запаса еды и хвороста.

– Катса, правда, вы должны идти. Просто должны...

– Лошади нужно отдохнуть хотя бы до завтрашнего утра, – продолжала настаивать Катса. – Теперь мы поскачем очень быстро. И... и... – Она отказывалась, решительно отказывалась поддаваться панике, которая плескалась внутри. «И скоро зима, да, ты можешь заставить меня бросить тебя здесь, но бросить тебя здесь умирать с голоду ты меня не заставишь».

По, вздохнув, потер глаза ладонями.

– Тебе понадобится много хвороста. Я начну собирать, – сказала Биттерблу.

– Я оказался в меньшинстве, – рассмеялся По в ответ. – Хорошо, Катса. Делайте, что считаете нужным, но уедете вы не позже полудня.

Утро прошло словно в водовороте. Чем быстрее Катса двигалась, тем меньше она думала, поэтому старалась двигаться так быстро, как только могли ее ноги и пальцы. Она поймала По двух кроликов, которых можно было приготовить заодно с рыбой тем же вечером и оставить про запас еще на несколько дней. Погода была отвратительная: днем было достаточно холодно, чтобы По мог замерзнуть, – разводить костер было опасно. Но при этом было недостаточно холодно, чтобы заморозить мясо, к тому же для этого нужна была соль. Катса не могла заготовить ему мяса на зиму или даже на ближайшие недели. А через несколько недель охотиться станет трудно даже тем охотникам, кто твердо стоит на ногах и у кого есть лук.

– Ты когда-нибудь делал лук? – спросила она.

– Нет, никогда.

– Я найду тебе дерево, – пообещала Катса. – Перед уходом. У тебя будут шкурки кроликов, ими можно закрепить рукоять и плечи и сплести из них тетиву. Я объясню тебе, как это делается.

Сейчас она проклинала себя за все выброшенные перья убитых птиц. Но внезапно, проносясь по скале, она потревожила гнездо перепелов.

Подняв несколько камней, ей удалось сбить бóльшую часть птиц. Это будет ужин для них с Биттерблу, а у По появятся перья для стрел.

Найдя молодое дерево с крепкими гнущимися ветками, она выбрала самую изогнутую – для лука, и несколько длинных и прямых – для стрел. А потом у нее появилась идея. Срезав и разделив несколько веток, Катса начала плести что-то вроде квадратной корзины длиной, шириной и высотой примерно с руку. Она сплела ее довольно туго, оставив небольшие зазоры между прутьями. Когда она вернулась обратно к озеру, По так и сидел, а Биттерблу все еще искала хворост. На одном плече Катса несла корзину, а второй рукой держала перепелов и ветки. Отрезав кусок веревки и прикрепив ее к углам корзины, она опустила корзину в озеро – так глубоко, чтобы ее было не видно, – и привязала концы веревки к кусту на берегу. Затем она снова сняла сапоги, куртку и штаны, еще раз приготовившись ощутить ледяной холод воды в озере.

Нырнув, она замерла где-то у поверхности воды и принялась терпеливо ждать. Если где-то рядом мелькала рыба, то тут же становилась ее добычей.

Катса подплывала к корзине, раздвигала верхние прутья, запускала рыбу внутрь и снова сдвигала прутья. Потом плыла обратно, ловила еще одну рыбку, подплывала к берегу и отправляла извивающееся тельце в корзину. Она ловила эту рыбу для По, и наловила так много, что в конце концов корзина оказалась переполнена.

– Наверное, придется их кормить, – предположила она, выйдя на берег и одевшись. – Но на какое-то время тебе их должно хватить.

– А теперь вам пора ехать, – твердо сказал По.

– Сначала я хочу сделать тебе костыли.

– Нет, – отрезал По. – Вам пора.

– Я хочу...

– Катса, неужели ты думаешь, что я хочу, чтобы вы уезжали? Если я говорю, что вы должны ехать, то только потому, что вы и вправду должны.

Она посмотрела ему в глаза и отвернулась.

– Нам нужно разделить наши вещи, – сказала она.

– Мы с Биттерблу уже это сделали.

– Я хочу в последний раз перевязать твое плечо.

– Девочка уже перевязала.

– Твоя фляжка с водой...

– Она полная.

Биттерблу спустилась с вершины холма и подошла к ним.

– Хижина лопается от дров и хвороста, – сообщила она.

– Вам пора ехать, – еще раз повторил По.

Он попытался податься вперед и остановился, стараясь удержать равновесие.

Катса проглотила возражения и подставила ему свое плечо. Биттерблу отвязала лошадь, и все отправились обратно к хижине.

«Ты уже лучше держишься на ногах, – пыталась внушить ему Катса. – Поедем с нами».

– Сестра... – начал По. – Не давай ей бешено нестись на лошади. И смотри, чтобы она спала и ела от случая к случаю. Она будет пытаться отдать тебе всю еду.

– Как делал ты, – ответила Биттерблу.

– Я пытался отдать тебе большую часть еды, – улыбнувшись, заметил По. – А Катса будет пытаться отдать тебе все.

Они остановились у входа в хижину, и По прислонился к дверному косяку. «Поедем с нами», – подумала Катса, стоя перед ним.

– Они будут висеть у вас на хвосте, – проговорил По. – Нельзя подпускать их настолько близко, чтобы они могли заговорить. Подумайте, как можно замаскироваться. Вы, конечно, грязные и оборванные, но даже так вас любой дурак узнает. Катса, я не знаю как, но ты должна что-то сделать со своими глазами.

«Поедем с нами».

– Биттерблу, помогай Катсе, если чьи-нибудь слова одурманят ее. Обе помогайте друг другу. И не доверяйте монсийцам, ясно? Нельзя верить никому, кого мог коснуться Дар Лека. И даже не думай, Катса, что сможешь его победить. Единственное ваше спасение – бежать от него. Понятно?

«Поедем с нами».

– Катса, – его голос звучал резко, но все же нежно, – ты поняла все, что я сказал?

– Да, поняла, – отозвалась Катса.

И когда по ее щеке скатилась слеза, он подошел и вытер ее пальцем. Несколько секунд По смотрел ей в лицо, а потом повернулся к Биттерблу. Опустившись перед ней на одно колено, он взял ее руки в свои.

– До свидания, сестра, – проговорил он.

– До свидания, – серьезно ответила малышка.

По осторожно поднялся и, прислонившись к дверному косяку, закрыл глаза и вздохнул. Открыв их через мгновение, он посмотрел Катсе в лицо, и его рот искривился в легкой усмешке.

– Ты ведь предупреждала, что когда-нибудь оставишь меня, Катса.

– Как ты можешь шутить? Знаешь же, я не это имела в виду. – Она еле

сдерживала рыдания.

– Ох, Катса. Тигрица...

Он коснулся ее лица и улыбнулся. Ей было так больно смотреть на него, что она почувствовала: ни за что не сможет оставить его одного. По обнял ее и поцеловал, прошептав что-то на ухо. Она прижалась к нему так сильно, что плечо должно было зануть, но он ничего не сказал.

Когда они уезжали, Катса не обернулась. Только крепко прижала к себе Биттерблу, мысленно взывая к нему, и его имя взрывалось внутри такой болью, что еще долго она не чувствовала больше ничего.

Глава двадцать девятая

Они погнали бедную лошадь на юг, следуя линии гребня Монсийских гор. Время от времени им попадались равнины, но большую часть пути продвижение замедляли скалы, расщелины и водопады – места, где верхом было не проехать. Там Катсе приходилось слезать с лошади, возвращаться назад и искать путь понизу. И тогда от каждого звука волоски у нее на шее вставали дыбом, дыхание замирало: она не могла дышать спокойно, пока они опять не забирались в гору. Потому что внизу был лес, а Катса знала, что он кишит воинами Лека.

Войско будет прочесывать лес, Портовую дорогу и все, что находится между ними. Они проверят горный перевал на границе Сандера и Истилла. Они разобьют лагерь в Монпорте и будут наблюдать за уходящими и приходящими судами, обыскивая подозрительные корабли, на одном из которых может оказаться украденная дочь короля.

Нет. К наступлению вечера Катса поняла, что сама себя обманывает. Они обыщут все суда, не важно, подозрительно они выглядят или нет. Заглянут в каждое здание в городе, прочесут побережье к востоку от Монпорта и к западу, к горам, и будут обыскивать каждую лодку, которая окажется у берегов Монси. А лионидские корабли так просто разберут на части. Через день или два вместе с Катсой и Биттерблу по подножию Монсийских гор будут бродить полчища воинов Лека. Ведь из Монси есть лишь два пути: по морю и через перевал на границе с Сандером и Истиллом. Если беглецов не найдут на Портовой дороге или в лесу и если они не появятся на перевале, в Монпорте или на каком-нибудь корабле, Лек поймет, что они остались в горах, пойманные в капкан лесом и морем, с вершинами, отделяющими Монси от Сандера, за спиной.

Когда наступила ночь, Катса развела маленький костер у каменной глыбы.

– Ты устала? – спросила она Биттерблу.

– Да, но не очень, – ответила девочка. – Я учусь спать на лошади.

– Сегодня тебе опять придется поспать на лошади, – сказала Катса. – Потому что нам надо продолжать путь. Скажи мне, принцесса, что ты знаешь об этой горной цепи?

– Цепи, которая отделяет нас от Сандера? Очень мало. Не думаю, что кто-то знает больше. Не так много людей ходило по этим горам, если только на север через перевал, конечно.

– Хм...

Катса порылась в сумке и достала свитки карт. Она развернула их на коленях и пробежалась по ним взглядом. Кажется, Раффин очень буквально воспринял слова По о том, что он не знает точно, куда собирается ехать. Она пробежала глазами карты Нандера и Вестера, Драуденона и Бирниона. Карты Сандера, Мергониона. Множество карт разных частей Монси. Вытянув из кучи закручивающийся лист, Катса развернула его перед огнем и положила камни по краям, чтобы он не свернулся, а потом присела на пятки и внимательно оглядела принцессу, которая следила за жарящейся перепелкой.

Во всех семи королевствах были люди с серыми глазами и темными волосами; эти цвета не были необычными. Но даже при тусклом свете огня было видно, что Биттерблу не похожа на других. Этот прямой нос, мягкая линия губ. Или, может, все дело в пышности ее волос, или в том, как они спадали, оголяя лоб? Катса не могла решить, в чем именно причина, но знала, что даже без колец в ушах и на пальцах в девочке чувствовалось что-то лионидское. Что-то более глубокое, чем темные волосы и светлые глаза.

В королевстве, где все отчаянно ищут десятилетнюю дочь лионидки, Биттерблу будет очень тяжело замаскировать. Даже если начать с очевидного: остричь волосы, поменять одежду и превратить ее в мальчика.

Со спутницей девочки проблем не меньше. Днем Катса не выглядела бы в роли юноши так же убедительно, как в темноте. И нужно было как-то спрятать зеленый глаз. Женоподобный юноша с одним ярко-голубым глазом и повязкой на другом и мальчик с внешностью лионидца привлекли бы слишком много внимания. Но они не могут себе позволить двигаться только ночью. И если им и удастся добраться до Монпорта незамеченными, там их узнают сразу же. На них нападут, и ей придется убивать. Она должна будет захватить корабль или украсть его – и это Катса, которая о кораблях вообще ничего не знает. Лек прослышит об этом и будет точно знать, где их искать.

Она перевела глаза с принцессы на карту. Это была карта границы Сандера и Монси, непроходимых Монсийских гор. Если бы здесь был По, он бы понял, о чем она думает. Какой бы разгорелся спор!

Она представила себе этот спор – и это помогло ей решиться.

Когда они пообедали, Катса свернула карты и прикрепила вещи к седлу.

– Поднимайся, Биттерблу. Нельзя терять эту ночь. Нам надо идти.

– По предупредил тебя, чтоб ты не изнуряла лошадь, – сказала Биттерблу.

– Скоро лошадь сможет вдоволь отдохнуть. Мы отправляемся в горы, и, когда поднимемся повыше, мы ее отпустим.

– В горы, – повторила Биттерблу. – Что значит – в горы?

Катса потушила остатки костра, выкопала кинжалом ямку и спрятала кости, оставшиеся от ужина.

– Остаться в Монси опасно. Мы перейдем горы и попадем в Сандер.

Биттерблу, замерев на месте, стояла у лошади и смотрела на Катсу:

– Перейдем горы? Вот эти горы, здесь?

– Да, перевал на северной границе будет охраняться. Придется нам найти здесь собственный перевал.

– Даже летом никто не переходит эти горы, – возразила девочка. – А сейчас почти зима. У нас нет теплой одежды. У нас нет инструментов, только твой кинжал и мой нож. Это невозможно. Мы не выживем.

Катса знала, что на это ответить, хотя и не в деталях. Она посадила девочку в седло, вскочила на лошадь позади нее и направила животное на запад.

– Со мной ты выживешь, – сказала она.

На самом деле они не собирались идти в Сандер через Монсийские горы с одним только кинжалом и ножом. У них был кинжал и нож, а еще кусок веревки, иголка и немного шнура, карты, остатки лекарств, большая часть золота, немного одежды, потрепанное одеяло, в которое куталась Биттерблу, две седельные сумки, седло и уздечка. К тому же у них было все, что только Катса могла поймать, убить или смастерить своими руками во время восхождения. Это прежде всего будут меха, чтобы защитить ребенка от лютого холода, с которым они столкнулись здесь, и убийственного холода, который ожидает их наверху... об этом Катса предпочитала не задумываться, потому что, задумываясь, начинала сомневаться.

Нужно сделать лук и, возможно, снегоступы – такие, как те, что ей приходилось носить раз или два зимой в лесах вокруг Рандиона. Вроде бы Катса помнила, как они выглядят и действуют.

Когда начало светать, Катса сняла ребенка с лошади. Они поспали около часа, съжившись в покрытой мхом расщелине скалы. Вокруг них разгоралось утро. Катса проснулась от стука зубов девочки. Нужно было разбудить Биттерблу и продолжать идти, а еще до заката нужно решить проблему с холодом, из-за которого бедняжка не могла спать.

Биттерблу поморгала от яркого солнечного света.

– Мы поднялись выше, – заметила она. – Ночью мы ехали вверх.

Катса передала девочке то, что осталось от вчерашнего ужина.

– Да.

– Ты до сих пор считаешь, что нужно идти через горы?

– Это единственное место в Монси, где Лек не будет нас искать.

– Да, ведь он знает, что решиться на это могут только сумасшедшие.

В голосе девочки звучало что-то вроде раздражения – это был первый намек на жалобу, с тех пор как Катса и По нашли ее в лесу. Что ж, у нее есть на это право. Она устала и замерзла, потеряла мать. Катса разложила на коленях карту гор Монси и ничего не ответила.

– В горах водятся медведи, – проговорила Биттерблу.

– Медведи спят до весны, – ответила Катса.

– Есть и другие животные. Волки. Горные львы. Такие, которых ты не видела в Миддландах. И такого снега ты не видела. Ты не знаешь, что может ждать нас в этих горах.

Между двумя горами на карте Катсы шла тропа, которая показалась ей наименее тяжелым маршрутом в Сандер. Согласно небрежно нацарапанной заметке, это был перевал Греллы, видимо единственный путь через горы, по которому ступала нога человека.

Свернув карты, Катса сунула их в седельную сумку и снова посадила девочку на лошадь.

– Кто такой Грелла? – спросила она.

Биттерблу хмыкнула и ничего не ответила. Катса села на лошадь позади девочки. Некоторое время они ехали молча, и тут Биттерблу заговорила.

– Грелла был знаменитым исследователем гор, – сказала она. – Он умер на перевале, который носит его имя.

– Он был Одаренным?

– Нет, Одаренным, как ты, он не был, но зато был, как ты, сумасшедшим.

Колкость замечания не задела Катсу. Биттерблу имела полное право не верить, что Катса, хоть и Одаренная, но только недавно впервые в жизни увидевшая гору, сможет провести их через перевал Греллы. Катса и сама отчасти не верила – знала только, что если сравнивать опасность от короля Монси и опасность от медведей, волков, снежных бурь и льда, то можно без колебаний сказать, что ее Дар больше полезен в горах.

Поэтому Катса ничего не ответила и не передумала. Когда поднялся ветер и Катса почувствовала, что Биттерблу дрожит, она притянула ребенка к себе и накрыла ее руки своими. Лошадь, спотыкаясь, брела вверх, и Катса вдруг подумала о седле. Если раскроить его на части, вымочить и отбить,

кожа станет мягче. Из него можно будет сделать грубый плащ для Биттерблу или, может, штаны. Нет смысла выбрасывать его, если можно сделать что-нибудь теплое, а лошади оно уже скоро не понадобится.

Они карабкались вслепую, даже днем никогда не зная, на что могут наткнуться: деревья и холмы закрывали вид на дорогу впереди. Катса ловила на ужин белок, рыбу и мышей, а если везло, то кроликов. Каждую ночь она расстилала перед огнем и сушила шкуры своих жертв. Втирала в них рыбье масло и жир. Она так и сяк складывала их, упорно продолжая экспериментировать, пока не сделала девочке грубую меховую шапку с концами, обматывающими шею, как шарф.

– Выглядит немного необычно, – сказала Катса, когда девочка примерила готовую шапку. – Но ты вроде бы не тщеславна, принцесса.

– Пахнет странно, – сообщила Биттерблу, – но тепло.

Только это Катсе и хотелось услышать.

Местность становилась все более дикой, заросли кустарника – все более буйными и непроходимыми. Ночью, когда горел костер и Биттерблу спала, Катса слышала вокруг лагеря непривычные шорохи – шорохи, которых пугалась лошадь. Иногда вой неподалеку будил девочку, которая, дрожа, прижималась к Катсе и жаловалась на кошмары. Она говорила, что ей снятся странные воюющие чудовища и иногда – мать, но было видно, что ей не хотелось вдаваться в подробности. Катса не настаивала.

В одну из таких ночей, когда волчий вой снова заставил девочку прижаться к Катсе, она положила прут, из которого делала стрелу, и обняла ребенка. Согревая обветренные руки Биттерблу, Катса рассказала ей – потому что сама думала об этом – о своем двоюродном брате Раффине, который увлекался искусством медицины и был бы в десять раз лучшим королем, чем его отец. О Хильде, которая стала Катсе другом, когда все от нее отвернулись, и думала только о том, чтобы выдать ее замуж за какого-нибудь лорда. И о Совете, и о той ночи, когда Катса, Олл и Гиддон спасли дедушку Биттерблу, а Катса схватилась с незнакомцем в саду замка Мергона и оставила его лежать без сознания на земле – незнакомцем оказался По.

Биттерблу посмеялась над этой историей, и Катса рассказала ей, как они с По подружились, как Раффин вылечил дедушку Биттерблу, как Катса и По поехали в Сандер, чтобы выяснить правду о похищении и следы привели их в Монси, к горам, лесу и девочке.

– Ты не такая, как про тебя рассказывают, – сказала Биттерблу. – В тех историях, что я слышала до нашей встречи.

Катса отгородила себя от лавины воспоминаний, которые, казалось,

никогда не потеряют своей свежести и всегда будут заставлять ее стыдиться.

– Истории правдивы, – сказала она. – Я именно такая.

– Как же так? Ты бы не стала ломать невинному человеку руку или отрезать пальцы.

– Я делала это для дяди, – проговорила Катса, – в те дни, когда он имел власть надо мной.

И вдруг Катсу снова захлестнула уверенность, что они правильно делают, что идут к перевалу Греллы, в единственное место, где Лек не будет их искать. Потому что Катса не смогла бы защитить Биттерблу, если бы ее силой распоряжался кто-то другой. Она крепче обняла девочку.

– Ты должна знать, что мой Дар – не только Дар сражаться, дитя. Мой Дар – это выживание. Я переведу тебя через эти горы.

Девочка ничего не ответила, только положила голову на колени Катсы, обвила ее ногу своей рукой и свернулась клубком. Она так и заснула под вой волков, и Катса решила не трогать стрелу, чтобы не будить девочку. Они подремали рядышком перед огнем, а потом Катса проснулась, подняла Биттерблу на лошадь и, взяв поводья, отправилась в гору сквозь монсийскую ночь.

Наступил день, когда местность стала непроходимой для лошади. Катса не хотела убивать ее, но заставила себя принять это решение. Им нужна была кожа. И если оставить ее в живых, она будет бродить по холмам и укажет нашедшим ее воинам, в какую сторону пошли беглецы. Но если Катса убьет лошадь, то никак не сможет избавиться от трупа. Придется оставить тушу здесь, на склоне, на съедение падальщикам; и если воины найдут голые кости, это послужит не менее точной подсказкой, куда они двинулись, чем блуждающая лошадь. Катса с некоторым облегчением решила, что не станет убивать лошадь. С нее сняли сумки, седло и уздечку, пожелали удачи и отпустили.

Теперь путники карабкались при помощи собственных рук и ног. Катса помогала Биттерблу взбираться по самым крутым склонам и поднимала ее на камни, на которые та не могла забраться сама. К счастью, в тот день, когда Биттерблу спускалась по стене своего замка по связанным простыням, она надела хорошие башмаки. Но вот о рваное платье то и дело спотыкалась. В конце концов Катса отрезала юбки и сделала из них пару простых штанов. После этого передвигаться девочка стала куда быстрее и свободнее.

Кожа с седла оказалась более жесткой, чем Катса ожидала. Она

мучилась с ней по ночам, пока Биттерблу спала, и наконец решила сделать две пары гетр – одну на верхнюю часть ноги, другую на нижнюю – с ремнями, чтобы надевать поверх штанов. Они выглядели довольно забавно, зато защищали от холода и влаги. Все чаще и чаще во время их нелегкого восхождения начинал падать снег.

Добывать еду становилось все сложнее. Катса не упускала никаких животных; если что-то шевелилось, она это ловила. Сама она ела мало и отдавала почти всю еду Биттерблу, которая проглатывала все, что давали.

Каждое утро на свету Катса снимала с ног девочки ботинки и проверяла, нет ли на ее ногах мозолей. Смотрела, не отморожены ли руки и пальцы девочки. Втирала мазь в потрескавшуюся кожу Биттерблу. Давала Биттерблу фляжку с водой каждый раз, как они останавливались, а Катса теперь останавливалась часто: ей казалось, что девочка скорее упадет в обморок, чем признается, что устала.

Сама Катса совсем не уставала. Она чувствовала силу в руках и ногах, чувствовала скорость своего клинка. И очень ясно чувствовала, что они движутся очень медленно. Порой ей хотелось закинуть девочку на плечо и броситься бежать вверх по склону. Но она подозревала, что в конце концов ей потребуется вся сила ее Дара и поэтому сейчас не стоило сильно перенапрягаться. Катса попыталась как могла усмирить свое нетерпение и посвятить всю энергию заботе о Биттерблу.

То, что перед первым сильным снегопадом в пути им встретился горный лев, оказалось настоящим подарком судьбы.

Снежная буря собиралась весь день, из сгущавшихся облаков падали крупные, колкие снежинки. Катса разбила лагерь при первой возможности, в глубокой расщелине, прикрытой скалистым выступом. Биттерблу ушла в поисках хвороста, а Катса с кинжалом за поясом отправилась раздобыть что-нибудь к ужину.

Она решила идти наверх, взобраться на каменную плиту, служившую крышей их укрытию, а потом пойти в гущу деревьев, которые росли, упираясь верхушками в небо и цепляясь корнями скорее за камни, чем за почву. Все ее чувства были готовы отреагировать на любое движение.

Вначале краем глаза она заметила, как вдали что-то мелькнуло. Высоко на дереве виднелось что-то коричневое, оно извивалось и двигалось, но совсем не так, как качается ветка, к тому же большая ветвь была странно выгнута – не так, как если бы ее выгнул ветер, а скорее так, словно что-то

тяжелое тянуло ее вниз.

Тело Катсы среагировало быстрее, чем мысли, осознав, что где-то неподалеку хищник, а она – жертва. Тотчас в ее руке появился кинжал. Огромная кошка с визгом прыгнула на нее, и Катса воткнула лезвие ей в брюхо. Когда она упала на землю и попыталась откатиться, когти вонзились ей в плечо. Потом лев снова набросился на нее, опрокинув на спину и пригвоздив к земле тяжелыми лапами. Он прыгнул, рыча и скаля зубы, с невероятной скоростью, так что Катса ничего не успела сделать, чтобы ее грудь и шею не разорвали на куски. Она с трудом боролась с нечеловечески сильными лапами, пытаясь убрать голову в сторону, и клыки то и дело смыкались там, где только что было ее лицо. Лев неистово рвал когтями грудь Катсы. Когда страшные клыки потянулись к ее шее, она схватила зверя за горло и закричала, пытаясь оттолкнуть от себя лязгающие челюсти. Возвышаясь над ней, лев яростно царапал ее руки когтями. Вдруг Катса заметила у него на животе блеск металла и вспомнила про кинжал. Зубы снова сомкнулись где-то у нее над головой и Катса, уклоняясь, ударила зверя кулаком в нос. На какую-то долю секунды он отпрянул в изумлении, и в эту секунду она отчаянно потянулась за кинжалом. Кошка снова приблизилась, и Катса воткнула кинжал ей в глотку.

Издав шипящий, хлюпающий звук, лев рухнул на грудь Катсы, когти соскользнули с нее. На скале настала тишина. Зверь был мертв.

Катса сбросила с себя мертвое тело. Облокотившись на правую руку и вытерев с глаз еще горячую кровь животного, она попробовала двинуть левым плечом и вскрикнула от боли. Она подавила негодование, вскипевшее при мысли о том, как не вовремя она получила эту рану и как она может задержать их продвижение, рывком распахнула куртку и охнула от отвратительного чувства при виде ран на груди, которые болели не меньше, чем плечо. Морщась от неожиданной боли при каждом движении, она обнаружила еще множество царапин и порезов на теле. На животе и на руках царапины были неглубокие, но вот бедра, в которые лев вцепился задними лапами, пострадали сильнее.

Что ж, оставаться лежать тут и жалеть себя было бесполезно. Снегопад усиливался. Эта схватка принесла ей боль и неудобства, но в результате у них появилась еда, которой хватит надолго, и мех для куртки, без которой Биттерблу приходится очень тяжело.

Поднявшись на ноги, Катса окинула взглядом огромного мертвого льва, лежащего в крови перед ней. Его хвост – вот что извивалось на дереве. Вот первая подсказка, которая спасла ей жизнь. От головы до хвоста зверь был больше ее ростом, и Катса подумала, что весит он явно

намного больше, чем она. Шея у него была толстая и крепкая, на плечах и спине четко виднелись мышцы. Зубы льва были длиной с ее пальцы, а когти – и того длиннее, и Катсе пришло в голову, что она, можно сказать, отделалась легким испугом, хоть Биттерблу, взглянув на нее, так не подумает. С таким зверем ей точно не хотелось бы драться голыми руками. Этот лев мог ее убить.

Тут она вспомнила, как надолго оставила Биттерблу одну. Порыв ветра бросил в лицо пригоршню снега. Вытащив кинжал из львиного горла, Катса вытерла его о землю и сунула за ремень. Потом перевернула зверя на спину, взяла за передние лапы и, стиснув зубы от боли в плече, потащила добычу в пещеру.

Как только Биттерблу увидела ее, она побежала навстречу. Вытаращив глаза при виде льва, девочка издала невнятный звук, похожий на хрип.

– Со мной все в порядке, – поспешила заверить Катса. – Он меня только поцарапал.

– Но ты вся в крови.

– В основном это его кровь.

Покачав головой, девочка стянула с Катсы изодранную куртку.

– Великие моря! – проговорила Биттерблу, увидев раны у нее на груди. – Великие моря! – снова прошептала она при виде ран на плече, руках и животе. – Некоторые придется зашивать. Давай все это промоем. Я принесу снадобья.

Той ночью им было тесно, но пещеру жарко прогрел костер, на огне жарилось мясо льва и сохла рыжевато-коричневая шкура, которой суждено было вскоре стать плащом для Биттерблу. Девочка следила за тем, как готовится мясо: остальное они заберут с собой замороженным.

Снегопад становился все сильнее и сильнее. Ветер приносил к костру снежинки, и они, шипя, таяли в пламени. Если буря будет продолжаться, то здесь им будет вполне удобно: есть еда, вода, крыша и тепло – все, что нужно. Катса подвинулась к огню так, чтобы пламя просушило изорванную одежду, которую она после стирки надела на себя, – другой у нее не было.

Она работала над луком, который делала уже несколько дней. Согнув плечи лука и проверив их на прочность, она отрезала кусок шнура на тетиву. Катса крепко привязала ее к одному концу, с силой потянула к другому и застонала от боли в плече и раненой ноге, на которую надавил лук.

– Если вот это называется – получить травму, то я никогда не пойму, почему По так любит со мной биться. Если после этого он чувствует себя

так же, как я сейчас...

– Я вообще редко понимаю, почему вы двое что-то делаете... – заметила девочка.

Встав, Катса натянула тетиву и вытащила одну из самодельных стрел. Вложив ее, она сделала пробный выстрел сквозь падающий снег в дерево напротив их пещеры. Стрела долетела до дерева и с глухим звуком глубоко врезалась в него.

– Неплохо! – отметила Катса. – Сойдет.

Она выбежала под снег, выдернула стрелу из дерева и, вернувшись, уселась за вырезание остальных стрел.

– Должна сказать, я бы с удовольствием отдала свою порцию мяса за одну-единственную морковку. Или картофелину. Представляешь, какой роскошью для нас будет еда в трактире, когда дойдем до Сандера, принцесса?

Биттерблу только взглянула на нее, дожевывая кусок мяса, и ничего не ответила. Ветер продолжал завывать, а снежный ковер, образовавшийся у входа в их пещеру, становился все толще и толще. Катса запустила еще одну пробную стрелу в дерево и выбежала в снегопад, чтобы вытащить ее. Вернувшись в пещеру и обивая сапоги о стену, чтобы стряхнуть снег, она заметила, что Биттерблу все еще за ней наблюдает.

– Что случилось, дитя?

Биттерблу покачала головой. Прожевав и проглотив кусок мяса, она взяла с огня еще один и протянула его Катсе.

– Ты не выглядишь сильно пострадавшей.

Катса пожала плечами и, откусив мяса, сморщила нос.

– Я и сама сейчас мечтала о хлебе, – призналась Биттеблу.

Катса рассмеялась. Ребенок и убийца львов уселись рядышком у огня, слушая, как завывает ветер у входа в их пещеру.

Глава тридцатая

Девочка совсем выбилась из сил. В львиной шкуре было теплее, но силы все равно были на исходе. Ее измучил бесконечный путь наверх, эти камни, что скользили у нее под ногами и задерживали, когда она пыталась идти вперед. Крутой каменный склон, по которому невозможно было подняться, если только Катса не подталкивала сзади. А пуще всего – безнадежная уверенность, что за вершиной этой каменной гряды ждет следующий подъем, такой же крутой, или очередная река камней, которые посыплутся вниз, как только она попытается по ним вскарабкаться. Башмаки промокли от снега, ветер упорно забирался под одежду, но самой тяжелой пыткой были волки и горные львы. Они всегда появлялись неожиданно, шипели и рычали, по камням бросаясь к добыче. Лук словно прирос к руке Катсы – она убивала хищников еще до того, как они подбирались опасно близко, иногда даже до того, как Биттерблу успевала их заметить. Но после каждого звериного рыка, после каждого нападения она еще долго тяжело дышала, и Катсе было ясно, что девочка измучена не только физическим напряжением, но и страхом.

Катсе было невыносимо тяжело двигаться еще медленнее, но она сбавила скорость, потому что так было надо. «Какой будет прок, если мы убьем его, спасая?» – сказал Олл в ту ночь, когда они вызволяли из темницы дедушку Тилиффа. Если Биттерблу погибнет в этих горах, виновата будет Катса.

Снегопад теперь почти не прекращался, и они продолжали карабкаться даже в снег. Катса обмотала руки и лицо Биттерблу мехом так, что видны были только глаза. Если верить карте, на перевале Греллы не было деревьев. Лес отступит еще до того, как покажется продуваемый всеми ветрами проход между вершинами гор. Поэтому Катса принялась сооружать снегоступы, чтобы надобность в них не застигла путников там, где уже нет дерева. Она решила сделать только одну пару. Неизвестно, что ждет их в пути, но, вероятнее всего, наверху будет ветрено и холодно. В таком месте придется передвигаться быстро, если, конечно, не хочешь замерзнуть насмерть. Скорее всего, девочку придется нести на себе.

По ночам обессиленная Биттерблу моментально проваливалась в сон, иногда постанывая, словно ей снились кошмары. Катса охраняла ее и поддерживала огонь. То и дело подкидывая хвороста в костер, она старалась не думать о По. Старалась, но у нее не получалось.

Раны быстро заживали. Самые маленькие стали почти незаметными, и даже самые глубокие перестали кровоточить уже через пару часов. Ей они доставляли всего лишь раздражение, о них терлись ремни сумок и бились недоделанные снегоступы. Плечо и грудь слегка ныли каждый раз, как она тянулась к колчану у себя на спине, который она сделала из куска седельной кожи. На плечах и груди останутся шрамы. Может быть, и на бедрах тоже. Но это будут единственные следы ее поединка с горным львом.

Закончив изготавливать снегоступы, Катса решила сделать что-то вроде заплечных ремней, на случай если дальше девочку придется нести. Можно смастерить что-нибудь из фрагментов лошадиной сбруи, чтобы можно было нести Биттерблу, но руки оставались свободными, – вдруг нужно будет стрелять из лука. И может быть, теперь, когда девочка уже не так мерзнет, стоит сделать плащ и для себя самой. На это пойдет шкура следующего волка или горного льва, который попадет по пути.

И каждую ночь, разведя огонь и закончив работу, когда мысли о По подступали так близко, что их невозможно было прогнать, она сворачивалась клубком рядом с Биттерблу и давала себе несколько часов отдыха.

Когда Катса неожиданно для себя обнаружила, что по ночам дрожит во сне, что приходится кутать голову и шею в меха и постоянно согревать немеющие ноги, она решила, что перевал Греллы, должно быть, уже недалеко. Он просто не мог быть далеко, ведь там должно быть еще холоднее. А Катсе не верилось, что на свете вообще может быть холоднее, чем сейчас.

Она боялась за пальцы девочки, за кожу у нее на лице и часто останавливалась, чтобы помассировать пальцы и ступни Биттерблу. Малышка не разговаривала, карабкалась неуклюже, устало, но рассудок ее не покинул. Она кивала и качала головой в ответ на вопросы. Хваталась за Катсу, когда та поднимала ее или несла. Плакала от облегчения, когда согревалась ночью у костра. И плакала от боли, когда Катса будила ее морозным утром.

Они должны быть уже недалеко от перевала Греллы, просто обязаны. Потому что Катса не знала, сколько еще продержится девочка.

Однажды утром, когда путники пробирались вперед через кусты и деревья, началась снежная буря. Большую часть утра они ничего не видели вокруг, карабкались пригнув головы, а со всех сторон их обстреливало снегом и льдом. Как всегда во время бурь, Катса обнимала Биттерблу рукой

и двигалась, положившись на свое умение ориентироваться – вверх и на запад. Через некоторое время тропа стала менее крутой, они перестали спотыкаться о корни деревьев и горный кустарник. Ноги словно отяжелели, как если бы слой снега стал толще, и каждый шаг по нему давался с трудом.

Когда буря утихла – так же внезапно, как поднялась, – пейзаж изменился. Они оказались у подножия длинного, ровного, покрытого снегом склона. На нем ничего не росло, и только ветер подхватывал с поверхности снежинки и поднимал высоко в небо. Впереди на некотором расстоянии справа и слева возвышались две темные скалы, и склон, поднимаясь, превращался в проход меж ними.

Белизна слепила, а небо было таким близким и таким обжигающе-голубым, что Биттерблу прикрыла глаза рукой. Перевал Греллы: нет ни зверей, от которых нужно отбиваться, ни камней и кустов, чтобы ориентироваться. Впереди – лишь ведущая вверх ровная лента чистого снега, которую нужно преодолеть, чтобы перейти горы и спуститься вниз, в Сандер.

Местность даже казалась дружелюбной.

Но в мысли Катсы закралось сперва тихое, а потом отчаянное подозрение. Она наблюдала за снежными вихрями, танцующими на поверхности перевала, и думала. Во-первых, идти придется дальше, чем кажется. Во-вторых, негде будет укрыться от ветра. К тому же поверхность не такая ровная, какой она, залитая солнцем, кажется отсюда. А если начнется буря – вернее, когда начнется буря, – вот это будет погода под стать горным вершинам, в которых не может выжить ни одно живое существо, а шансы удержаться есть лишь у камня и льда.

Катса вытерла снег, облепивший меховую одежду девочки, стряхнула лед, застывший на ее шапке. Сняла со спины снегоступы и надела на ноги, крепко завязав ремни на лодыжках. Распутала ремни, которые соорудила, и помогла Биттерблу продеть в них сначала одну ватную ногу, потом другую. Та не возражала, не требовала объяснений и вообще с трудом шевелилась. Катса наклонилась, взяла ее за подбородок и заглянула в глаза.

– Биттерблу... – сказала она. – Биттерблу, нельзя расслабляться. Я понесу тебя, но только потому, что нам нужно двигаться быстро. Ты должна быть в сознании. Если мне покажется, что ты засыпаешь, я спущу тебя и заставлю идти. Слышишь? Заставлю идти, принцесса; не важно, насколько тебе тяжело.

– Я устала, – прошептала малышка.

Катса схватила ее за плечи и встряхнула:

– Мне все равно, устала ты или нет. Ты будешь делать то, что я скажу. Ты изо всех сил будешь стараться не спать. Ясно?

– Я не хочу умирать, – сказала Биттерблу, и слезинка, скатившись из ее глаза, застыла на ресницах.

Катса опустила на колени и крепко прижала к себе замерзшую девочку.

– Ты не умрешь, – сказала Катса. – Я не дам тебе умереть.

Но для того чтобы Биттерблу выжила, одного только ее желания недостаточно, поэтому она потянулась к плащу и вытащила из него флягу с водой.

– Выпей, – сказала она, – до дна.

– Она холодная, – заупрямилась Биттерблу.

– Это поможет тебе выжить. Быстрее, пока она не превратилась в лед.

Девочка выпила, и тут Катса приняла внезапное решение. Она бросила лук на землю. Сняла сумки и колчан и бросила вслед за луком. Потом стащила волчью шкуру, укрывавшую плечи, – шкуру, которую она позволила себе надеть, только когда малышка была с головы до пят укутана в несколько слоев меха. Ветер тут же забрался в прорехи в забрызганной кровью куртке Катсы, и холод ножом вонзился ей в живот, в незажившие раны на груди и на плече. Но она утешила себя тем, что скоро побежит и движение согреет ее. Меха, который прикрывает шею и голову, будет достаточно. Она, словно в одеяло, обернула девочку в огромную волчью шкуру.

– Ты с ума сошла, – сказала Биттерблу, и Катса почти улыбнулась: раз девочка даже делает язвительные замечания, значит мыслит она ясно.

– Я готовлюсь к одному очень тяжелому упражнению, – сказала Катса. – Не хочу перегреться. Теперь отдай мне флягу, девочка. – Катса наклонилась и наполнила флягу снегом, закрыла ее и засунула Биттерблу под плащ. – Тебе придется ее нести, а то она заледенеет.

Ветер дул со всех сторон, но Катса решила, что самый свирепый бьет с запада прямо им в лицо. Значит, девочку нужно нести на спине. Все остальное она повесила на грудь и накинула на плечи ремни. Под весом ребенка Катса медленно встала и выпрямилась. Сделала несколько осторожных шагов в снегоступах.

– Сожми кулаки, – сказала она девочке, – и засунь их мне под мышки. Прижмись лицом к меху у меня на шее. Следи за ногами. Если начнет казаться, что ты их не чувствуешь, скажи мне. Ты поняла, Биттерблу?

– Поняла, – отозвалась девочка.

– Ладно, – сказала Катса. – Тогда в путь.

И она побежала.

Катса быстро приоровилась к снегоступам и к тяжести на спине и груди. Девочка практически ничего не весила, а снегоступы оказались довольно удобными, как только она привыкла бежать, немного вывернув носки наружу. Убийственный холод на перевале не укладывался в сознание. Она не могла поверить, что ветер может дуть так сильно и так упорно, никогда не слабея. С каждым вдохом ей в легкие словно вонзался клинок. Руки, ноги, торс и особенно ладони – каждая часть тела, которую не защищал мех, – горели от мороза, словно объятые пламенем.

Поначалу она думала, что движение хоть немного согреет ноги. Но скоро непрерывный топот начал отзываться острой болью, затем перешедшей в ноющую. Наконец она уже перестала чувствовать, что касается земли, но заставляла себя двигаться вперед, вверх, к вершинам, которые, казалось, совсем не становились ближе.

Тучи снова сгустились и теперь засыпали ее снегом. Выл ветер, Катса бежала вслепую. Снова и снова она звала Биттерблу. Задавала девочке вопросы, выясняла бессмысленные мелочи о Монси, о городе Лека, о ее матери. И еще постоянно спрашивала, чувствует ли она свои руки, может ли двигать пальцами, не кружится ли голова, не темнеет ли в глазах. Катса не знала, понимает ли Биттерблу ее вопросы, и не знала, что Биттерблу кричит ей в ответ. Но главное – Биттерблу кричала. А если кричала, значит не спала. Катса прижимала ладони Биттерблу к своему телу и, время от времени оборачиваясь и хватая башмаки девочки, растирала, как могла, пальцы. Она бежала и не останавливалась, даже когда казалось, что ветер отбрасывает ее назад. Даже когда вопросы стали еще более бессмысленными, пальцы больше не могли тереть, а руки – прижимать.

В какой-то момент у нее остались силы думать только о двух вещах: о голосе Биттерблу у нее в ушах и о склоне впереди, по которому нужно продолжать бежать.

Катса отрешенно отметила, что огромное красное солнце вот-вот закатится за горизонт. Раз она видит закат, значит снегопад прекратился. Да, теперь, подумав над этим, она поняла, что снег прекратился, хоть и неизвестно, когда это произошло. Но закат означает, что день заканчивается и наступает ночь. А ночью всегда холоднее, чем днем.

Катса продолжала бежать – она боялась, что мороз усилится. Ноги двигались, девочка время от времени подавала голос, но Катса не чувствовала ничего, кроме холода, который с каждым вдохом вонзался ей в

легкие. Но потом в тумане ее сознания стало проясняться кое-что еще.

Горизонт теперь лежал далеко внизу.

Солнце село за горизонт, который лежал далеко внизу.

Она не помнила, когда изменился пейзаж. Не помнила, в какой момент пробежала вершину и начала спускаться. Но она сделала это. Больше не видно было темных вершин, а значит они остались позади. Обзору теперь открывалась другая сторона горы, и леса, бескрайние леса, и солнце, и угасающий день, и Катса видела все это, слышала дыхание ребенка у себя за спиной и стремительно бежала вниз, к Сандеру. И уже близок конец заснеженного склона, деревья, и кусты, и спуск, который будет для малышки гораздо проще, чем подъем в гору.

И тут она ощутила дрожь, очень сильную дрожь, и охватившая ее паника пробудила уснувший разум. Нет, девочке нельзя сейчас сдаваться, только не теперь, когда они так близки к спасению. Потянувшись, Катса схватила Биттерблу за башмак и прокричала ее имя. Но почти сразу же услышала, как Биттерблу кричит ей что-то в ухо, почувствовала, как руки девочки крепко обхватывают ее. Руки Биттерблу у нее под грудью неожиданно показались какими-то непривычно теплыми, странно теплыми. И тут Катса услышала стук своих собственных зубов и поняла, что это не девочка дрожала. Это была она сама.

Неожиданно для себя она рассмеялась, хотя ничего смешного в этом не было. Если она не сможет сохранить собственную жизнь, у ребенка не останется ни малейшего шанса. Нельзя было позволять этому случиться, было сумасшествием пытаться добраться до Сандера этой дорогой. Вдруг Катса подумала о своих руках и поднесла их к лицу. С усилием разжав ладони, она выругалась про себя – кончики пальцев побелели. Засунула кулаки себе под мышки и заставила себя мыслить ясно. Ей холодно, страшно холодно. Нужно дойти до того места, где начинаются деревья, тогда у них будет и хворост для костра, и защита от ветра. Нужно развести костер. Добраться до леса и развести костер. И спасти девочку. Только это важно, только это сейчас имеет значение, и на бегу она снова и снова повторяла это про себя.

К тому времени как она добежала до деревьев, Биттерблу уже постанывала от онемения и холода. Но когда Катса упала на колени, девочка сама выпуталась из ремней. Вынырнув из волчьей шкуры, она укутала в нее Катсу. Потом опустила на колени и растрескавшимися, кровоточащими пальцами потянула за ремни снегоступов. Катса заставила себя подняться и помогла развязать ремни. Выбравшись из снегоступов, она сбросила сумки, колчан, ремни и лук.

– Хворост, – сказала Катса. – Хворост.

Всхлипнув, девочка кивнула и бросилась собирать под деревьями все, что только могла найти. Хворост, который она принесла Катсе, промок от снега. От охватившей все тело дрожи пальцы Катсы обращались с кинжалом медленно и неуклюже. Никогда раньше у нее не возникало трудностей с разведением костра – ни разу за всю жизнь. Она сосредоточилась из последних сил, и на десятой-одиннадцатой попытке пламя вспыхнуло и попало на сухой конец ветки. Катса подкармливала пламя сосновыми иголками, оберегала, направляла его, приказывала не угасать, пока наконец оно не принялось лизать собранные ветки. Огонь рос, дымил и потрескивал. Они разожгли костер.

Катса присела, дрожа, и уставилась на языки пламени, упорно игнорируя покалывание в пальцах и пульсирующую боль в ступнях.

– Нет, – прошептала она, когда Биттерблу встала, собираясь поискать еще дров. – Сначала согрейся. Посиди и согрейся.

Катса медленно подбрасывала веток в огонь, и, когда наклонялась над все растущим костром, ее дрожь утихала. Она бросила взгляд на девочку, которая сидела на земле с закрытыми глазами, обхватив колени руками и упершись в них подбородком. По щекам малышки текли слезы. Она была жива.

– Я сумасшедшая, – прошептала Катса. – Я просто сумасшедшая.

Она заставила себя подняться и теперь ходила от одного дерева к другому в поисках хвороста. Все кости болели, руки и ступни кричали от боли. Может, и к лучшему, что она поступила так глупо, – ведь если бы Катса знала, как тяжело им придется, скорее всего, она не решилась бы.

Она вернулась к лагерю и подбросила веток в огонь. Сегодня костер у них будет таким огромным, что его увидит весь Сандер. Подойдя к девочке, она взяла ее руки в свои и осмотрела маленькие пальчики.

– Ты чувствуешь их? Можешь пошевелить?

Биттерблу кивнула. Катса сунула руку в сумку и рылась в ней до тех пор, пока не нашла снадобья, а потом втерла целительную мазь Раффина в потрескавшиеся, кровоточащие руки девочки.

– Теперь посмотрим твои ноги, принцесса.

Растерев и согрев ступни девочки, она снова надела на нее башмаки.

– Ты прошла через перевал Греллы, – сказала она Биттерблу, – в целости и сохранности. Ты сильная девочка.

Биттерблу обвила Катсу руками, поцеловала в щеку и крепко прижалась к ней. Если бы у Катсы хватило сил на изумление, она бы изумилась. Но она лишь неуклюже обняла девочку в ответ.

Катса и Биттерблу прижались друг к другу, и постепенно в замерзшие тела вернулось тепло. Этой ночью, когда Катса лежала у огромного трескучего костра, а в ее объятиях клубочком свернулась девочка, никакая боль в руках и ногах не помешали бы ей уснуть.

Часть третья
Перемены

Глава тридцать первая

Постоялый двор располагался на клочке земли, который здесь, в южном Сандере, называли поляной, хотя в любом другом месте он сошел бы за лес. Между дубов и кленов было довольно пространства для постоянного двора, сарая, конюшни и палисадника и достаточно открытого неба, чтобы туда попадал солнечный свет и стволы деревьев отражались в оконных стеклах.

Постоялый двор не был забит под завязку, но и пустым его нельзя было назвать. Движение через Сандер всегда было стабильным, даже зимой, даже у подножия горы. Повозки, запряженные лошадьми, двигались на север, груженные бочками с монсийским сидром, или первосортной древесиной из сандерских лесов, или льдом с горной цепи на востоке Сандера. Торговцы везли лионидские помидоры, виноград и абрикосы, драгоценности и украшения, рыбу, какая водилась только в лионидских морях, везли из сандерских портовых городов на север, к Миддландам, Вестеру, Нандеру и Истиллу. А на юг из этих королевств поставляли пресноводную рыбу, зерно и сено, кукурузу, картофель, морковь – все то, что нужно людям, живущим в лесах, – а еще травы, яблоки, груши и лошадей, которых грузили на корабли и переправляли в Лионид и Монси.

Во дворе возле повозки, доверху нагруженной бочками, стоял торговец. Он топтался на месте от холода и то и дело дышал на руки. На бочках не было надписей, да и сам торговец был невзрачным, в простом плаще и сапогах, и ни у одной из его шести лошадей не было клейма или украшений, по которым можно было бы понять, из какого они королевства. Размахивая руками, во двор выбежал хозяин и его сыновья. Он что-то прокричал торговцу, и в морозном воздухе у него изо рта валил пар. Торговец крикнул в ответ, но недостаточно громко, и звук не дошел до густого леса на краю поляны, откуда за ними наблюдали Катса и Биттерблу.

– Скорее всего, он монсиец, – прошептала Биттерблу. – Приехал со стороны портов и держит путь через Сандер. Телега у него полная. Если бы он был из другого королевства, то, наверное, к этому времени уже продал бы довольно много того, что он там везет. Не считая Лионида, конечно, но он вроде не похож на лионидца.

Катса сверилась со своими картами.

– Это не столь важно. Даже если мы решим, что он из Нандера или Вестера, мы не знаем, кто еще находится на этом постоялом дворе или кто

может приехать. Нельзя так рисковать, пока мы не выяснили, дошли ли лживые истории твоего отца до Сандера. Дитя, мы провели в горах несколько недель. Неизвестно, что слышали эти люди.

– Может, новость еще не добралась сюда. Мы довольно далеко от портов и горного перевала, здесь пустынно.

– Верно, – согласилась Катса, – но мы ведь не хотим, чтобы у них появилась своя новость, которая дойдет до горного перевала или вниз к портам. Чем меньше Лек знает о том, где мы, тем лучше.

– Но если так, любой постоянный двор опасен. Нам придется добираться отсюда до Лионида тайком.

Катса молча взгляделась в карты.

– Если только ты не собираешься убивать всех, кто попадется на пути, – проворчала Биттерблу. – Ох, Катса, смотри, вон там девушка несет яйца. Я убить готова за яйцо.

Катса подняла голову и бросила взгляд на девушку. Простоволосая, она бежала, дрожа, от сарая к постоялому двору с корзинкой яиц на руке. Хозяин постоялого двора сделал ей знак рукой и подозвал. Девушка оставила корзинку под огромным деревом и поспешила к хозяину. Он и торговец передавали ей суму за сумой, и она вешала их на спину и плечи, пока совершенно под ними не скрылась. Шатаясь, она направилась к постоялому двору, а когда вернулась, они снова нагрузили ее.

Катса посчитала деревья, росшие тут и там между их укрытием и корзинкой с яйцами. Бросила взгляд на замороженный огород. Потом снова сверилась с картой, спешно отыскивала список союзников Совета в Сандере и разгладила его на коленях.

– Я знаю, где мы, – сказала Катса. – Здесь недалеко есть городок – наверное, в паре дней пути. Если верить Раффину, там есть один лавочник, друг Совета. Думаю, там нам ничего не грозит.

– То, что он друг Совета, еще не значит, что на него не действует вранье Лека.

– Ты права, – согласилась Катса. – Но нам нужны одежда и сведения. А тебе – еще и горячая ванна. Если бы можно было добраться до Лионида, ни с кем не разговаривая, мы бы так и сделали. Но это невозможно. Так что если уж приходится довериться кому-то, то я бы хотела, чтобы это был друг Совета.

– Тебе не меньше, чем мне, нужна горячая ванна, – насупилась Биттерблу.

Катса ухмыльнулась:

– Мне не меньше, чем тебе, нужна ванна. Моя не обязательно должна

быть горячей. Я не собираюсь бросать тебя в какой-нибудь полузамерзший пруд, чтобы ты заболела и умерла – после всего, что тебе удалось пережить. А теперь, дитя, – добавила Катса, когда торговец и хозяин постоянного двора взвалили сумки на плечи и направились к двери, – не шевелись, пока я не вернусь.

– Куда... – начала Биттерблу, но Катса уже перебежала от дерева к дереву, прячась то за одним, то за другим массивным стволом, и следила за окнами и дверьми постоянного двора.

Когда чуть позже Катса и Биттерблу продолжили свое путешествие через сандерский лес, у Катсы в рукаве лежало четыре яйца, а на плече она несла замороженную тыкву. От их ужина в тот вечер веяло праздником.

К тому времени, когда пришла пора стучать в дверь лавочника, Катса не смогла ничего особенно изменить во внешности Биттерблу и своей собственной, кроме того, что, насколько возможно, смыла грязь и сажу, соорудила из колтуна на голове Биттерблу некоторое подобие косы и дождалась наступления темноты. Было слишком холодно, чтобы Биттерблу сняла свое меховое обмундирование, а волчья шкура Катсы, хоть и весьма подозрительная, выглядела менее ужасно, чем окровавленная, изодранная куртка, скрытая под ней.

Лавочника они нашли легко – его дом был самым большим и самым оживленным после трактира. Это был мужчина среднего роста и среднего телосложения, у него была крепкая деловая жена и огромное количество детей всех лет, от младенческих до возраста Катсы и старше. По крайней мере, так показалось путникам, которые в ожидании ночи прятались среди деревьев на краю города. Лавка была внушительных размеров, а коричневый дом, который возвышался за ней, оказался просто огромным. А каким ему еще быть, подумала Катса, когда нужно держать в нем такую прорву детей? С течением дня, когда все больше и больше детей выходили из дому, чтобы покормить кур, помочь торговцам разгрузить товары, поиграть, подраться и попререкаться в саду, Катса все сильнее жалела, что этот союзник Совета, видимо, слишком серьезно подошел к вопросу продолжения рода. Если они хотят, чтобы их появление на пороге этого дома не вызвало страшного переполоха, придется ждать не только до тех пор, пока не утихнет город, но и пока не заснут хотя бы дети.

Когда в большинстве домов стало темно и свет остался лишь в одном окне дома лавочника, Катса и Биттерблу выползли из-за деревьев и прокрались через сад к задней двери. Катса обернула кулак рукавом и постучала по двери массивного сандерского дерева как можно тише, но так,

чтобы их все-таки услышали. Через мгновение свет в окне переместился. Еще через мгновение дверь приоткрылась и из щели высунулся лавочник со свечой в руке. Крепко держа ручку двери, он с ног до головы оглядел две худощавые, покрытые шерстью фигуры на пороге.

– Если вам нужна еда или ночлег, – грубо сказал он, – в конце улицы есть постоялый двор.

Первый вопрос Катсы был самым рискованным, и она внутренне подготовилась к ответу.

– Нам нужны сведения. Не слышали ли вы каких-нибудь новостей из Монси?

– Уже несколько месяцев ничего не слышно. В этом лесном краю мы мало слышим о Монси.

Катса выдохнула.

– Поднеси свечу к моему лицу, лавочник.

Недовольно крикнув, мужчина протянул руку через щель в двери и осветил лицо Катсы. Сначала он сощурил глаза, потом вытаращил их и словно стал совершенно другим человеком. Спешно открыв дверь, лавочник впустил их и задвинул щеколду.

– Простите меня, миледи. – Он указал на стол и вынес стулья. – Прошу вас, пожалуйста, садитесь. Марта! – крикнул он в соседнюю комнату. – Еды, – сказал он растерянной женщине, появившейся на пороге, – и зажги еще свечей. И разбуди...

– Нет! – резко вмешалась Катса. – Пожалуйста, никого не будите. Никто не должен знать, что мы здесь.

– Конечно, миледи, – поспешно сказал мужчина. – Простите мне мою... мою...

– Вы не ждали нас, – сказала Катса. – Мы понимаем.

– В самом деле, – согласился лавочник. – Мы слышали, что случилось при дворе короля Ранды, миледи, и знаем, что вы проехали через Сандер с лионидским принцем. Но после этого мы потеряли ваш след.

В комнату торопливо вошла его жена и поставила на стол тарелку хлеба и сыра. За ней следовала девушка возраста Катсы с кружками и кувшином в руках. Юноша, молодой человек ростом даже выше Раффина, зажег факелы на стенах вдоль стола. Услышав рядом тихий вздох, Катса посмотрела на Биттерблу. Широко распахнув глаза и глотая слюни, девочка уставилась на хлеб и сыр.

– Хлеб, – прошептала она, встретившись взглядом с Катсой, и та не сумела сдержать улыбку.

– Ешь, дитя.

– Конечно, юная леди, – закивала женщина. – Ешьте сколько хотите.

Катса дождалась, когда все сели, а Биттерблу удовлетворенно набила рот хлебом, и только тогда заговорила.

– Нам требуются сведения, – начала она, – совет и помощь. Нам нужна ванна и любая одежда – лучше мужская, – какую вы сможете нам выделить. Но больше всего нам нужно, чтобы о нашем присутствии никто не прослышал.

– Мы к вашим услугам, миледи, – сказал лавочник.

– У нас в доме достаточно одежды, чтобы одеть целое войско, – добавила его жена. – Если вам нужны какие-нибудь продукты, в лавке все есть. И я обещаю вам лошадь, если понадобится. Можете быть уверены, никто не узнает, миледи. Мы все помним, что вы и Совет делаете для людей, и всеми силами готовы помогать.

– Мы благодарим вас.

– Какие сведения вам нужны, миледи? – спросил лавочник. – Мы очень мало слышим об остальных королевствах.

Катса бросила взгляд на Биттерблу, которая, словно дикий зверь, впивалась зубами в хлеб и сыр.

– Помедленнее, дитя, – отстраненно сказала она. Потирая лоб, она размышляла, как много стоит рассказать этой сандерской семье. Кое-что им знать необходимо, и есть одна вещь, которая, вероятнее всего, переборет обман Лека. Вещь эта – правда. – Мы пришли из Монси, – сказала Катса. – Перешли через перевал Греллы.

Это заявление было встречено тишиной и округлившимися глазами. Катса вздохнула.

– Если вам сложно в это поверить, – сказала она, – остальная история покажется вам не менее невероятной. Право, я не знаю, с чего начать.

– Начни с Дара Лека, – сказала Биттерблу с полным ртом хлеба.

Катса посмотрела, как девочка слизывает крошки со своих пальцев. Казалось, Биттерблу достигла такой степени экстаза, что даже история злодейств ее отца не могла испортить ей настроение.

– Отлично, – сказала Катса. – Начнем с Дара Лека.

Той ночью Катса приняла не одну ванну, а две. Первую – чтобы избавиться от пыли и оттереть верхний слой грязи, и вторую – чтобы стать действительно чистой. Биттерблу поступила так же. Лавочник, его жена и двое старших детей тихо сновали по дому, набирали воду, грели ее, опустошали ванну, сжигали старые изодранные лохмотья. А потом искали им новую, мужскую одежду и подгоняли ее под своих гостей. Собирали

шляпы, плащи, шарфы и перчатки из лавки и из своих собственных сундуков. Косу Биттерблу обрезали по-мальчишески коротко, а Катсу подстригли так, что волосы снова плотно облегли голову.

Ощущение чистоты было великолепно. Бессчетное количество раз Катса слышала рядом тихие вздохи Биттерблу. Она вздыхала оттого, что ей было тепло и чисто, что она мылась с мылом. От вкуса хлеба во рту и сытой тяжести в желудке.

– Боюсь, долго спать нам сегодня не придется, девочка, – сказала Катса. – Нужно покинуть этот дом, прежде чем все проснется.

– И ты думаешь, это меня беспокоит? Весь вечер был сплошным блаженством. Недостаток сна – ерунда.

И все же, когда Катса и Биттерблу впервые за очень долгое время улеглись в постель – в постель лавочника и его жены, хотя Катса протестовала против такой жертвы, – Биттерблу обессиленно провалилась в сон. Катса легла на спину, противясь иллюзии безопасности, которую создавали тихое дыхание девочки, мягкость матраса и подушки. Она подумала о пробелах, которые оставила в рассказанной только что истории.

Теперь семья лавочника понимала, каким кошмаром был Дар короля Лека. Они знали об убийстве Ашен и о том, почему похитили дедушку Тилиффа. Догадывались, хотя Катса не говорила об этом открыто, что малышка, поедающая хлеб с сыром так, как будто никогда раньше его не видела, была принцессой Монси, сбежавшей от своего отца. Они даже понимали, что, если Лек решит распространить по Сандеру ложную историю, услышанная правда может ускользнуть из их разума. Всему этому семья изумилась, но приняла и поняла.

Катса умолчала лишь об одном и один раз солгала. Умолчала она о том, куда они направляются. Лек может обмануть этих людей, и они признаются, что леди и принцесса постучали в их дверь и провели ночь под их крышей. Но ему не удастся заставить их раскрыть цель пути, которой они не знают.

Солгала же она, сказав, что лионидский принц мертв – убит воинами Лека при попытке покушения на короля Монси. Катса думала, что эта ложь бессмысленна. Вероятность того, что семья лавочника будет говорить об этом, очень мала. Но при любой возможности нужно распространять слух, что По погиб. Чем больше людей считают его мертвым, тем меньше попытаются найти его и причинить вред.

Теперь их путь лежит в сандерские портовые города. Нужно ехать на юг, чтобы поплыть на запад. Но, лежа рядом со спящей принцессой, Катса мысленно перенеслась на восток, к хижине у водопада, и на север, в

лабораторию в замке, к фигуре, склоненной над книгой, мензуркой или пламенем горелки.

Как бы ей хотелось отвезти Биттерблу на север, в Рандион, и спрятать там же, где они спрятали ее дедушку! На север, к поддержке Раффина, его терпению и заботе. Но даже если закрыть глаза на ее собственное непростое положение при дворе Ранды, это невозможно. Немыслимо прятать ребенка в таком очевидном месте, да еще так близко к владениям Лека. Немыслимо подвергать такому риску тех, кем Катса больше всего дорожит. Нет, она ни за что не отдаст Раффина человеку, который туманит разум и искажает чувства. Не приведет Лека к своим друзьям. Вообще не будет втягивать в это друзей.

Они с девочкой выедут завтра утром. Помчатся так, что вгонят лошадь в землю, и найдут путь в Лионид. Она спрячет принцессу, а потом придумает, что делать.

Катса закрыла глаза и приказала себе спать.

Глава тридцать вторая

Первое впечатление Катсы о море было таким же, как о горах, хотя горы и море были совсем не похожи. Горы были безмолвны, а море шумело, утихало и снова шумело. Горы были высокими, а море – плоским и таким огромным, что ей никак не удавалось понять, как же это так – нигде не видно мерцания огней какого-нибудь далекого края. В море и горах не было ничего похожего. Но Катса не могла наглядеться на море и надыхаться морским воздухом, и с горами было то же самое.

Ткань, закрывавшая ее зеленый глаз, мешала смотреть. Катса порывалась снять повязку, но не осмеливалась теперь, когда они зашли так далеко: сначала пробрались по окраинам города, а теперь уже по городским улицам. Передвигались беглецы только по ночам, и никто их не узнавал. Иначе говоря, Катсе не приходилось никого убивать. Случались потасовки там и сям, когда разбойники на темных улицах слишком интересовались двумя мальчишками, которые под покровом ночи крались на юг, к воде. Но их никто не узнавал, и не возникало таких проблем, которых бы Катса не сумела решить, не вызывая подозрений.

Это был Санклифф, самый большой портовый город Сандера и самый оживленный его торговый пункт. Катса была ошеломлена тем, каким жалким и мрачным он становится по ночам, полный узких улиц, таких убогих, каким следовало бы вести к тюрьме или трущобам, а не к этой потрясающей водной глади. Гладь ширилась, наполняла ее, заставляла забыть о пьяницах и ворах, о разрушенных домах и улицах у нее за спиной.

– Как мы найдем лионидский корабль? – спросила Биттерблу.

– Не просто лионидский корабль, – уточнила Катса. – А лионидский корабль, который в последнее время не был в Монси.

– Я могу пойти осмотреться, – сказала Биттерблу, – а ты спрячься.

– Ни в коем случае. Даже если бы за тобой не охотились, здесь небезопасно. Даже если бы сейчас была не ночь. Даже если бы ты не была так мала.

Биттерблу обняла себя руками за плечи и повернулась спиной к ветру.

– Я завидую твоему Дару.

– Пойдем, – сказала Катса. – Найти корабль нужно сегодня же ночью, иначе весь завтрашний день придется прятаться под носом у тысяч людей.

Катса притянула девочку к себе, и они двинулись по камням в сторону улиц и лестниц, которые вели в доки.

По ночам доки выглядят зловеще. Корабли, огромные, как черные замки, поднимаются из моря, мачты торчат, словно скелеты, хлопают паруса, а со снастей отзываются эхом голоса невидимых людей.

Каждый корабль – это отдельное королевство с собственными стражниками, которые стоят, подняв мечи, перед трапом, и с собственными моряками, которые ходят от палубы к пристани или собираются вокруг небольших костров неподалеку на берегу. Два мальчика, бредущие между кораблями, гонимые холодом и несущие потрепанные сумки, здесь не привлекут никакого внимания. Кто они? Да всего лишь беглецы или нищие, ищут работу или попутный корабль.

Катса уловила в речи одной группы стражников знакомый выговор. Биттерблу обернулась, подняв брови.

– Я слышу, – сказала Катса. – Пойдем дальше, но запомни этот корабль.

– Почему не заговорить с ними?

– Их четверо, и рядом слишком много народу. Если возникнут проблемы, я не смогу уладить их бесшумно.

Внезапно Катса остро ощутила, как им не хватает По. Его Дар помог бы понять, узнают ли их и стоит ли опасаться. Если бы По был здесь, один вопрос – и он бы понял, надежные ли люди эти лионидские стражники.

Конечно, если бы По был здесь, проблема маскировки усложнилась бы многократно – с его-то глазами, кольцами в ушах, выговором и даже необычной манерой держать себя нужно ходить с мешком на голове, чтобы не привлекать внимания. Но быть может, моряки из Лионида сделали бы все, что прикажет их принц, несмотря на слухи? Катса все время ощущала на груди холодок его кольца – кольца с гравировкой, повторяющей орнамент у По на руках. Это – их билет на лионидский корабль, который согласится послужить им добровольно, а не испугавшись Дара Катсы или прельстившись весом ее кошелька. Хоть в случае необходимости она и готова воспользоваться и Даром, и кошельком.

Они прошли мимо группы небольших кораблей, чьи охранники, казалось, были заняты состязанием в хвостовстве. Одна группа – из Вестера, а другая...

– Монсийцы, – прошептала Биттерблу, и хотя Катса продолжала спокойно шагать, чувства ее обострились, мышцы оставались в напряжении и готовности, пока они не прошли эти корабли и еще несколько других. Слившись с темнотой, беглецы продолжили поиск.

На краю деревянной пристани, болтая ногами над водой, сидел моряк. Пристань эта вела к кораблю, на котором почему-то кипела работа, причал кишел мужчинами и юношами. Все они были лионидцами – потому что в ушах и на пальцах у них Катса в свете их фонарей уловила блеск золота. Она ничего не понимала в кораблях, но ей подумалось, что этот либо только пришел, либо готовится к отплытию.

– Корабли отплывают посреди ночи? – спросила она.

– Понятия не имею, – ответила Биттерблу.

– Скорей! Если он отходит, то это к лучшему.

И если этот одинокий моряк начнет создавать им проблемы, она сбросит его в воду так, что никто из тех матросов, что спуют по палубе, не заметит его исчезновения.

Катса поднялась на деревянные мостки, Биттерблу шла следом. Мужчина моментально заметил их. Его рука потянулась к поясу.

– Полегче, моряк, – сказала Катса, понизив голос. – Мы просто хотели задать пару вопросов.

Мужчина ничего не отвечал и руку от пояса не убрал, но позволил двум фигурам приблизиться. Когда Катса села рядом с ним, он чуть отодвинулся – чтобы было удобнее, если придется применить нож. Биттерблу села рядом с Катсой, спрятавшись за ней от взгляда моряка. Катса благодарила Миддланды за темноту и широкие плащи, которые скрывали ее лицо и фигуру от этого малого.

– Откуда пришел этот корабль, моряк? – спросила Катса.

– Из Рориона, – ответил он голосом лишь чуть более низким, чем у нее, и Катса поняла, что это не мужчина, а юноша – крепкий и широкоплечий, но моложе ее.

– Вы отплываете сегодня?

– Да.

– И куда направляетесь?

– В Санпорт и в Южную бухту, потом в Вестпорт и снова в Рорион.

– А в Монпорт не заходите?

– Мы сейчас не ведем торговлю с Монси.

– У вас есть какие-нибудь новости из Монси?

– Это лионидский корабль, не видно, что ли? Если нужны новости из Монси, то и ищите монсийское судно.

– Что за человек ваш капитан? – спросила Катса. – И что вы везете?

– Что-то слишком много вопросов, – сказал юноша. – И про Монси вам расскажи, и про нашего капитана, и откуда мы прибыли, и что везем. На Мергона что, теперь и дети шпионят?

– Понятия не имею, кто шпионит на Мергона. Мы хотим, чтобы нас подвезли, – ответила Катса, – на запад.

– Вам не повезло, – сказал юноша. – Нам не нужны лишние руки, и вряд ли у вас есть хоть монета.

– О, да ты Одарен ночным видением, что ли?

– Разглядеть, что вы всего лишь парочка оборванцев, – дело нетрудное, – парировал юноша, – да еще и подраться с кем-то успели, судя по повязке у тебя на глазу.

– У нас есть деньги.

Юноша сомневался.

– Вы либо лгуны, либо воры. Хотя бьюсь об заклад, и то и другое.

– Ни то ни другое. – Катса потянулась за кошельком, который лежал в кармане плаща. Вытащив нож, матрос вскочил на ноги. – Погоди, моряк. Я просто хочу достать кошелек, – примирительно сказала Катса. – Можешь сам достать, если хочешь. Ну же! – (Он все колебался.) – Я не опущу рук, а мой друг отойдет.

Биттерблу поднялась и послушно сделала пару шагов назад. Катса встала и подняла руки. Юноша помедлил, потом потянулся к ее карману. Одной рукой он шарил в поисках кошелька, а другой держал нож у горла Катсы, которой вдруг пришло в голову, что следовало бы сделать испуганное лицо. Вот еще одна причина быть благодарной темноте – в ней не видно выражения лица.

Наконец он достал кошелек и отступил назад. Открыв его, матрос высыпал себе на ладонь несколько золотых монет и изучил их при лунном свете, а затем при свете огня, тускло светящего с берега.

– Это лионидское золото, – сказал он. – Вы не просто воры – вы воры, которые обокрали лионидца.

– Отведи нас к своему капитану, и пусть он решит, принять наше золото или нет. Если сделаешь это, одна монета твоя – не важно, что он решит.

Катса терпеливо ждала, пока юноша размышлял над предложением. На самом деле не имело значения, согласится он на эти условия или нет, – им не найти корабля, более подходящего для их цели. Так или иначе они попадут на борт, даже если ей придется оглушить мальчишку и волоком тащить его на корабль, размахивая кольцом По перед носом стражи.

– Ладно, – ответил наконец матрос. Он выбрал из горсти одну монету и спрятал в недрах своего плаща. – За эту монету я отведу вас к капитану Фавн. Но ручаюсь, что вас посадят на гауптвахту за воровство. Она не поверит, что вы добыли золото честным путем, а у нас нет времени, чтобы

докладывать о вас городским властям.

От внимания Катсы не ускользнуло нечто необычное.

– Она? Ваш капитан – женщина?

– Женщина, – сказал юноша. – Одаренная.

Женщина, да к тому же еще наделенная Даром. Катса не знала, чему больше удивляться.

– Значит, это корабль короля?

– Это ее корабль.

– Но как...

– В Лиониде Одаренные свободны. Они не обязаны служить королю.

Да, и правда, она вспомнила, что По рассказывал об этом.

– Вы идете, – поторопил юноша, – или мы собираемся до утра языками чесать?

– Какой у нее Дар?

Матрос отошел и ножом указал им идти вперед.

– Шевелитесь, – сказал он, и Катса с Биттерблу двинулись по причалу, но Катса все ждала его ответа.

Если капитан умеет читать мысли или даже просто очень хорошо сражается, лучше бы узнать об этом раньше, чем они дойдут до стражи, чтобы можно было решить, идти ли дальше или бросить юнца в воду и убежать.

Вахтенные, стоящие впереди, разговаривали и смеялись над какой-то шуткой. Один из них держал в руке факел, пламя которого трепетало на ветру, бросая отсветы на их грубые лица и обнаженные мечи. Биттерблу еле слышно охнула, и Катса обернулась к девочке. Та была напугана. Положив руку на плечо малышки, Катса сжала его.

– Это наверняка Дар плавать, – нарочито безразлично сказала она юноше, шедшему за ними, – или какое-нибудь умение ориентироваться. Да?

– Ее Дар – причина, почему мы отплываем посреди ночи, – сдался юнец. – Она чувствует шторм раньше, чем он разыграется. Мы отправляемся сейчас, чтобы обогнать бурю, которая надвигается с востока.

Пророчит погоду, значит. Дар предвидения приятнее чтения мыслей, намного приятнее, но у Катсы все равно пробежали мурашки по телу. Что ж, по крайней мере, работа этой женщины вполне подходила ее Дару, и ничего плохого он не сулил – наоборот, мог оказаться весьма полезным. Нужно посмотреть на эту Фавн и тогда уже решить, что ей можно рассказать.

Стражи пялились на них, пока они шли к кораблю. Один поднес факел

к их лицам. Катса уткнулась подбородком в воротник своего плаща и смотрела на них в ответ одним глазом.

– Что это ты тащишь на борт, Джим? – спросил тот, что с факелом.

– Они идут к капитану, – ответил юноша.

– Пленники?

– Пленники или пассажиры. Капитан разберется.

Стражник сделал знак одному из товарищей.

– Сходи с ними, Медведь, – сказал он, – и убедись в том, что малышу Джиму ничего не угрожает.

– Я справлюсь сам, – запротестовал Джим.

– Конечно справишься. Но Медведь может справиться и с тобой, и с собой, и с двумя твоими пленниками, а также может нести меч и освещать дорогу – и все одновременно. Да еще и капитана нашего защищать.

Джим, кажется, собирался возразить, но при упоминании капитана кивнул. Он повел Катсу и Биттерблу за собой по трапу. Медведь замыкал цепочку, в одной руке у него был меч, в другой – фонарь. Катсе не часто в жизни приходилось видеть таких могучих людей. Когда они поднялись на палубу корабля, моряки расступились – отчасти чтобы посмотреть на двух покрытых дорожной пылью незнакомцев, а отчасти чтобы освободить путь Медведю.

– Что случилось, Джим? – раздавались голоса.

– Мы идем к капитану, – то и дело отвечал Джим, и люди отставали и возвращались к своим обязанностям.

Длинная палуба кишела толкающимися людьми, по сторонам виднелись странные очертания и тени, отбрасываемые при свете фонаря Медведя. Парус внезапно взволновался, освобожденный от заточения в корабельных снастях, и захлопал над головой Катсы. Мерцая серым цветом, он был очень похож на огромную птицу, которая пытается порвать привязь и улететь в небо. Он снова неожиданно поднялся, свернулся и возвратился в прежнее положение. Катса не знала, что делают все эти люди и почему так суетятся, но ее взволновала эта странная, незнакомая суматоха, звук голосов, команды, которых она не знала, порывистый ветер и качающийся пол.

Уже через пару шагов Катса приспособилась к качке. Биттерблу было не так легко, и ее равновесию ничуть не помогала тревога, которую в нее вселяло происходящее. В конце концов Катса решила придерживать девочку и не отпускать от себя. Биттерблу с облегчением положила на нее и предоставила Катсе заботиться о том, чтобы удержать ее в вертикальном положении.

Джим остановился около люка в палубе.

– Идите за мной, – приказал он и, зажав нож между зубами, ступил в темноту люка и исчез.

Катса последовала за ним, доверившись убеждению, что под руками и ногами появится невидимая в темноте лестница, и помедлила, чтобы помочь девочке нащупать ступеньки. Медведь спустился последним. В свете его фонаря их фигуры отбрасывали тени на стену узкого коридора, в котором они оказались.

Беглецы следовали по коридору за темной фигурой Джима. Биттерблу прижалась к Катсе и уткнулась лицом ей в грудь. Да уж, воздух здесь был спертый, затхлый и неприятный. Говорят, люди привыкают к кораблям. А пока Биттерблу не привыкнет, Катса будет помогать ей держаться на ногах и дышать.

Джим вел всю процессию мимо темных дверей к прямоугольнику оранжевого света, который, видимо, являлся каютой их Одаренного капитана. Женщины-капитана. Из освещенного помещения раздавались голоса. Один из них был строгим, командным – и женским.

Когда они приблизились к двери, разговор оборвался. Со своего места в тени за юношей Катса услышала женский голос:

– Что такое, Джим?

– Прощения просим, капитан, – сказал Джим. – Здесь двое мальчишек из Сандера, хотят ехать с нами на запад, но что-то я не доверяю их золоту.

– А что не так с их золотом? – спросил голос.

– Это лионидское золото, капитан, и его у них как-то чересчур много.

– Веди их сюда, – приказал голос. – И дай я посмотрю на это золото.

Они последовали за Джимом в ярко освещенную комнату, которая напомнила Катсе об одной из лабораторий Раффина, в которых вечно валялись открытые книги, бутылки с жидкостями странного цвета, сухие травы и проводились необычные эксперименты, которых Катса не понимала. Разница была лишь в том, что книги здесь заменяли карты и схемы, бутылки – медные и золотые инструменты, назначение которых было Катсе неизвестно, а травы – веревки, канаты, сети и якоря: предметы, которые, очевидно, находились там на своем месте, но Катса разбиралась в них так же плохо, как и в экспериментах Раффина. В одном углу стояла узкая кровать, в изножье ее находился сундук. Это тоже напоминало о лаборатории Раффина – иногда он спал там, в те ночи, когда работа занимала его ум больше, чем комфорт.

Капитан Фавн стояла у стола, рядом расположился моряк размером почти с Медведя. Перед ними была разложена карта. Капитан оказалась

пожилой женщиной с волосами цвета стали, собранными в тугий пучок на затылке. Одета она была так же, как другие моряки: коричневые штаны, коричневый плащ, тяжелые сапоги и нож на поясе. Левый ее глаз был светло-серым, а правый – голубым и таким же ярким, как голубой глаз Катсы. Лицо у нее оказалось суровым, а взгляд, когда она обернулась к двум незнакомцам, – быстрым и пронизывающим. В этой залитой светом комнате, где женщина смотрела на них своими блестящими глазами, Катса впервые ощутила, что их маскировка потеряла смысл.

Джим положил монеты Катсы в протянутую руку капитана:

– В кошельке их еще куча, капитан.

Капитан внимательно изучила золото у себя на ладони, а потом, прищурившись, подняла глаза на Катсу и Биттерблу:

– Откуда они у вас?

– Мы друзья Первоцвета, принца Лионида, – ответила Катса. – Это его золото.

Здоровенный моряк рядом с капитаном фыркнул.

– Друзья принца По, – повторил он. – Еще чего!

– Если вы обокрали нашего принца... – начал Джим, но капитан Фавн остановила его движением руки. Она так пристально смотрела на Катсу, что ей показалось, будто взгляд этой женщины пронзает ее насквозь вплоть до задней стенки черепа. Она оглядела плащ Катсы, ее ремень, штаны, сапоги, и Катса почувствовала себя так, словно стоит обнаженная перед мрачным взглядом этих умных глаз.

– Думаете, я поверю, что принц По отдал кошелек с золотом двум сандерским оборванцам? – спросила наконец капитан.

– Думаю, вы знаете, что мы не сандерские оборванцы, – сказала Катса, потянувшись к воротнику своего плаща. – Он дал мне свое кольцо, чтобы вы знали, что нам можно доверять.

Сняв с шеи веревочку с кольцом, она вытянула руку, чтобы капитан могла его рассмотреть. Катса успела заметить изумленное лицо женщины, а потом возмущенные крики Джима и Медведя предупредили ее о том, что каюта превращается в сумасшедший дом. Оба рванули к ней: Джим – размахивая ножом, Медведь – мечом. Матрос, стоящий близ капитана, тоже вытащил клинок из ножен.

По мог бы и упомянуть как-нибудь, что при виде кольца его людьми овладевает безумие. Но сейчас нужно было действовать, а претензии предъявить еще успеется. Катса оттолкнула Биттерблу в угол, закрыв ее от моряков собственным телом, потом повернулась к ним и ударила Джима по руке так сильно, что он вскрикнул и уронил нож на пол. Сбив мальчишку с

ног, она увернулась от меча Медведя и с размаху ударила того сапогом по голове. К тому времени как тело Медведя рухнуло на пол, Катса уже приставила нож Джима к его собственному горлу. Подцепив ногой меч Медведя и подбросив его в воздух, Катса поймала его свободной рукой и направила на оставшегося матроса, который стоял поодаль с ножом, в любой момент готовый наброситься.

Кольцо все еще раскачивалось на веревке, сжатой в руке с мечом, приковывая к себе пристальный взгляд капитана.

– Остановись, – сказала Катса матросу. – Я не желаю вам зла, и мы не воры.

– Принц По никогда не отдал бы свое кольцо бродяге, – прохрипел Джим.

– Не очень-то вы уважаете своего Одаренного принца, – сказала Катса, толкнув его коленом в спину, – если думаете, что его мог обокрасть бродяга.

– Довольно! – сказала капитан. – Этого более чем достаточно. Леди, бросьте оружие и освободите моего матроса.

– Если вот этот подойдет ближе, – предупредила Катса, указывая мечом на оставшегося матроса, – будет валяться рядом с Медведем.

– Подойди ко мне, Лоскут, – приказала ему капитан, – и опусти нож. Живо! – строго добавила она, видя, что он колеблется.

Бросив на Катсу нехороший взгляд, матрос подчинился.

Катса бросила клинки на пол. Джим стоял, потирая шею и хмуро глядя в ее сторону. Выбирая слова, которые ей очень хотелось высказать По, она снова надела кольцо на шею.

– Что вы сделали с Медведем? – спросила капитан.

– Он скоро очнется.

– Вам же будет лучше, если так.

– Он очнется.

– А теперь объяснитесь, – сказала капитан. – Последнее, что мы слышали о принце, – что он в Миддландах, при дворе короля Ранды. Тренируется с вами, если не ошибаюсь.

Из угла донесся странный звук. Обернувшись, они увидели, что Биттерблу, съездившись, стоит на коленях у стены и ее тошнит на пол. Катса подошла к девочке и помогла ей подняться. Биттерблу неловко прильнула к ней:

– Пол двигается.

– Да, – сказала Катса. – Ты привыкнешь.

– Когда? Когда я к этому привыкну?

– Идем со мной, дитя. – Катса почти что принесла Биттерблу к капитану. – Капитан Фавн, – начала она, – это Биттерблу, принцесса Монси. Двоюродная сестра По. Как вы уже догадались, я – Катса из Миддландов.

– Еще я догадываюсь, что со вторым твоим глазом все в порядке, – сказала капитан.

Катса сняла повязку с зеленого глаза и посмотрела в лицо капитану, которая спокойно встретила ее взгляд. Потом обернулась к Лоскуту и Джиму, которые теперь все поняли и смотрели на нее, подняв брови. Они казались такими знакомыми: черты их лиц, темные волосы, золото в ушах. Спокойствие, с которым они смотрели ей в глаза.

Катса снова повернулась к капитану.

– Принцесса в большой опасности, – сказала она. – Я везу ее в Лионид, чтобы спрятать от... от тех, кто желает ей зла. По сказал, что вы поможете нам, если я покажу вам кольцо. Но если нет, я сделаю все, на что только способен мой Дар, чтобы заставить вас помочь.

Капитан пристально смотрела на нее, сузив глаза и натянув на лицо маску невозмутимости.

– Дай мне поближе рассмотреть кольцо.

Катса сделала шаг вперед. Она решила больше не вынимать кольцо, раз его вид повергает людей в такое безумие. Но капитан не боялась ее и, протянув руку к шее Катсы, взяла в руки золотой ободок. Она так и сяк повертела его на свету. Оставила кольцо и, прищурившись, посмотрела на Биттерблу, а потом снова повернулась к Катсе.

– Где наш принц? – спросила она.

Катса подумала и решила, что нужно рассказать этой женщине правду, хотя бы и не целиком.

– Далеко отсюда, оправляется от раны.

– Он умирает?

– Нет, – изумленно ответила Катса. – Конечно нет.

Впившись в нее взглядом, капитан нахмурилась:

– Тогда зачем он отдал вам это кольцо?

– Я же сказала. Он дал его мне, чтобы мы могли получить помощь от какого-нибудь лионидского корабля.

– Вздор! Если это все, чего он хотел, почему не дал вам кольца короля или королевы?

– Не знаю, – сказала Катса. – Я не разбираюсь в значениях колец, знаю только, что они обозначают людей. Это было его решение, и он решил дать мне именно это кольцо.

Капитан недоверчиво хмыкнула. Катса сжала зубы и приготовилась

сказать что-нибудь очень едкое, но ее остановил голос Биттерблу.

– Честное слово, По сам дал Катсе это кольцо, – жалобно сказала она. Голос ее звучал хрипло, она сгорбилась. – По решил, что оно должно быть у нее. И раз он сам не объяснил, что это значит, вы должны сделать это за него. И поскорее.

Капитан перевела взгляд на Биттерблу. Девочка мрачно и упрямо вскинула подбородок. Фавн вздохнула:

– Лионидцам несвойственно отдавать свои кольца, а отдать кольцо, подтверждающее твою личность, – это и вовсе неслыханно. Отдать его – все равно что отказаться от себя. Принцесса Биттерблу, на шее у этой леди – кольцо седьмого принца Лионида. Если принц По действительно отдал ей это кольцо, это означает, что он отрекся от престола. Он больше не принц Лионида. Он сделал ее принцессой и отдал ей свой замок и наследство.

Катса вытаращила на нее глаза, схватилась за стул и тяжело опустилась на него.

– Не может быть...

– Спросите тысячу лионидцев, ни один не расстанется с этим кольцом, – продолжала капитан. – Большинство уносит их с собой в могилу на дне моря. Но порой, если женщина умирает и хочет, чтобы ее сестра стала матерью ее детям, или умирающий лавочник желает, чтобы его лавка перешла к другу, или если принц умирает и хочет изменить порядок престолонаследования, лионидец может подарить такое кольцо. – Капитан повернулась, чтобы посмотреть на Катсу. – Лионидцы любят своих принцев, и особенно младшего принца, Одаренного. Украсть кольцо принца По было бы ужасным преступлением.

Но Катса, не слыша ее, качала головой в замешательстве от того, что сделал По, и от страха, который вызывало у нее это снова и снова звучащее слово. Умирает. Нет, По не может умирать.

– Мне оно не нужно, – сказала она. – Почему он дал мне его и не объяснил...

Биттерблу с посеревшим лицом оперлась на стол и застонала:

– Катса, не беспокойся. У него, конечно, были на то причины.

– Какие такие причины? Не такая уж и опасная у него была рана...

– Катса... – терпеливо повторила девочка. В голосе ее звучала усталость. – Подумай головой. Он дал тебе кольцо до того, как его ранили. В этом нет ничего такого уж странного, ведь он знал, что может погибнуть в бою.

Поняв, в чем дело, Катса схватилась рукой за горло. Это так похоже на него. И вот теперь она сидит и глотает слезы, потому что это было так

похоже на его вечные безумные навязчивые идеи – безумные, глупые, слишком, слишком добрые, да и к тому же ненужные, потому что он не умрет.

– Почему же, во имя Миддландов, он не сказал мне?

– Если бы сказал, – проговорила Биттерблу, – ты бы не взяла кольцо.

– Ты права: не взяла бы. Ты можешь представить, чтобы я приняла его от По? Можешь представить, чтобы я согласилась? И он правильно сделал, что дал его мне, – ему и вправду недолго осталось, потому что при следующей встрече я убью его за то, что он так поступил, напугал меня и не рассказал, что все это значит.

– Конечно, ты так и сделаешь, – успокаивающе сказала Биттерблу.

– Это же не совсем, правда? – спросила Катса, повернувшись к капитану, и только сейчас заметила, что капитан смотрит на нее иначе, да и Лоскут и Джим тоже.

Их лица побледнели, в глазах плескалось безмолвное изумление. Теперь они поверили ей, поверили, что она не крала это кольцо и что его дал ей принц. И Катса с облегчением подумала, что хотя бы эта часть испытания оказалась позади.

– Я ведь могу вернуть его, – спросила она, – могу?

Кашлянув, капитан кивнула:

– Да, принцесса.

– Великие холмы! – рассерженно воскликнула Катса. – Не называйте меня так.

– Вы можете вернуть его ему в любое время, принцесса, – сказала капитан, – или отдать еще кому-нибудь. И он может потребовать его назад. А пока что ваше положение дает вам такую же власть, какой обладает любой из принцев Лионида. Мы обязаны выполнять ваши приказания.

– Мне будет достаточно, если вы как можно скорее доставите нас с Биттерблу в замок По на западном берегу, – сказала Катса, – и прекратите называть меня принцессой.

– Теперь это ваш замок, принцесса.

От Катсы уже начинали сыпаться искры, так ее раздражало такое обращение. Но прежде чем она успела запротестовать, в дверь постучали.

– Все готово, капитан.

В каюте поднялась суматоха, и Катса потянула Биттерблу в сторону. Капитан принялась выкрикивать распоряжения:

– Лоскут, забирайся на мачту и веди нас отсюда. Джим, позаботься о Медведе. И вымой пол там, в углу. Мне нужно подняться на палубу, принцесса. Можете тоже пойти, если хотите. Там принцессе Биттерблу

должно стать немного лучше.

– Я же сказала – не называйте меня так, – повторила Катса.

Не обратив на ее слова никакого внимания, капитан зашагала к двери. Подхватив Биттерблу, Катса пошла следом и сверлила взглядом спину женщины все время, пока они шли по коридору.

В темноте у подножия лестницы капитан остановилась и обернулась к Катсе.

– Принцесса, – сказала она, – почему вы здесь, и почему скрываетесь, и почему маленькая принцесса в опасности – это ваше дело. Я не требую объяснений. Но если я могу хоть чем-то вам помочь, вам достаточно просто сказать мне об этом. Я к вашим услугам во всем.

Потянувшись к груди, Катса коснулась золотого ободка. Все-таки она благодарна за власть, которую дает кольцо, раз эта власть поможет ей послужить Биттерблу. Возможно, поэтому По и сделал ей этот подарок. Может быть, он просто хотел, чтоб у нее была вся власть, чтобы как можно лучше защитить девочку. Но если это кольцо вызывает такое обожание, лучше, чтобы на палубе его не видели. Ей не хотелось, чтобы об этом знали, болтали и относились к ней как к принцессе. Расстегнув воротник плаща, она спрятала кольцо на груди.

– Принц По сейчас поправляется после раны? – спросила капитан Фавн, и Катса услышала в ее голосе тревогу, подлинную тревогу, как если бы капитан спрашивала о члене собственной семьи. А еще она услышала королевский титул, который капитану оказалось куда тяжелее убрать от имени По, нежели присоединить к имени Катсы.

– Да, поправляется, – подтвердила она.

И тогда ей вдруг пришло в голову: любили бы лионидцы своего принца так же сильно, если бы знали правду о его Даре?

Все так запуталось, с тех пор как она поднялась на борт этого судна, и все это слишком больно ранило ее сердце.

Оказавшись на палубе, Катса отвела Биттерблу к борту, и они, стоя рядом, дышали морским воздухом и смотрели на мерцание воды в ночной тьме.

Глава тридцать третья

Больше всего она любила свешиваться через борт и смотреть, как нос корабля разрезает волны. Особенно ей нравилось, когда волны были большие и корабль то поднимался, то опускался или когда шел снег и снежные хлопья обжигали лицо. Мужчины смеялись и говорили, что принцесса Катса – прирожденный мореход. Биттерблу к этому добавляла – когда стала чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы выходить на палубу поболтать, – что Катса рождена, чтобы делать все, что нормальным людям кажется ужасным.

Больше всего Катсе хотелось залезть на самые высокие снасти на самой высокой мачте и повисеть там, в небесах. И в один прекрасный день, когда Лоскут, который оказался старшим помощником капитана, послал парня по имени Рэд наверх, чтобы распутать моток канатов, он предложил ей присоединиться к Рэду.

– Не стоит ей потакать, – сказала Биттерблу Лоскуту, уперев руки в бока и запрокинув голову, чтобы прожечь его взглядом. Она выглядела весьма воинственно, если учесть, что была в пять раз меньше него.

– Принцесса, я так думаю, она все равно туда полезет, разрешу я или нет, так лучше уж сейчас, под моим присмотром, чем ночью или во время шквала.

– Если вы думаете, что, слазив туда сейчас, она не станет...

– Осторожно! – перебил ее Лоскут, потому что палуба накренилась и Биттерблу качнулась вперед.

Он поймал ее и поднял на руки. Они смотрели, как Катса, цепляясь руками и ногами, забирается по мачте вслед за Рэдом; и когда Катса наконец глянула вниз со своего наблюдательного пункта в небесах, где ее качало так, что она поразилась способности Рэда хоть что-то там распутать, она вспомнила, как Биттерблу боялась мужчин, когда они с По впервые ее встретили. А теперь она позволила этому огромному моряку поднять ее на руки и держать, как ребенка. Рука девочки обвилась вокруг его шеи, и они оба смеялись, глядя на Катсу снизу вверх.

Капитан сказала, что путешествие займет около четырех или пяти недель. Корабль шел быстро, и большую часть времени они были одни посреди океана. Когда Катса залезла на снасти, она всякий раз обязательно подолгу вглядывалась за корму, искала признаков погони, но никто за ними

не следовал. Было большим облегчением чувствовать, что за ними не охотятся и что они не должны прятаться. В открытом море с капитаном Фавн и ее командой было безопасно, ни один матрос не смотрел на них с подозрением, и Катса постепенно поверила, что ни одного из них не отравила Лекова ложь.

– Мы дня не провели в Санклиффе, – сказала ей капитан. – Вам повезло, принцесса. Благодарите за это мой Дар.

– А еще за нашу скорость, – добавила Катса.

Ведь зимнее море было беспокойным, и им приходилось менять курс так часто, что их путь, должно быть, выглядел как какой-то странный танец на воде, но им удавалось обойти самые сильные шторма, неуклонно продвигаясь на запад.

Катса рассказала капитану о Даре Лека и причинах их побега в один из первых дней, когда Биттерблу было очень плохо и Катсе ничего не оставалось, как только заботиться о ней и думать. Она рассказала капитану все, потому что внезапно с ужасом поняла, что сорок с лишним человек на борту корабля прекрасно знали, кто они с Биттерблу такие и куда направляются. Это означало сорок с лишним осведомителей, когда Катса и Биттерблу сойдут и корабль отправится дальше по своим торговым делам.

– Я могу поручиться за большинство моих людей, они не проговорятся, – сказала капитан Фавн. – А то и за всех.

– Вы не понимаете, – сказала Катса. – Когда речь идет о короле Леке, я не могу поручиться за саму себя. Недостаточно, чтобы они поклялись ничего никому не говорить. Если одна из историй Лека коснется их ушей, они забудут свои клятвы.

– Чего же вы от меня хотите, принцесса?

Катса вовсе не хотела об этом просить, и потому она уставилась на стол перед собой, поджала губы и понадеялась, что капитан поймет. Ждать пришлось недолго.

– Вы хотите, чтобы мы остались в море после того, как высадим вас в Лиониде, – сказала капитан резким голосом, который становился еще резче по мере того, как она говорила. – Хотите, чтобы мы уплыли в море, прочь, на всю зиму и дольше – неизвестно, на какой срок, – пока вы и принц По, с которым вы даже не можете связаться, найдете способ обезвредить короля Монси. После чего, я полагаю, мы должны ждать, пока кто-то найдет нас и пригласит обратно на берег? Вернее, то, что от нас останется, потому что у нас закончатся запасы, принцесса. Мы – торговое судно, знаете ли, построенное так, чтобы плавать от порта к порту и пополнять запасы еды и воды на каждой стоянке. Достаточно того, что мы сейчас идем обратно в

Лионид...

– Вы везете много фруктов и овощей, которыми торгуете, – сказала Катса, – и ваши моряки умеют ловить рыбу.

– У нас кончится вода.

– Найдите шторм, – сказала Катса.

Капитан глядела скептически. Катса подумала, что было полным безумием предлагать такое: чтобы корабль ползал по кругу в каком-то замерзшем уголке моря, ожидая новостей, которые могут и не прийти. И все ради сохранности одной юной жизни. Внезапно капитан то ли хмыкнула, то ли усмехнулась, и Катса приготовилась к спору.

Но Фавн уставилась на свои руки в задумчивости и, когда наконец заговорила, очень удивила Катсу.

– Вы просите очень много, – сказала она. – Но я не могу делать вид, что не понимаю, что вами движет. Лека нужно остановить, и не только ради принцессы Биттерблу. Его Дар безграничен, и король с такими наклонностями – угроза всем семи королевствам. Если моя команда избежит сплетен и слухов, получится сорок три мужчины и одна женщина, чьи умы ясны и подходят для этого дела. К тому же, – продолжала она, – я обещала помочь вам, чем только смогу.

Настала очередь Катсы не верить своим ушам.

– Вы действительно это сделаете?

– Принцесса, – сказала капитан, – не в моей власти отказывать вам. Но это я сделаю по желанию, а не по принуждению и буду ждать так долго, как смогу, не подвергая опасности людей и корабль. И с условием, что получу компенсацию за потерянные товары.

– Это само собой разумеется.

– Ничего в торговле не разумеется само собой, принцесса.

Итак, они заключили соглашение. Корабль останется в море недалеко от Лионида, в определенном месте к западу от необитаемого острова, который она могла описать, а другое судно могло найти, и останется до тех пор, пока за ними не придет судно или обстоятельства на борту не станут такими, что дальнейшая изоляция будет невозможна.

– Понятия не имею, что я скажу команде, – сказала капитан.

– Когда настанет время объяснений, – сказала Катса, – расскажите им всю правду.

Однажды, когда они подкреплялись на камбузе, капитан спросила Катсу и Биттерблу, как они добрались до Санклиффа незамеченными.

– Мы перешли через Монсийские горы в Сандер, – сказала Катса, – и шли по лесам. Когда добрались до предместий Санклиффа, двигались

только по ночам.

– А как вы прошли горный перевал, принцесса? Разве там не было стражи?

– А мы пошли не по тому перевалу. Мы пошли по перевалу Греллы.

Капитан вскинула брови на Катсу поверх чашки, которую поднесла ко рту. Потом поставила чашку обратно.

– Я вам не верю.

– Но это правда.

– Вы преодолели перевал Греллы и сохранили все пальцы на руках и ногах, не говоря уже о ваших жизнях? Я еще могла бы поверить этому, если бы речь шла только о вас, принцесса, но уж никак не о девочке.

– Катса меня несла, – сказала Биттерблу.

– И погода была хорошая, – добавила Катса.

Капитан расхохоталась:

– Не стоит лгать насчет погоды, принцесса. С конца лета на перевале Греллы снег шел каждый день, и во всех семи королевствах трудно найти место холоднее.

– Тем не менее в тот день, когда мы переходили, могло быть и хуже.

Капитан все еще смеялась.

– Если мне когда-нибудь понадобится защитник, принцесса, я надеюсь, вы окажетесь поблизости.

Пару дней спустя, после одной из ледяных океанских ванн, которые Катса любила принимать и которые Биттерблу считала еще одним доказательством ее сумасшествия, Катса сидела на койке Биттерблу и стаскивала с себя промокшую одежду. Их каюта едва вмещала две кровати, на которых они спали, и была скудно освещена светильником, качавшимся под потолком. Биттерблу принесла Катсе тряпицу, чтобы вытереть мокрую кожу и смерзшиеся волосы. Она протянула руку и потрогала плечо Катсы. Та глянула вниз и увидела в неверном свете белые полосы на коже, которые и привлекли внимание девочки. Шрамы в тех местах, где когти горного льва разорвали ее плоть. И на груди тоже шрамы.

– Хорошо зажило, – сказала Биттерблу. – У меня нет сомнений, кто победил в той схватке.

– При всем при том, – сказала Катса, – силы были неравны, и у него было преимущество. В другой день он бы меня убил.

– Вот бы мне твое мастерство, – сказала Биттерблу. – Я бы хотела уметь защититься от всего на свете.

Биттерблу уже не первый раз говорила что-то в таком духе. И в который раз Катса вспоминала, почувствовав острый укол паники, что

Биттерблу ошибается: в тот единственный раз, когда Катса встретила с Леком, она была абсолютно беззащитна.

Тем не менее над беззащитностью Биттерблу можно было и поработать. Когда Лоскут начал дразнить ее из-за ножа, который она носила в ножнах на поясе, – того самого ножа размером с половину ее руки, с которым она не расставалась с тех пор, как Катса и По нашли ее в лесу Лека, – Катса решила, что настало время добавить ей грозности. Настолько, насколько можно добавить грозности ребенку. Как глупо, что во всех семи королевствах самые слабые и уязвимые – девочки и женщины – ходили без оружия и не учились сражаться, в то время как сильные достигали вершин умений.

Итак, Катса стала учить девочку. Сначала обращаться с ножом. Правильно его держать, чтобы не выскользнул из пальцев, нести легко, как будто он был естественным продолжением руки. Первый урок оказался для девочки труднее, чем Катса предполагала. Нож был тяжелый. И острый. Биттерблу было страшновато идти с открытым лезвием по полу, который качался и шатался. Она держала рукоять слишком крепко, так крепко, что ее рука заболела, а на ладони появились мозоли.

– Ты боишься собственного ножа, – сказала Катса.

– Я боюсь на него упасть, – сказала Биттерблу. – Или поранить кого-нибудь случайно.

– Это вполне естественное опасение. Но если держать его слишком крепко, ты точно так же можешь потерять контроль над ним, как если будешь держать слишком слабо. Ослабь хватку, девочка. Он не выпадет, если держать его, как я тебя учила.

И Биттерблу расслабляла руку с ножом, пока пол снова не накренился или один из матросов не подходил близко, – тогда она тут же забывала, что сказала Катса, и вцеплялась в нож со всей силы.

Катса сменила тактику. Она отменила формальные уроки и заставила Биттерблу ходить по кораблю с ножом в руке несколько дней. С ножом в руке девочка ходила к своим друзьям-матросам, забиралась по лестнице между палубами, ела на камбузе и вытягивала шею, чтобы посмотреть, как Катса лазит по снастям. Сначала она часто вздыхала и переключала нож из одной руки в другую. Но потом, через пару дней, он вроде бы стал меньше ее смущать. Еще через несколько дней нож свободно болтался сбоку. Не забытый – Катса видела, как девочка осторожничала с ним, когда пол качался или кто-то был рядом, – но удобно лежащий в руке. Знакомый. И вот теперь наконец настало время девочке учиться использовать оружие, которое она держала.

За следующие несколько уроков дело почти не продвинулось. Биттерблу была упорной и зверски целеустремленной, но она никогда не тренировалась, и ее мышцы не привыкли к движениям, которых добивалась от нее Катса. А та иногда терялась, чему ее учить. Была некоторая польза в том, чтобы научить девочку блокировать и наносить удары в традиционном смысле, но только некоторая. Она бы не продержалась долго в драке, если бы дралась по правилам.

– Что тебе нужно, – говорила ей Катса, – так это причинить как можно больше боли и искать брешь.

– И не обращать внимания на собственную боль, – сказал Джим. – Сколько сможешь терпеть.

Джим помогал с уроками, как и Медведь и все прочие матросы, когда у них находилось время. Иногда уроки служили обеденным развлечением для людей на камбузе, а в погожие дни – зрелищем в углу палубы. Не все матросы понимали, зачем учить маленькую девочку драться. Но никто не смеялся над ее попытками, даже когда Катса советовала ей использовать такие бесчестные методы, как укусы, царапанье и вырывание волос.

– Необязательно быть сильной, чтобы воткнуть большие пальцы человеку в глаза, – наставляла Катса, – но это очень эффективно.

– Гадость какая! – поморщилась Биттерблу.

– С таким ростом ты не можешь себе позволить роскошь драться чисто, Биттерблу.

– Я не говорю, что не сделаю этого. Только что это гадость.

Катса постаралась спрятать улыбку:

– Ну да, правда. Гадость та еще.

Она показала Биттерблу уязвимые места, в которые надо колоть, чтобы убить, – горло, шея, живот, глаза, и места, куда можно бить с меньшей силой. Она научила Биттерблу прятать маленький нож в сапоге и быстро его выхватывать. Вонзать нож обеими руками и держать по ножу в каждой руке. Не выронить нож в суматохе нападения, когда все происходит так быстро, что не успеваешь сообразать.

– Вот так и надо! – выкрикнул Рэд как-то раз, когда Биттерблу ухитрилась двинуть Медведя локтем в пах, отчего он, рыча, согнулся вдвое.

– А теперь, когда он отвлекся, – сказала Катса, – что ты сделаешь?

– Ударю в шею ножом, – ответила Биттерблу.

– Молодец.

– Решительная малышка, – довольно сказал Рэд.

Она действительно была решительной малышкой. Такой маленькой, такой ужасно крошечной, что Катса знала, как и любой из матросов,

сколько удачи ей понадобится, чтобы защититься от нападения. Но то, чему она училась, давало ей шанс. Да и уверенность в себе тоже не помешает. Эти люди, эти матросы, которые стояли рядом и подбадривали ее криками, – они тоже помогали, и даже больше, чем сами могли предположить.

– Конечно, ей никогда не понадобятся эти навыки, – добавил Рэд. – У принцессы Монси всегда будут телохранители.

Катса не сказала того, что первым пришло ей в голову.

– Мне кажется, пусть лучше она владеет навыками и они никогда не пригодятся, чем их не будет, но однажды они понадобятся.

– Ваша правда, принцесса. Никто не знает этого лучше, чем вы и принц По. Я так думаю, вы вдвоем могли бы сделать приличное войско из кучки детей.

Перед глазами Катсы встало воспоминание о По, изнуренном и нетвердо стоящем на ногах. Она поспешила его отогнать, проверила, в порядке ли Медведь, и сосредоточилась на следующем упражнении для Биттерблу.

Глава тридцать четвертая

Катса сидела на снастях с Рэдом, когда впервые увидела Лионид. Он был точно таким, как описывал По, и невероятным, как сюжет с гобелена или из песни. Из моря вздымались темные скалы, а на них белели снежные поля. Посреди полей высился одинокий утес, а на вершине его стоял город. Он так сиял, что Катса подумала: должно быть, он весь из золота.

Когда корабль подплыл поближе, она поняла, что не так уж ошибалась. Здания в городе были сделаны из бурого песчаника, желтого мрамора и белого кварца и искрились в свете небес и от водных бликов. А купола и башенки здания, которое возвышалось надо всеми другими и раскинулось через все небо, действительно были золотыми. Это был замок Рора, дом, в котором вырос По. Такой огромный и яркий, что Катса так и повисла на снастях, открыв рот. Рэд рассмеялся и крикнул Лоскуту, что все-таки есть на свете кое-что, способное заставить принцессу остановиться и никуда не лазить.

– Земля! – огласил он затем, и люди по всей палубе откликнулись радостными криками.

Рэд соскользнул вниз, но Катса осталась на снастях и смотрела, как Рорион вырастает перед ней. Она разглядела дорогу, которая вилась от основания утеса вверх к городу, и площадки, висящие над полями на канатах, слишком тонких, чтобы она могла их увидеть. Когда корабль обогнул юго-восточный берег Лионида и направился на север, она повернулась, чтобы и дальше смотреть на город, пока он не исчезнет. Ее глазам было почти больно от вида Рориона, и ее не удивляло, что По родился в сияющем городе. И в такой ошеломляюще красивой стране.

Корабль обошел островное королевство с севера и запада, а Катса едва моргала. Она видела пляжи белого песка, иногда присыпанные снегом. Горы, исчезающие в тучах. Каменные городки, построенные на скалах и незаметно подвешенные над морем. Деревья на утесах, окоченевшие и голые, чернеющие на фоне зимнего неба.

– Деревья По, – сказал Лоскут, когда она указала на них. – Наш принц вам не рассказывал? Осенью листья становятся серебристыми и золотыми. Пару месяцев назад было очень красиво.

– И сейчас красиво.

– Пожалуй. Но зимой Лионид серый. В другие времена года здесь все в цвету. Вы сами увидите, принцесса.

Катса глянула на него удивленно, а потом задумалась – чему, собственно, удивляться? Она увидит, если пробудет здесь достаточно долго, а они наверняка останутся на некоторое время. У нее не было четкого плана, что делать, когда они доберутся до замка По. Она собиралась изучить здание, найти в нем потайные места и укрепить его. Выставить стражу из слуг, которые там окажутся. Думать и планировать, ожидая новостей о По или Леке. И так же как она будет укреплять замок, она будет укреплять свой разум от новостей, несущих яд Лековой лжи.

– Я знаю, о чем вы нас попросили, принцесса, – раздался рядом голос Лоскута.

На сей раз она посмотрела на него с истинным изумлением. Он глядел на проплывающие мимо деревья, лицо у него было серьезное.

– Капитан Фавн сказала мне. Она сказала только нескольким из нас, очень немногим. Хочет, чтобы мы поддержали ее, когда придется сказать остальным.

– И ты ее поддержишь? – спросила Катса.

– Она меня уговорила.

– Я рада, – сказала Катса. – И мне очень жаль.

– Это не ваша вина, принцесса. Это вина того чудовища, что зовется королем Монси.

Пошел легкий снег. Катса подставила руки навстречу падающему снегу.

– Что, по-вашему, с ним не так, принцесса? – спросил Лоскут.

Катса поймала снежинку на ладонь.

– Что значит «не так»?

– Ну, почему ему нравится мучить людей?

Катса пожала плечами:

– Его Дар позволяет ему делать это с легкостью.

– Но у всех есть возможность причинять боль, – сказал Лоскут. – Это же не значит, что они ею пользуются.

– Я не знаю, – сказала Катса, вспомнив о Ранде и Мергоне, об остальных королях и их бесчинствах. – Мне кажется, многие люди с удовольствием ведут себя жестоко, если их власть это позволяет, а у Лека власти больше всех. Я не знаю, почему он так делает, я только знаю, что мы должны его остановить.

– Как вы думаете, Лек знает, где вы, принцесса?

Катса смотрела, как хлопья снега тают в море. Она вздохнула.

– Мы мало с кем говорили, – сказала она, – с тех пор как покинули Монси. И никому не сказали, куда направляемся, пока не попали на борт

этого корабля. Но... он видел нас, Лоскут, – и меня, и По – и, конечно, узнал. Мест, где мы могли бы спрятать девочку, очень мало. Он будет ее искать. Мне нужно найти место, где можно скрыться, – во дворце или в прилегающих владениях. Или даже где-нибудь в лесах Лионида.

– Погода будет суровой до самой весны, принцесса.

– Да. Что ж, возможно, я не смогу устроить ее с комфортом. Но по крайней мере, она будет в безопасности.

По сказал, что дворец невелик, похож скорее на большой дом, чем на замок. Но, увидев, как дворец Рора заполняет собой небо, Катса подумала, что у По представление о масштабах может быть не такое, как у других людей. Замок Ранды был большим. Замок Рора – гигантским. Какого размера замок По – было пока неизвестно.

Когда она наконец его увидела, он ей понравился. Он был маленький, – по крайней мере, так казалось с ее насеста на снастях далеко внизу. Он был незатейливо построен из побеленного камня, балконы и наличники выкрашены в голубой, под цвет неба, и только единственная квадратная башня, поднимавшаяся откуда-то сзади, намекала, что это не просто дом.

Его расположение, однако, было совсем непростым, и оно понравилось Катсе еще больше, чем простота здания. Из воды вздымался утес, и замок балансировал на самом его краю. Он выглядел так, будто вот-вот рухнет вниз, будто ветер вот-вот найдет слабое место в фундаменте, накренит замок со скрипом и стоном и повалит в море. Она поняла, почему на балконах зимой опасно. Некоторые из них нависали над пустотой.

У подножия замка волны разбивались о скалу. Но в скале была крошечная бухточка, узенький заливчик, где волны разливались и выкатывались пеной на песок. Малюсенький пляж, и ступени вели от него вверх по краю утеса, петляя и поворачивая, иногда вовсе пропадая, поднимались вдоль стены замка на один из тех самых головокружительных балконов.

– Где мы причалим? – спросила она капитана, когда слезла на палубу.

– На другой стороне этого утеса есть бухта, неподалеку от пляжа. Вот там и встанем. Из бухты есть тропа – она ведет не в замок, и вам покажется, что вы идете не туда, принцесса, но потом она поворачивает и выводит на холм перед замком. Там лежит снег, но тропу чистят, на случай если принц вернется.

– Вы, похоже, хорошо тут все знаете.

– Несколько лет назад я была капитаном на корабле поменьше,

принцесса, на судне снабжения. Замки Лионида прекрасно расположены, но, поверьте, подвозить продовольствие к ним очень трудно. Путь к дверям очень крутой.

– У него много слуг?

– Думаю, очень мало, принцесса. И не забывайте, что теперь это ваш замок и ваши слуги, хотя вы продолжаете говорить о них как о «его».

Да, она помнила. И еще и поэтому не очень радовалась перспективе первой встречи с жителями замка. Появление госпожи Катсы из Миддландов, всем известного Одаренного палача, с кольцом По, абсурдной трагической историей про Лека и Ашен и намерением превратить замок в крепость и прервать всяческий контакт с окружающим миром... Катса чувствовала, что все будет очень и очень непросто.

Тропа оказалась точно такая, как описала капитан Фавн, а склон – крутой и изрезанный наносами снега. Но самой большой проблемой были ноги Биттерблу, привыкшие к морю. Она шла по суше так же неуклюже, как вначале по кораблю, и Катса поддерживала ее, пока они карабкались к парадной двери По. Ветер поддувал сзади, как будто подталкивая их вверх по склону.

Замок с этого ракурса не казался более похожим на замок. Он выглядел как высокий белый дом на вершине горы, затененный несколькими могучими деревьями во внутреннем дворе, где в погоду получше, должно быть, очень приятно. За деревьями вздымалась огромная башня, окна были высокие, крыши острые, наверху площадка с перилами. С одного бока – конюшня, с другого – замерзший сад, и никаких признаков – если не слышать шума волн, – что прямо за всем этим скала обрывается в море.

Они достигли вершины. Порыв ветра втолкнул их на цветные плитки внутреннего двора. Биттерблу вздохнула от облегчения, что снова стоит на плоской поверхности. Они приблизились к дому, и Катса подняла руку, чтобы постучать в огромную деревянную дверь замка По. Но не успела она коснуться дерева, как дверь распахнулась и в лицо им повеяло теплом. Перед ней стоял пожилой лионидец, одетый в длинную коричневую форменную куртку слуги.

– Приветствую вас, – сказал он. – Пожалуйста, пройдите в зал для приемов. Поскорее, – добавил он, поскольку Катса приросла к месту от его неожиданного появления. – А то все тепло выпустим.

Он провел их в темный холл. Катса заметила высокие потолки, лестницу, ведущую на галерею второго этажа, и по крайней мере три

горящих камина. Биттерблу шла, держась за ее руку.

– Я – леди Катса из Миддлэндов... – начала Катса, но мужчина указал им на двойные двери впереди.

– Сюда, – сказал он. – Господин ожидает вас.

У Катсы от изумления отвисла челюсть. Она ошеломленно уставилась на слугу:

– Ваш господин! Хотите сказать, он здесь? Как это может быть? Где он?

– Прошу вас, госпожа, – сказал слуга. – Пройдите сюда. Вся семья в зале для приемов.

– Вся семья!

Мужчина указал рукой в сторону комнаты прямо перед ними. Катса посмотрела на Биттерблу и поняла, что изумленное выражение лица девочки отражает ее собственное. Конечно, у По было время добраться домой, ведь Катса и Биттерблу целую вечность провели в горах. Но как бы он это сделал, в его-то состоянии? Как покинул бы свое укрытие незамеченным? И как...

Слуга подвел их к дверям, а Катса все пыталась сформулировать вопрос, хотя бы один.

– Как давно принц здесь? – спросила она.

– Принцы только что прибыли, – ответил мужчина и, прежде чем она успела спросить, что это значит, открыл двери.

– Как чудесно! – раздался голос внутри. – Добро пожаловать, друзья! Заходите и занимайте места в нашем счастливом кругу!

Голос был знакомый, и Катса поймала Биттерблу и прижала к себе, когда у девочки подкосились ноги и она, ахнув, упала. Катса подняла глаза, чтобы оглядеть незнакомцев, сидящих вдоль стен длинной комнаты. У дальней стены, улыбаясь и оценивая их взглядом единственного глаза, восседал Лек, король Монси.

Глава тридцать пятая

– Добро пожаловать. Друзья. Почетное место. Счастливый круг.

Катса немедленно почувствовала, что не может доверять чему-то в этом человеке, который говорил такие приятные вещи таким приятным добрым голосом. Что-то в нем было, какое-то качество, которое заставляло ее быть настороже. Он ей не нравился.

Однако слова были добрыми и дружелюбными, все незнакомцы в комнате улыбались ему и ей, и не было никаких причин для неудовольствия. Никаких причин так внезапно невзлюбить этого человека. Она замешкалась в дверях, но шагнула вперед. Она осторожно подойдет.

Девочке нехорошо. Наверное, подумала Катса, это из-за непривычно твердой почвы под ногами. Биттерблу плакала, прижималась к Катсе и повторяла, что нужно уходить.

– Он врет, – твердила она. – Он врет.

Катса посмотрела на нее без выражения. Девочке этот человек тоже явно не понравился. Катса это учтет.

– Моя дочь больна. Мне больно смотреть, как моя дочь страдает, – сказал Лек, и Катса вспомнила и поняла, что он отец Биттерблу. – Помогите своей племяннице, – сказал Лек женщине, сидевшей слева от него.

Женщина подскочила и двинулась к ним с протянутыми руками.

– Несчастное дитя! – воскликнула женщина.

Она попыталась оттащить девочку от Катсы, чтобы обнять ее, и бормотала что-то приятное, но Биттерблу завизжала, ударила ее и прилипла к Катсе, словно перепуганный дикий зверек. Катса взяла ее на руки и бездумно стала успокаивать. Она посмотрела через голову девочки на женщину, которая каким-то образом приходилась Биттерблу тетей. Лицо женщины внезапно отозвалось в ее памяти. Ее лоб и нос были знакомыми. Не цвет глаз, но их форма. Катса взглянула на ее руки и поняла. Это была мать По.

– У нее истерика, – сказала мать По Катсе.

– Да, – сказала Катса и крепче прижала девочку к себе. – Я о ней позабочусь.

– Где мой сын? – спросила женщина. Ее глаза наполнились тревогой. – Вы знаете, где мой сын?

– И действительно, – сказал Лек своим раскатистым голосом. Он склонил голову набок, и его единственный глаз смотрел на Катсу. – В

вашей компании одного не хватает. Надеюсь, он жив?

– Да, – сказала Катса, а потом немного задумалась, не собиралась ли она сказать, что он умер. Разве она раньше не притворялась, что он умер? Но почему бы ей это было нужно?

Глаз Лека моргнул.

– Вот как? Чудесные новости. Возможно, мы можем ему помочь. Где он?

Биттерблу выкрикнула:

– Не говори ему, Катса! Не говори ему, где По, не говори, не говори...

Катса принялась ее успокаивать:

– Ш-ш-ш, все хорошо, малышка.

– Пожалуйста, не говори ему.

– Не скажу, – кивнула Катса. – Не скажу.

Она уткнулась лицом в шапочку Биттерблу и решила, что не стоит говорить этому человеку про По, если девочку это так расстраивает.

– Что ж, ладно, – сказал Лек. – Я все понял.

Он на секунду замолчал. Казалось, он размышляет. Его пальцы тербели рукоять ножа на поясе. Взгляд короля скользнул по Биттерблу и задержался, и Катса обнаружила, что прижимает девочку ближе к себе и прикрывает ее руками.

– Моя дочь не в себе, – сказал Лек. – Она сбита с толку и больна, ее сознание помутилось. Она думает, что я причину ей вред. Я как раз рассказывал семье принца По о болезни моей дочери. – Он обвел рукой комнату. – Я рассказывал, как она сбежала из дома после несчастного случая с ее матерью. О том, как вы и принц По нашли ее, госпожа Катса, и как вы сберегли ее для меня.

Катса проследила за его жестом, оглядев комнату. Еще знакомые лица, вот мужчина постарше Лека, король, отец По. Его лицо суровое и гордое, но во взгляде – туман. Такой же, как у всех в этой комнате, у этих молодых людей, которые, должно быть, братья По, и этих женщин, наверное их жен. Или это туман в ее собственном сознании не дает ей рассмотреть их лица отчетливее?

– Да, – ответила она на что-то, что говорил Лек. Что-то насчет заботы о Биттерблу. – Да, я ее сберегла.

– Скажите мне, – прогремел голос Лека, – как вы выбрались из Монси? Вы пересекли горы?

– Да, – сказала Катса.

Лек откинул голову назад и рассмеялся:

– Я так и думал, когда мы потеряли вас из виду. Я почти решил

махнуть рукой и подождать. Я знал, что вы объявитесь где-нибудь рано или поздно, но когда навел справки, то узнал, что вас не очень-то ждут при вашем дворе, леди Катса. И я сходил с ума, совершенно сходил с ума, сидя дома и ничего не делая, когда мое любимое дитя... – взгляд его единственного глаза снова задержался на Биттерблу, и он потер рот ладонью, – когда моя девочка не со мной. Я решил рискнуть. Я, конечно, приказал своим людям продолжить поиски во всех королевствах, но в Лионид решил отправиться сам.

Катса помотала головой, но туман в ней не развеялся.

– Не стоило волноваться, – сказала она. – Я ее сберегла.

– Да, – сказал он. – И теперь вы привели ее прямо ко мне, на мой порог, в мой замок на западном побережье Лионида.

– Ваш замок... – тупо повторила Катса. Она думала, что это замок По. Или ее собственный? Нет, это чушь, она же из Миддландов, и замка у нее нет. Она, наверное, недопоняла что-то, что кто-то где-то сказал.

– Настало время тебе отдать мне мое дитя, – сказал Лек.

– Да, – согласилась Катса, но ее беспокоила мысль оставить заботу о девочке, которая перестала упираться и теперь висела на Катсе, бормоча всякий вздор и всхлипывая. В оцепенении она шепотом повторяла слова Лека снова и снова, как будто проверяла, как они будут звучать, сказанные ее голосом.

– Да, – снова сказала Катса. – Я отдам... но только когда она поправится.

– Нет, – сказал Лек. – Отдай мне ее сейчас. Я знаю, как ей помочь.

Катсе категорически не нравился этот человек. Эта его манера распорядиться – и то, как он смотрел на Биттерблу, каким-то странным взглядом, который Катса видела раньше, но никак не могла припомнить. Биттерблу была на ее попечении. Катса подняла голову:

– Нет. Она останется со мной, пока ей не станет лучше.

Лек рассмеялся. Окинул взглядом комнату.

– Леди Катса полна противоречий, – сказал он. – Но думаю, не стоит ее осуждать за желание защитить девочку. Что ж, не важно. Я наслажусь обществом моей дочери, – его взгляд снова скользнул по Биттерблу, – позже.

– А теперь вы расскажете мне о моем сыне? – спросила женщина, стоящая около Катсы. – Почему он не здесь? Он ведь не ранен?

– И вправду, – сказал Лек. – Утешьте сердце матери, леди Катса. Расскажите нам все о принце По. Он где-то поблизости?

Катса обернулась к женщине, нервничая оттого, что кусочки

головоломки в голове никак не хотели складываться в картинку. Что-то о По можно было сказать, но разве кое-что не лучше бы сохранить в тайне? Границы размывались. Быть может, лучше ничего не говорить?

– Я не хочу говорить о По, – сказала она.

– Не хотите? – переспросил Лек. – Очень жаль. Потому что я хочу.

Он сжал подлокотник кресла и на секунду задумался.

– Наш По – сильный юноша, – продолжил он. – Сильный и смелый. Гордость семьи. Но он немного себе на уме, вы не находите?

Катса внезапно почувствовала, как нервы напряглись до того, что в пальцах закололо. Лек наблюдал за ее реакцией.

– Да, – сказал он. – По – непростой человек.

Король нахмурился и поджал губы, а потом как будто принял решение. Обвел взглядом комнату, членов семьи По и лучезарно улыбнулся, а затем заговорил приятным тоном.

– Я собирался сохранить кое-что в тайне, – сказал он. – Но теперь мне подумалось, что По действительно очень сильный и однажды может появиться на нашем пороге. И возможно, в ожидании этого мне стоит рассказать вам кое-что, что может, – он слегка улыбнулся, – повлиять на то, как вы его примете. Ибо, видите ли, леди Катса, – продолжал Лек, заглядывая ей в глаза, – я довольно много думал о нашем дорогом По, и у меня появилась теория. Теория, которая покажется вам потрясающей, хоть и немного печальной. Да, – сказал он, улыбаясь в ответ на озадаченные лица окружающих, – всегда печально узнавать, что вас обманывали, а тем более если это делал член семьи. И вы, госпожа Катса, как раз тот человек, на котором я хочу свою теорию проверить, потому что думаю, что вы знаете правду о По.

Отец и братья По заерзали на стульях и нахмурились, и Катса больше не могла связно думать от ужаса и недоумения.

– Это теория о Даре принца По, – сказал Лек.

Катса услышала, как рядом кто-то тихо ахнул. Это была мать По. Женщина шагнула к Леку, прижав руку к горлу.

– Подождите, – сказала она. – Я не знаю...

Она замолчала, обернулась и посмотрела на Катсу, озадаченная и напуганная. Катса совсем запуталась, ее одолевала отчаянная тревога. Она чувствовала... она понимала... она почти готова была что-то вспомнить...

– Я полагаю, ваш По скрывал от вас кое-что, – сказал Лек. – Скажите, прав ли я, леди Катса, что принц По на самом деле...

И в этот момент Катса наконец ощутила уверенность. В это мгновение она очнулась от оцепенения. Опустила девочку на пол, выхватила с пояса

кинжал и метнула его. Не потому, что помнила, что Лек должен умереть. Не потому, что помнила правду о Даре По. Но потому, что вспомнила, что у По есть секрет, страшный секрет, и, если его раскрыть, По будет ужасно больно, хоть она и не помнила почему... и этот человек вот-вот проболтается. Она должна его остановить как угодно, она должна заставить его замолчать, прежде чем разрушительные слова будут произнесены.

Леку следовало бы держаться своей лжи, потому что именно правда, которую он едва не произнес, убила его.

Кинжал пролетел точно по прямой. Он вонзился в открытый рот Лека и пригвоздил его к спинке кресла. Так Лек и сидел, с обвисшими руками и ногами, с широко открытым безжизненным единственным глазом. Кровь растекалась от рукояти клинка вниз по одежде. Женщины завизжали, а мужчины возмущенно закричали, бросились к Катсе, обнажая мечи, и Катса тут же поняла, что надо быть осторожной в этой схватке. Нельзя ранить братьев и отца По. И вдруг они остановились, потому что, глянув на Лека, Биттерблу шатко поднялась на ноги. Она встала перед Катсой, вынула свой собственный нож из ножен и дрожащей рукой выставила его против них.

– Не трогайте ее, – сказала Биттерблу. – Она правильно сделала.

– Дитя, – сказал король Рор, – отойди, чтобы мы тебя не задели. Тебе нехорошо. Принцесса Биттерблу, ты защищаешь убийцу своего отца.

– Теперь, когда он умер, мне стало намного лучше, – сказала Биттерблу; ее голос звучал увереннее, а нож в руке перестал дрожать. – И я не принцесса. Я – королева Монси. Наказание Катсы – мое дело, а я говорю, что она права и вы ее не тронете.

Она и правда выглядела лучше и уверенно смотрелась с ножом в руке, собранная и очень целеустремленная. Братья и отец По стояли полукругом с поднятыми мечами, в ушах и на пальцах у них блестело золото. Как семь вариантов По, подумала Катса отстраненно, но без мерцания в глазах. Она протерла свои собственные. Она устала и не могла ясно мыслить. Несколько женщин позади плакали.

– Она убила твоего отца, – снова сказал король Рор, но не так уверенно. Он поднял руку ко лбу. Озадаченно глянул на Биттерблу.

– Мой отец был злой, – сказал Биттерблу. – У моего отца был Дар обманывать людей словами. Он обманывал вас – про смерть моей матери, про мою болезнь, про свои намерения насчет меня. Катса защищала меня от него. Сегодня она спасла мне жизнь.

Все они хватались руками за головы. У всех были нахмурены брови, у

всех на лицах замешательство.

– Он сказал... Лек сказал, что это его замок? Он...

Голос Рора стих. Король уставился на кольца на своей руке. Мать По прерывисто вздохнула. Она повернулась к мужу.

– Мне кажется, то, что сделала госпожа Катса, возможно, не совсем обосновательно, – сказала она. – Он явно собирался высказать какое-то абсурдное обвинение в адрес нашего По. Лично я готова рассмотреть вероятность того, что он все это время врал. – Она прижала руку к сердцу. – Нам надо сесть и во всем разобраться.

Ее муж и сыновья почесали затылки и закивали.

– Давайте все сядем, – сказал Рор, указывая на стулья. Он взглянул на тело Лека и вздрогнул, как будто забыл, что оно все еще там, обвисшее и кровоточащее. – Поставьте стулья сюда, в центр комнаты, подальше от этого... зрелища. Мальчики, помогите дамам. Ну, ну, они плачут. Принцесса... Королева... Биттерблу, ты не могла бы повторить, что сейчас сказала? Признаюсь, у меня в голове все перепуталось. Сыновья, не убирайте мечи, не стоит расслабляться.

– Я обезоружу ее, – сказала Биттерблу, – если вам так будет спокойнее. Пожалуйста, Катса, – сказала она извиняющимся тоном и протянула руку.

Катса оцепенело запустила руку в сапог и отдала девочке нож. Она села на стул, который ей принесли, и отсутствующе отмечала суету садившихся в круг людей, лязг мечей, ахающих и вытирающих слезы женщин, прильнувших к рукам своих мужей. Она уронила голову на руки. Ибо ее сознание прояснилось, и теперь она поняла, что сделала.

Как будто заклинание вспенилось, один пузырек за другим полопались, и теперь их головы были совсем пусты. Абсолютно пусты. Люди говорили глупо и медленно, стараясь воссоздать разговор, которого не помнили, хотя все до единого при нем присутствовали. Рор даже не мог ясно ответить на вопросы Биттерблу о том, когда Лек приехал в Лионид, что он сказал, что сделал, чтобы убедить их, что замок По принадлежит ему. Убедить Рора оставить свою столицу и двор и приехать в отдаленный уголок королевства с женой и сыновьями и развлекать Лека, подчиниться Леку, пока Лек ждал свою дочь, которая могла и не появиться. Что говорил Лек, пока они ждали, медленно и недоверчиво просочилось из уст Рора:

– Мне кажется... Мне кажется, он сказал, что хочет обосноваться в моем городе. У моего трона!

– Мне кажется, он сказал что-то о моих служанках, но я не буду это повторять, – сказала его королева.

– Он говорил об изменении торговых соглашений! Я уверен! – воскликнул Рор. – В пользу Монси!

Рор встал и принялся мерить комнату шагами. Катса одеревенело поднялась, поскольку надо вставать, когда король стоит, но королева усадила ее обратно.

– Если бы мы вставали каждый раз, как он принимается носиться из угла в угол, мы бы все время стояли, – сказала она.

Ее рука осталась на локте Катсы дольше, чем необходимо, а взгляд задержался на ее лице. Голос у мамы По был мягкий. Чем дальше собрание продвигалось к раскрытию обманов Лека, тем с большей добротой королева Лионида смотрела на Одаренную девушку рядом с собой.

Гнев Рора возрастал, как и гнев его сыновей, одного за другим стряхивавших с себя ступор. Они возмущенно кричали и спорили, кто что сказал.

– По правда в порядке? – спросил один из них у Катсы, один из младших, и остановился перед ее стулом, чтобы заглянуть ей в лицо.

По ее щеке скатилась слеза, и она предоставила Биттерблу рассказывать всю историю, всю правду о Леке, которая поразила собрание, как стрелы. Что Лек хотел причинить девочке боль, сделать что-то ужасное, жуткое, что Лек украл дедушку Тилиффа, что Лек убил Ашен. Что его люди чуть не убили По. И теперь скорбь Рора была под стать его гневу, и он стоял на коленях на полу и рыдал об отце и сыне и особенно о сестре, и выкрики его сыновей стали еще громче и возмущеннее. Катса отрешенно подумала: неудивительно, что По такой говорливый. В Лиониде все такие, и все говорят одновременно. Она утерла слезы с лица и постаралась справиться с путаницей в голове.

Когда один из младших братьев присел перед ней и предложил свой носовой платок, она взяла его и тупо уставилась ему в лицо.

– Как думаете, По в порядке? – спросил он. – Вы теперь за ним обратно поедете? Я бы поехал с вами.

Она вытерла лицо платком.

– Ты который?

Брат улыбнулся:

– Я – Скай. Я никогда не видел, чтобы кто-то так быстро метал кинжал. Ты точно такая, как я себе представлял.

Он снова встал и пошел к отцу. Катса прижала руку к животу и постаралась унять горечь внутри. Туман, оставшийся от Дара Лека, покидал ее медленнее, чем других, и ей стало плохо от того, что она сделала. Да, Лек был мертв, и это было хорошо. Но она воспользовалась

кинжалом – кинжалом! – чтобы заставить кого-то замолчать. Ничего более кровавого она никогда не совершала даже для Ранды. И ведь она даже не осознавала, что делает.

Нужно отправиться к По. Нужно предоставить им самим дружно собирать правду по кусочкам. Эти мелочи не имели значения, все эти детали, которые они разбирали и обсуждали, о которых спорили снова и снова, пока день переходил в ночь. Биттерблу спасена – вот это важно. По где-то совсем один, он ранен и сейчас борется с монсиейской зимой – вот это важно.

– Ты скажешь им про кольцо? – спросила Биттерблу тем вечером, когда Катса сидела в их спальне, пытаясь собрать расплывающиеся мысли и обдумать, что делать с кораблем.

– Нет, – сказала она. – Не нужно. Они только расстроятся. Как только я доберусь до По, я ему его верну.

– Мы очень рано отправимся?

Катса подняла взгляд на девочку, которая стояла перед ней с серьезным лицом и рукой на рукояти ножа. Королева Монси, в штанах и с короткими волосами, больше всего на свете похожая на маленького пирата.

– Тебе не обязательно ехать, – сказала Катса. – Это будет трудное путешествие. Когда мы доберемся до Монпорта, двигаться будем очень быстро, и я не сбавлю скорость ради тебя.

– Конечно я поеду.

– Ты теперь королева Монси. Ты можешь вызвать большой корабль и путешествовать с комфортом. Можешь подождать, пока не сменится сезон.

– И нервничать тут, в Лиониде, пока от тебя не придет весть, что По в порядке? Конечно я поеду с тобой!

Катса опустила глаза и сглотнула комок в горле. Она не хотела признавать, как ей приятно оттого, что Биттерблу в этом с ней заодно.

– Мы отправимся с первыми лучами, – сказала она. – На лодке, которую снарядил Рор, из ближайшей деревни. Сначала поплывем за капитаном Фавн и наполним ее трюмы. Потом она отвезет нас в Монпорт.

Биттерблу кивнула:

– Тогда я вымоюсь и пойду спать. Как ты думаешь, кого попросить, чтобы принесли горячей воды?

Катса слегка улыбнулась:

– Позвони в колокольчик, ваше величество. Думаю, слуги По сейчас слегка перегружены, но уж к правительнице Монси кто-нибудь да придет.

Собственно, пришла сама мать По. Она оценила ситуацию и вызвала служанку, которая утщила Биттерблу в другую комнату, бормоча заверения

насчет температуры воды и делая реверансы, как только могла с полными руками полотенец.

Мать По осталась и присела на кровать рядом с Катсой. Она сложила руки на коленях. Кольца на ее пальцах блеснули в свете камина и привлекли внимание Катсы.

– По говорил, что вы носите девятнадцать колец, – услышала она собственный голос. Вздохнув, она стиснула голову ладонями, стараясь в сотый раз выгнать оттуда вид Лека, прибитого к стулу ее кинжалом.

Королева выпрямила пальцы и осмотрела свои кольца. Затем снова сложила руки и покосилась на Катсу.

– Все думают, что ты вдруг вспомнила правду о Леке, – сказала она. – Что вспомнила внезапно и заставила его умолкнуть, прежде чем разум снова помутился. Возможно, так и было. Но я думаю, что понимаю, почему ты смогла найти силы именно в тот момент.

Катса посмотрела на эту женщину, посмотрела в ее спокойное лицо и умные глаза и ответила на вопрос, который увидела в этих глазах:

– По рассказал мне правду о своем Даре.

– Он, должно быть, очень тебя любит, – сказала королева так просто, что Катса вздрогнула. Она понурилась.

– Я очень разозлилась, – сказала она, – когда он впервые мне сказал. Но я... отошла от гнева.

Это описание было жалкой пародией на то, что она чувствовала, и Катса сама это знала. Но королева не отрывала взгляда, и Катсе подумалось: эта женщина понимает кое-что из того, что она не сказала.

– Ты выйдешь за него замуж? – спросила королева так прямо, что Катса снова вздрогнула, но на это у нее был готов такой же прямой ответ.

Она посмотрела королеве в глаза.

– Я никогда не выйду замуж, – сказала Катса.

На лбу королевы появились морщинки удивления, но она ничего не сказала. Помолчала, потом заговорила.

– Ты спасла жизнь моему сыну в Монси, – сказала она. – И снова спасла ее сегодня. Я никогда этого не забуду.

Она встала, наклонилась и поцеловала Катсу в лоб, и в третий раз после появления этой женщины Катса вздрогнула от удивления. Королева повернулась и вышла из комнаты, шурша юбками. Когда дверь за ней закрылась и Катса уставилась в пустоту, где только что была мать По, образ Лека снова возник в ее сознании.

Глава тридцать шестая

Когда Медведь, Рэд и еще несколько матросов потянули за веревки, поднимая на борт гроб Лека, Катса забилась в самый дальний угол палубы. Ей так хотелось не иметь к этому никакого отношения, хотелось даже, чтобы веревки порвались и тело Лека рухнуло в воду, чтобы его разорвали на части морские чудища. Она забралась на мачту и села в одиночестве среди снастей.

В путь к берегам Монси отправилась внушительная группа венценосных особ. Здесь была не только королева Биттерблу – ее сопровождали также принц Скай и король Рор. Дочь его сестры, как заметил Рор, была еще совсем ребенком. Но даже если бы она не была так мала, ситуация в стране слишком тяжелая. Все королевство – во власти обмана, народ верит в добродетели своего повелителя и в то, что принцесса больна, слаба, возможно – даже безумна. Маленькая королева не могла так просто отправиться в Монси, объявить, что теперь власть принадлежит ей, и разоблачить мертвого короля, которого в королевстве просто обожали. Биттерблу нуждалась в опоре и наставнике. На обе роли Рор подходил как нельзя лучше.

Рор решил послать Ская за По. Сильверна Рор послал на другом корабле в Миддланды, чтобы забрать дедушку Тилиффа и привезти его домой. Остальных сыновей Рор отослал домой к их обязанностям и семьям, игнорируя настойчивые уверения в том, что их долг сейчас – быть в Рорионе и вести дела короля. Вместо этого Рор поручил управление государством своей королеве, как поступал всегда, когда обстоятельства заставляли его покинуть трон. Королева справлялась блестяще.

Катса день за днем наблюдала за Рором со своего места среди корабельных канатов. Она привыкла к звуку его смеха и добродушным речам, которыми он располагал моряков к себе. В нем не было ничего серого, не было полутонов. Он был так же красив, как По, и так же самоуверен и при этом вел себя так властно, как у По ни за что бы не получилось. Но – это открылось Катсе постепенно – он не был опьянен своей властью. Может, ему никогда в голову и не приходило помочь матросу натягивать канат, но он с интересом стоял рядом с ним, пока тот натягивал канат, и задавал вопросы о его работе, о доме, о матери, об отце и двоюродном брате, который однажды целый год рыбачил в озерах Нандера. Открытие поразило Катсу своей новизной: этот король смотрит на своих

подданных, а не поверх их голов и видит не только себя.

Катса быстро привязалась к Скаю. Время от времени он, тяжело дыша, забирался на мачту, и всякий раз, когда корабль опускался на волнах, в его широко распахнутых серых глазах плескался смех. Он садился рядом и, хотя никогда не чувствовал себя на мачте так же комфортно, как она, сидел спокойно и удовлетворенно – на редкость приятное общество.

– После знакомства с твоей семьей я подумала, что По – единственный среди вас, кто умеет молчать, – однажды сказала ему Катса, после того как они некоторое время сидели, не говоря ни слова.

Улыбка озарила его лицо.

– Я могу мигом завязать разговор, если хочешь, – сказал он. – И у меня есть к тебе тысяча вопросов. Но я подумал, что, если бы тебе хотелось говорить, ты бы говорила, разве не так? Вместо того чтобы забираться сюда, рискуя разбиться насмерть каждый раз, как мы поднимаемся на волне.

Его компания и дружелюбный гул голоса Рора внизу. Мелкие любезности моряков по отношению к Биттерблу, когда девочка поднималась на холодную палубу для упражнений. Капитан Фавн, такая знающая и надежная, всегда с уважением отвечающая на взгляд Катсы. Все эти вещи подбадривали ее, и рана, которая открылась, когда ее кинжал пронзил Лека, начала затягиваться упругой тонкой кожей.

Она вдруг подумала о своем дяде. Ранда теперь казался ей таким жалким, а его могущество – беспочвенным. Как глупо, что такой человек когда-то имел власть над ней.

Власть. Вот поэтому так и саднило у Катсы в груди: Лек лишил ее власти над своим рассудком. Она не занималась самобичеванием – не ее вина в том, что так случилось. Да и можно ли было поступить иначе? Лек был слишком силен. Она уважала сильных противников – уважала горного льва и скалу, с которыми пришлось сразиться. Но никакое смирение, никакое уважение не могло сделать потерю власти над собой менее ужасающей.

– Прости меня, Катса, – начал однажды Скай, когда они вместе висели на снастях над морем, – но я должен задать тебе один вопрос.

Она уже не раз замечала этот вопрос в его глазах и знала, о чем он спросит.

– Ты ведь не жена моего брата, правильно?

– Нет, – мрачно улыбнулась она.

– Тогда почему все лионидцы на этом корабле зовут тебя принцессой?

Она вдохнула, чтобы облегчить боль, которой эти слова резанули по ее

ране. Потом достала из-за ворота плаща кольцо и показала ему.

– Когда он дал его мне, – сказала она, – он не сказал, что это будет значить. И не сказал, почему дает его мне.

Скай уставился на кольцо. На его лице сменили друг друга сначала удивление, потом смятение и, наконец, упрямое отрицание.

– Наверное, у него были на то разумные причины, – сказал он.

– Конечно, – сказала Катса. – И я намереваюсь их из него выбить.

Скай коротко рассмеялся и снова погрузился в молчание. На лбу у него обозначилась беспокойная складка. А Катсе подумалось, что глубокий шрам, ноющий внутри, остался не только от прошлой ее беспомощности, но и от ощущения беспомощности будущей. Она точно так же не могла заставить По выздороветь, как не могла ясно мыслить в присутствии Лека. На свете есть вещи, которые ей неподвластны, и нужно было подготовиться к тому, что ждет их в хижине По у подножия Монсийских гор.

Задержка в доках Монпорта при сходе на берег была невыносима. Нужно было вызвать капитана стражи Монпорта и всех находившихся в городе придворных и заставить их принять невероятную правду, которую принес им Рор. Поиски Биттерблу, все еще продолжавшиеся, нужно было прекратить и отменить приказ доставить Катсу живой и По мертвым. Когда Рор произносил последнюю часть, в голосе его зазвучал лед.

– Его нашли? – вмешалась Катса.

– Нашли... кого? – глупо спросил капитан стражи Монпорта, почесав затылок.

Путникам был знаком туман в его недоумевающем взгляде.

– Вы нашли лионидского принца? – гневно спросил Рор, но, когда растерянные взгляды капитана и придворных обратились к Скаю, добавил уже мягче: – Младшего принца. С одним серебряным и одним золотым глазом. Кто-нибудь видел его?

– Не думаю, что его видели, ваше величество. Да, я абсолютно уверен. Мы его не нашли. Простите меня, ваше величество. Эта история, которую вы рассказали... мой рассудок...

– Да, – сказал Рор. – Я понимаю. Не будем торопиться.

Катса готова была разнести город камень за камнем – так ее бесила эта неторопливость. Она принялась мерить комнату шагами за спиной короля. Потом присела на корточки и запустила руки в волосы. Разговор продолжал свое монотонное течение. Потребуется не один час, чтобы эти люди освободились от чар Лека, но Катса не могла больше этого выносить.

– Может, нам стоит раздобыть лошадей, отец? – тихо спросил Скай. –

И мы поедем?

Катса вскочила на ноги.

– Да! – воскликнула она. – Да, во имя Миддландов, пожалуйста!

Рор перевел взгляд со Ская на Катсу, а затем на Биттерблу.

– Королева Биттерблу, – сказал он, – если ты доверишь мне разобраться с этой ситуацией в ваше отсутствие, я не вижу причин вас задерживать.

– Конечно я вам доверяю, – отозвалась девочка, – и мои люди будут во всем полагаться на ваше мнение, пока меня нет.

Капитан и придворные с открытыми ртами уставились на свою новую королеву, малышку ростом вдвое ниже Рора, одетую как мальчишка, но полную королевского достоинства. Пока они морщили брови и чесали затылки, Катса уже готова была выцарапать себе глаза от нетерпения. Рор обернулся к ней.

– Чем быстрее вы доберетесь до По, тем лучше, – сказал он. – Я вас не задерживаю.

– Нам нужны две лошади, – сказала Катса, – самые быстрые в городе.

– И проводники-монсийцы, – добавил Рор, – потому что в пути вам встретятся люди, не знающие, что случилось. Любой монсийский воин, увидев вас, попытается схватить.

Катса нетерпеливо тряхнула головой:

– Отлично, и проводники. Но если они не будут поспевать за мной, я их оставлю пыль глотать. – Она повернулась к Скаю. – Надеюсь, ты такой же хороший наездник, как твой брат.

– Или ты и его оставишь пыль глотать? – спросил Рор. – А королева Монси? Если из-за нее лошадь будет скакать медленнее, ты и ее оставишь? Да и саму лошадь, наверное, тоже, когда бедное животное упадет от истощения? – Он выпрямился и вдруг оказался очень высоким. В голосе его зазвучала сталь: – Будь разумна, Катса. Вы возьмете проводников, и они будут скакать перед вами и за вами. Всю дорогу, это тебе ясно? С тобой едут королева Монси и мой сын.

– Неужели вы думаете, – почти что выплюнула Катса, – что мне нужна стража, чтобы защитить их от монсийских воинов?

– Нет! – резко сказал Рор. – Я не сомневаюсь, что ты более чем в состоянии провезти королеву Монси, моего сына, остальных моих сыновей и сотню нандерских котят в придачу сквозь толпу вопящих мародеров, если понадобится. – Он расправил плечи. – Послушай голос рассудка. Если ты сейчас пронесешься по всему Монси вместе с королевой, убивая ее воинов направо и налево, это не принесет никому из нас пользы. К чему это

приведет? Вы возьмете проводников, которые будут подтверждать ваши объяснения и обеспечивать вам мирное продвижение. Это ясно?

Не дожидаясь ответа на свой вопрос, он резко повернулся к капитану, который во время разговора то и дело вздрагивал, как будто их слова причиняли ему боль.

– Капитан, нам нужно четверо самых умелых всадников из вашей стражи, – приказал он, – и шесть самых быстрых лошадей, немедленно! – Рор снова обернулся к Катсе, пристально посмотрел на нее и коротко спросил: – Рассудок вернулся к тебе?

Она потеряла самообладание, а не рассудок – или если все же рассудок, то сейчас уже снова его обрела, услышав обещание дать четырех быстрых наездников, шесть быстрых лошадей и быстро ехать к По.

Они продвигались стремительно и мало кого встретили в пути. Широкая Портовая дорога представляла собой смесь грязи и снега, утрамбованную копытами бесчисленных лошадей. По обеим сторонам возвышались сугробы, а за ними простирались заснеженные поля. Далеко на западе угадывалась темная полоса леса, а за ним силуэты гор. Морозный воздух кусался, но девочка, сидящая на лошади перед Катсой, была теплой и охотно прижималась к ней. Королева, сидящая на лошади, – поправила Катса саму себя. Королева Биттерблу очень изменилась, она больше не была похожа на того пугливого зверька, которого они с По несколько месяцев назад выманили из ствола поваленного дерева.

Со временем Биттерблу станет отличной королевой. А Раффин – хорошим королем. К тому же Рор мудр и крепок, и впереди у него еще долгая жизнь. Получается, что три из семи королевств окажутся в хороших руках. Три из семи, и хоть это и не предел мечтаний, но все же перемена в лучшую сторону.

Вдоль Портовой дороги раскинулось множество городков с постоянными дворами. Периодически всадники останавливались, чтобы спешно перекусить или укрыться от жестоких ночей поздней зимы. Это оказалось возможным только благодаря их проводникам: все воины в любом помещении, на пороге которого появлялась Катса, вскакивали, тянулись к оружию и оставались в таком положении до тех пор, пока объяснения стражи и слова Биттерблу их не успокаивали. На одном постоялом дворе стража замешкалась с объяснениями. Лучник пустил стрелу, и она, пролетев через пустую комнату, попала бы в Ская, если бы Катса не прыгнула на принца и не сбила его с ног. Она поднялась быстрее,

чем до Ская дошло, что он оказался на полу, закрыла королеву своим телом и натянула тетиву своего лука, но стража вмешалась, и на этом все закончилось. Катса помогла Скаю подняться. Посмотрев в его глаза, она поняла, что случилось.

– Лучник принял тебя за По, – сказала она Скаю. – Увидел кольца в ушах и на пальцах, темные волосы и выстрелил, не посмотрев на глаза. Пожалуй, тебе впредь стоит оставаться снаружи, пока стража все не объяснит.

Скай поцеловал ее в лоб:

– Ты спасла мне жизнь.

– Вы, лионидцы, все такие эмоциональные, – улыбнулась она.

– Я назову первенца в твою честь.

Катса рассмеялась:

– Пожалей ребенка, дождись, когда родится девочка. Или даже лучше дождись, пока дети не подрастут, и назови моим именем самого упрямого и твердолобого.

Скай расхохотался и обнял ее, и Катса, ответив на объятия, вдруг неожиданно для себя обнаружила, что в ее нелюдимом сердце обосновался еще один друг.

Путники поднялись наверх для короткого ночного отдыха. Стрелка увели. Скорее всего, его здорово накажут за то, что он осмелился стрелять в такой близости к маленькой сероглазой девочке, которой оказалась королева Биттерблу. И хоть жители придорожных городков и путешественники еще не знали подробностей смерти Лека и не подозревали о его лжи, но мало-помалу народ Монси начал понимать, что Биттерблу в безопасности, Биттерблу здорова и Биттерблу теперь – королева.

Дорога была широкой и гладкой, но она не вела прямо к По. В конце концов путники повернули на запад, в покрытые снегом и льдом поля, и Катса мучилась от того, как медленно они теперь продвигались. Лошади с трудом прокладывали себе дорогу в снегу, порой уходя в него по плечи.

Несколькими днями позже они добрались до опушки леса, и двигаться стало легче. Постепенно местность пошла в гору, деревьев становилось меньше. Скоро им пришлось практически карабкаться. Все, кроме королевы, слезли с лошадей и поднимались пешком.

Осталось немного, совсем чуть-чуть, и Катса решительно подгоняла спутников и чуть ли не тащила за собой лошадей, не позволяя себе думать ни о чем, кроме упорного продвижения вперед.

– Мне кажется, мы покалечили одну из лошадей! – крикнул ей Скай однажды ранним утром, когда они подобрались уже так близко к По, что все тело у нее гудело от нетерпения. Она остановилась и обернулась. Скай показал на лошадь, которую вел под уздцы. – Видишь? Бедняжка хромает, я уверен.

Лошадь брела понуриив голову, из ноздрей вырывались тяжелые вздохи. Катса собрала остатки своего терпения:

– Она не хромает. Она просто устала, а мы почти на месте.

– Откуда тебе знать, ты ведь даже не видела, как она идет?

– Ну так пусть идет.

– Не может, если ты будешь стоять на месте.

Катса бросила на него убийственный взгляд и стиснула зубы.

– Держись хорошенько, ваше величество, – сказала она Биттерблу, сидящей на ее лошади, и, крепко взяв уздечку, погнала животное вперед.

– По-прежнему изо всех сил стараешься уморить лошадей?

Катса замерла. Голос звучал сверху, а не сзади, и это не был голос Ская. Она обернулась.

– Я думал, невозможно подкрасться к тебе незамеченным. Ведь вроде бы орлиный глаз, волчий слух и все такое.

И да, это был он. Он стоял прямо перед ней, и глаза его мерцали, губы дрожали, а за спиной тянулась вытоптанная в снегу дорожка. Катса вскрикнула и побежала, так неистово бросившись на По, что он упал в снег и она упала сверху. Он смеялся и крепко ее обнимал, а она рыдала. И тут подросла Биттерблу и с визгом прыгнула на них, а Скай в конце концов помог всем встать. По крепко обнял маленькую сестру. Потом обнял своего брата, и они взъерошили друг другу волосы и рассмеялись, а потом снова обнялись. И наконец в объятиях По снова оказалась Катса, ее горячие слезы обжигали ему шею, и она обнимала его так крепко, что он заявил, что задыхается. Пожав руки улыбающимся, измученным стражам, он повел друзей, хромающую лошадь и всех остальных в свою хижину.

Глава тридцать седьмая

В хижине было чисто и куда более опрятно, чем когда они впервые на нее набрели. У порога лежала вязанка хвороста, в очаге ярко полыхал огонь, шкаф все еще косо стоял на трех ножках, но пыли больше не было, а на стене висел очень красивый лук. Все это Катса заметила мельком, и этого ей было довольно, потому что она хотела смотреть на По, и только на По.

Двигался он ловко, с прежней легкостью и казался полным сил. Но был чересчур худым, а когда она сказала об этом, он ответил: «Рыба не очень-то полнит, а с тех пор как вы ушли, я ем одну только рыбу. Вы даже не представляете, насколько меня уже тошнит от нее». Тогда они вынули хлеб и яблоки, урюк и сыр и расставили все это на столе. Он ел, смеялся и в конце концов объявил, что находится на вершине блаженства.

– Абрикосы приплыли из Лионида, – сказала Катса. – Они побывали в Санклиффе, потом снова в Лиониде, потом где-то в лионидских морях и, наконец, причалили в Монпорте.

По усмехнулся, и в его глазах отразился свет пламени в очаге. Катса была на седьмом небе от счастья.

– Вы должны рассказать мне одну историю, – сказал он. – Я уже вижу, что конец у нее счастливый. Но начните, пожалуйста, сначала.

И они начали сначала. Катса сообщала основные моменты, а Биттерблу – детали.

– Катса сделала мне меховую шапку, – рассказывала Биттерблу. – Катса сражалась с горным львом.

Катса сделала снегоступы. Катса украли тыкву. Биттерблу одно за другим перечисляла достижения Катсы, словно хвасталась своей старшей сестрой, и Катса не возражала. Забавные подробности делали рассказ не таким мрачным.

Рассказывая о том, что случилось в замке По, Катса вдруг заметила кое-что, что ее задело. По был рассеян. Он смотрел на стол, а не на них. На лице было отсутствующее выражение – он не слушал. И в тот самый момент, когда она заметила его невнимательность, он поднял на нее глаза. На мгновение показалось, что По видит ее, смотрит ей в глаза, но затем он снова бездумно уставился на свои руки. И она могла бы поклясться, что видит затаенную печаль в линии его губ.

Катса прервала свой рассказ, неожиданно – почему-то – испугавшись.

Она вгляделась в его лицо, хоть и не понимая до конца, что пытается в нем разглядеть.

– Словом, Лек нас всех одурманил, – закончила Катса. – Но на какое-то мгновение мой разум прояснился, и я его убила.

«Позже расскажу, как все было на самом деле», – мысленно добавила она.

Он явно вздрогнул, и она забеспокоилась. Но уже через мгновение улыбнулся, словно все в порядке, и она решила, что ей показалось.

– А потом вы вернулись, – весело заключил он.

– Мчались на всех парах, – подтвердила Катса, в недоумении кусая губы. – А еще мне нужно вернуть тебе кольцо. Твой замок прекрасен, как ты и говорил.

Внезапно лицо По исказилось от такой острой боли, что она охнула. Видение исчезло так же быстро, как и появилось, но на этот раз она точно его заметила, совершенно точно, и не могла больше скрывать свое беспокойство. Катса вскочила со своего места и подошла к нему, не зная, что делать, что сказать.

По тоже встал – он что, пошатнулся? Она засомневалась, но, кажется, так оно и было. Взяв ее за руку, По улыбнулся.

– Пойдем со мной на охоту, Катса, – попросил он. – Можешь испробовать лук, который я сделал.

Голос его звучал беззаботно, Скай с Биттерблу улыбались, и Катса почувствовала, что ей единственной чудится здесь что-то тревожное. Она заставила себя улыбнуться в ответ:

– Конечно. С удовольствием.

– Что случилось? – спросила она сразу же, как только они отошли от хижины.

– Ничего, – слегка улыбнулся он.

Энергично поднимаясь в гору, Катса пыталась сдержать рвущееся наружу подозрение. Они вместе прошли по тропинке, которую, видимо, вытоптал По. Миновали озеро. Водопад превратился в ледяную глыбу, лишь посредине била одинокая живая струйка.

– Тебе пригодилась моя ловушка для рыбы?

– Очень пригодилась. Я ею до сих пор пользуюсь.

– Воины обыскивали хижину?

– Да.

– Рана не помешала добраться до пещеры?

– В то время я уже чувствовал себя гораздо лучше, и это было

нетрудно.

– Но ты, наверное, замерз и вымок до нитки?

– Они вскоре ушли, Катса. А я вернулся в хижину и сразу развел огонь.

Катса лезла вверх по каменистому выступу. Схватившись за тонкий ствол дерева, она забралась на небольшой холм. Из девственно-чистого снега выступал длинный, плоский камень. Она прошла к нему и села. По двинулся следом и уселся рядом. Она посмотрела на него. Но он не поднял глаз в ответ.

– Я хочу знать, что случилось, – сказала она.

По сжал губы в тонкую линию и по-прежнему не поднимал взгляда.

– Я бы не стал заставлять тебя выворачивать душу наизнанку, если бы ты не хотела, – произнес он нарочито спокойно.

Она уставилась на него, широко раскрыв глаза:

– Ты прав. Но и я бы не стала лгать тебе, что все в порядке, как ты лжешь мне сейчас.

Странное выражение появилось на его лице. Открытое, ранимое, как у десятилетнего ребенка, который силится не расплакаться. Ее горло сжалось от боли при виде его лица. «По...»

Он поморщился и снова натянул на лицо маску безразличия.

– Пожалуйста, не надо, – сказал он. – У меня кружится голова, когда ты мысленно говоришь со мной. У меня начинается мигрень.

Она сглотнула и попыталась придумать, что сказать.

– Голова еще болит из-за падения?

– Время от времени.

– В этом проблема?

– Я же сказал – все в порядке.

Она коснулась его руки:

– По, прошу тебя...

– Не забивай себе голову, – сказал он и смахнул ее ладонь.

Этот жест изумил и обидел Катсу, и глаза ее защипало от слез. По, которого она помнила, не отмахивался от ее заботы, не уклонялся от ее прикосновений. Это был не По – это был незнакомец. В нем чего-то не хватало. Она оттянула воротник плаща, сняла с шеи веревочку с кольцом и протянула ему:

– Это твое.

Он даже не взглянул на золотой ободок – его взгляд был прикован к собственным рукам.

– Мне оно не нужно.

– Что ты, во имя Миддландов, такое несешь? Это твое кольцо.

– Оставь его себе.

Она уставилась на него, не веря своим ушам.

– По, что заставило тебя думать, что я приму твое кольцо? Я вообще не знаю, зачем ты мне его дал. Лучше бы ты этого не делал.

Его губы горестно сжались, и все же он продолжал смотреть вниз, на руки.

– Я отдал его тебе, потому что знал, что могу умереть, что воины Лека могут убить меня, а тебе некуда будет идти. Я хотел, чтобы после моей смерти дом достался тебе. Он словно создан для тебя, – сказал он с горечью, которая обожгла Катсу, но причина которой была ей непонятна.

Внезапно она заметила, что из глаз у нее льются слезы. Она яростно отерла лицо и отвернулась от По, не в силах выносить того, как он с каменным лицом смотрит на свои руки.

– По, умоляю тебя, скажи мне, в чем дело.

– Что плохого в том, что кольцо будет у тебя? Мой замок стоит в безлюдном краю, в диком уголке мира. Ты была бы там счастлива. Моя семья уважала бы твое уединение.

– Ты окончательно потерял рассудок? Что станет с тобой, если я заберу твой дом и владения? Где ты будешь жить?

Его голос звучал очень тихо.

– Я не хочу возвращаться домой. Я думал о том, чтобы остаться здесь, вдали от всех. Здесь так спокойно. Я... я хочу остаться один.

Она посмотрела на него, раскрыв рот от изумления.

– Ты должна жить дальше, Катса. Оставь кольцо себе. Я сказал – мне оно не нужно.

Не в силах вымолвить ни слова, Катса одеревенело покачала головой, потом потянулась к нему и уронила кольцо ему в ладони. Он посмотрел на него и вздохнул:

– Отдам его Скаю, а он вернет отцу. И пусть тот решает, что с ним делать.

По встал и – на этот раз она была уверена – покачнулся, и ему понадобилось мгновение на то, чтобы восстановить равновесие. С луком в руке он пошел прочь от нее, ухватился за корни какого-то куста и забрался на камень. Катса проследила взглядом, как он взбирается по склону, все больше удаляясь от нее.

Ночью, под звуки мерного дыхания вокруг, Катса попыталась разобраться во всем. Она села, прислонившись к стене, и посмотрела на По. Он лежал на полу, завернувшись в одеяло, рядом с братом и

монсийскими воинами. Он спал, и его лицо, его прекрасное лицо дышало покоем.

Когда По вернулся в хижину после их разговора, с луком в одной руке и охапкой кроликов в другой, он с удовлетворением загрузил своей добычей брата и сбросил плащ. Потом подошел к ней – она сидела у стены, объятая печальными мыслями. По присел перед ней, взял ее руки в свои, поцеловал их и прижался к ним своим холодным лицом.

– Прости меня, – сказал он, и внезапно она почувствовала, что все в порядке, что По снова стал самим собой и теперь они начнут все заново.

За ужином, пока остальные весело болтали, а Биттерблу дразнила стражников, Катса заметила, что По не участвует в беседе. Он мало ел и то и дело погружался в молчание, и в чертах его лица появлялась затаенная боль. Катсе было так тяжело смотреть на это, что она вышла из хижины и долго в оцепенении бродила в темноте.

Иногда он казался счастливым. Но что-то явно было не так. Если бы он только... если бы он только посмотрел на нее. Посмотрел ей в лицо.

И конечно, если ему нужно одиночество, она оставит его. Но – возможно, это было несправедливо, но она так решила – ей потребуется подтверждение. Ему придется убедить ее, полностью убедить в том, что одиночество – это именно то, что ему нужно. Только тогда Катса оставит его один на один с его странной тоской.

Утром По казался довольно веселым. Но Катса, которая уже начинала чувствовать себя какой-то чересчур заботливой матушкой, заметила, что он ест неохотно даже то, что они привезли из Лионида. Он почти ничего не съел, а потом сказал что-то невнятное по поводу того, что ему надо проверить хромую лошадь, и вышел на улицу.

– Что с ним такое? – спросила Биттерблу.

Катса посмотрела девочке в лицо и встретила внимательный взгляд ее серых глаз. Не было смысла притворяться, будто она не понимает, о чем говорит Биттерблу. Биттерблу никогда не была дурочкой.

– Не знаю, – сказала Катса, – он не хочет мне говорить.

– Иногда он кажется самим собой, – сказал Скай, – а иногда на него находит мрачность. – Он кашлянул. – Но я думал, что влюбленные просто повздорили.

Смерив его спокойным взглядом, Катса съела кусочек хлеба.

– Может быть, но я так не думаю.

Скай с ухмылкой поднял бровь:

– Думается мне, если так, ты бы знала об этом.

– Если бы все было так просто, – сухо сказала Катса.

– У него с глазами что-то странное, – заметила Биттерблу.

– Да, – сказала Катса, – мне кажется, у него самые странные глаза во всех семи королевствах. Но я думала, ты заметишь это чуть пораньше.

– Нет, – отмахнулась Биттерблу, – я имею в виду, с его глазами что-то не так.

С его глазами что-то не так.

Да, с ними и вправду теперь что-то не так. Он больше не смотрит ни на нее, ни на остальных. Как будто ему больно поднимать глаза и глядеть на другого. Как будто...

И тут в ее голове откуда ни возьмись возник образ: По летит в залитую светом пропасть, огромное тело лошади падает следом. По с шумом падает лицом в воду, а прямо на него обрушивается лошадь.

И другие образы. По, слабый и посеревший, сидит перед огнем, все лицо его – сплошной черный синяк. По косится на нее и трет глаза.

Катса подавилась куском хлеба. Вскочила на ноги и опрокинула стул.

Скай похлопал ее по спине:

– Великие моря! Катса, ты в порядке?

Катса закашлялась, пробормотала что-то о том, что надо пойти проверить хромого лошадь, и вылетела из хижины.

У лошадей она По не нашла, но, когда спросила о нем, один из стражников указал в направлении озера. Катса миновала хижину и побежала по холму.

Он стоял спиной к ней и смотрел на замерзшее озеро: плечи опущены, руки в карманах.

– Я помню, что ты неуязвима, Катса, – не оборачиваясь, сказал он. – Но даже тебе следует надевать плащ, когда выходишь из дому.

– По, – проговорила она, – обернись и посмотри на меня.

Он опустил голову, плечи поднялись и опустились от глубокого вздоха. Но он не повернулся.

– По, – повторила Катса, – посмотри на меня.

На этот раз он повернулся, очень медленно, и посмотрел ей в лицо. Казалось, их взгляды скрестились, но это длилось лишь мгновение. Потом он опустил глаза, и они снова стали пустыми. Она видела, как это произошло, – видела, как опустели его глаза.

– По... – прошептала Катса. – Ты не видишь?

И тогда в нем словно что-то сломалось. Он упал на колени, и на щеке прочертила ледяную дорожку слеза. Когда Катса подошла и опустилась перед ним, он позволил ей приблизиться. Перестал бороться с собой и впустил ее. Катса обняла его, а он прижался к ней так крепко, что едва не

задушил, и разрыдался, уткнувшись лицом ей в шею. Она обнимала По, просто обнимала, и гладила, и целовала его холодное лицо.

– Катса... – повторял он сквозь рыдания. – Катса...

Они простояли так очень долго.

Глава тридцать восьмая

В то утро поднялся сильный ветер. Днем он превратился в слабую, но сырую снежную бурю.

– Даже думать не хочу о еще одном зимнем путешествии, – сказала Биттерблу в полусне, свернувшись у огня. – Теперь, когда По с нами, разве нельзя остаться здесь, Катса, пока снег не перестанет?

Но за этой бурей последовала другая, а затем еще одна, как будто зима наплевала на календарь и решила, что, пожалуй, никогда не кончится. Биттерблу отправила двух стражей с письмом к Рору. Рор написал в ответ из замка Биттерблу, что она ничего не теряет: чем больше времени она даст ему, чтобы развеять всю ложь Лека, тем более гладко и безопасно пройдет ее восшествие на престол. Он планирует устроить коронацию, когда начнется настоящая весна, а она может пока пережидать бури, сколько ей будет угодно.

Катса понимала, как теснота в хижине мучает По, вынужденного скрывать свою печальную тайну. Но раз все остаются, то ему, по крайней мере, пока не придется открывать свое намерение остаться в лесу. Он ничем не выдавал своих мук и помог стражникам отвести лошадей к ближайшему укрытию в скалах, которое, как сообщил, обнаружил, пока оправлялся от ран.

Он рассказывал, как все случилось, урывками, только когда им с Катсой удавалось ненадолго остаться наедине.

День, когда Катса и Биттерблу уехали, оказался для него очень тяжелым. Он еще мог видеть, но со зрением было что-то не так. Что-то изменилось, и он был слишком запутан, чтобы понять, что именно, но его не оставляло дурное предчувствие.

– Ты не сказал мне, – сказала Катса. – И позволил бросить тебя в таком состоянии.

– Если бы я сказал, ты бы ни за что не уехала. А ехать было необходимо.

По, спотыкаясь, доковылял до кровати. Большую часть дня он провел, лежа на здоровом боку с закрытыми глазами, ожидая, когда воины Лека отойдут подальше и пройдет головокружение. Он пытался убедить себя, что, как только его разум прояснится, со зрением произойдет то же самое. Но, проснувшись на следующее утро, он открыл глаза и уперся взглядом во тьму.

– Я был зол, – говорил он ей. – И с трудом держался на ногах. У меня кончилась еда, а значит нужно было идти к ловушке для рыбы. Но мне было все равно. Я не ел ни в тот день, ни на следующий.

В конце концов привел его к пруду не голод, а воины Лека. Он почувствовал, как они карабкаются по камням, приближаясь к хижине.

– Я встал и пошел, спотыкаясь, – рассказывал он, – еще до того, как понял, что делаю. Я неуклюже метался по дому, собирая свои вещи, а потом вышел, чтобы спрятать их в какую-нибудь щель в скале. Я был не в себе и наверняка постоянно падал. Но я знал, где находится озеро, и добрался до него. Вода была ужасная, просто ледяная, но она взбодрила меня, и почему-то в воде голова меньше кружилась, чем на суше. Я кое-как добрался до пещеры и забрался на камень. И вот тогда, в пещере, слушая крики воинов снаружи и стуча зубами так, что боялся случайно откусить себе язык... я обрел ее, Катса.

Он затих и молчал так долго, что Катса подумала, уж не забыл ли он, о чем рассказывал.

– Что же ты обрел?

По удивленно обернулся к ней.

– Ясность, – сказал он. – Мои мысли прояснились. В пещере не было ни лучика света, кромешная тьма. И все же мой Дар показал мне ее всю невероятно живо. И тут я понял, что делаю. Сижу в хижине, жалея самого себя, пока Лек на свободе, а людям грозит опасность. В пещере меня осенило, как я гадок.

Мысли о Леке заставили По нырнуть обратно в воду, выплыть из пещеры и осмотреть ловушку с рыбой. Промерзнув насквозь, он доковылял до хижины и разжег огонь. Следующие несколько дней были кошмаром.

– Я был слаб и болен, и у меня кружилась голова. Сначала я не ходил никуда, кроме ловушки. Потом, вспоминая о Леке, продвинулся дальше. Когда я сидел, равновесие было сносным, и я сделал лук. С мыслями о Леке я тренировался стрелять из него.

Он опустил голову и погрузился в молчание, и Катсе стало ясно, что было потом. По постоянно думал о Леке – это был его стимул не сдаваться. Он заставил себя выздороветь и снова обрести равновесие. А теперь они вернулись к нему со счастливой новостью, что Лек мертв. У По больше не осталось стимула, и его снова стало душить горе.

Его печалил уже сам факт того, что он печален.

– У меня нет права жалеть себя, – сказал он ей однажды, когда снегопад ослабел и они отправились за водой. – Я все вижу. Я вижу вещи, которые не должен видеть. Я упиваюсь жалостью к самому себе, но я ведь

ничего не потерял.

Катса присела рядом с ним у озера.

– Я первый раз в жизни слышу от тебя что-то настолько идиотское.

По сжал губы в тонкую линию и подобрал один из камней, которыми они разбивали лед. Подняв камень над головой, он с силой бросил его на лед. И наконец она была вознаграждена тихим звуком, который почти мог сойти за смех.

– Кажется, в твоём понимании утешение – почти синоним оскорбления.

– Ты лишился зрения, – сказала она, – и имеешь полное право сожалеть о том, что потерял. Зрение и твой Дар – не одно и то же. Дар показывает тебе форму вещей, но не показывает красоту. Ты лишился красоты.

Он снова сжал губы и отвел взгляд. Когда он вновь посмотрел на нее, ей показалось, что он сейчас заплачет. Но он заговорил спокойно и без слез:

– Я не вернусь в Лионид. Я не вернусь в свой замок, раз не могу его видеть. Мне и так сложно быть с тобой. Поэтому я и не сказал тебе правды. Я хотел, чтобы ты ушла, потому что мне тяжело быть с тобой и не видеть.

Откинув голову, Катса внимательно рассмотрела отчаянное выражение его лица.

– Очень хорошо, – проговорила она. – Отличный пример жалости к себе.

И снова зазвучал тихий смех, но боль все же прорвалась, исказила лицо По и заставила ее протянуть к нему руки, обнять, целовать его шею, его усыпанное снегом плечо, палец без кольца и все, до чего Катса только могла дотянуться. Он нежно погладил ее лицо. Коснулся губ и поцеловал их. А потом замер, прижавшись лбом к ее лбу.

– Я бы никогда не стал удерживать тебя, – сказал он, – но если ты можешь это вынести – можешь вынести меня, – я так не хочу, чтобы ты уходила.

– Я не уйду, – пообещала Катса. – Еще очень долго. Я не уйду, пока ты этого не захочешь. Или пока не будешь готов уйти сам.

У него оказался недюжинный актерский талант. Теперь Катса это видела, потому что знала, как он меняется, когда они остаются одни и По прекращает притворяться. При брате и двоюродной сестре он излучал силу, стойкость, здоровье. Плечи были расправлены, даже походка менялась, становилась увереннее. Когда он не мог скрыть свою печаль, он выдавал ее за хандру. Когда у него не было сил поднимать глаза на их лица и делать

вид, что он смотрит на них, он притворялся невнимательным. Он был крепким и веселым – быть может, странно рассеянным, но быстро идущим на поправку. Это была впечатляющая игра – и в основном она их удовлетворяла. По крайней мере, у них не было причин подозревать правду о его Даре, что он в конечном счете и хотел скрыть.

Когда они с Катсой были наедине, охотились, набирали воду или просто вместе сидели в хижине, он снимал маску. Усталость меняла его лицо, осанку, голос. Иногда он протягивал руку к дереву или скале, чтобы опереться на них. Его глаза никогда ни на чем не фокусировались, даже притворно. И постепенно Катса стала понимать, что если в какой-то степени его плачевное состояние и объяснялось потерей, то в основном его причиной был сам Дар. Он все еще разрастался в нем, и теперь, когда По лишился зрения и оказался не в силах закрепить свое необычное восприятие мира, оно постоянно накрывало его с головой.

Однажды, во время редкого затишья между снежными бурями, Катса, стоя у озера, наблюдала, как По спокойно достает стрелу из колчана и направляет ее на что-то, чего она не видела. На выступ скалы? Или, может, на пень? Он наклонил голову, как будто прислушивался. Стрела прорезала морозный воздух и с шумом вонзилась в снег.

– Что... – начала было Катса, но умолкла, когда поток крови окрасил снег вокруг древка стрелы.

– Кролик, – сказал он. – И довольно крупный.

По направился к своей невидимой добыче, но едва успел сделать шаг, как с неба спикировала стая гусей. Приложив ладонь к виску, он упал на одно колено. Катса пустила две стрелы и подстрелила пару гусей, а потом помогла По встать на ноги.

– По, что...

– Гуси. Застали меня врасплох.

Она покачала головой:

– Ты и раньше чувствовал животных, но это чувство никогда еще не сбивало тебя с ног.

Он рассмеялся, но смех окончился вздохом.

– Катса, попробуй представить, как я живу. Мой Дар показывает мне каждый камешек с горы наверху и каждую веточку в лесу у ее подножия. Я чувствую движение каждой лягушки в озере и каждой птицы в ветвях. Чувствую, как леденеет озеро. Как рождаются снежинки в облаках, Катса. Совсем скоро опять пойдет снег. – Он обернулся к ней. – Скай и Биттерблу сидят в хижине, и Биттерблу беспокоится обо мне – считает, что я мало ем. И ты тоже здесь, конечно, каждое твое движение, твое тело, одежда,

малейшее твое беспокойство – все проходит сквозь меня. Зрячие могут фокусировать взгляд. Я не могу сфокусировать свой Дар. Я не могу его заглушить. Я чувствую все, что сверху, снизу, спереди и позади, – и как, скажи на милость, могу я сконцентрироваться на земле под ногами?

Он отошел от нее к кровавому пятну на снегу. Устало потянул за стрелу. Она подалась, и из сугроба показался большой белый окровавленный кролик. Он побрел назад к ней с кроликом в руке. Какое-то время они задумчиво стояли рядом, а затем с неба посыпались снежные хлопья. Катса не могла сдержать улыбку от того, как точно он все предвидел. Через мгновение По тоже неохотно улыбнулся; и когда они повернулись, чтобы подняться вверх, он взял ее за рукав.

– Снег сбивает с толку, – объяснил он.

Они двинулись по склону, и По, карабкаясь, держался за нее.

Она привыкла к тому, что По немного иначе относился к ней теперь, когда не мог видеть. Конечно, он не смотрел на нее. Однажды ей пришло в голову, что больше никогда уже она не почувствует этого гипнотического взгляда, никогда больше не утонет в его глазах. Катса старалась не думать об этом, иначе ее охватывала глупая и бессмысленная грусть.

Но новые ощущения от близости По тоже были захватывающими. Какое-то особое внимание на его лице, сосредоточенность во всем теле. Когда он был рядом, его тело и лицо застывали, настраиваясь на нее. Казалось, с течением времени это случается все чаще и чаще. По словно заново налаживал связь с ней, медленно возвращал ее в свои мысли. Теперь он порой легко касался ее, как раньше, до несчастного случая, – целовал Катсе руки, если она была рядом, или касался ее лица, если она стояла перед ним. А еще ей казалось – но она не ручалась, так ли это на самом деле, – что теперь он уделял им всем больше внимания – искреннего внимания. Как если бы меньше зацикливался на своем Даре. Или на самом себе.

– Посмотри на меня, – сказал он ей в одну из тех редких минут, когда они оставались наедине. – Катса, похоже, будто я смотрю на тебя?

Они сидели у очага и ножами счищали кору с веток, из которых собирались делать стрелы. Она повернулась к нему и встретилась взглядом с его глазами. Но теперь они не были пустыми, а, мерцая, смотрели прямо на нее. Охваченная внезапным жаром, Катса глубоко вздохнула и опустила нож. В голове мелькнул вопрос: сколько у них есть времени, пока не вернутся остальные? Тут он не сумел удержаться от ухмылки, и чары рассеялись.

– Милая тигрица... На такой ответ я даже и не рассчитывал.

Она хмыкнула:

– Вижу, с самомнением у тебя, как и прежде, все в порядке. И чего ты хотел добиться?

По улыбнулся. Его руки вернулись к работе, а глаза снова опустели.

– Мне нужно знать, как заставить людей думать, что я смотрю на них. Как мне смотреть на Биттерблу, чтобы она перестала повторять, что у меня с глазами что-то не так.

– А, да, конечно. Ну вроде бы вышло. Как ты это делаешь?

– Ну, я знаю, где твои глаза. Главное – правильно направить взгляд, а потом отталкиваться от твоей реакции.

– Попробуй еще раз.

На этот раз ее интерес был чисто научным. По поднял глаза, и Катса проигнорировала захлестнувший ее жар. Да, действительно казалось, будто он ее видит... Хотя теперь, внимательно рассмотрев этот взгляд, она заметила, что кое-какие мелочи указывают на обратное.

– Назови.

Она задумалась.

– Цвет глаз так необычен, что это довольно сильно отвлекает, поэтому едва ли кто-нибудь заметит. Но твой взгляд кажется... расфокусированным. Ты смотришь на меня, но такое ощущение, что мысли твои где-то далеко отсюда. Понимаешь?

Он кивнул:

– Биттерблу как раз это имеет в виду.

– Немного прищурься, – сказала Катса. – Опusti брови, как будто ты задумался. Да, вот теперь довольно убедительно, По. Если ты будешь так смотреть, никто ничего не заподозрит.

– Спасибо, Катса. Ничего, если я буду периодически тренироваться на тебе? Можно не бояться, что ты повалишь меня на спину и начнешь срывать с меня одежду?

Катса, фыркнув, бросила в него древком стрелы. По поймал его и рассмеялся, и на секунду Катса подумала, что он выглядит искренне счастливым. Но он, конечно, услышал ее мысль, и на его лице снова появилась тень печали. Он ушел в работу. Катса посмотрела на его руки, на палец – все еще без кольца – и, вздохнув, потянулась за другой веткой.

– Что известно Биттерблу? – спросила она.

– Только то, что я от нее что-то скрываю. Она знает, что мой Дар – нечто большее, чем я утверждаю. Она с самого начала знала.

– А о твоём зрении?

– Не думаю, чтобы это приходило ей в голову. – По отполировал края древка ножом и смел кучку стружек в огонь. – Буду почаще смотреть ей в глаза, – сказал он и снова погрузился в молчание.

По и Скай без конца дразнили Биттерблу из-за ее свиты. И дело было не только в страже. Рор принимал титул дочери его сестры с полной серьезностью. В хижину постоянно приезжали воины с лошадьми, нагруженными продовольствием, особенно с тех пор, как зимние бури пошли на убыль. Им привозили овощи, выпечку, фрукты, одеяла, одежду, платья для королевы. А еще – всегда письма от Рора, который спрашивал мнение Биттерблу по тому или иному вопросу, сообщал ей о планах относительно коронации и интересовался здоровьем ее спутников, в особенности По.

– Я хочу попросить Рора прислать мне меч, – сказала Биттерблу однажды за завтраком. – Катса, научишь меня им пользоваться?

Лицо Скай просветлело.

– О, Катса, согласишься. Я еще не видел тебя в бою и уже начал думать, что так никогда и не увижу.

– И ты, наверное, думаешь, что из меня получится достойный противник? – спросила его Биттерблу.

– Конечно нет. Но ведь ей же надо будет устроить схватку на мечах с несколькими воинами, чтобы показать тебе, что и как делать, правильно? Среди них наверняка окажется хоть один приличный боец.

– Я не собираюсь устраивать схватку на мечах с людьми без доспехов, – решительно проговорила Катса.

– А как насчет рукопашной? – Скай откинулся на спинку стула и скрестил руки с самоуверенным видом, который, как решила Катса, был их семейной чертой. – Я и сам не так уж плохо дерусь.

По расхохотался:

– Сразись с ним, Катса! Пожалуйста, сразись. Я даже представить себе не могу более любопытного зрелища.

– Что тут такого смешного, а?

– Катса втопчет тебя в землю раньше, чем ты успеешь пальцем пошевелить.

– Вот именно, – невозмутимо согласился Скай, – как раз на это я и хочу посмотреть. Хочу видеть, как ты разбиваешь противника в пух и прах, Катса. Может, уничтожишь По для меня?

– По не так-то просто уничтожить.

По обхватил ногами ножки стула и откинулся назад:

– Думается мне, что теперь – просто.

– Если вспомнить, с чего начинался разговор, – довольно строго вмешалась Биттерблу, – я говорила, что хочу научиться владеть мечом.

– Да, – сказала Катса. – Хорошо, тогда нужно сообщить Рору.

– Если не ошибаюсь, двое воинов как раз собрались уезжать, – сказал По. – Я их догоню.

Ножки его стула с грохотом опустились на пол. По отодвинулся от стола и вышел на улицу. В дверь, за которой он скрылся, впились три пары глаз.

– Теперь погода уже меньше похожа на зиму, – сказала Биттерблу. – Дождаться не могу, когда вернусь к своему двору и начну заниматься делами королевства. Но я не хочу уезжать, пока не уверюсь, что с ним все в порядке, и, если честно, пока что у меня есть сомнения.

Катса не ответила, только продолжила отстраненно жевать кусок хлеба. Обернувшись к Скаю, она окинула взглядом его плечи, широкие и крепкие, как у его брата, его сильные руки. Скай очень ловко двигался. К тому же он почти одного возраста с По – наверняка они в детстве часто боролись.

Катса взглянула, сощурившись, на остатки еды и подумала, каково это – сражаться без глаз, да еще когда тебя отвлекает каждая деталь пейзажа и движение каждой букашки поблизости.

– Ну, он хотя бы снова стал есть, – добавила Биттерблу.

Катса вскочила со стула и уставилась на девочку:

– Точно?

– Он нормально поел вчера и сегодня утром тоже. Кажется, у него аппетит проснулся. Ты не заметила?

Катса шумно выдохнула. Оттолкнув стул, она бросилась к двери.

По стоял на берегу озера и невидящим взглядом смотрел на замерзшую поверхность. Он дрожал. Секунду она в нерешительности смотрела на него.

– По, – наконец заговорила она за его спиной, – где твой плащ?

– А где твой?

Она подошла и встала рядом с ним.

– Мне тепло.

Он кивнул в ее сторону:

– Смотри, тебе тепло, а я без плаща, значит, как мой друг, ты просто обязана кое-что сделать.

– Вернуться и принести тебе плащ?

Он улыбнулся и, вытянув руку, притянул ее к себе. Удивленная, Катса обвила его руками и попыталась втереть тепло в дрожащие плечи и спину.

– Вот именно, – сказал По. – Ты обязана меня согреть.

Она засмеялась и крепче обняла его.

– Кое-что произошло, послушай, – сказал он, и Катса, услышав в голосе По непривычную ноту, откинула голову и заглянула ему в лицо. – Как ты знаешь, все эти месяцы я боролся со своим Даром, – начал По. – Пытался заглушать его. Отталкивать большую часть того, что он показывает, и концентрироваться на том немногом, что мне нужно.

– Да.

– Что ж, пару дней назад, в приступе... э-э-э... жалости к себе я перестал.

– Перестал?

– Бороться со своим Даром. Я сдался, позволил ему накрыть меня с головой. И знаешь, что случилось? – Он не стал дожидаться ответа. – Когда я прекратил бороться со всем, что меня окружает, все начало складываться вместе. Все движения, пейзаж, небо и земля, даже мысли людей. Все потихоньку образует единую картину. И я чувствую, где мое место в ней, как никогда не чувствовал раньше. То есть я все еще поглощен своим Даром. Но уже не так, как раньше.

Она прикусила губу.

– По, я не понимаю.

– Это просто, Катса. словно, когда я открыл себя для каждого ощущения, все вокруг само начало фокусироваться. То есть вот мы стоим здесь. А на дереве за мной сидит птица, видишь?

Катса заглянула через его плечо. На ветке, чистя перья, сидела птица.

– Вижу.

– Раньше я бы попытался заглушить восприятие этой птицы, чтобы сконцентрироваться на земле под ногами и на тебе в моих объятиях. Но теперь я позволяю птице и всему несущественному проходить сквозь меня: и это несущественное бледнеет само собой. Так что я полностью сосредоточен на тебе.

Катсу охватило какое-то странное чувство. словно мучительная боль неожиданно прошла и с поразительной внезапностью настало облегчение. В душе у нее облегчение перемешалось с надеждой.

– По, это здорово.

Он кивнул:

– Так приятно, когда голова не кружится.

Катса поколебалась, но затем решила все-таки заговорить, ведь он

наверняка уже услышал ее мысль.

– Мне кажется, тебе пришло время снова начать тренировки.

– Вот как? Ты правда так думаешь? – слабо улыбнулся По.

– А почему нет? – Катса храбро принялась отстаивать свою позицию. – Это вернет тебе силы, улучшит равновесие. Из твоего брата получится отличный противник.

Он уперся лбом ей в лоб и заговорил едва слышно:

– Тихо, моя тигрица. Тебе лучше знать. Если ты считаешь, что мне пора начать тренировки, значит, наверное, и вправду пора.

На лице его все еще играла улыбка, и Катса не могла вынести ее вида, потому что это была самая слабая и самая грустная улыбка в мире. Но когда По поднял ладонь, чтобы коснуться ее лица, она увидела, что на пальце у него снова блестит кольцо.

Глава тридцать девятая

У них получилась своего рода маленькая школа боевых искусств. Катса придумывала для Скай и По упражнения, прежде всего, чтобы укрепить силы По. Скай был доволен – ему часто удавалось выйти победителем. А Катса радовалась тому, что По действует все увереннее. Вместо кулачного боя она часто заставляла их бороться и постоянно напоминала По – мысленно и вслух, – чтобы он полагался не на Дар, а на мускулы.

Занимаясь с братьями, Катса попутно учила Биттерблу держать меч, защищаться от удара и, наконец, самой наносить его. Девочка училась правильно стоять и держать равновесие, освоилась со своей силой, движениями, скоростью. Поначалу она чувствовала себя с мечом неловко, как раньше с ножом, но она упорно работала и, как и По, набиралась уверенности.

Число учеников Катсы неуклонно росло. Воины и посланники не могли удержаться от любопытства и не взглянуть на то, как леди Катса учит маленькую королеву драться на мечах, а Одаренный лионидец борется со своим братом. Они собирались вокруг, то и дело задавая вопросы о приемах, которые она выдумывала для принцев, или о хитростях, которым учила Биттерблу, призванных заменить ей силу и размеры. Не успела Катса оглянуться, как уже показывала какой-то трюк паре молодых воинов с южного побережья Монси и придумывала фехтовальное упражнение для гвардии Биттерблу. Наслаждаясь каждой минутой, Катса глядела, как ее ученики набираются сил.

И По тоже набирался сил. Он все еще проигрывал в борьбе, но с каждым днем победить его становилось все сложнее и сложнее. И равновесие, и владение собой у него улучшились. Борьба становилась все более занимательной – отчасти потому, что у братьев были равные силы, а отчасти потому, что снег сошел и двор превратился в настоящее болото. И конечно, оба не упускали случая размазать грязь по лицу противника. Если бы не глаза По, чаще всего их вообще было бы не различить.

И вот настал день, когда один из измазанных грязью принцев прижал другого к земле и объявил себя победителем, и Катса, приглядевшись, поняла – это был По, впервые. Он вскочил на ноги, смеясь, и лукаво улыбнулся Катсе. Отерев грязь с лица, он поманил ее пальцем:

– Иди сюда, тигрица. Ты следующая.

Катса оперлась на свой меч, смеясь:

– Тебе понадобилось полчаса, чтобы уложить брата, и ты считаешь, что готов бороться со мной?

– Иди сюда. Я расплющу тебя, как паука.

Катса вернулась к упражнению, над которым работала вместе с Биттерблу.

– Когда ты без усилий победишь Ская, я соглашусь с тобой бороться.

Голос ее был строгим, но она не сумела скрыть удовольствие. Как, впрочем, и сам По. Он принялся утешать своего бедного, опечаленного брата, которому с земли было очень хорошо видно, что для него это – начало конца.

Катса обнаружила, что он изменился – не столько из-за потерянного зрения, сколько из-за чувствительности, обретенной с ростом его Дара. В схватке он чувствовал теперь не только ее тело и намерения, но и силу удара, прежде чем она успевала его нанести, и направление ее движений. Он научился использовать мгновения, когда она теряла равновесие. Он еще не обрел прежнюю силу, и иногда его подводило собственное равновесие. Но теперь он, бывало, заставлял ее врасплох, чего раньше никогда не случалось.

Он станет таким же отличным бойцом, как и раньше, если не лучше. И это очень многое значит, потому что схватки приносят По радость.

Биттерблу уехала почти сразу, как началась весна. Через какое-то время за ней последовал Скай – Рор призвал его в Лекион помочь с предстоящей коронацией. И наконец Катса и По тоже пустились в путешествие к городу, который скоро нарекут именем Биттерблу. По хорошо переносил дорогу и немного походил на ребенка, который никогда раньше не путешествовал и теперь удивлялся и восхищался всем подряд. Ведь и вправду, путешествуя со своим новообретенным восприятием мира, По был ребенком.

Утром в день коронации Катса сидела в их покоях в замке Биттерблу и скрепя сердце решалась надеть платье. По тем временем лежал на кровати и улыбался в потолок.

– Чему ты улыбаешься? – спросила она уже в третий или четвертый раз. – Потолок что, собирается рухнуть мне на голову? У тебя такой вид, как будто сейчас случится что-то ужасно смешное.

– Катса, ты единственный человек в мире, которому обвалившийся потолок кажется ужасно смешным.

В дверь постучали, и тут По вообще начал хихикать.

– Ты сидра перебрал, – укоризненно сказала Катса, идя к двери. – Пьян в стельку.

Она распахнула дверь и чуть не села на пол от изумления, потому что перед ней в коридоре стоял Раффин.

Одежда его была вся в грязи, и от нее пахло лошадьми.

– Мы успели на обед? – спросил он. – В приглашении было что-то про пирог, а я просто умираю от голода.

Катса расхохоталась, потом разрыдалась и, обняв его, никак не могла отпустить. За Раффином стоял Банн, а за ним – Олл, и она, плача, обняла обоих.

– Вы не сообщили, что приедете, – все повторяла она. – Вы не сообщили, что приедете. Мне никто не сказал, что вас пригласили.

– Кто бы говорил! – укоризненно сказал Раффин. – Многие месяцы мы не слышали о тебе ни слова, пока в один прекрасный день при дворе не появился брат По с самой невероятной историей, какую мы только слышали.

Всхлипнув, Катса снова обняла брата.

– Но вы ведь понимаете, правда? – спросила она, уткнувшись лицом ему в грудь. – Мы не хотели впутывать вас во все это.

Раффин поцеловал ее в макушку:

– Конечно мы понимаем.

– Ранда с вами?

– Не пожелал приехать.

– С Советом все в порядке?

– Все идет как по маслу. Нам обязательно стоять в коридоре? Я не шутил про то, что умираю с голоду. Выглядишь полным сил, По. – Раффин с сомнением посмотрел на остриженные волосы Катсы. – Хильда передала тебе расческу, Кати. Вижу, она очень пригодится.

– Я буду беречь ее, – сказала Катса. – Входите же.

Как и любое официальное мероприятие, коронация длилась мучительно долго, но Биттерблу все перенесла с подобающей серьезностью и достоинством. Чтобы широкая золотая корона не сползла до самого носа, изнутри ее обили плотной пурпурной тканью. Было такое ощущение, что корона весит столько же, сколько сама малышка.

Катсу церемония совсем не утомляла, потому что по одну сторону от нее стоял Раффин, а по другую – Банн и не проходило и пяти минут без того, чтобы они чем-нибудь не забавлялись. Когда Банн шепотом сообщил

ей об изобретенном Раффином снадобье, которое помогало от боли в животе, но вызывало зуд в пятках, и его последующем открытии, которое исцеляло зуд в пятках, но вызывало боль в животе, Катса не удержалась и захихикала вслух. Рор, стоящий в трех рядах впереди со своими двумя сыновьями, обернулся, чтобы кинуть на нее суровый взгляд.

– Здесь вам не садерский уличный карнавал, – прошептал он с величественной укоризной.

Плечи По затряслись от смеха, а на Рора шикнуло несколько голосов. Но в следующее же мгновение, осознав, на кого шикают, голоса рассыпались в извинениях.

– Да-да, ничего, – громче и громче повторял Рор. – Честное слово, все в порядке.

Шум стал настолько сильным и отвлекающим, что слуга, перечислявший правителей Монси от древности до наших дней, запнулся. Биттерблу мягко улыбнулась ему и кивнула, чтобы продолжал. После этого по толпе пронесся слух, что у юной королевы доброе сердце и она не склонна наказывать за мелкие провинности.

– А как Гиддон? – шепнула Катса Раффину, как только все в толпе замолчали. Теперь, счастливая, в кругу друзей, она вспомнила о гореванье с искренней теплотой.

За спиной кашлянул Олл.

– Дуется всякий раз, как речь заходит о вас, миледи. Не буду притворяться, что не знаю причины.

– Ранда пытается женить его, – тихо проговорил Раффин, – но Гиддон все отказывается. Он теперь реже бывает при дворе, больше времени проводит в поместье. Но о Совете не забывает ни на минуту. Как союзник он бесценен, Кати. И мне кажется, он будет не против встретиться с тобой как-нибудь. Если ты захочешь приехать в замок, мы найдем способ протащить тебя туда, не сообщая Ранде. Если хочешь. Ты не говорила, что собираешься делать дальше.

– Я вернусь в горы вместе с По, – улыбнулась Катса и не сказала больше ничего – больше она и сама не знала.

Она положила голову брату на плечо и остаток коронации наслаждалась тем, что он наконец-то рядом.

Эпилог

Катса и По проплыли через туннель и всплыли на поверхность в черном воздухе пещеры. Усевшись на камень, они, как могли, выжали мокрую одежду.

– Возьми меня за руку, – сказал По и повел ее по неровному склону, усыпанному камнями.

Катса не видела во тьме вообще ничего, даже очертаний. Она споткнулась о камень и выругалась.

– Куда мы идем?

– На пляж, – сказал он.

Остановившись, По взял ее на руки и перенес через какую-то каменную преграду, которой она не видела, а когда опустил на землю, ее ноги утонули в чем-то мягком и сыпучем. Песок.

Снаружи зеленели деревья, была поздняя весна, и весь мир заливало солнечным светом, но в недрах пещеры всегда было холодно. Они сидели на песке, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, и через какое-то время принялись толкаться, потом началась шуточная потасовка, и совсем скоро они уже хохотали и в полную силу боролись, а мокрые волосы и одежда оказались полны песка. Наконец, прижатый к земле, По прошептал, что сдается, и самым невоинственным образом провел рукой по бедру Катсы. И поединок превратился во что-то неторопливое, нежное и податливое, и какое-то время они, согревшись, занимались только друг другом.

В пещере все звучало по-другому, словно бы влажно и певуче. Они лежали рядом, греясь друг о друга.

– Я наглotalся песка, – сказал По, откашлявшись. – И ты наверняка тоже, хотя это тебя почему-то совсем не беспокоит.

– Нет, – рассеянно ответила Катса, глядя в темноту. Пальцы ее скользнули по шрамам на плече, потом на груди. – По?

– Мм?

– Ты доверяешь людям, которые будут советниками Биттерблу?

– По большей части – да.

– Надеюсь, с ней все будет в порядке. Она никогда не говорит о матери, но ей все еще снятся кошмары.

– А как же иначе? – сказал По. – Она еще совсем ребенок, и на нее

столько всего свалилось: смерть матери, сумасшествие отца.

– Думаешь, он был сумасшедшим?

По помолчал.

– Честно, не знаю. Он был тираном и извращенцем. Но трудно сказать, где кончается человек и начинается его Дар, понимаешь? И мы, наверное, никогда не узнаем, откуда появился Лек. И чего хотел. – Он медленно вдохнул и выдохнул. – По крайней мере, народ теперь думает о нем по-другому, ты заметила? Не дождется он доброй памяти.

– Зато Биттерблу они любят.

– Представляешь, она подозревает, что я умею читать мысли. Подозревает, но все же доверяет мне и не требует признаний. Это невероятно.

Катса вслушалась в тишину, в которую погрузилась пещера, когда По умолк.

– Да, – просто сказала она, – Биттерблу – необыкновенная девочка.

– На коронации Скай обвинил меня в том, что я не хочу на тебе жениться, – сказал По. В его голосе звучала улыбка. – Очень возмущался.

Катса вздохнула:

– Олл тоже говорил со мной об этом. Он считает, что опасно оставлять друг другу столько свободы и что все это слишком неопределенно – путешествия, работа на Совет и никаких обещаний. Я ответила, что я не собираюсь выходить за тебя замуж и приклеиваться как банный лист, только чтобы привязать к себе и не позволить полюбить кого-нибудь другого.

– Знаешь, без разницы. Остальным не обязательно это понимать.

– Меня это беспокоит.

– Не тревожься. Переживем. К тому же у нас есть те, кто понимает, хотя бы Раффин и Банн.

– Да, – согласилась Катса. – Наверное.

По поежился, и она обняла его, чтобы согреть. Ее сердце кольнула внезапная мысль.

– Ты точно решил прямо сейчас ехать в Лионид? – шепнула она.

Он помолчал немного, а когда заговорил, голос его больше не был беззаботным.

– Мама будет очень плакать, когда я расскажу ей о слепоте. Честно говоря, этого я боюсь чуть ли не больше всего.

– Позволь мне поехать с тобой.

– Нет, Катса, я справлюсь. Я хочу покончить с этим сам. И не хочу, чтобы ты из-за меня меняла планы.

Катса собиралась ехать обратно в город Биттерблу, чтобы учить девочек и девушек сражаться. Она решила, что устроит такие уроки во всех семи королевствах, а после коронации Биттерблу умоляла ее начать с Монси. По охотно ее поддержал, потому что так Катса могла еще немного последить за тем, чтобы у малышки все было хорошо.

– Я пробуду в Монси не меньше нескольких месяцев, – сказала она. – Но обещаю – следующим местом тренировок станет Лионид.

– Значит, надеюсь, мы увидимся в конце осени. Попытаюсь притвориться, что это скоро.

– Я собираюсь еще заехать на запад, – добавила Катса и, помолчав, призналась: – Мне нужно в Миддланды. Встретиться еще с одним королем.

По удивленно вздохнул:

– Но ты ведь уже с ним говорила.

– Да. Но тогда я боялась сама себя. И боялась его. А сейчас больше не боюсь. По... Я хочу, чтобы Ранда знал, что я буду приезжать и уезжать, когда захочу, и не собираюсь навещать друзей тайком. Я уже скучаю по Раффу, и нужно увидеться с Хильдой – хочу убедить ее поехать в Монси. Она нужна Биттерблу.

По обнял Катсу и притянул к себе, глядя ее волосы и вычесывая из них песок.

– Хорошо, – мягко сказал он. – Но будь осторожна. Встретимся после того, как ты поговоришь с королем.

Они тихо лежали во тьме, обнявшись. Положив голову ему на грудь, Катса слушала, как эхо разносит по пещере плеск воды и как в теле По пульсирует кровь.

– Знаешь, – проговорил он вдруг, – жаль, что ты не видишь этой пещеры.

– Какая она?

– Здесь... очень красиво.

– опиши.

И По рассказал Катсе, что скрывается в непроницаемой тьме пещеры, а снаружи их ждал целый мир.

Благодарности

Дебютный роман – это результат настоящей командной игры. Я хотела бы от всей души поблагодарить мою сестру Кэтрин (и ребят), всегда первого моего читателя (читателей), моего изумительного редактора Кэти Доусон и моего агента Фэй Бендер. Огромное спасибо Лизе Кетчум, которая научила меня думать как писатель. Спасибо Сьюзен Блум, Кэти Мерсье, Келли Хэйгер, Джеки Хорн, Лизе Жан-Клаф и всем тем, кто в прекрасном центре изучения детской литературы при Симмонс-колледже изменил всю мою жизнь. Благодарю мою сестру Дак, Дану Захари, Дебору Каплан, Джоан Леонард, маму и Ребекку Рабинович – моих бесстрашных читателей. Спасибо Дэниэлу Бербаху – он оказал мне неоценимую поддержку. От всей души благодарю моего дядю доктора Уолтера Уиллингганца за то, что с огромным терпением отвечал на кучу глупых вопросов по части медицины, а дядю Альфио, дядю Сальваторе и дядю Майкла Превитера за то, что отвечали на кучу еще более глупых вопросов о луках и стрелах на рождественском ужине семьи Превитера. И наконец, последними, но не по важности, благодарю моих родителей – за все.